Герольд Бельгер

Плетеные чепухи

ТОМ
2

Герольд Бельгер

Плетеные чехлы

ТОМ
2

Алматы
2017

УДК 821.512.122:161.1(574)
ББК 84Рус-44
Б 44

Выпущено по программе
«Повышение конкурентоспособности сферы культуры и искусства, изучение и популяризация казахстанского культурного наследия и повышение эффективности реализации архивного дела», подпрограмме
«Приобретение, издание и распространение социально-важных видов литературы»
Министерства культуры и спорта
Республики Казахстан

Бельгер Г.
Б 44 Плетенье чепухи. – Алматы: ИП «Спанова А.Б.», 2017.
ISBN 978-601-06-4565-3

Т. 2. – 352 с.
ISBN 978-601-06-4567-7

В книгу вошли дневниковые записи казахстанского прозаика, эссеиста, публициста и переводчика Герольда Бельгера, которые он вел на протяжении всей жизни.

557396

УДК 821.512.122:161.1(574)
ББК 84Рус-44

ISBN 978-601-06-4567-7 – (Т. 2)
ISBN 978-601-06-4565-3

© Бельгер Г., 2017
© Общественно-гуманитарный фонд Ермека Турсунова, 2017
© ИП «Спанова А.Б»., 2017

Северо-Казахстанская
областная библиотека
им. С. МУКАНОВА

Тетрадь восемнадцатая

* * *

Все глупо и несуразно.

И то, что московские власти отвели протестным крикунам место возле памятника Абаю, и то, что некий господин, квази-лидер выразился в своем блоге «непонятный казах», «крутой чел.», и то, что какой-то телеведущий (или артист) с диким русским акцентом, кривляясь, тужился прочесть в оригинале несколько строк из стихотворения Абая «Жазғытұры», и сам грязный бомжатный лагерь вокруг памятника великому казахскому поэту, и то, что доморощенные журналисты назойливо пытались пиарить Абая символом российских оппозиционеров, что, мол, мир познает Абая, что он, поэт-мыслитель, стал вдруг знаменем недовольных и непокорных едва ли не во всем мире, что русский люд повально увлекся творчеством казахского мудреца, и сам дурацкий лозунг «Окупай Абай», и т.п., и etc. – все глупо.

Глупо и унизительно для самого Абая.

Оскорбительно для его потомков и почитателей.

Поверьте мне: как-никак я написал четыре книги об Абае и составил шесть книг, изданных в Алматы, Астане, Праге и Берлине.

Как только началась эта сомнительная акция, наши СМИ пришли в патриотическое возбуждение, звонили мне, взахлеб делились радостной сенсацией, просили: «Прокомментируйте».

А что, собственно, комментировать?

Место для митингующих московские власти определили совершенно случайно. Вряд ли мэрия вознамерилась прославить таким образом казахского классика. Кто такой Абай – мало кто из москвичей знает. Толпа (дешевая публика, как сказал бы мой друг Константин Эрлих) даже представления не имела о каком-то Абае-бабае (по-татарски, бабай – дедушка). О его назиданиях и слыхом не слыхивала. А по мне, и сам памятник сомнительный: сидит в нелепой позе какой-то поджарый сарт-торгаш посреди бульвара ни к селу, ни к городу. Натаскали к нему, как к старьевщику, всякую дрянь, разбили грязный лагерь, вытоптали газон, нагадили вокруг, напугали жителей. Кое-кто из бомжей маечки напялил с изображением Абая. Кто-то раздобыл даже книжку, вылавливает из его назиданий протестные строки. А «наши» от радости и гордости тюбетейки кидают в воздух. О, Абай! Всем раскрыл глаза! Москвичи грезят Абаем! Русский мир познал нашего гения! С Абаем оппозиционеры идут на Кремль. Знай наших! Популярность казахов бьет через край. Жаса, Абай!

Слушать эту белиберду тошно. Смотреть на этот темный разгул стыдно.

А главное: при чем тут Абай? Мыслитель, гуманист, просветитель, реформатор стиха? Разве о таком Абае идет речь? Разве такого Абая, бунтовщика-башибузука, должен открыть для себя русский мир? И весь многоязычный люд?

Странно это. Уродливо.

Разумное слово обо всем этом постыдстве я услышал по ТВ из уст моего давнего знакомого – семейца Ерсалимова – внучатого

племянника Абая. Он явно и четко выразил свое возмущение по поводу всей этой, с позволения сказать, политической акции, которую подстать назвать кощунственным, разгульным шабашем, унижающим дух и ментальность Абая.

Я полностью согласен с Балташем Ерсалимовым.

май 2012

* * *

Мурата Телибекова я знаю давно и в разных ипостасях. Неизменно привлекает меня его эпатажность. Мыслит и выражается он нестандартно. Человек по природе незаурядный.

С любопытством прочитал его интервью с журналистом Кенже Татиля (см. «Central Asia Monitor», № 20/12). Врезались в память два его тезиса. Первый: «Мы не доросли до свободы». И я склонен так думать. Мы ведь все воспринимаем искаженно, очень уж своеобразно. И свободу, и демократию, и коррупцию, и гражданское общество. До сих пор не уяснили, с чем это все едят. Реально воспринимаем мы только бесбармак и форумы на уровне шоу-тоя. Предпочитаем шахер-махер, алахай-малахай. Охотно вешаем лапшу на уши и пускаем пыль в глаза. И при этом искренне полагаем, что хитрее всех. «Әй, өзім де кумын».

Второй тезис Мурата Телибекова: «Ни одна нация не нанесла казахскому народу столько вреда, сколько сами казахи». По причине инородства я так сказать не могу, но не спорю. Особенно когда вникаю в трагическую историю и судьбу казахов на разных переломных этапах. Правда, то же самое я могу сказать и о российских немцах. Знаю, ох, знаю, как в сложных ситуациях – при обустройстве дореволюционных колоний на Волге, в Сибири, Украине, Кавказе, Крыму, в революцию, в годы Гражданской войны, советизации, коллективизации, индустриализации, классовой борьбы, разоблачения врагов народа, массовой депортации и т.д. – выслуживались мои соплеменники-красноштанники перед властями, в угоду презренной шкуры, топили, давили, закладывали, предавали друг друга. Так что по этой части казахи были далеко не одни.

Перебравшись на вожделенную этническую родину, российские немцы успешно занимаются нанесением вреда своей диаспоре и «там». И как бороться с этим национальным грешком – и Абай не знал. Должно быть, так проявляется каинова печать.

А вот тезис Телибекова, с которым я согласиться не могу. «Я хочу, – говорит Мурат, – сообщить вам шокирующую новость. Будьте готовы к тому, что завтра акимом Алматы станет австриец Арнольд Шварценеггер, министром культуры – итальянец Андриано Челентано, а министром сельского хозяйства – состарившаяся Бритни Спирс».

Уж этого, поверьте мне, не случится ни-ког-да. Наши славные (и не очень) джигиты не уступят эти кресла никому. Зря, что ли, независимость в вековых битвах добились? Шалишь, брат! Слишком лакомый кус. В качестве советников или тягловой силы еще – куда ни шло! – можно подумать. Можно и пригласить за коржун-другой золота. Ну, а на большее рот не разевай! Ни-ни! И Мурат это знает не хуже меня.

А почему он это сказал?

Думаю, в раздражении и возмущении по поводу того, что английского экс-премьера Тони Блэра завербовали в качестве казахстанского советника. Мурат объясняет: «первый шаг к признанию собственной беспомощности и национальной инфантильности».

Полагаю, это не так.

Сомневаюсь, чтобы наш саруар – Лидер нации нуждается в советах некого Тони Блэра. Да он его по всем политическим параметрам запросто обведет вокруг пальца. По-казахски говоря, «он орайды». Тони Блэр в данном случае понадобился совсем в иных целях. Ну, скажем, для международного престижа-имиджа и для подспудной борьбы с тенью некоего строптивого беглого олигарха.

И это ясно даже слепоглухонемым

Я так думаю. Да и Мурат это знает. Так что иностранными мэрами и министрами он красного словца ради просто нас, бедных казахстанцев, пугает. А интервью в общем он дал шикарное.

* * *

Не выходит из головы Тони Блэр. Надо же! Экс-премьер могущественной Англии. И вдруг пошел в советники мало известной страны. В чем дело? Какая нужда подвигла его на такой шаг?

Что же это получается? Нищему, бедному в реальности Казахстану денег некуда девать? Или советы Тони-еке в действительности весят столько? Посмотри вокруг: в необъятном Казахстане нищета прет из каждой щели. И на эти щели Тони-көке накладывает заплаты? Ай, қайдам! Что-то не то, братцы! «Маскара!» – как восклицает в таких случаях мудрый Шакир.

* * *

Легион «жопеке» процветает в Казахстане. В печати время от времени мелькают оды акынов-словоблудов и этические саги доморощенных «жазушылар». Читать это стыдно и позорно. Надо, чтобы народ знал своих выдающихся «жопеке». Слава этому неистребимому племени!

* * *

В Форумстане опять форум. Принимаем, пишут газеты, более 8 тысяч (!) гостей из 80 стран. Три дня будем решать всемирные экономические проблемы. Ойдойт деген! Представили масштабы? 12 (!) нобелевских лауреатов заполучили-заманили амбициозные форумчане.

Е-е... нищету никогда не истребишь, пустое это, а мир поразить надо, хоть бы в кредит. Ну, ограбим потомков на десять поколений, подумаешь, история спишет, зато, по-казахски выражаясь, одним махом луну закинем на небо и фейерверк запустим, чтобы всем чертям стало тошно.

А? Солай емес пе?

* * *

Звонит некий журналист из какого-то портала.

«Независимый», – уточняет он всерьез.

«Не дейді?! – валяю ваньку. – Неужели независимый?»

«Ну, в какой-то мере зависимый, но не от властей»

«Молодец! О чем же речь?»

«Прокомментируйте, пожалуйста, решение суда в отношении осужденных на станции Шетпе».

«Е-е, милый... Что я тут могу сказать? Разве только то, что уже было в печати. Что бы я ни сказал – это отраженный свет. Вторично и третично. Проблему-то я изнутри не знаю. Не чувствую. Какой может быть вес моим словам, обитающего на диване пенсионера? Другое дело – Болат Атабаев. Он знает и чувствует ситуацию всеми фибрами души».

«Я обзвонил многих писателей, и все отнекиваются. Все говорят примерно то же. Все ссылаются только на Атамбаева»

«Жаль, конечно. Казахским писателям вроде и карты в руки»

«Но они молчат. А надо бы, чтобы хоть кто-то заступился за осужденных. Нужно просить арашу́!»

«Есть же у нас такие выдающиеся личности, признанные лауреаты, орденоносцы, народные и заслуженные, которые могут сказать свое веское слово по этому поводу».

«Кто, например?»

«Ну, Абиш, Фариза, Дукенбай, Сабит Досанов, Олжас, Марфуга, Нурлан, философы Есим, Нысанбаев, сенатор Касым, мажилисвумены...»

«Ой, аға... Честно говоря стыдно и позорно даже обращаться к ним».

«Да?! А что я, и инородец на обочине, могу сказать? Кто к пенсионеру-немцу, прислушается?»

«Ладно, ага. Вы же всегда говорите правду».

«Стараюсь. И сейчас сказал бы, если бы я ее знал. Извини и не хватай меня за горло, хоть ты и независимый»

Разговор этот состоялся 22 мая 2012 года.

* * *

По телеящику показали выступление Елбасы на совещании местных взяточников в Таразе. У участников сборища каменные,

непроницаемые лица. А Елбасы бледен и очень серьезен. Он сказал строго: «За каждое тенге будем снимать головы». Получилось эффектно. А я подумал: «Сколько же голов понадобится в Казахстане для такой репрессалии? Миллиарды и миллиарды! Где их взять? Выходит праведный гнев Елбасы некорректен? И пройдохи-проныры-юркачи, собравшиеся в зале древнего Тараза, это прекрасно понимают. Знают: всех голов не срубишь. Гидра взяток бессмертна, а потому неистребима».

* * *

На древе казахской литературы за годы независимости выросла и распустила пышные ядовитые листья могучая ветвь под названием «Shopeke-Literatur». Маститые представители этого направления успешно специализируются на одописании, восхвалении, воспевании, гиперболизации успехов и достижений, в цветистом расписывании власти, в неудержимой жополизации – «жопеке». На этой ниве они собирают обильный урожай орденов званий, почестей и благоденствия. И все знают, что на лауреатство и «еров» – героев труда могут претендовать исключительно неприкасаемая каста жопеке.

* * *

Кажется, ученый-филолог Мекемтас (с легкой ли, с тяжелой ли руки) ввел в научный оборот эти три понятия: тазá (или нағыз), шалá и адá қазақ. Ну, и пошло-поехало. Стали казахи устно и печатно друг друга обвинять: я, мол, таза қазақ (чистый, настоящий, истинный), а ты шала – (неполноценный, недоделанный») или даже ада (напрочь лишенный национальных корней, «оторванный», вовсе никакой). Замелькали в СМИ статьи и интервью на эту тему, как осенние мухи над айрановой кадкой в углу шошалы.

Для меня все казахи – один этнос, просто трех разновидностей по отношению к материнскому языку. В большинстве семей моих знакомых казахов (преимущественно ученых и литераторов) такая вот картина: бабушка и дедушка говорят между собой по-казахски;

дети по-казахски кое-что понимают, но не говорят; внуки понимают и общаются только по-русски.

Такие семьи сплошь и рядом.

Скажем, дед – поэт (пишет по-казахски и переводит с русского на казахский); сын – тоже поэт (вполне приличный, профи), пишет по-русски и переводит с казахского на русский); внук тоже шкрябает стишки (вроде не очень умело), но исключительно по-русски, а переводит на русский с английского.

Конкретно: мой друг, признанный казахский поэт, земляк Еслям Зикибаев писал исключительно по-казахски (храню 7-8 его поэтических сборников); его сын – крепкий дипломированный русскоязычный журналист); а внук обосновался в Америке и пишет по-английски; маленькие правнуки Есляма, учась в американской школе, сочиняют по заданию стихи по-английски. Такая вот метаморфоза, весьма распространенная.

Существует теория (ее принципиальный приверженец русскоязычный прозаик и переводчик кореец Анатолий Ким): на каком, мол, языке творишь, той национальной литературе и принадлежишь.

Если следовать этой теории, больше половины казахских литераторов относятся к русской литературе.

Я так не считаю.

Я, например, пишу главным образом по-русски и по-казахски, но не ощущаю себя ни русским, ни казахским писателем.

Национальность определяется не только языком. Есть еще другие факторы: культура, история, ментальность, психология, генетическая идентичность, норма нравственного поведения, духовная память и т.д. Выражать свое сокровенное можно на любом языке (даже жестом, мимикой), но это совсем не означает, что ты однозначно относишься к носителям данной языковой группы. Японец, пишущий по-английски, еще не англичанин. Еврей, пишущий по-русски, вовсе не русский. Он может быть больше евреем, чем его сокровник, пишущий на идиш или иврите.

Примеров тьмы и тьмы. Их со временем становится все больше и больше.

Так что я категорически против того, чтобы 8-миллионов казахов еще и делили на таза, шала и ада. Бросьте, айналайын, все они казахи.

Не хватает 12, 13, 14, 15, 16 стр.

Это держится в секрете. А составляет, полагаю, эта доля ноль целых одна сотня процентов. А, может, и того нет. Так что никакими формами этот показатель не поднимешь.

* * *

Моя аулчанка, вдова поэта Ж.Н., который учился в средней казахской школе двумя классами ниже меня, провела в соседнем Коктереке годовщину мужа и, вернувшись, поделилась со мной печальными впечатлениями. Весь наш родной край (а таковым я его искренне представляю), по ее рассказам, неузнаваемо изменился, понятно, в худшую сторону. Я его с любовью и трепетом, по давней благодарной памяти подробно описал в своих рассказах, повестях, романах и эссе-воспоминаниях. Мои самые светлые ощущения связаны с теми аулами по обе стороны Есиля. Уехал я оттуда в начале 50-х годов прошлого столетия, а через двадцать лет покинули те места мои родители, а я в последний раз побыл в родном ауле на своем 60-летии. Я и тогда его с трудом узнавал, хотя отцовский дом стоял в то время в целостности и сохранности даже с некоторым домашним скарбом. И земляки устроили в мою честь торжественный щедрый прием именно в отчем доме.

Все было трогательно и незабываемо.

И от всего того не осталось ныне и следа. И эйфория по поводу наших фантастических успехов и достижений в годы независимости меня не убеждает, когда я живо воображаю нынешние захудалые картины, беспросветную нищету, дикую убогость и запущенность того милому моему сердцу края, где прошли мое детство и юность.

Ни-че-го-шень-ки не осталось.

Проселочные дороги разбиты, раздолбаны. Земля истерзана. Луга истоптаны. В аулах нет ни кумыса, ни айрана, ни курта-иримчика. Работы никакой. Поредевшая молодежь слоняется без дела, играет в карты и пьет. Пьют за компанию и молодые хатуны, келиншеки. Многие, побросав все, подались в города – в Кызылжар, в Астану, в Караганду, в российский Курган. И самое страшное, что меня больше всего поразило, – в том некогда благодатном краю нет... питьевой воды. Колодцы высохли. Обещали проложить водопровод, поставить колонки, на том все и кончилось. Было, по слухам, выделено немало денег, но их развеял степной ветер. Степные овражьи ключи оскудели, родники заглохли. Они сочатся тухлой водой. Из колонки по дороге в райцентр еле-еле течет ржавая, соленная вода с песком. В зимнее время население растапливает снег, летом довольствуется бог весть чем. Прежних обильных, обвальных дождей ныне нет. Хорошо, если рядом протекает обмелевший Есиль. А как быть, если он протекает в пяти-семи верстах?

Знаменитая наша школа обрела казенный, запущенный вид. В некогда приличном школьном музее (я его видел в октябре 1994 года) ныне уцелело несколько жалких экспонатов: старушечий камзол, бабий кимешек, чапан, какая-то утварь, бюст Ахметбекова, чье имя носит школа, пожелтевшие фотографии, альбомы.

Деревянный дом-пятистенок отца разрушили еще несколько лет назад. А деревья, посаженные отцом, выросли. Торчит старый фундамент. (Помню: по просьбе отца мы впаяли в цемент фундамента капсулу с письмом, сочиненным мной. Дом, мол, построен заведующим фельдшерско-акушерским пунктом, уроженцм Саратовской области, спецпереселенцем Карлом Федоровичем Бельгером, 1909 года рождения. Его супруга – Анна Давыдовна Бельгер, урожденная Гертер (1910). Дети – Герольд (1934), Эльма (1939), Альма (1947), Роза (1950). Интересно, нашел ли кто ту капсулу, очень надежно изготовленную отцом? А и родители, и две мои сестры ныне обитают на ташкентских кладбищах).

Прошло более полувека. И то время живет ныне в памяти совсем уже немногих.

О том и печалилась моя аулчанка Казина, живущая ныне во вдовьих заботах: как бы уберечь поэтическое наследие мужа, как бы издать хотя бы однотомник его сочинений, как бы сохранить в сознании земляков его дух-аруах... Я-то помню ее скромного, талантливого мужа, помню его отца Анеса, ровесника моего отца, помню даже его дедушку Нуркана, милого, общительного «поштабая» военных и послевоенных лет, называвшего меня ласково «Кирой» (Гера на казахский лад).

И я с неизбывной тоской вспоминаю свой заброшенный родной край, пепелище отчего дома и слушаю обрыдлые речи на бесконечных астанинских форумах.

Ай, құдай-ай!..

* * *

Признанный мэтр отечественной журналистики, лауреат множества премий профессор Сағымбай Қозыбаев порадовал своих поклонников новой книгой – «Гордое имя – журналист» (Алматы-кітап, 2012, 46,8 п.л., тираж 1000).

Мне знакомо большинство книг Сағымбая Қозыбаева. О некоторых из них даже сподобился писать отзывы. Книги его всегда композиционно строго продуманы, охватывают многие грани общественного и социального бытия, верно и точно нащупывают дух времени, подчеркивают значимость и действительность яркого журналистского слова, целенаправленны, чаще всего двуязычны и богато иллюстрированы животрепещущими фотографиями. Автор трогательно влюблен в свою профессию, великодушен и доброжелателен к своим коллегам по перу, всюду ищет и находит новые таланты и щедро делится своей радостью, зорко нащупывает их сокровенные грани.

Эти достоинства журналиста божьей милостью проявились во всем блеске и в данной его книге.

Содержание книги богато и разнообразно. В нее вошли статьи, эссе, зарисовки, путевые заметы, воспоминания, рецензии автора, теплые отзывы о его трудах, интервью, беседы, злободневная

публицистика, и весь этот многогранный материал убедительно распределен по шести большим частям, названным «Глас и око», «Акку – символ любви», «Сәті түскен сұхбат», «Нетленно лишь написанное», «На пути к экватору», «Зеркало или прислужница?». Уже по одним этим названиям можно определить круг творческих интересов, строго очерченных автором. Каждая часть состоит из 16-25 подтем (подчеркиваю: на двух языках!), определяющих горизонты его видения.

Такая вот книга – научно-публицистическое и учебно-справочное издание. Таков излюбленный жанр автора.

На чем зиждется все творчество профессора Сағымбая Қозыбаева? Каков краеугольный камень его преподавательской деятельности? В начале книги он напоминает лапидарное изречение словенского афориста Жарко Петана: «О светлом будущем заботятся политики, о светлом прошлом – историки, о светлом настоящем – журналисты».

Этого кредо придерживается и автор объемной книги «Гордое имя – журналист».

«Журналист – кто он? – задается автор древним вопросом. – Подмастерье, писака, цепной пес демократии, литературная п-ка? Прости, Господи, как нас только не называют. Служанка, прислужница власти, зеркало жизни, голубой экран...»

Своей книгой автор отвечает на «проклятый» (Г.Гейне) вопрос.

Отвечает искренне, чистосердечно в заключительной заметке «Тропа к дому твоему». Дом автора – факультет журналистики КазНУ им аль-Фараби, где он в разном качестве трудится без малого сорок лет. А «тропа» к этому дому – сама жизнь маститого профессора.

«Тропа...» – одновременно и эпилог данной книги, сотканной лишь из малой толики (написал, оказывается, более тысячи статей, заметок) авторских статей, интервью, откликов на события, на написанное обо мне коллегами и самим о них, дум об единомышленниках. Все нельзя объять – это давно известно. Просто очередной книгой напоминаешь себе и другим: «Ты жив, а значит творишь». В меру сил и дара.

Перо – острие меча. И возвращаясь к названию книги, я вновь и вновь повторяю: «журналист – это звучит гордо!»

Подписываюсь под эти пафосные слова, хотя сам я по базовому образованию не журналист. Журналистика, однако, и мне не чуждый аул, ибо давно обитаю и творю по соседству.

* * *

То и дело – в печати и вольных беседах – муссируется вопрос, кто сколько пребывал (или пребывает) во власти. Кривотолков много. Дабы не быть голословным, я обратился к истории. В России дольше всех правил Петр I – 42 года и 9 месяцев. Потом Екатерина Великая – 34 года и 4 месяца. Потом цари Михаил Федорович – 32/5, Алексей Михайлович – 30/6, Николай I – 29,2 (Я имею в виду сроки царствования).

557396

Ну, и т.д.

А после 1917 года дольше всех правил Сталин – 30 лет и 11 месяцев. Далее Брежнев – 18 лет и 1 месяц, Хрущев – 11 лет и 7 месяцев, Ельцин – 8 лет и 5 месяцев.

Значит... Что значит? Те, что правят ныне независимыми странами по 20 лет, – просто айналайын.

А кто правил меньше всего? Из царей Петр III – всего 6 месяцев. После 1917 года – Александр Керенский и Георгий Львов – по 4 месяца.

Любопытно, не так ли?

* * *

Миссия писателя сложная и трудная. О том в «ЛГ» (№ 19-20 за 2012 г.) еще раз напомнила с женской категоричностью Лена Элтанг. Поэт, прозаик. Родилась в Ленинграде. Университет окончила в Иркутске. Живет в Вильнюсе. Муж датчанин. Отсюда такая фамилия. «Каждый день говорю на трех языках, а пишу на русском, и тоже каждый день». Автор романов «Побег куманики», «Каменные клёны», «Другие барабаны».

Северо-Казахстанская областная библиотека им. С. МУКАНОВА г. Петропавловск

Собеседник задает ей вопрос: «Вас считают затворницей, человеком, принципиально далеким от творческой среды. Насколько это соответствует действительности?»

Лена Элтанг отвечает:

– Да, так оно и есть. Как сказал один старый итальянский поэт: «Держись подальше от продажных женщин». Нечто похожее я могу сказать и воображаемому неофиту: держись подальше от писателей, молодых, старых, хороших, плохих, это все равно. Не надо пить с ними водку, не надо на прокуренной кухне говорить о литературе. Я сама убила на это немало лет и смертельно ранила несколько возможностей. Садись и работай. Пусть тебя не волнуют критическая масса, литературный процесс и стимфалийские птицы. Твой литературный процесс – это встать в пять утра, выпить кофе или, скажем, чаю и семь-восемь часов отработать. Каждый день, без выходных, без отпусков. Все остальное – от лукавого».

Задумался. И трижды прочитал этот абзац.

Я примерно так живу и работаю, когда мне идет восьмой десяток лет. Стараюсь от многих держаться в сторонке. Работаю по семь-восемь часов ежедневно (в зимнюю пору и во время обострения недугов и поболее). К писательству всегда относился серьезно. Кто из казахских писателей придерживается (или придерживался) такого режима? Из знакомых мне, пожалуй, Кадыр Мырза-Али, Мухтар Магауин, кажется, Дукенбай Досжан. О старшем поколении говорить не берусь. «Чтобы писать хорошо, нужно писать много» – изрек кто-то из классиков.

Правда, писать много – еще не значит быть продуктивным. Гете писал много и продуктивно. Абай писал мало, но тоже продуктивно.

«Садись и работай», – учит Лена Элтанг.

В отношении ко мне правомочней сказать: «ложись и работай», ибо уже лет двадцать я работаю лежа на левом боку, подложив под бок подушку. А с некоторых пор читаю и пишу только лежа на спине. Это очень неудобно. По-другому не получается.

Нелегкая судьба у писателя. И миссия его трудная. А что делать? Как быть?

Всколыхнула мою душу незнакомая мне Лена Элтанг.

* * *

Те адепты религии, которые собрались на IV астанинский форум (май 2012 г.), незаметно для себя, помимо своей воли превратили свою веру в политический китч. По-другому оценить этот форум я не могу. Посмотришь – все степенные, серьезные, высокодуховные люди в диковинных, вызывающих респект одеяниях и атрибутах, а подались на столь дешевую акцию. И что они сказали? Какую мудрость посеяли в душу людей? Пшик! Как съехались – так и разъехались. Будто и не было ничего.

* * *

Андрею Георгиевичу Битову, замечательному русскому писателю-эссеисту, исполнилось (2012) 75 лет. Я его издавна очень высоко почитаю. Он интеллектуальный, элитный писатель. Интервью его в «ЛГ» (№ 21/12) навевает горестные мысли.

Он пишет: нашему государству абсолютно наплевать на культуру, искусство. Как они сели на трубу, так и не слезают с неё. И вешают нам всем лапшу на уши. И больше их ничего не волнует».

«Мы взяли все худшее от Запада и потеряли все лучшее, что было при советской власти».

«А вы знаете, за счет чего я в данный момент живу? За счет того, что продал свою квартиру! Никаких денег писательство мне не приносит. Изредка платят за какие-то переводы, за редкие публикации, иногда получаю скромные премии, но всего этого недостаточно даже для прожиточного минимума. Дачу мою сожгли...»

«Я вошел в литературу давно и, наверное, некоторые литдеятели решили, что меня уже как бы и нет, что со мной можно не считаться. А я ведь пишу до сих пор. И не хуже, чем раньше. Ведь на самом деле писатель – это тот, кто пишет, а не тот, кому придают значение».

Подобных сентенций в интервью юбиляра много. И они меня трогают. Многие мои ровесники-писатели находятся в таком же положении. Пришла другая эпоха, многие крепкие литераторы и их творения оказались невостребованными, и ничего тут не поделаешь.

То, что говорит Битов, мне очень близко, но лично я особенно не жалуюсь. Дачи у меня сроду не было, машины тоже, так что сжигать нечего. Квартиру тоже не продал, до этого пока не дошло. Перепадают иногда гонорарчики, премии, изданию моих книг подсобляют спонсоры, за счет государства издали избранное в десяти томах, не один год получаю президентскую стипендию, ну и пенсия ежемесячная капает, жена-пенсионерка все еще тянет лямку. Как говорится, на шай-пай хватает. Можно держаться на плаву. Однако у большинства моих коллег литературная судьба, можно сказать, складывается печально. И эту скорбную струну точно задел русский писатель с мировым именем Андрей Битов.

* * *

Тойшы көп қойды кім бағады? По-русски: пирующих много, а кто будет овец пасти?

* * *

О многом, что творится в стране, мы не ведаем. Мы вынуждены довольствоваться тем, что внушают нам «Хабар» и «Казахстанская правда». А при неведении, сказывают, и яд примешь.

* * *

Даже самая вольная и гордая птица в поисках прокорма опускается на землю. Что уж говорить о воробышках-зябликах...

* * *

Творчество Солженицына я знаю и почитаю с 1962 года. Оно укрепляет мою душу, внушает уверенность и стойкость. Кто-то сказал о нем: Давид, одолевший Голиафа.

Когда мне плохо, тяжко, я его без конца перечитываю, подпитываю свой слабеющий Дух.

Не знаю, изданы ли его произведения в 30-ти томах. В печати писали, что впервые будут опубликованы дневники Солженицына

«Р-17», которые он вел 25 лет пока работал над «Красным колесом», кое-какие работы из «Литературной коллекции», заметки о литературном процессе. И еще: «Архипелаг ГУЛАГ» должен был в том 30-томнике (издательство «Время») появиться с расшифрованными инициалами его героев и перечнем имен свидетелей, чьи письма и воспоминания помогли созданию этой книги.

Редактором-составителем 30-томного Собрания сочинений была определена Наталья Дмитриевна Солженицына.

Не ведаю, осуществилась ли эта идея? Если да, хотелось бы поддержать и полистать все эти тома грандиозного замысла.

Никита Струве, первый издатель Солженицына (Париж), написал об Александре Исаевиче статью «Писатель, стратег, пророк», Солженицын проявил себя с блеском во всех этих ипостасях. Ну, конечно, писатель. Весь мир его признал. Сколько у него регалий, званий, премий! И только казахские «классики», которых, кстати, никто не знает, с большим апломбом публично заявляли, что он, мол, вовсе не писатель, а средней руки тюремный писака, жай ғана публицист, очеркист, злобствующий графоман и т.д. Стратег?!– возмутились они. Какой, к шайтану стратег? Он просто мстил советской власти, бодался с КГБ, злобствовал, все на свете чернил. А пророк? Е-е-е... нашли тоже пророка! Вот наш Мыркымбай – художник! Вот наш Тыржыкбай – стратег! А наш Қыртымбай – истинный пророк! А какой-то Никита Струве, какие-то всемирные организации, какой-то нобелевский комитет, какие-то русские шовинисты вознесли его до небес. Нет, нет, нет! Мы ни за что не признаем его ни писателем, ни стратегом, ни пророком!

Такой вот штандпункт.

Никита Струве разъясняет: «Когда я говорю «пророк», то не имею в виду, что он предвидит будущее, хотя и это с ним бывает. В первый же день нашей встречи он, устав, прилег на кровать и сказал: «Я вижу день своего возвращения в Россию». Я тогда отнесся к этому очень скептически. Потом он сказал: «Я вижу, что и вы поедете в Россию».

Мы знаем: так потом все и получилось.

А что стоят его предсказания о крахе тоталитарной системы, всей КГБ-шней махины, всей полицейского строя?!

В трудные моменты моей жизни уже полвека меня поддерживает могучий дух Александра Исаевича Солженицына.

* * *

Чернь не должна знать, какие кошки дерут душу правителя.

* * *

Настоящий правитель не отзывается на критику-сетования разных встречных-поперечных. Если он будет останавливаться и швырять камни в каждого гавкающего, то он никогда не дойдет до цели. Вроде существует подобная турецкая пословица, но я никак не могу воспроизвести ее точнее. Полагаю, наш Елбасы знает эту истину. Потому-то он и идет к своей цели, не обращая внимания ни на какие укусы толпы. Путин ведь тоже не расстраивается особенно по поводу протестных митингов в Москве. Может, он тоже не хочет терять из виду некую главную цель? Откуда нам, простым смертным, все это знать?

* * *

Я уже не однажды высказался по поводу того, что у нас, в Казахстане, образованные, интеллектуальные, подлинно интеллигентные люди не в цене. Они для нашей власти «умная ненужность». Правда, в своей невостребованности, в большей степени виноваты сами так называемые «зиялы қауым». Они мимикрируют, вырождаются, все больше превращаются в заурядные «жопеке». Приведет это к катастрофе. «Нация, которая не ценит интеллигентности, обречена на гибель». Это сказал академик Дмитрий Сергеевич Лихачев. И еще принадлежит ему библейский парафраз: «Возлюби другие народы, как свой собственный».

* * *

Насколько я помню, тему евразийства ставили в начале прошлого века русские философы. Они трактовали эту тему в широ-

ком аспекте – историческом, культурологическом, философском, географическом, геополитическом. Потому, возможно, термин трактовался несколько расплывчато.

Новый импульс этому понятию придал наш Ельбасы, выступая в Москве перед студентами много лет назад. Я помню передачу по ТВ, в которой, помимо Н.Назарбаева, участвовали довольно известные персоны – историки, экономисты, политики. Назарбаев трактовал это понятие конкретно и, главным образом, сугубо политически. Мне тогда показалось, что он явно сузил рамки этого глобального понятия. Впрочем, у меня и поныне нет четкого видения в этом вопросе.

Понятной и симпатичной была и остается мне постановка Олжаса (Сулейменова): «Нет Востока и Запада нет. Два сына есть у отца». А задолго до Олжаса эту идею четко выразил Гете: Gottes ist der Orient. Gottes ist der Okzident» – «Богом создан был Восток. Запад тоже создал Бог».

Этнически я вроде как человек западный. Но странным образом я больше тяготею к Востоку. Он меня очаровывает, будоражит, волнует. В сознании моем прочно укрепилось: человеческая цивилизация идет оттуда. Да и солнце восходит с Востока. В десятом классе аульной школы во время выпускных экзаменов представитель райОНО, долговязый, поджарый российский немец по фамилии Мерфурт, беседуя со мной на лужайке перед интернатом, всерьез посоветовал мне держаться восточной ориентации. «Это ваша стезя». Видно, он исходил из того, что я, поволжский немец-спецпереселенец, заканчивал казахскую школу и говорил-писал по-казахски.

Мой уникальный друг еще с институтских и аспирантских времен, многогранный Аскар Сулейменов был ярко выраженным западником. Он глубоко разбирался в западной философии, культуре, литературе, музыке, живописи. И восторженно говорил, откидывая гривастую голову: «О! Запад есть Запад!» Его восхищало все западное. Даже футбол. С особым шиком произносил он имена западных мудрецов.

Мурад Аджи был помешан на всем кипчакском. Всюду и во всем ему грезились кипчакские корни. Гимн Востоку воздал Гете своим «Западно-Восточным диваном». Правда, это увлечение продлилось у него недолго.

Олжас увлечен принципиально тюркским миром. Казахские элементы он находит и в шумерах.

А вот авторитетнейший академик Дмитрий Сергеевич Лихачев твердо и принципиально придерживался иных воззрений. Известно, что русская эмиграция «первой волны» мучительно искала место для России между Востоком и Западом. Да и в наше время муссируют на все лады панславянские и панмусульманские сближения.

Академик Лихачев был категоричен: «Россия никогда не была Востоком. Евразийская теория мотивировалась исключительно географическим положением, но в культуре, в русской литературе подтверждения не находит».

И ещё:

«В начале восточнославянского единства Русь была «скандовизантией», но никак не Евразией».

И ещё:

«В литературе восточные сюжеты приходили к нам с юга (из Византии) или даже с запада, но никак не с востока» (см. ЛГ от 05.02.1992).

Не знаю, не знаю... С мнением Дмитрия Сергеевича считаться надо.

Мне же лично всегда хочется максимально сблизить Запад и Восток. Я всюду обнаруживаю какие-то общие корни. Этой идеей пронизана моя работа «Гете и Абай». Да и все мои исследовательские опусы. Открытия мерещатся мне именно на стыке культур разных континентов.

В этом убеждают меня и Гете, и Томас Манн, и Герман Гессе, и академик Жирмунский, и Абай, и Ауэзов.

И это убеждение, думаю, плодотворно. Не убеждают меня только сугубо политические аргументации.

* * *

Когда при мне ругают Россию (а таковых немало), я весь ощетиниваюсь: все мои предки с 1767 года – россияне. Да и родился в России. Правда, в моем семилетнем возрасте Россия поступила со мной и с моими соплеменниками, как злая мачеха. Депортировала своих сограждан. Самым бесцеремонным и подлым образом.

Приют я нашел в стране казахов. Тут я и пригодился. И то, и другое я, естественно, забыть не могу.

Когда при мне скверно отзываются о казахах, (а таковых тоже немало), я встаю на дыбы: воспринимаю это как личное оскорбление. Дурачье! Что вы знаете и понимаете о казахах?!

Ну, а когда дело касается футбольных баталий, я в состоянии болеть только за Германию. Тут во мне взыгривают этнические импульсы. И эту свою тягу скрывать не в силах. Так я психологически организован.

* * *

Вот титулы, присужденные Герольдом ибн-Карлом-аль-Дивани:
Шот-Аман Высокородный.
Олжас Глобальный.
Мурат Башковитый.
Нурсултан Лучезарный.

* * *

Волк сказал: «Я овец не различаю. Для меня они все на одно лицо. А меня они почему-то все знают».

* * *

Не знаю, почему, но из сталинских соколят мне с детства особенно несимпатичен был «всесоюзный староста» Михаил Иванович Калинин. В нем сквозило что-то плебейское, малайское. Ну, никак не лежала душа к этому козлобородому (теке сақал, по прозвищу казахов) крестьянину. Возможно, моя неприязнь к нему объяснялась тем, что под черным указом от 28 августа 1941 года о выселении немцев Поволжья стояла его подпись.

И надо же было так случиться, что несколько лет я проживал на улице Калинина в Алматы, пока ее не переименовали на улицу Кабанбай батыра. Я тогда испытал огромное психологическое облегчение, будто избавился от тавра унижения.

Но с того момента, когда славный город Кёнигсберг, исконний очаг европейской культуры и родина Канта, как в насмешку, был переименован в Калининград, я чувствовал себя оплеванным. Это чувство преследует меня и поныне. Ну, какое в самом деле отношение имеет к Кёнигсбергу козлобородый Калинин? Его никто всерьез не принимал. Да и Сталин, судя по многим воспоминаниям, относился к нему с насмешкой.

Я многие годы жил в ожидании, что вот-вот вернут исконное название. Или, на худой конец, избавят его от козлобородого холуя. Нет, вижу при моей жизни этого не случится. Но уверен, когда-нибудь это произойдет. И тогда я пришлю с того света поздравительную телеграмму моим согражданам.

* * *

Как-то раз был у меня в гостях Роллан Сейсенбаев. Выдающийся писатель и оригинальная, деятельная личность. Знаю я его давно и искренне ему симпатизирую. У него – особенно в молодости – замечались милые богемные повадки. Красиво ведет светские беседы, изящно попыхивает сигаретой, умеренно, со смаком потягивает коньяк. Этим привычкам он верен и поныне. При этом держится подчеркнуто особняком, избегает разные тусовки.

Так вот, помню: сидим, беседуем, коньячок пригубливаем. По какому-то поводу я поделился своей новостью: дескать, Союз писателей выдвигает меня на государственную премию. Роллан нахмурился, помолчал, потом как-то отстраненно, но абсолютно серьезно проронил:

– А вам, Гер-аға, это надо?!

Я на миг обомлел. Такого поворота никак не ожидал. Задумался. В самом деле, а мне это надо?! Ну, скажем, стану я лауреатом. И что изменится? Стану одним из многих. Кто у нас нынче не лау-

реат? И я понял с тех пор: нет, мне это не надо. Потом хотели меня сделать почетным профессором журналистики. О, нет! Это уже ни в какие ворота! Потом предложили мне стать академиком, кажется, социальных наук. Избавьте. Мне это надо? Разве недостаточно того, что я Герольд Бельгер?

Благодаря трезвой реплике Роллана Сейсенбаева, мне стало легко, и я избавился от казахского пендешіліка. Да не нужны мне ни звания-регалии, ни какие-то определения, ни сылдырмаки-побрякушки. Особенно в нынешнем моем возрасте. Оставьте их тем, кто болезненно ощущает свою неполноценность.

* * *

Интеллигентность в моем понимании вовсе не значит образованность. Мало ли образованных хамов, прохиндеев и негодяев? Интеллигентность для меня – порядочность, деликатность, воспитанность, доброта, тактичность, сердечная чуткость, милосердие.

В этом смысле мама моя с начальным образованием была интеллигентна, а отец народов – ни в коем разе.

Не хватает страниц с 38 по 44

Слово – выстраданное чувство

«Паук» – так называется философский рассказ-эссе Хакима Омара. (Кто такой Хаким Омар? О том скажу позже). Рассказ, о котором пойдет речь, написан почти тридцать лет назад. Меня он сразу «зацепил», я в нем услышал отдаленные кафкианские мотивы.

Паук в тихих, затаенных уголках дома или юрты бесшумно плетет свою узорчатую паутину.

Мать рассказчика, скромная труженица, хранительница очага, превозмогая старческие недуги и телесную слабость, ткет свой ковер «Битпес» («Неосуществимый») – «ее благословение, пожела-

ние, наставление, ее свершение и ожидание, великая связь и преемственность поколений».

А рассказчик, нещадно казнящий себя за свое затянувшееся безделье, упивающийся своими неудачами в жизни («Я смешон, я несчастлив, я потерянный человек»), досадующий на свое ничтожество («Кто я? Никто», «Чего я добился в жизни?» Ничего»), мудро и мастерски ткет свое эссе, в котором ничего вроде не происходит, но которое привлекает внимание читателя сокровенными и неизбывными думами-размышлениями о жизни, о кочевниках-предках, о казахах городских и аульных, о крутых мировых свершениях. Читаешь эссе с расстановкой не торопясь, задумываясь едва ли не над каждой строчкой, вникаешь в философскую глубь. Вспоминаешь Абая: «Қиыннан қиыстырар ер данасы» – «Из чуда искры высекает гений».

Поневоле следишь и следуешь за ходом размышлений автора эссе.

Вот идет рассуждение о словах подлинных, полновесных и безответственных, легковесных, как надутый бурдюк. «К каждому слову, любила мать повторять, следует привязывать камень, выполняющий роль грузила, которое, удерживая на определенном уровне, предупреждало возможность внезапного всплытия слова-бурдюка. Нам часто не хватает сдержанности в характере, взвешенности в словах. Наступило то время, когда мы не управляем словами, слова не управляют нами».

Как это точно и верно замечено. Слова-пузыри, слова-надутые бурдюки, слова – сорная трава довлеют над нами, заполонили наши души, грязным потоком льются со страниц СМИ (господи, сколько же их развелось!) с голубого экрана, с эстрады, с высоких трибун, из уст словесных жонглеров, набили оскомину, одурманили наши головы, превратили наше бытование в иллюзорный мир.

Вчитывайтесь в нашу печать. Слов-пустышек в ней больше, чем – простите – вшей в тулупе аульного Жайлаубая в годы войны. Вслушайтесь в речи, наших доморощенных депутатов, членов правительства, около-президентской администрации – это же

сплошной мусор, фантом, воляпюк, симулякр, которые никаким агрегатом не вычистишь, и эта тотальная девальвация слов будет, пожалуй, похлеще инфляции худосочных тенгушек. Надо хоть иногда прислушиваться к советам Абая, хоть изредка вглядываться в словесный узор Востока, почитать хотя бы немного русских классиков, а не лялякать, как Бог на душу положил, сотрясать воздух, как трепло-пустоболт, надо же брать пример у тихого паука и чародейки-ткачихи, вышивающих-плетущих свои ою-өрнеки в отрешенной тишине.

Вот о чем подумалось мимовольно, читая рассказ эссе Хакима Омара.

Рассказчик сетует на неустроенность своей судьбы. Он подмечает то, с чем мы, горожане, давно уже свыклись. «Семь лет торчу в этом городе, в плену его каменных стен. Этот холодный город. Эти суровые горы... Они никогда не возвысят человека. Здесь живут в яме».

Эти ощущения мне были знакомы лет пятнадцать назад. (Сейчас так не думаю. Наоборот). Но поначалу я, приехавший сюда из степного раздолья северного Казахстана, тоже угнетающе воспринимал и каменные стены, и суровые горы, которые по утрам назойливо хотелось отодвинуть, чтобы смотреть в даль, за южный горизонт, и гигантская яма-котел. Потом привык, более того, искренне полюбил этот город и гордился (горжусь) им. А вот на «яму» ссылался и мой отец. Он считал, что здесь дышать невозможно, тебя будто впихнули, мол, в мешок и сжали-сдавили со всех сторон. «Нет, здесь жить нельзя, – решил мой отец и перебрался из северного Казахстана, где фельдшерствовал тридцать лет, в Ташкент. «Там равнина, там простор, там можно дышать».

Автор «Паука» считает: «А нужно строить дома на возвышенности. Лучше в степи. В ровной степи. Сильные народы всегда занимали равнинные земли».

И я вспоминаю равнины Кызылжара, Костаная, Павлодара, Семея, Мангышлака, России, Западных стран. Наверное, прав этот потомок вольных кочевников – Хаким Омар. Он болезненно вос-

принимает «утрату традиционных ценностей, небрежное отношение к исторической памяти и как следствие – податливость любому легковерному влиянию, безоглядное механическое погружение в чужую культуру и среду, бездумное вовлечение себя во вселенское течение конформизма и космополитизма».

О, да... есть такой казахский грех? Конечно! Паук в углу дома тихо ткет свою узорчатую паутину и навевает подобные думы. И они находят отклик, отзвук в моей душе. А ведь эссе написано давно, еще в 1984 году. Сколько прошло лет? Сколько стряслось событий? А мотивы эти находят созвучие в уголках сердца.

Автор видит: «Мир стремительно меняется и предлагает другие формы и отношения. Более успешные те, кто смог вжиться в ритм практицизма».

Не спорю. Это очевидно. Конечно, более успешны, но более счастливы ли? Вот в чем вопрос. Почему многие чувствуют себя одинокими, обездоленными, неустроенными, невостребованными? Почему общество отсекает многих, как изгоев. «Безымянная масса не прощает искажения своей сути, в толпе никто никого не выше, не ниже, все усреднено, все унифицировано, внутреннее содержание выхолощено».

Отчего эти духовные катаклизмы? – задаю я, читатель, себе вопрос. Некая зараза постигла моих сограждан-земляков. Каким словом ее определить? Приходит на ум немецкое «Geldjäger – букв. «гонщик за деньгами». Именно в последнее двадцатилетие (т.е. со времен так называемой независимости) все вдруг поголовно помешались на погоне за золотым тельцом. Деньги вытравили все. Ақша, ақша, ақша. Весь мир свихнулся на money. Химерические материальные блага, низменная корысть, копеечная выгода околдовали человеческую сущность, дьявол наживы, подлый искуситель сбил человека с праведного пути в толпу. Хаким Омар пишет: «Человек незаметно превратился в пленника. Вещи, окружающие нас, сплели паутину, связав нас невидимыми нитями и сделали заложниками собственного благополучия. Современный человек

несвободен, он и не стремится разорвать оковы, он придавлен тяжестью окружающих предметов».

Ну, не так разве? Вчерашний раб нищеты превратился в раба изобилия. Поколения боролись за свободу, за независимость, за раскрепощенность, а добившись вожделенной свободы, тут же плюхнулись в болото потребления, вместо того, чтобы взмыть душой на крыльях созидания.

Не нонсенс ли? Не искушение ли Азазеля? Не верный ли путь к крушению, к самоистреблению, к тотальной гибели?

Хаким Омар трагически воспринимает лишение кочевника своей праматери – Степи. «Степь – огромное пространство, здесь все устремлено вдаль, все движется, не стоит на месте». И он поет гимн бескрайней степи. Он задается вопросом: «Где теперь обитатели этих просторов, пестрые и шумные караваны кочевников?» Он вспоминает древнюю поговорку: «Қала болдың – мола болдың» (т.е. ты загнал себя в город, ты впал в могильный холод). Цивилизация обходится Степи и степнякам дорого.

Созерцая тихую работу неутомимого паука, рассказчик плетет свою неторопливую паутину-эссе. «Кочевник, глядя на паутину, постигал редкое для него явление – покой – и на мгновение успокаивал свое беспокойное сердце, а паук в решетчатых стенах юрты вдыхал воздух вечного движении».

Ткет-вышивает всю жизнь разные изделия неутомимая мастерица – мать рассказчика. Паук – по-казахски өрмекші. Это означает «плетущий орнамент». Казахский паук – совсем не то, что русский или немецкий. Казахская примета: если паук распускает свою паутинку, то это к дороге.

И еще: «Пауки приносят счастье. Человек, берегущий их, будет долго жить. Не трогайте пауков» Таков завет Матери.

Глядя на паука, ткущего свои невесомые узоры в уголке потолка, рассказчик думает: «...пока не поздно, нужно встать и идти своей дорогой. Пауки беспощадны к тем, кто перестал двигаться».

...Ткет паук свою паутину.

...Ткет Мать свои нескончаемые узоры на ковре «Битпес».

...Ткет Хаким Омар свое раздумчивое эссе.

...И, читая его, посильно тку и я свой многолетний цикл «Плетение чепухи».

Стал наводить справку: кто такой Хаким Омар? Никто из моих знакомых ответить не смог. Видно, тихий, скромный трудяга, держащийся особняком и пишущий на русском языке свои рассказы и эссе.

А меня он разыскал на алее возле памятника Чокану. Вручил свою книгу со странным названием «Дембо» («Что за Дембо!» «Прочитайте – узнаете». «Неужто казахское слово?» Он загадочно усмехнулся), давний сборник Акселеу, энциклопедию «Сакен Сейфуллин» и журнал «Тамыр». Дома полистал журнал и приятно удивился: Хакиму Омару отведено много места. Наткнулся на фразу доктора филологии Айгуль Исмаковой: «Слово в книге Х.Омара – это итог выстраданных чувств».

Думаю, верно определено. Я могу только это подтвердить.

* * *

Запоздало дошла до меня оригинальная книга покойного Акселеу Сейдимбека «Бейпіл сөздер». Акселеу был видным ученым – доктор филологии, историк, этнограф, музыковед, домбрист-кюйши, многогранный талантливый человек. Оригинальность этой – вроде неожиданной для него – книги заключается в том, что здесь собран и тематически систематизирован эротический фольклор казахов. Она дает представление о сексуальном восприятии степняков. Многое, понятно, воспроизведено на грани фола. И все запретные слова названы своими именами без всяких эвфемизмов. Книге придана научная значимость. Академик-фольклорист Сеит Каскабасов написал подобающее серьезное предисловие; в конце книги указаны источники – где, откуда, у кого взята та или иная «клубничка».

По объему книга небольшая, читается с любопытством. Правда, я, воспитанник казахского аула, для себя нового ничего не обнаружил, хотя к сквернословию слабости не питал никогда.

Вспомнил, однако, что и русский мат – давний предмет научного (особенно лексического и этимологического) исследования. Еще в институте узнал, что крупный специалист по русскому языку, автор учебников, доктор филологии Галкина-Федорук в возрасте 25 лет защитила диссертацию на эту тему. Приходилось читать о малом и большом матерщинном загибе Петра Великого в исполнении Сергея Есенина. Виртуозов мата среди русских было немало. Знаю, что и знаменитый В.И.Даль в своем четырехтомном «Словаре живого великорусского языка» употребил не одну сотню матерщинных словечек. В каком-то издании уже в советское время они были исключены. Однако русский мат всегда находился в поле зрения языковедов.

И вдруг узнаю, что некто Плуцер-Сарно выпускает энциклопедию русского мата... держитесь покрепче, чтобы не упасть... аж в 12-ти томах. Представили? Двенадцать томов сплошного русского мата! Вот украшение домашней библиотеки, а?! Но еще более ошеломило меня то, что известному русскому слову из трех букв уделен целый том. Целый том одной «фуйни» во всех мыслимых вариантах (см. ЛГ, № 23-24 за 2012 г.).

Апырай, а! Вот какой чести удостоился русский господин «Фуй». Вероятно, он давно вошел в Книгу Гиннеса. Этим фундаментальным словом можно объяснить по-русски все на свете.

Ғажап! Ему уготовано бессмертие.

* * *

Много ныне на разные лады толкуют об интеллигенции. В том числе и о казахском «зиялы қауым». И я не однажды высказывался по этому поводу. Попытаюсь выразиться еще точнее.

Вообще-то преобладает определенная негативная тональность. Нынешней национальной интеллигенцией никто не в восторге. Ну, да... встречаются кое-где приметные экземпляры – мифотворцы, образованцы, донкихоты и ходжи насредины. Верно: там-сям еще мелькают. И все же, если честно, по большому, так сказать, счету,

нет ее, интеллигенции, ныне. Выродилась, испортилась как общественно-социальное сословие.

А – была! Вспоминаются истинные сыны Алаша, поборники свободы, носители национального духа, радетели народа. Даже на моем веку после их тотального искоренения блистали своим интеллектом и интеллигентностью незабвенные Мухтар Ауэзов, Каныш Сатпаев, Габит Мусрепов, Ахмет Жубанов, Алькей Маргулан, Мукан Тулебаев, позже – Султангазин, Чокин, Зиманов, Козыбаев. Ими создалась благодатная аура. Слово их было весомо. Помыслы чисты. Стремления высоки. Цели благородны. Поступки крупные.

Далее – так мне чудится – случился обвал. Наступил коллапс. Вырождение. Исчезли комплекс избранности, мессианизм. Появились в лучшем случае выдающиеся посредственности. А то и вовсе кикым-сикым, по выражению скорбного Абая. Сработала горькая мудрость: на безрыбье и рак рыба. Или – как говорят исстари казахи – в отсутствие собак и свиньи лают

Что поделаешь? Наверное, смерть интеллигенции закономерна. Наступили – после тягчайших катаклизмов – и вовсе торгашеские времена. Всплыло на поверхность социума разномастное жулье-шушера, и интеллигенция сама незаметно обернулась мелкими торгашами. Вороватая власть сделала из нее безголосых бюджетников, ловко приравняв ее к люмпенам. И она безропотно ими стала. Замычала-загундосила с высоких трибун заунывный, угодливый жарапазан-аллилуйю, заканючила: «Орден дай, звание дай, премию дай... Мы ведь только мошки, мы ждем кормёшки», принялась христарадничать на всех углах, опустив голову и протянув руку. Так образовалось новое сословие – презренные жопеке. А им-то, жопекенам, свобода зачем? Разве чтобы воздух сотрясать и лапшу на рабьи уши вешать...

И-и, алла, дожили.

Конечно, эта постыдная метаморфоза свойственна не только Казахстану. Но утешение это слабое. Какой же это интеллигент, «зиялы қауым», если его подкармливают, как бишару, с руки? Ладно, не сыпьте соль на рану...

* * *

Все уже когда-то кем-то сказано. Ну, вот, к примеру, какова должна быть роль Академии наук в развитии национальной словесности? Оказывается, исчерпывающе и ясно ответил на этот вопрос действительный член Императорской академии наук Александр Сергеевич Пушкин в 1836 году. В «Современнике» он описал заседание академиков словесности от 18 января 1836 года таким образом:

«Академия есть страж языка, и поэтому должно ей со всевозможною к общей пользе ревностию вооружаться против всего несвойственного, чуждого, невразумительного, темного, ненравственного в языке».

Вспоминаю нашу Академию, наших высокочтимых академиков, восседавших в Комиссии по государственному языку во время президентских выборов, и взяли меня уныние, тоска и стыд. Скользкие типы баллотировались в Президенты страны (так, понарошке, для отвода глаз, играючи в поддавки), а академики, стражи казахской словесности, угодливо потакали им, как послушные рабы. Так они сражались против всего темного и безнравственного в языке, о чем некогда писал Александр Сергеевич Пушкин.

Ал, не дейсің, кәнеки?

* * *

В Германии издавна существует этническая группа, которую называют лужицкие сорбы, Lie Sorben. Это сильно онемеченное западнославянское меньшинство. Оно расположилось с севера Баварии до юга Гессена. Я знавал прозаика Иоахима Новотного еще в бытности ГДР. Он был лужицкий сорб, но свои произведения писал по-немецки. Помнится, он писал о казахстанском писателе Абдижамиле Нурпеисове. Кажется, с сорбами (лужичанами) знаком и наш Кайрат Бакбергенов. О сорбах у нас почти ничего не знают. Когда в своих статьях я упоминал сорбов, доморощенные редактора меня каждый раз поправляли: сербы. Действительно, знатоки утверждают, что язык сорбов похож на румынский и венгерский.

Недавно в «Московской немецкой газете» я вычитал, что в настоящее время в Германии проживает около 60 000 сорбов. Одна треть из них уже своим языком не владеют. Общаются по-немецки. Во времена ГДР сорбы имели свои школы, издания, культуру. Не знаю, как ныне обстоят у них дела по этой части.

К чему я это пишу? А к тому, что при серьезной государственной поддержке и национальные меньшинства в крупных государствах имеют шанс на выживание. О процветании, видно, говорить трудно. Я пишу об этом, подумав о казахстанских немцах, корейцах, дунганах, татар, чеченцах и многих-многих прочих. Ассимилироваться в наше время совсем не трудно. А вот сохранить себя – мужество и упорство. Думаю, в этом отношении сорбы могут послужить добрым примером.

Кстати, «До встречи!» – «Auf Wiedersehen!» звучит по-сорбски «Witaiĉe».

* * *

Когда наша доморощенная элита начинает вдруг надуваться, пускать пузыри, вставать на цыпочках, пучить глаза и задирать голову, у меня невольно возникают вопросы:

– зачем попу гармонь?

– к чему корове седло?

– зачем кривым ножкам красные сапожки?

– зачем свинье бисер?

– зачем псу жемчуг?

– зачем п... дверца?

Ай, жараспайды-ау, жараспайды...

* * *

Наш саруар – лидер нации – нередко говорит не в бровь, а в глаз. Можно б было составить приличную книжку острых, соленых слов и метких, энергичных выражений из его многочисленных речей. Вот и на Индустриальном форуме, посвященном реализации Государственной программы форсированного индустриального

развития он произнес едко-образные слова в духе Салтыкова-Щедрина в адрес наших не в меру спесивых чиновников, ошалевших от дурных денег. Я это видел и слышал по телевизору, а потом прочел в газетах. Произошло это событие 3 июля 2012 года. Цитирую буквально: «Наши же, только что разбогатевшие бывшие нищие, ездили бы на танках, если бы танки в свободной продаже были, как легковые машины! Престижно, видите ли: он на танке сидит, и все на него смотрят. Это демонстрирует полное бескультурье и необразованность таких людей».

Каково? Точно и ёмко сказано Президентом страны то, что давно и повсеместно видит народ. Какая, однако, живописная картина: бывший нищий Мырқымбай, как памятник, стоит на танке и ездит по городу, раздуваясь от спеси и амбиции. Смотрите, смотрите бишаринцы-голодранцы, каких высот я, Мырқымбаюшка, достиг за годы Независимости! Ойна Кузембаймен! Что мне зачуханный «Мерседес»! Мне танк и вертолет подавай!

Хорошо подковырнул их, рыцарей наживы, в самую девятку попал! Ах, если бы только за такими словами последовали реальные выводы... Я всматривался в лица этих «танкистов», собравшихся на форум. На них было написано: «Е-е, говори, говори... Ты президент, тебе положено. А мы по-прежнему будем разъезжать на «мерседесах» и танках. Ал, не істейсің?!».

* * *

Мой давний знакомый, видный прозаик и яркий культуролог Роллан Сейсенбаев в эксклюзивном интервью, данном «Экспресс-К» (16.06.12), заявил: «Запад хочет купить наши души».

К Роллану стоит прислушиваться: у него и видение широкое, и опыт глубокий.

И все же я подумал: «А зачем Западу наши души? Много ли от них проку? Он в них напрочь не нуждается. Эка невидаль для Запада наши казахстанские или СНГ-овские души! Вот если бы Роллан сказал, что Запад хочет купить нас с потрохами, я бы согласился. Наши потроха – нефть, газ, цветные металлы и прочие недра – для

Запада представляют интерес, а души – то есть наш менталитет, язык, культура, литература, музыка, философия, мировосприятие и т.д. – ему и даром не нужны. Разве что для экзотики или насмешки. Запад убежденно воспринимает нас как некий экономический придаток, как аппендикс, как недоразумение. А мы, слепо подражая ему во всем, только выказываем свою незавершенность и невостребованность. И очень досадно, что мы этого не замечаем или делаем вид, что не заметили его унизительную снисходительность. Запад еще долго не воспримет нас всерьез. Зачем ему наш чахлый интеллектуальный корджун?

* * *

Солженицын – мощная фигура. Возражать против этого глупо. Попробуй достигни его духовных высот. Лично я его постоянно читаю и перечитываю. Я аккумулируюсь от него. Поражают его гигантская напористость, убежденность, бойцовская натура, целеустремленность Духа.

А вот, к моей досаде, в национальных вопросах он явно хромает. Говорит о Казахстане и казахах – возмутительно. Говорит о Грузии и грузинах – поверхностно. Обустраивает Россию – там и тут выпирают изъяны. Правда, о чеченцах и российских немцах он изъясняется большей частью положительно.

В чем же дело? Скорее, в том, что он по природе слишком русский, что интернациональную боль он воспринимает совсем не как, скажем, Лев Толстой, а только как русский, что проблемы других он видит исключительно с русской колокольни. Это узко, однобоко. Но я отношусь к этому спокойно, с пониманием, толерантно. Что ж... таков штандпункт Александра Исаевича. Таков его гуманистический уровень. Из-за этого лезть сразу в бутылку, конечно же, не стоит. Так что неистовство некоторых своих казахских коллег я никак не разделяю. Вообще-то судить-рядить об инонациональной боли – неблагодарное дело. Тут прежде всего нужны порядочность, благородство и доброе сердце. А для этого нужно вариться в казане тех, о ком говоришь или пишешь.

Оболганные. 28-ое

О ком речь? Об оболганных.

Таковых в СССР, а потом в России были, как мы знаем, тьмы.

И не только отдельные личности – целые народы. Те, которых называем репрессированными, депортированными. Конкретно: корейцы, поляки, российские немцы (поволжские, украинские, крымские, кавказские, московские, петербургские), курды (их выслали из Азербайджана, Армении, Грузии), карачаевцы (из Карачаевской автономной области), калмыки, ингуши, чеченцы, балкарцы (из Кабардино-Балкарской АССР), крымские татары, месхетинские турки (из Грузии), хемшиды (из Грузии), греки (из Грузии) лезгины. И это еще не все: после войны были высланы часть литовцев, латышей, эстонцев. Иранские, турецкие подданные. Навскидку сразу всех и не упомню.

В литературе эта трагедия довольно пространно и обстоятельно освещена. Описана в художественных произведениях. В кино. В разных политических резолюциях. В исторических документах.

Время неумолимо. Ныне о той трагедии, о судьбе оболганных вспоминают все реже. Некоторые склонны забыть тот кошмар. Потомки репрессированных, внуки и правнуки оболганных вытравливают из себя генетическую память, зализывают душевные раны, приспосабливаются к новым веяниям Времени.

Иногда получается. Иногда – не очень.

На своей шкуре испытал: ничего так трудно, так саднящее больно не решается, как национальный вопрос. Национальная боль почти не излечивается.

Мой покойный друг, выдающийся писатель, полу-еврей, полу-немец Морис Симашко (Шамис) еще в 1991 году («ЛГ» от 23 октября) писал:

«Еврейский вопрос... немецкий вопрос... крымско-татарский вопрос... армянский вопрос... Лишь недалекие, не умеющие исторически мыслить люди не понимают, что все это РУССКИЙ ВОПРОС».

Прошло более 20 лет, а русский вопрос, как мы знаем, не снят с повестки дня и поныне. Наоборот, он обретает все новые нюансы.

О трагедии оболганных российских немцев написано много. Эта тема пронизывает и мое творчество. Не стану здесь повторяться.

С черного четверга 28-го августа 1941 года, когда был опубликован гнусный указ о выселении немцев Поволжья прошло 71 год. Свидетелей того времени остается все меньше. Я один из тех, кто помнит тот день, саму депортацию и все последствия ее. И это моя неизбывная боль. Пора, кажется, забыть обо всем. Тем более личная моя судьба сложилась почти благополучно. Пора, пора предать все забвению. Да пепел Клааса продолжает стучать в моем сердце.

Вот всколыхнул мою душу неведомый мне Александр Рудт из Краснотурьинска. О нем тепло отозвался пермский литератор Юрий Беликов (см. «ЛГ», № 25 за 2012 год). Заглянул в 4-х томный справочник Эдмунда Матера: «Das Autorenlexikon der russlanddeutschen». Александр Рудт там не упоминается. В стихотворении «Выдох», опубликованном в этом же номере «ЛГ», я встретил некоторые автобиографические детали: «...Из Гамбурга мою прислали книгу / издали эмигранты – текст гласит... / поскольку сопричастны вздоху, мигу, / и все еще Россия в них болит...

Живо представил себя Александр Рудт в будущем, уже умершим, в той земле «где был рожден, где до конца остался поволжским немцем с русскою судьбой...» А в заключительных строках стихотворения пронзительно выражено самое сокровенное:

– ах, все иное в жизни современной?
ах, каждый роком собственным влеком?
друзья, я тоже гражданин Вселенной,
но есть Россия... есть Урал... там – дом.

Речь, однако, я затеял не столько об Александре Руте, сколько о памятном 28-ое августа 1941 года. Меня «зацепил» отрывок из поэмы «Плотина» А.Рудта.

– Это 28-е. С утра объявили указ
«Немцев выслать. Они все – предатели.

В спину ударят.
Только смену белья. И к вокзалу
в указанный час».
Это август палящий. И сумерки
свежесть не дарят.

Далее воспроизведен энергичный диалог двух депортируемых и местного шустряка-марадера, позарившегося на диванчик и библиотеку гонимого.

Александр Рудт описывает все это, видно, по рассказам родителей, ибо родился он в ссылке в Свердловской области за год до смерти «вождя народов» – «жителя Кремля». А я-то видел все своими глазами.

Вот заключительные строки:

– Бросил житель Кремля свою трубку на карту страны.
Разломал папиросу. Взял трубку опять, а под нею –
Нет на карте республики! Даже следы не видны! –
Воплотили уже дорогого владыки идею.

Чем обернулось это воплощение, «российские немцы» испытали с лихвой. Какие физические и моральные потери последовали за этим воплощением идеи владыки, мы знаем, мы помним.

Важно, чтобы о том знали и помнили потомки оболганных.

* * *

Журналист Сапа М. ввел в оборот словечко «жобализ». Этимология более чем прозрачная. Я с некоторых пор людей этой ориентации называю на казахский лад уважительно – «жопекé».

Они всегда бытовали в любом обществе, а в последнее 20-летие их развелось у нас тьма-тьмущая – в политике, науке, искусстве, литературе. Литературных «жопеке» я знаю большинство. Иногда их называю по именам. Некоторые обижаются, другие смирились. Когда-то это считалось моральным изъяном, постыдным недостатком. Теперь «жопеке» – профессия. Надо бы, думаю, придумать

соответствующий орденок – «жопеке» первой, второй и третьей степени.

«Жопеке» первой степени награждает Президент страны; второй степени вручают, допустим, акимы областей; третью степень – руководители ведомств.

И сразу все встанет на свои места. Ведь определенность нужна во всем.

Нет страниц 67-87 стр.

* * *

Через двадцать лет независимости в Казахстане заговорили о труде – о мифических двадцати шагах к труженику.

Лозунг-клич Ленина: «Учиться, учиться и учиться».

Лозунг-клич Назарбаева: «Трудиться, трудиться, трудиться».

Интересно, какие призывы ждут нас впереди?

«Воруй, воруй и воруй», «Хапай, хапай и хапай».

В самом деле, за что боролись наши предки?

* * *

Сегодня меня осенило: не все «жопеке» заслуживают презрения. Ведь среди них наверняка встречаются и совершенно бескорыстные. Просто есть такая потребность лизать и все. Разве они виноваты?

Подлы только те, которые «жопеке» по корысти. Раз лизнет – дай медаль. Два лизнет – орден дай. Три – отвали премию. А если много раз – не жадничай, вручи Кахармана. Вот такие «жопеке» вызывают гадливость.

* * *

Звонок. В голосе женщины возмущение.

– Читала вашу статью. У вас написано: «Кахарман».

– Ну и что?

– Как «ну и что»?! – голос женщины клокочет. – Вы образованный человек, а пишете «кахарман».

– А надо?

– Kahарман! Я ведь окончила казахскую школу. Между прочим, с золотой медалью. И точно знаю: «kahарман» пишется через «h».

– Я, кстати, тоже окончил казахскую школу. Правда без медали. Немцам тогда не положено было. И твердо знаю, что в русском алфавите нет буквы «h».

– Ну, слово-то казахское! – кипит от негодования женщина.

– Допустим. Но статья-то написана по-русски.

– Не знаю, не знаю. Я окончила школу с золотой медалью и на всю жизнь запомнила: «kahарман» пишется через «h».

– Ну, тогда надо писать не «к», а «қ». «Қahарман!» А в русском языке «ка с хвостиком» тоже нет.

Дама на мгновение задумалась.

– Вы такой грамотный человек. Как вы могли написать «кахарман» через «ха»?!

– А больше ничто в статье ваше внимание не привлекло?

– Да я как дошла до «кахармана», дальше читать не могла. Меня это так возмутило, что я тотчас позвонила в Союз писателей, узнала ваш телефон. Я ведь с золотой медалью окончила школу, и говорю вам: «kahарман» пишется через «h». Я теперь и «Время» покупать не стану. Как можно писать «Кахарман»?! Ужас, ужас! Ну, вы допустили оплошность, но корректор куда смотрел? А редактор? Он вроде казах?!

Меня уже била дрожь.

– А вы позвоните в редакцию. Пусть дадут опровержение.

– И позвоню! Я это дело так не оставлю! Как так можно: «кахарман» писать через «ха»?! Возмутительно!

Я положил трубку.

Может, дама, окончившая школу с золотой медалью, до суда добралась?

Ой, алла-ай!..

* * *

Опять дискутируют: обучать детей языкам с первого класса или после начальной школы. Ну, и, как водится, доказывают разное. Мне в таких случаях вспоминается моя младшая сестренка Роза. Она родилась уже в казахском ауле. Соседи слева были казахи, справа – русские. Дома мы говорили по-немецки, на диалекте. В головке сестренки полный сумбур. Однажды слышу, как она говорит подружке Сәуле.

– Сәулешка, әкел анау кацты сюда!

– Оу, кацың немене?

– Так, guck doch mol, вот же кац!

– Ол кац емес, мысық кой!

Боюсь, такой ералаш-қойыртпақ образуется в головах и тех малышей, которые станут с первого класса изучать три языка. В результате чаще всего не будет ни одного.

Мое мнение: конечно, есть одаренные дети, которых можно и нужно обучать разным языкам с малых лет. Но таковых, поверьте мне, мало. Большинство такими способностями не обладает. У них образуется языковая каша.

Приведу еще один пример. Лия Франк, еврейка по национальности, долгие годы преподавала в Душанбинском государственном университете немецкий и латинский языки. Стихи писала на немецком языке. Я знавал ее, нередко встречался, пока она не эмигрировала в Германию. Муж ее был доцентом математики. Владел свободно английским и французским языками. Были у них двое детей. Мать разговаривала с ними только на немецком и русском. Муж – исключительно по-английски и французски. И дети точно знали границы общения. Бойко говорили на четырех языках, избегая всякую мешанину и абракадабру.

Понятно, это – исключение. Уникальный случай. В массовом порядке такого не добьешься, изучая в школе три языка с первого класса.

Так что, убежден, как и во всем необходим строго индивидуальный подход.

Думаю, лет до десяти-двенадцати следует предпочитать углубленное изучение родного языка, и уж на этой базе строить фундамент других языков по мере возможностей и способностей.

А в принципе я решительно против языкового попугайничанья.

Очень скептически отношусь и к бездумному присвоению научных степеней. Дурачья с научными степенями и званиями развелось столько, что поневоле задаешься вопросом: а кому это надо? Узких специалистов немцы называют «Fach-Idioten». У нас сплошь и рядом идиоты, правда, без «Fach».

Честно, наши доморощенные ученые в большинстве своем вызывают у меня стойкое сомнение. Я даже не знаю, как и о чем с ними разговаривать.

В воспоминаниях Валентина Булгакова «Л.Н.Толстой в последних годах своей жизни» (см. ГИХЛ, 1960, стр. 79) встречается такая запись: «Зашел вопрос о воспитании детей и о том, нужно ли им так называемое «образование».

– Не нужно им никакого образования, – сказал Лев Николаевич. – Ведь это не парадокс, как про меня говорят, а мое истинное убеждение, что чем ученее человек, тем он глупее. Я читал статью N, тоже ученого, так это ведь просто дурак, просто глупый человек. И что ни ученый, то дурак. Для меня слова «ученый» и «глупый» сделались синонимами».

Допустим, Льва Николаевича немного занесло. Знаю, он вообще был склонен к эпатажу и парадоксам. И все же прислушиваться к его мнению не во вред.

* * *

Древнегреческий мудрец Солон, якобы, говорил: «Старею, всегда учась».

Не знаю. Что я старею – бесспорно. Но учась ли? Да еще «всегда»? Сомневаюсь. Вообще-то стараюсь учиться. Но в дурную мою башку мало что лезет. Ну, а то, что вдалбливаю, тотчас развеивается. И это, утешаю себя, не страшно. Лишь бы не впасть в старческий маразм.

* * *

Всматриваюсь в список соискателей государственной премии Казахстана в области литературы. Остались кандидатуры, допущенные к заключительному туру. Насчитал восемь человек. Первое впечатление: неужели они – лучшие силы современной казахской литературы? (Пишу «казахский», ибо инородцев в списке нет). Неужели те, что остались после отбора, представляют уровень национальной литературы?

Если это так, то поневоле плюхаешься в уныние. Кто-то упорно выдвигает себя на премию в шестой или седьмой раз. Кто-то считает свои худосочные вирши о том, о семи ни о чем непременно достойными государственной оценки. А вирши-то по сути – оды «жопеке».

Нет, что ни говори, а это ужасно. Убого. Безобразно.

Крах престижа самой премии.

Вопрос: а, собственно, за что она дается?

И я вспомнил русского философа Алексея Федоровича Лосева (1893–1988). Он автор десятков фундаментальных трудов по философии, филологии, эстетике. А Государственную премию СССР он получил 1986 году в возрасте 93 лет. И за что, спросите вы, он получил госпремию? За труд «История античной эстетики» в шести (!) томах. Представили?

А всего-то его перу принадлежит 400 работ общим объемом в 30 томов по 500-800 страниц каждый. Мысленно поставьте столь увесистых 30 томов на полку. А теперь положите на чашу весов совести, чести, достоинства, труда и таланта шесть томов Лосева и тощий сборничек трескучих од какого-то Мыржыкбая или Тыржикбая. Взвесьте и сами ответьте: «За какие заслуги дается государственная премия?» Или большей частью стишки-нескладухи поражают воображение некой искрометной художественностью? Как бы не так!

Вот еще пример.

Членами Союза писателей Казахстана являются ныне 700 человек. «Они что, все писатели?» – с недоумением, якобы, спросил Елбасы в беседе со Смагулом Елубаевым.

В самом деле: какими книгами они порадовали отечественных читателей?

И я опять вспоминаю не философа А.Лосева, а литературоведа-пушкиниста А.Гессена. Он стал членом Союза писателей СССР в возрасте 95 лет за капитальные труды о великом русском поэте. Подумайте и прикиньте масштабы и постарайтесь ответить: куда мы идем? На каком уровне развития находимся? Неужели сборничек рифмованного бреда является мерилом для приема в члены СП Казахстана? И с такими членами нужно носиться, как с писанной торбой, давать премии, ордена, звания и гранты?

Стыдно! Ай, стыдно!

* * *

Когда я читаю казенные речи наших власть предержащих или аршинные заказные статьи высоких чиновников в официальной печати, мне каждый раз вспоминается странное словечко из «Иосифа и его братьев». Вот это словечко: «авласавлалакалавла». Я так и не уяснил, откуда оно. То ли оно существовало во времени египетских фараонов, то ли это выдумка самого Томаса Манна.

Вот читаю: «Толкование должно быть толковым и ясным, а не какой-то авласавлалакавлой» (стр. 393).

Слово это встретилось в разных контекстах не однажды. И я решил, что оно означает: чушь, дребедень, бессмыслица, тарабарщина, словоблудие, абракадабра, пустой қыртыл, аляуляй.

Авласавлалакавлой увлекаются, к сожалению, и некоторые казахские прозаики. А «Казахстанская правда» по этой части впереди планеты всей.

* * *

Вот фраза, которой начинается трилогия «Иосиф и его братья»: «Прошлое – это колодец глубины несказанной. Не вернее ли будет назвать его просто бездонным».

Это отточенная, как формула, фраза сразу настраивает читателя на глубокое философское размышление, на глубинное, многослойное восприятие мира.

Большинство казахских исторических романов-эпопей погружает нас, читателей, отнюдь не в бездонный колодец, а в мелкий и высохший, вырытый тяп-ляп. Исключение, пожалуй, составляет лишь кекильбаевский колодцекопатель Енсеп, который в своей неистовости докопался до бурного подземного истока, поглотившего его самого.

* * *

Мы, воспитанники советской эпохи, всячески заглушали, забивали свое «я». Это считалось просто неприличным – «якать». Говорили «мы». Дабы не выделять себя из массы, не обособляться от общества.

Помню, когда я в своих студенческих опусах писал «я», мне делали замечание: пиши, мол, «мы считаем», «полагаем», «на наш взгляд», «по нашему мнению».

А мне хотелось «я», ибо именно я это говорю и пишу, а не какой-то дядя имярек.

«Я сам», – писал Маяковский. И он был прав. Никто его не оспаривал и не осуждал.

«Я» – уже в наше время озаглавил свой автобиографический роман дерзкий Мухтар Магауин. И это абсолютно верно.

И наш Президент-Елбасы часто говорит «я»: «я распорядился», «Я дал указание», «Я решил». Так и надо. Я это считаю естественным и правильным. Именно так: «я»! Он в ответе, он решил, он распорядился, он указал, а не какой-то шәлдірек, пристегай-пристебай.

Я – это индивидуальность. Это – воля. Это – самобытность и достоинство.

Как же я обрадовался, встретив в «Иосифе и его братьях» подтверждение своим мыслям. «А «я» от бога и принадлежит духу; а дух свободен» (стр. 334) Только подлинно свободный человек может сказать «я». Свободный духом.

* * *

Замечаю: нынешняя казахская интеллигенция (творческая в том числе) пьет все сдержаннее. Некоторые и вовсе вполне сознательно и принципиально даже не дотрагиваются до спиртного. «Уже двадцать лет, как бросил», «В рот не беру!»; «Выполнил свою норму с лихвой»; «Пить так и не научился».

Заметный прогресс, ничего не скажешь!

А я ведь помню, как щедро возлияли мои старшие коллеги в 50-80-ых годах прошлого столетия. О, айғыр-стаканами «акмаганбет» глушили. После двух-трех стаканов и не закусывали. Иные прямо из горла опустошали пол-литровку. Я это видел своими трезвыми глазами на писательских декадах, на банкетах, юбилеях, тусовках-торжествах. Заливались под завязку. Прогуливаясь возле дома, знакомые маститые «питухи», бывало, вваливались ко мне: «Эй, Гера, бірдемең бар ма? Душа горит!» Некоторые, стоя у двери, принимали без закуски на грудь фужер-другой, удалялись удовлетворенные. Я и в лучшие-то свои годы пристрастия к «змею» не имел (а отец мой и кагор-то пил в редких случаях, разбавив его наполовину с водой), но горючее у меня для друзей-коллег всегда водилось.

А ныне предлагаю – не пьют. Все будто бессрочную уразу держат. И в Союзе писателей никто, как некогда, не куролесит, не бузует. И я охотно вспоминаю незабвенных Сырбая, Гафу, Амантая, Токаша, Куандыка, Симашко, Белянинова, Антонова, Косенко, Мукагали, Аскара... о, всех и не перечислю. Они были завсегдатаями писательского бара. Пили в рассрочку. Всеми почитаемая барменша только записывала их в свой замусоленный гроссбух. В день получки гасили долги неукоснительно, свято.

Талантливые были люди. И пили талантливо. Не по-черному. И иногда мне думается: может, и таланты-то иссякли оттого, что пить перестали?

Какие затевались беседы, споры! Какие высказывались мысли! Какие звучали импровизации! Какие вольные строки рождались за тесно сдвинутыми столами! Какие случались пиры-застолья!

Я это время застал. А потому нынешние времена мне кажутся постными.

В аулах, сказывают, и теперь пьют. Понятно, больше-то заняться нечем. Но это лошадиное, гадкое, низменное питье. Без веселья. Без вдохновенья.

А современная казахская (и не только) интеллигенция сильно поумнела и осознала, что в питие толку мало. А горя-то и без того хватает.

* * *

Иосиф Прекрасный, став властелином Египта, сразу же обзавелся многочисленными пышными, высокопарными титулами, которыми его обложили-облепили подхалимы-подпевалы. Вот некоторые: «Тенистая сень Царя», «Друг урожая Бога», «Пища Египта», «Великий Везирь», «Исключительный друг Царя», «Адон царского Дома», «Адон надо всею землею Египетскою», «Верховные уста», «Князь посредничества», «Множитель учения», «Добрый пастырь народа», «Двойник Царя», «Наместник Гора» (стр. 446).

Такими титулами, насколько мне известно, не обладал и покойный Супермурад Туркменбаши. До таких титулов никак не могут додуматься и наши доморощенные жандайшапы-«жопеке». Хотя кое-кто и успешно подбирается.

* * *

Мы медленно продвигаемся взад-вперед по улице Кабанбая батыра. Я хожу тихо, сильно опираясь на палку, – «өгіз аяқ». Так же неторопливо протекает и наша беседа – о том, о сем, «қысыр әңгіме».

– Сколько лет вы плетете свою «Чепуху»? – спрашивает мой собеседник.

– Лет одиннадцать.

– О! И сколько наплели?

– Вчера закончил восемнадцатую тетрадь. Каждая по сто страниц.

– Пожалуй, на четыре тома потянет, – прикинул собеседник.

– Около того.

– А конец предвидится?

– Это такой жанр, у которого нет ни начала, ни конца. Это вольные мысли, заметы, наблюдения, замечания по поводу и без. Тут тебе и литература, и педагогика, и политика, и этнография, и история, и всякая всячина. Я эти записи называю «чепушками». Судя по отзывам, их охотно читают. Говорят: «Совсем не чепуха». Мировая музыка, как ты знаешь, держится на семи нотах. А не иссякает. Так и мысль.

Идем, молчим.

– В сущности, в каждой башке роятся мысли, – говорю.

– Если есть мозги, – ухмыляется мой собеседник.

– Ну, а безмозглая голова только для гроба годится.

– Астафиралла!

– Разница в том, что один свои мысли и наблюдения фиксирует на бумаге, а другой ленится.

– Другому, значит, не дано, – заключает собеседник. – Он, может, и думает так же, а высказаться не может.

Идем назад. Идет мой собеседник, а я – чикиляю по обочине, дабы ни с кем не столкнуться невзначай.

Мимо шмыгают школьники, снуют, куда-то спешат прохожие. Кто-то учтиво здоровается, спрашивает про «амандык-саулык».

– И все же, откуда что берется? – спрашивает собеседник. – Шутка ли, одиннадцать лет писать «чепуху»?!

– Как откуда? Да куда ни кинь – везде творится «чепуха»! На каждом шагу. Пока мы прогуливаемся, ты что заметил?

– Да ничего вроде.

– Значит, не смотришь. Или смотришь, да не видишь.

– А вы?

– Я заметил, пока мы здесь прохаживаемся, что попадаются нам все больше девиц и келиншеков. Что это значит? Либо в городе явно преобладает женский персонал, либо женщины просто актив-

нее передвигаются, либо то и другое. Еще что? Казашек явно больше. Значит, бросаются в глаза демографические перемены. Некоторые девицы держатся стайками. Видно, приезжие. Скуластые, загорелые, задубелые, обветренные. Но вырядились по-городскому, обнажили пупки, виляют попочками, обзавелись мобильниками. Говорят громко, похахатывают некстати. Идут против течения, нарушая движение. А взгляд цепкий, жадный. Может, абитуриентки? Недавно из аулов? А вот прошли трое парней. Развязные. Расхристанные. С сигаретами во рту. С кока-колой в руках. И тоже поминутно по мобильнику калякают. Плюются, окурками швыряются, урны пинают. Глазами рыщут. На город им наплевать. Не знают, на ком сорвать злобу. Скорее всего, бездомные и безработные. Сквернословят в открытую.

– Да они заполнили весь город.

– Не знаю. Говорю только о том, что увидел здесь и в данный момент. А самое прискорбное то, что все говорят главным образом по-русски. Особенно девицы и молодайки. Такие милые, симпатичные казашки, а стрекочут-щебечут исключительно по-русски. Или на таком коиртпаке – что туши свет. В чем дело? Так удобней и привычней общаться? Или нелады с родным языком? Или не хотят быть казахами? Очень досадно! Ходишь по улице и не слышишь казахской речи. Даже непонятно, в каком городе находишься. Вот присели мы с тобой ненадолго на скамеечку возле памятника Шокану. Компания подростков. Один русский, семеро казахов. По-дурному ржут, матюкаются, травкой забавляются, все вокруг оплевали, как верблюды.

– Школьники!

– Но школьники соседей казахской школы. Вот сколько впечатлений от одной прогулки. А ты спрашиваешь, когда мысли кончаются. Да никогда! Пока ты живой.

– И вы эти впечатления запишете?

– Вполне возможно. А вдруг кто-то прочтет и задумается?

Тетрадь девятнадцатая

* * *

Поразительно, но факт: многие и не догадываются о том, что существует на свете так называемая литература российских немцев. Одно время ее называли советской немецкой литературой. В нынешней Германии ее нередко называют литературой немцев из России. И еще было название: немецкоязычная литература Советского Союза (должно быть, учитывали, что в 60-80 года прошлого века на немецком языке творили несколько русских, евреев, латышей, литовцев, эстонцев, разных полукровок, помимо этнических немцев). Известно также, что часть обрусевших немцев (Фонвизин, Дельвиг, Кюхельбекер, Кульман, Гербель, Каролина Павлова-Яниш Губер и мн. другие) творили преимущественно на русском языке.

Литературу российских немцев нельзя решительно отнести ни к русской, ни к немецкой (германской) литературам. Русские (российские) немцы своеобразный исторический этнос. Своеобразна и их литература. Были у ней и взлеты, и падения. Тому подтверждения – история литературы российских немцев 18-19-20-го веков. Существует она в каких-то формах и проявлениях и поныне. О том написаны горы литературы, учебников, биобиблиографий, справочников, исследований, диссертаций, статей, рецензий. Я мог бы без умственного напряга назвать сотни и тысяч названий.

И тем не менее о ней мало кто что знает. К сожалению, такое бывает.

Истории, критике, библиографии и литературоведению российских немцев я посвятил немало сил и времени. Но так сложилось, что казахи и русские о том и не ведают. Немцы ни белмеса не знают о моей казахской струне. А русские вообще, как говорится, ни сном ни духом. Такая вот фарсовая ситуация. Между тем, о литературе российских немцев я написал сотню статей, составил десяток книг. Назову здесь несколько моих книг-исследований на эту тему:

– Брат среди братьев

– Живые приметы родства (на нем. языке)

– Лицом к лицу со Временем (на нем. языке)

– Мотивы трех струн

– Российский немецкий писатель (библиографический справочник)

– Помни имя свое

– Российские немецкие писатели от начала до нынешних дней (на нем. языке, Берлин)

– Алексей... Alex... Әлеке...

– В поисках своего ритма

– Нора (Гамбург, ФРГ)

– Russlanddeutsche Schriftsteller (Berlin)

– Координаты.

Тема эта звучит и в других моих книгах. Понятно, эти знания потянули бы на два-три тома. Разумеется, в 10-томник моего Избранного эти книги не вошли.

У меня нет никаких шансов, что подобный двух- или трехтомник увидит когда-нибудь свет в Казахстане, России или Германии. И мне чудится, что небольшой тираж такого издания мог быть интересным и полезным российским немцам и их потомкам.

Впрочем, может быть, это мне только так кажется, а российским немцам проживающим рассеянно в СНГ, России и Германии, все это ныне и даром не надо.

О-хо-хо... Куда ведет нас рок событий?..

* * *

Кто-то остроумно заметил: самый короткий роман состоит из двух фраз – «Не надо. Я сама». А ведь верно. Тут все сказано. Беллетристического «мяса» можно нарастить сколько угодно. Иные писаки так и делают. Боже! Сколько слов изводят, чтобы героиня произнесла эти две фразы! А тут и роману конец. Осталось только вручить ему премию и экранизировать.

* * *

Ищу-подбираю казахский аналог моему «Плетению чепухи». Пока что варианты такие:

– Шалдыр-шатпақ
– Балдыр-батпақ
– Кәкір-шүкір
– Майда-шүйде
– Көди-сөди (әңгіме)
– Анау-мынау
– Құрақ көрпе
– Әжік-күжік
– Ой-өрнек
– Ойтолғақ.
– Қиқым-сиқым
– Былық-шылық
– Ұсақ түйек

Богат казахский язык. Не знаешь, на каком варианте остановиться.

* * *

Ныне опять заговорили (надолго ли?) о труде после доклада Елбасы о двадцати шагах навстречу всеобщего труда (кстати, почему двадцать шагов, а не десять или сорок?). И пошла-взбурлила компания по телевидению и печати. О необходимости труда запели зараз все отъявленные тунеядцы, перебирающие бумажки в офисах. Армия пустобрехов, в годы независимости сплошь и рядом отлученные от труда. Поправить положение ох будет сложно. Что называется, спохватились. По казахской поговорке: хромая овечка заблеяла после обеда. Досадно, что Елбасы не включил в свою речь о тружениках слова Аристотеля. Они прозвучали бы к месту: «Если удачно выберете труд и вложите в него свою душу, то счастье само вас отыщет».

Вспоминаю российских немцев – депортированных и репрессированных – в послевоенное время, когда выпало крохотное послабление в их бесправной судьбе. Господи, как они вкалывали, чтобы только вырваться из нищеты и грязи! От зари до зари. С пяти-шести лет до последнего вздоха. Немцы-труженики поражали всех – и русских, и казахов.

В мои студенческие годы, помню, показывали японский фильм «Голый остров». Герои, супружеская пара, в продолжение фильма не произнося ни одного слова, с утра до ночи до изнеможения трудились на голом острове. Строили, ловили рыбу, таскали камни, обрабатывали клочок земли, копошились в три погибели. Я смотрел на них зачарованно, вспоминая родителей и сестренок в ауле. Несколько моих сверстников-казахов, сидевших рядом, через пятнадцать минут встали и вышли из зала. Один брезгливо проронил по-казахски: «Да ну их! Точь-в-точь немцы нашего аула. Копошатся как заведенные. И больше ничего не знают. Рабы!»

Так они восприняли японский фильм.

* * *

Слух дошел, что прославленный артист, кинорежиссер, уникальная личность, всеобщий любимец, супермен-мачо Асаналы Ашимов принят в члены Союза писателей Казахстана. «И зачем это ему надо?» – подумалось мне перво-наперво. – «Зачем попу гармонь?»

В Союзе писателей Казахстана ныне насчитывается более 700 (!) человек. И вдруг единственный в своем роде Асаналы стал семьсот каким-то членом некой общественной организации. Я давно знаю Асаналы, считаю его редким человеческим экземпляром, знаю его творчество, читал его книги – дневники-воспоминания, похвально отзывался о них. В том, что он член СПК достойный, сомнения нет.

Но... кому честь оттого, что он стал членом? Союзу писателей Казахстана? Или ему – Асаналы Ашимову?

Для престижа СПК можно б было принять в члены Назарбаева и Токаева. Я бы им охотно дал рекомендацию. Но они пока что заявки не дали.

Когда умирает большой человек, пишут: в почетном карауле стояли Мыркымбай и Қыртымбай. И я каждый раз задумываюсь: «А кому почет-то? Тому, кто стоит у гроба, или тому, кто лежит в гробу».

Астафиралла!

Так и с писательским членством Асаналы.

За мыслю тянется мысль, и я вспомнил свою историю с членством.

«Тебе надо вступить в члены СП», – сказал летом 1966 года Абдижамил Нурпеисов, мой литературный опекун.

Я опешил: «А кто меня примет?»

Действительно, я чувствовал себя тогда неоперившимся толмачом –подстрочникиситом казахской прозы. И литературный багаж мой вполне помещался в авоську.

Но Нурпеисов верил в меня и, как всегда, смотрел далеко. С прицелом и расчетом.

Как-то мы съездили с ним домой к Габидену Мустафину – тогдашнему первому секретарю Союза писателей Казахстана. И к концу беседы Әбе затеял разговор о моем членстве. Габекс сказал просто: «Подай документы. Авось, протащим» («Сүйреп көрейік»). Окрыленный, я быстро собрал все документы. Рекомендации мне дали Хамза Есенжанов, Нигмет Габдуллин и Иван Щеголихин.

Дело, однако, с места не сдвинулось. На секретариате (или Президиуме) против меня голосовали М.Каратаев, Дж. Молдагалиев, И.Шухов, кажется Г.Мусрепов. «За» были Нурпеисов, Ахтанов, Снегин.

Было обидно, но я понимал: не заслужил, значит. Утешал Нурпеисов: «Ничего. Потерпи. Все образуется».

Вообще в те годы в члены СП принимали очень ответственно и избирательно. В справочнике «Писатели Казахстана» конца 50-х годов я насчитал человек 100 (ныне в живых остались единицы). А в справочнике 1969 года издания, членов СП почти 300 человек. (ста тридцати из них за шестьдесят).

Мои документы промурыжили пять лет, членом СП я стал в 1971 году уже при правлении Ануара Алимжанова.

Ну, а далее в Союз писателей стали принимать косяками. Как шутил В.Новиков, принимали даже постовых милиционеров.

И вот на таком массовом фоне возникла вдруг колоритная фигура Асаналы Ашимова.

Задумаешься.

Ну, так кому почет?

Ей-ей, не нахожу ответа.

* * *

Земли в Казахстане много, ой, много! Сабит Муканов, помню, говорил с придыханием: пять Франций, десять Бельгий, пятнадцать Люксембургов и т.д. Давние впечатления: ездишь на поезде из Москвы ли, из Петропавловска, Костаная, Кокшетау, Шымкента ли – день-другой, сутками, стоишь у окна, смотришь – «разболелись инда очи» – степь, степь, степь, поля, поля, поля. И все

почти пустующие. Запущенные. Необработанные. Заброшенные. Безжизненные. Диву даешься. Особенно когда вспоминаешь-живо представляешь вылизанные, обхоженные ландшафты Франции, Германии, Голландии, Дании.

Сейчас я не езжу. Не то здоровье. И мои скудные познания ограничиваются рассказами моих знакомых преимущественно из северных областей Казахстана. Говорят: все продано, кем-то приватизировано, земля пустует («ай, обал, обал!»), кто хозяин – Бог весть, пасти скот негде, сена косить негде, на пшеничных полях колобродит саранча, неведомые, где-то очень высоко сидящие владельцы земли управляют ею по принципу: «Сам не гам и другим не дам». Ни дать, ни взять – собака на сене. В иных аулах, сказывают, ни айрана, ни кумыса, ни курта, ни иримчика. Полное запустение. Будто Мамай прошел. Хуже, чем в годы войны.

Земля – божий дар, благо – заброшена. Без людского ухода-пригляда, без любви-обихода, без ласки-радения она зачахла, съежилась, скукожилась, усохла, зачерствела, превратилась в уродливые проплешины, в пустоши, в непригодность. Стала бросовой. Неродихой. Как баба, от которой ушел муж – сеятель и кормилец.

Божий простор сужается, как шагреневая кожа. Эдак недавно еще благодатная земля обернется пустыней, такыром, полигоном для необузданных ветров и кустов перекати-поля.

А население – это уже официальная статистика утверждает – жмется к Алматы и Астане. Даже из областных центров люди уезжают – так пишут газеты.

Чем это все кончится? Нетрудно представить: ведь свято место пусто не бывает. Или не должно быть. (Кстати, о том ярко и убедительно написал в своем «фэнтези» казахский фантаст Тауфих Шегиров. События в этом повествовании происходят на территории Казахстана в 2230-м году).

Читаю «Иосифа и его братьев» (в своих вольных записках я часто обращаюсь к этой мудрой тетралогии Томаса Манна).

Что сделал Иосиф Прекрасный, став правителем Египта?

«Потом Иосиф ликвидировал крупное землевладение и земли бывших владельцев земельных угодий населил мелкими землевладельцами, ответственными перед властью, то есть государством, за качество обработки земли, что влекло за собой в конце концов не только улучшение агрокультуры, но и более справедливое или почти справедливое распределение земли между народами».

Может, это не совсем плохая подсказка для очевидных экономических реформ?

Мне трудно судить из-за некомпетентности. Но напомню: Иосиф Прекрасный проводил эти реформы в 13-м веке до новой эры.

А мы где находимся во времени и пространстве?

По моему разумению, делается что-то не так. Главное, мы потеряем то, что имеем или имели. Потеряем бездарно и безвозвратно.

* * *

Иду по алее вблизи памятника Чокану. «Аллея молодых дарований», – шутливо определял это место покойный Морис Симашко. Мой собеседник – казах из Семея. Он – мне показался – старше меня, однако учтиво называет меня «аға». Задал он мне несколько серьезных вопросов, и я отвечаю на казахский лад велеречиво и высокопарно.

Впереди нас вдруг проплыла сочная бабенка-молодка в туго обтянутых (кажется, вот-вот лопнут) брючках. Упругие ягодицы ее ходят ходуном – вверх-вниз, налево-направо. Может, это и есть бразильская попа? Не знаю. Не специалист по этой части. Продолжаю свою беседу:

– Что касается современной казахской поэзии, то она, на мой взгляд, очень уж неоднородна...

Смотрю: глаза моего собеседника замаслились, вспыхнули вожделенным огоньком. Облизнув губы, он восторженно воздыхает:

– Аға, аға! Посмотрите! Полюбуйтесь! Какие говорливые ягодицы, а?! Выразительные! Так и говорят: «Моя – твоя! Твоя – моя! Моя – твоя! Туда-сюда!» Пай-пай! Ай, марджа! С такой котешкой мертвого оживишь!

А я, балда, ему пространно про казахскую литературу толкую. У него же совсем другое на уме.

* * *

Я убедился: мою «Чепухиаду» читают многие и охотно в разных закоулках Казахстана. Читают, одобряют, советуют, комментируют, спорят, подсказывают темы. Ты, мол, пиши острее, круче. Не жалей перца и соли. Тебе-то опасаться нечего. Обрезание, небось, не грозит. Ха-ха-ха!

А темы подсказывают такие, что ни в какие ворота.

– Напиши, чтобы побелили высотку, в которой проживаешь 36 лет. Срам смотреть.

– Написал бы про транспорт. В субботу-воскресенье томишься на остановках по часу! Позор для южной столицы!

– Большой Алматинский канал, гордость Кунаева, совсем высох. Куда власти смотрят?

– Ни о Жанаозене, ни о Шетпе ни одного словечка не молвил! Боишься, что ли?!

– А события на «Арканкергене» ведь курам на смех! Полный бардак на границе. А ты – молчок!

– О взяточниках, коррупции пишешь, а толку никакого. Значит, плохо жучишь паразитов!

– Дорогу по Валиханова разворотили, бордюр разворотили, обочину искромсали, по арыку вода не течет, деревья засохли. Ты, мы знаем, каждый день здесь прогуливаешься, а молчишь! Не видишь, что ли?! Или тебе это не с руки?

– А в нашем доме две квартиры отдали в почасовую аренду для любовных утех. Такое блядство творится на глазах у всех! Уже и в лифте сексуются.

– Во дворике подростки тусуются ночами напролет. А милиция хоть бы хны.

– А у нас паркуют машины на проездную площадку. Сладу никакого! Мусор не могут вывести. «Скорая» не подъедет. Написал бы, куда надо. Ты же писатель. Или журналист. Тебе и карты в руки.

Такие вот советы и претензии. И я с горечью думаю о себе: «Так тебе и надо! Писал бы романы, а не городил бы чепуху. Разве всю чепуху охватишь? Прав гоголевский герой: «Совершеннейшая чепуха творится на белом свете!».

* * *

Чем я руководствуюсь в своих писаниях? Тем, что говорю правду и только правду.

Но я является ли моя правда правдой для, скажем, Мыркымбая?

Сознаю: может и не является.

Ну, и что из того? А ничего! Я ведь не заставляю его верить в мою правду. Я только говорю ее.

* * *

Я убежденно считаю, что для подлинной независимости важны прежде всего свобода духа, культура, целеустремленность. А вот Жан Жак Руссо считал, оказывается, иначе. Он писал: «Единственное средство удержать государство в состоянии независимости от кого-либо – это сельское хозяйство».

Так просто?

Но если это главный показатель, то Казахстан никогда не был и не будет независимым.

Смутил меня Жан Жак Руссо.

* * *

Разумеется, я вижу, какие происходят поиски новых форм и направлений в казахской поэзии. Есть поиски-порывы и есть примитивное подражание русским и европейским поэтическим образам. Каким-то образом я это замечаю. Хотя не всегда осмеливаюсь о том говорить...

Случается, я забредаю иногда в аул казахской поэзии и в дорф поэзии российских немцев. В моем представлении истинная поэзия – тайна, а прикасаться к тайне следует крайне осторожно. А лучше вовсе не касаться. Принимать ее как жизнь, как воздух, как

родник, как солнечный луч. Это нечто невыразимое, сокровенное и хрупкое, что можно лишь ощутить – взволнованно и трепетно, смутно. Не надо даже пытаться понять-постичь поэзию разумом. Поэзия – священный лепет божьих творений. Ее не перескажешь. О ней лучше всего промолчать. Я никогда не любил пространных аналитических статей о поэзии и о поэтах. Мне всегда казалось, что подобные рассуждения убивают поэзию. Ну, как можно всерьез говорить о том, как, скажем, Маршак перевел Роберта Бернса или как написал Ильяс Джансугуров поэму «Күйші». Пустое все!

Я и говорю о поэтических творениях казахов и российских немцев крайне редко и всегда почтительно. Конечно, если речь идет о поэзии, а не о рифмованных побрякушках, об auch-Poesie, коих нагромождены горы.

В чем очарование поэзии российских немцев? В искренности, народности, простоте, исповедальности, может, даже наивности, естественности, природности, то, что называют словом «Volkstümlichkeit». Именно в этом заключается ее магия. Природность и очарование немецкой поэзии (главным образом, фольклорной) более двух веков сохранили российские немцы. Ныне они ее лишились. Из-за потери родной стихии, родной среды, из-за подражательности инородным образцам и внешним влияниям. Германская поэзия давно утратила былой шарм. Она выродилась в заумь, в бред, в механические экзерсисы, в ребусы и кроссворды, в формалистическую белиберду, в мнимую многозначительность, в желание любой ценой удивить, поразить, эпатировать читателя, который от подобных самовыражений бежит как черт от ладана. Потому-то в наше время поэзия в Германии очутилась совсем уж на отшибе сознания.

Силу казахской поэзии я тоже вижу в ее традиционности. В ее вековой устной шлифовке. В ее близости к природным чарам. Абаевские версификационные реформы мне близки. Они приемлемы и убедительны. Они зиждятся на внутренней потенции мощного и красочного казахского речестроя.

Что есть, то есть.

Но неуемное стихотворство, стихоплетство, вкупе с импровизацией айтыскеров – давняя казахская слабость. Стишок по тому или иному случаю сочинить способен каждый второй казах. Сам казахский язык (я это утверждаю вновь и вновь) создан для поэзии. В ней находишь то, что Абай определил словом «сыңғырлап өңкей келісім» («чар созвучия звенит в ней»). Но порой безоглядки окунувшись в океан казахской поэзии, я невольно думаю: то, что у казахов так много поэтов – благо или изъян? Мои ответы колеблются в зависимости от настроения и пресыщения.

То, что я пытаюсь в этом вопросе точнее выразить уже столько лет, четко определил в своей известной тетралогии Томас Манн устами своего героя-коменданта:

«Существуют, насколько я могу судить, два вида поэзии: в основе одного лежит народная простота, в основе другого – дух письменности. Второй вид, несомненно, выше, но я считаю, что он не может существовать без содружества с первым, нуждаясь в нем, как в почве, подобно тому, как вся красота высшей жизни и великолепие самого фараона нуждается в слое обыденной, убогой жизни, чтобы расцветать над ней и удивлять мир» («Иосиф и его братья», стр. 312).

Бесспорно, именно так рассуждал и сам автор, вложив свои мысли в уста коменданта. Вероятно, это характерно для поэзии всех народов, у которых, помимо фольклора, есть письменность.

* * *

Если мне скажут: «Назови двадцать выдающихся – в твоем понимании – прозаиков», я их охотно назову, и среди них безусловно будет Лев Толстой и Томас Манн.

Скажут: «Назови десять» – назову, но и среди них окажутся те же.

«А если пять?» Выбор будет труднее, но присутствие Толстого и Манна бесспорно.

«А если двое?»

Однозначно: Толстой и Манн.

* * *

Те же вопросы по казахской литературе.

Двадцать прозаиков никак не назову. А пятерых, пожалуй: Жусупбек Аймаутов, Мухтар Ауэзов, Такен Алимкулов, Абиш Кекилбаев, Мухтар Магауин.

Если назвать двоих, то Аймаутов и Ауэзов.

Если одного, то останется один Мухтар Омарханович.

* * *

«Ну, а как по казахской поэзии?» – спрашиваете вы. Отвечаю: Абай, Джансугуров, К.Аманжолов, Кадыр Мырза-Али.

И все?

Могу назвать десятка три имени, но ограничусь четырьмя.

– Наверное, субъективно?

– Согласен.

* * *

Люблю подолгу вглядываться в писательские лица. Мне упорно чудится, что лицо писателя отражает его творческую суть, его судьбу, его страдания, его порывы, его муки, волю и целеустремленность. Особенно когда читаю незнакомого писателя, я часто разглядываю его портрет. Мне нужно найти некоторую связь, перекличку, некое созвучие между тем что́ и ка́к пишет писатель имярек и тем, что представляет его внешность. Гладкое, сытое, самодовольное, ухоженное, начищенное, как ботинок, лицо писателя не вызывает у меня доверия.

Лицо писателя, на мой взгляд, само по себе книга. Оно испещрено морщинами, изборождено глубокими складками, лоб изрезан вдоль и поперек, брови насуплены, губы упрямо сжаты, взгляд напряженный, пытливый, холодный, в нем плещется затаенная боль, от всего обличья веет аскетизмом, неизбывной скорбью, ибо жизнь писателя сурова и большей частью трагедийна, он взвалил ведь на свои плечи бремя людских страданий и испытаний. Писатель не может быть счастливым, благополучным, удачливым и пошлым.

Он изнурен непосильными думами. Плата за радости творчества очень велика. Нередко за свое творчество он платит жизнью.

Такому писателю я верю. Его слово меня трогает. Его лицо меня манит, как Каинова печать. Пишу эти строки и перед моим взором проплывают лица Достоевского, Толстого, Бунина, Олеши, Хемингуэя, Фолкнера, Белля, Гессе, Ауэзова, Астафьева, Солженицына, Копчака, Евтушенко, Распутина... Представили? Проза их отпечатана на их лицах.

Обо всех ли писателях такое скажешь? Нет, не обо всех. А большинство и вовсе как бы безликое. То есть, книги есть, а лица нет. Нет биографии, нет истории жизни.

Мой старший коллега Алексей Борисович Дебольский (он же Шмелев, Гуммельс, Стражевский) постоянно учил меня: на лице человека отражено все его достоинства и прегрешения, обращайте только внимание на его морщины, складки на рот, брови, губы, уши, глаза, ноздри, лоб. Он говорил: «Покажите мне фотографии «птенцов нурсултанова гнезда», и я скажу, кто сколько из них берет на лапу».

Я до такой изощренной прозорливости не дошел. Но пристально вглядываться в писательские лица люблю.

«Писательство – великое дело! – читаю в «Иосифе и его братьях». – Но, пожалуй, это еще более великое дело, если сама твоя жизнь есть история, а что мы находимся в истории, и притом в превосходной, в этом я убеждаюсь, чем дольше, тем больше» (стр. 463).

Эти слова в тетралогии говорит Иосиф, но таковы мысли, надо полагать, самого Томаса Манна.

* * *

Вот еще один вопрос, которым меня часто донимают.

– Слушай, – говорит моя землячка, давняя знакомая Г. – Ты сколько книг издал?

– На сегодняшний день 63. Но еще и перевел томов двадцать казахской прозы. И еще более двадцати книг составил.

– И еще пишешь?

– Понемногу. Надо бы издать еще книг пять-семь.

– Не дейді?! – изумляется она. – На какие шишы?

– На государственные. Иногда на спонсорские.

– Надо же! А я издала три книжки, общипала всех своих детей. Да и со зрением неважно.

Молчу. Знаю: Г. издала в районной типографии три книжки по вопросам воспитания и преподавания, о своем жизненном пути и убеждена, что она тоже писатель. Я младше ее. Учились мы в одной школе. Я помню ее девицей бойкой, шумной, броской, активной общественницей, языкастой, певуньей. На школьной сцене ловко делала «мост», а я, шкет, взбирался на ее упругий, гладкий девичий живот и лихо отдавал пионерский салют. Это был наш коронный номер.

Многие годы спустя, мы учительствовали в Байкадамской средней школе. Она исправно рожала детей, увлеченно преподавала казахский язык и литературу, ставила школьные спектакли и громче всех выступала на педсоветах. Ее и ее мужа тех лет я обстоятельно описал в своем романе «Зов». Меня она тогда опекала как старшая сестра. Она и поныне придерживается такой тональности в наших беседах-разговорах. Мною она гордилась, но, кажется, не очень одобряет, что я так много и постоянно пишу. Мол, о здоровье заботиться надо. Отдыхать. Может, она и права.

– Нет, ты все-таки скажи: откуда деньги?

И я ей терпеливо объясняю: я ведь считаюсь профессиональным писателем, меня издают государственные издательства, ныне, конечно, все усложнилось, однако, кое-кому из писателей удается удержаться на плаву. Ну, например, десятитомник мой издают по государственному заказу. Несколько моих книг издали «Аударма», «Жазушы», «Дайк-пресс», три книги – Германское посольство в Казахстане, две – Казахстанское посольство в Германии, пять-шесть книг – спонсоры, еще несколько книг – доброжелатели-издатели из «Мектепа», «Жибек жолы». Ну, и...

– Апырай, а! И гонорары дают?

– Иногда кое-что перепадает. Ведь пенсии хватает лишь на чай-пай. Случаются гранты, премии.

– Вот керемет! Выходит, ты везунчик!

Про себя я думаю: «Уж если кому повезло, так моей әпке Г. Отличник просвещения, учитель-методист, ветеран труда, она мать восьмерых детей, бабушка двадцати внуков, прабабушка пятнадцати правнуков, живущих в пяти-шести областях Казахстана. Она и не сидит на месте, постоянно в поездках – в гостях, на тоях-юбилеях, свадьбах, шильдеханах, асах-поминках. Родичей-то не один десяток. И всюду она желанная гостья. Успевай только».

Говорю:

– Не жалуюсь. Казахи меня поддерживают.

– А урусы? А «наши» немысы?

– Урусам не до меня. А у «наших» немысов разве что горсть снега выпросишь в зимнюю пору. От бишаринцев какой спрос? Остаются айналайн казахи. Они широки и щедры, как казахская степь.

– Ия, солай! Это так! Щедрость казахов не знает границ.

– Иншалла!

– Ну, ладно. Пиши, пиши, коли так. Пусть перо твое не знает устали. Пусть все твои рукописи увидят свет!

– Да сбудутся ваши слова!

– Сбудутся. Только ты и меня не забывай...

* * *

Я знаю казахстанцев, которые домогаются политического убежища за рубежом. Но я не могу назвать ни одного иностранца, который попросил бы политубежища в демократическом Казахстане. В чем дело? Или я просто не осведомлен?

* * *

Экспансия английского языка тревожит многих. В немецкий язык английские слова и словосочетания, разные термины за последние десятилетия вклинились так интенсивно, что лингвисты

придумали словечко «Denglisch» – образование от слов «Deutsch» (немецкий) плюс «englisch» (английский). Получается, что от «Deutsch» остается только «D», а все остальное – «энглиш». Даже Гете и Шиллер на известном памятнике в недоумении.

По этой аналогии русские придумали слово «Renglisch» – русско-английский язык. И тоже от русского осталось одна буква «R», а все остальное – тоже «энглиш».

В таких случаях моя покойная сестра Эльма всегда спрашивала: «Ну, и что будет?»

Будет то, что предопределено. Воевать нужно не **против** английского языка, а **за** родной язык.

Видно, скоро в Казахстане укрепится тоже новый язык – казрус. Ибо казахский язык все более засоряется русскими словечками. На Казрус охотно изъясняется чиновный люд в депутатском корпусе, в правительстве и президентской администрации, а глядя на них, и в массе повально насаждается уродливая казрусская тарабарщина. И никакого сопротивления не замечаю.

Придумал же фантаст Тауфих Шегиров страну под названием Оршутстан. Страна из орусов и шуршутов, где поют по-шуршутски (по-китайски), а матерятся по-русски. Нечто схожее произойдет и происходит и с языками.

* * *

В газете «Алаш айнасы» долго изучал прейскурант неизбежных расходов на современную свадьбу. До этого знакомился с таксой получения высшего образования. И пришел к такому выводу:

а) в свои молодые годы по нынешним расценкам я не мог бы ни учиться, ни жениться;

б) а в нынешние мои преклонные годы у меня напрочь отпало желание тратить на эти удовольствия даже слепой тиынки. Да провались все!

Испугали меня расходы и на упокоение. Вовсе кошмар! Значит, приходится как-то приспосабливаться к этой жизни. И-и, алла, бергеніңе шүкір!

* * *

Есть такая довольно распространенная казахская шутка.

Джойт (еврей) обращается к врачу за три дня до болезни.

Орыс (русский) идет к врачу в день недомогания.

Казах посещает врача за три дня до кончины.

В этом смысле на мне сказалась казахская ментальность. Я избегаю больницу до последней минуты, пока меня не увозит «скорая».

* * *

Ну, вот издал мой давний знакомый, колоритный, обаятельный и могучий старина (88 лет!), неуемный, многосторонний («сегіз қырлы») Бошай-аға (Кітапбаев) очередную свою книгу – такую же большую и весомую, как он сам, – под названием «Айта-айта Алтайды, Бошай ата картайды» (Өскемен, 2012 г., 445 страниц большого формата). Название фолианта я перевел на русский язык так: «Воспевая свой Алтай, состарился и дед Бошай».

Этого уникального человека знают в Казахстане и стар, и млад. Щадя газетную площадь, не стану расписывать все его достоинства и таланты (я в них убедился уже два десятка лет). А пунктиром отмечу: участник Великой Отечественной войны; на войне лишился ноги; всегда находился на ответственных участках партийной, советской, хозяйственной и общественной работы; тридцать лет руководил передовым колхозом; кандидат экономических наук; Герой Социалистического Труда; признанный лошадник-бапкер; радетель национальной истории и культуры; большой знаток и ценитель казахской литературы; фантастически прилежный читатель с 80-летним стажем; шахматист; кипучей натуры Гражданин; блестящий оратор; виртуоз казахского речестроя.

Таков Бошай-аға, которым я горжусь.

И что за книгу он написал? И чем она, собственно, привлекательна?

Это не первая книга Бошека. Но как бы итоговая. Конечно, в ней в немалой степени присутствуют автобиографические мотивы – сведения о себе, о сородичах-близких, о знатных – в прошлом и на-

стоящем – людях Алтайского ареала, о семье, детях-внуках, фотографии (черно-белые и цветные), запечатлевшие этапы большого пути, копии документов, автографы, статьи, стихи, воспевания-посвящения, копии писем автора в высокие инстанции, материалы о достойно и полезно прожитой долгой, активной, целеустремленной, исключительно созидательной жизни.

Существенный слой фолианта составляют статьи, заметки, исследования, воспоминания автора об именитых людях своего окружения, соратниках по судьбе и работе, фронтовых друзьях-побратимах, государственных и политических деятелях своего времени, ученых, писателях, поэтах, организаторах сельского хозяйства и промышленности.

Автор правдив, объективен. Он всегда занимал и занимает четкую позицию во всем. Он чутко понимал людей, выявлял в них наиболее яркие грани. И люди всегда и всюду тянулись и тянутся к нему.

И еще он исключительно принципиальный человек, умеющий говорить правду в глаза, не приспосабливающийся к конъюнктуре. Возможно, из-за этого власть не всегда его любит, но неизменно считается с его мнением-суждением.

Поражает его мобильность, несмотря на физическую ограниченность. Бошеке приглашают по всему Казахстану на всевозможные тои-юбилеи, похороны-поминки, на разные культурные и исторические мероприятия. И он, опираясь на палку-костыль, на протез, не страшась невзгод и расстояний, повсюду успевает. Многими своими деяниями и думами-замыслами он исправно делится со мной. До всего Бошеке есть дело. Понравится какая-либо статья в газетах и журналах, он тотчас раздобудет телефон неведомого автора и выскажет свое одобрение.

В книге, о которой веду речь, приводится немало стихотворных строк. Память у Бошеке, по выражению М.Горького, лошадиная. Стихотворные строки, строфы и отрывки старых и новых казахских поэтов он цитирует бесконечно. А две поэмы, включенные в эту книгу, вызовут у читателя, думаю, особый интерес. Первая –

восточная арабская поэма «Жүсіп-Зылиха» (в западной транскрипции «Иосиф и Зулейка») – истинный дастан-сага, изданная в начале прошлого века в Казани башкирским ученым литературоведом Жүсіпбеком Шайхулисламұлы (1857–1937). Поразительной художественной силы сказ на восточный традиционный мотив! Поэме автор предпослал обстоятельное исследовательское предисловие, а сама поэма состоит (я посчитал) из более 1600 строк. Гигантское поэтическое творение! И второй поэтический шедевр, включенный в книгу Бошеке, – поэма «Таңшебер – Жапал» Шакира Абенова (похвастаюсь: я с этим едким, строптивым старцем, прожившим более 90 лет, встречался, беседовал и даже переписывался. Мой очерк о нем опубликован в журнале «Парасат»).

Бошеке в этой книге показал себя и мастером литературного портрета, документалистом, историком, свидетелем крупных событий, мемуаристом, патриотом родного края. О людях, оставивших добрый след в памяти народа, он пишет тепло, с любовью, исповедально.

Многое в этой книге мне издавна знакомо, читал в разные годы в периодической печати, знаю из устных рассказов самого Бошеке, а с читателем я просто хотел поделиться своей радостью по поводу появления такой мощной (в прямом и фигуральном смысле) и поучительной книги, к сожалению, изданной небольшим (всего 500 экз.) тиражом. У Бошеке – знаю – родственников, близких, друзей и поклонников значительно больше. Но скажем по-казахски «тәуба» и довольствуемся тем, что такая книга увидела белый свет.

* * *

Конечно на литфаке КазПИ им. Абая, где я в середине прошлого века учился, преподавали и древнерусскую литературу. Но, видно, так себе, тяп-ляп, для зачета, ибо в моей стареющей голове мало что осталось. Разве что «Слово о полку Игореве» в разных переводах и трактовках. Все остальное оставило весьма смутный, расплывчатый след. Как и старославянский язык. Зачет-экзамен сдал, и все тут же выветрилось.

Кто творил древнерусскую литературу? Наверное, древние-предревние русские, в смысле коренные, кондовые, оторванные от всего иноязычного, цивилизованного.

Так я полагал. Надо полагать – ошибочно.

А что примечательного могли создать племена-народности в своем обособленном мирке? Да наверняка нечто замшелое, примитивное, наивное, локальное.

Так я думал. И тоже, видно, был неправ. Ибо такие светила, как Рыбаков, Лихачев, Дмитриев, утверждают совсем другое.

Почему-то еще со школьных лет в мою башку втемяшилось, будто что-то путное может зарождаться только на стыке разных культур, при столкновении, взаимовлиянии разных культурных слоев и течений. Я и поныне не очень-то верю в узкое, «чистое», исключительно самобытное, локальное, так сказать, искусство. Все чудится мне, что кто-то на кого-то прямо или косвенно, исподволь, что ли, влиял. Надо только выявить корни, докопаться до сути.

Академик Дмитрий Лихачев, крупнейший знаток древнерусской литературы, пропагандист и радетель ее, пишет в своей книжке «Заметки о русском» (М., «Советская Россия», 1981):

«Как ученый, я занимаюсь древней русской литературой, то есть именно тем периодом русской литературы, в котором ее русскость была выражена с наибольшей отчетливостью. И вот что достойно внимания: в древней русской литературе наряду с русскими писателями выступали болгары (Киприан, Григорий Цамблак), сербы (Пахомий Логофет, Аникита Лев Филолог), греки (Максим Грек и многие другие), хорваты (Юрий Крижанич), поляки (Андрей Белобоцкий), мордвины (по-видимому «протопоп богатырь» Аввакум и его недооцененный противник – патриарх Никон), белорусы, украинцы (их много в XVII веке, их не перечислишь)... Все они включились в созидательный процесс развития русской литературы».

Так и должно быть.

Меня это радует и убеждает.

О взаимовлиянии, взаимосвязи, взаимопроникновении Культур и литератур я исписал кипы бумаг. И убежден: только на этом пути возможны открытия и творческие свершения.

* * *

Видно, это неизбежно – при всяком развитии то и дело наступать на собственные грабли. Пока шишек не набьешь – никакого прогресса. Все, наверное, в какой-то степени проходят через это. Обидно, досадно, но иначе не получается. Каждая страна, обретя независимость, мучительно продвигается, наступая на собственные грабли. Но особенно обидно и досадно, когда наступаешь на чужие грабли. А ведь это – о горе! – тоже неизбежно. Пример: наш Казахстан, упорно ищущий свой путь развития.

* * *

Что мы (и не только!) живем во лжи – аксиома. Ложь грязным потоком льется на наши головы сверху (официальные СМИ, повседневный «аляуляй» властей, несуразные версии разных постыдных событий etc.), потом, натолкнувшись на скалы житейской правды и трезвого разума, эта грязная волна лжи снизу откатывается в верха. Вот в этом водовороте и пурхается простой человек. Самое скверное то, что бедный люд-бишара привыкает к прозябанию в такой круговерти.

* * *

Кто лучше и бойчее всех заливает? Тот, кто взобрался высоко. Потому главные вральманы всегда во власти. Власть любит врать (иначе не спасешься), а народ – обманываться рад (иначе не выживешь). Такова диалектика бытия. Если ложь бьет через край – случаются потрясения. Или мелкие пакости. Словом, и врать надо умеючи. А вообще без вранья никак нельзя.

* * *

Один эстонский поэт (склероз: в момент не могу вспомнить его короткое, звонкое имя) в давние советские времена написал стихотворение с легким сарказмом:

Тот дурак, кто с нами не согласен,
Тот умен, кто с нами разделяет мнение.
Дай бог, чтобы не было наоборот.

Цитирую по памяти, возможно, неточно, но смысл именно таков.

Так вот, этот постулат характерен для многих наших писателей. Поверьте мне: я вращаюсь в этой среде полвека.

Для одних хороши (умны) только те, кто безоглядно и бесшабашно разоблачает верха.

Еще одни резко осуждают тех, кто тихо-мирно отсиживается в своей келье-скорлупе-закутке, явно чего-то выжидая.

Есть и такие, кто откровенно промышляют лизоблюдством-задоблядством.

Встречаются и оголтелые нацпатриоты, шумно презирающие русскоязычных.

Словом, никакой толерантности, никакой терпимости.

Ату его, ату!

Чувствую, и я порой субъективен. Тянет иногда не туда. Склонен требовать от иных то, на что они в принципе не способны.

Так не бывает. И так не должно быть.

У каждого в конце концов свое место, свой вкус, свои пристрастия, свое мироощущение. Так бывало всегда. Примеров тому в истории литературы тьма. Каждый чирикает своим голосом, который бог ему дал. Не хочешь – не слушай. Презираешь – презирай. Обожаешь – обожай. Личное дело! И свое мнение не навязывай, оставь при себе.

И я кое-кого из своих коллег не особенно жалую. Но стараюсь таких не клевать, не щипать. Я ведь не высший судья. Не прокурор. И никому не адвокат. Лучше промолчу. Или делаю вид, что не замечаю.

Я, допустим, кого-то не терплю, и он меня не шибко любит. Ну, и что из того? Фифти-фифти! Лезть в бутылку из-за этого не стоит. Как в частушке: «Ты махнула мне рукою, я махнул тебе ногой».

Один казахский поэт уже многие годы отчего-то взъелся на меня: «Бельгера решительно не признаю. С ним за руку и здороваться не буду. Встречу – пройду мимо!»

Ну, и ладно, айналайын! Не здоровайся. Меня ведь не убудет. Живу же! И ты процветаешь. И мне не жарко, и тебе, полагаю, не холодно.

Отец всегда мне внушал: «Принимай человека таким, какой он есть. Люди сами определят, кто есть кто».

Поистине: не обязательно говорить, кто серый, а кто – буро-малиновый.

У каждого Ермишки свои интрижки.

Лошадь пестра снаружи, а человек – изнутри.

В отаре и хромой овечке уготовано место.

Кому-то нравится поп, кому-то попадья, а кому-то – попова дочка.

Увы, эти древние истины для большинства моих коллег не указ.

* * *

Он едва ли не с пеленок занимал высокие посты. В нужное время каким-то особым чутьем всегда находил нужное место. Будучи видным коррупционером, он стал борцом с коррупцией. Он припеваючи жил за государственный счет. За государственный счет его и похоронили. Случаются же такие везунчики в Казахстане!

* * *

Афоризмы словесного писателя и драматурга Жарко Петан издавна восхищают меня.

– Кто не работает, тот должен хотя бы есть.

Каково! В Казахстане, пожалуй, это главное кредо бытия.

– История учит нас, что нельзя верить историкам.

Не о наших ли доморощенных историках это сказано. Сколько раз при одной только моей жизни переписывали нашу национальную историю?!

– Свинье и свинство нипочем.

Без комментариев. Аксиома на все времена.

– Собака виляет хвостом, человек – языком.

Вспомните луковые речи наших власть предержащих. Как научились вилять языком наши азаматы, обитающие в верхах! Собака так хвостом не виляет.

– Маленькие головы имеют больше шансов оказаться на поверхности.

Хм-м... Это так. Но я бы уточнил: «на поверхности власти».

Афоризмы казахстанских авторов в свое время едко высмеял Калтай Мухамежданов. Вот его примеры-пародии:

– Фосфор у рыбы, ум у народа.

– Мучит жажда – пей пиво, мучит голод – ешь бесбармак.

– Если воспользоваться умом жены, можно сберечь свой.

Ныне у нас афоризмы пишут и издают все, кому не лень. А афоризмы такие, что хоть стой, хоть падай.

* * *

Уже несколько дней не выходит из головы триумфальная победа нашей уникальной Зульфии Чишанло на олимпийских ристалищах в Лондоне.

Слов нет, сплошной восторг, эйфория! Миниатюрная, ладно скроенная феноменально спокойная и сдержанная, вся пронизанная мудрым восточным светом девятнадцатилетняя смуглянка творила с непомерной штангой подлинные чудеса. Она на целую голову превосходили своих сверстниц, выкладывавшиеся на грани человеческих возможностей.

Диво! Уникум!

Дай бог ей долголетия, здоровья и счастливой женской судьбы. Не вечно же ей со штангой тягаться!

А на другой день малословная Зульфия со своим не в меру суетливым, легковесным тренером проводила пресс-конференцию. И тут выяснилось, что она совсем не сильна ни в русской, ни в казахской речи. Глухо и сдержанно произнесла несколько ординарных слов типа «спасибо», «президент» и «рахмет».

Что ж... она ведь дунганка, выросла в Китае. И ей, видно, сподручней выражаться по-дунгански и по-китайски.

И тут же посыпались мне отовсюду звонки от знакомых казахов с глупыми упреками и претензиями. Дескать, а эта-то кызымка и двух слов не свяжет на государственном языке. Какая же она патриотка! Она, мол, далеко от казахского аула. Она пришлая, чужая. Ее ангажировали, выписали из-за кордона.

Ойпырмай, что тут скажешь? Не угодишь иным казахам никак! Неужели для того, чтобы поднимать фантастический вес и удивить мир рекордами, так-таки необходимо прежде всего овладеть государственным языком. Ну, овладел ты языком, а десяток овечек пасти не сможешь.

Нет, братцы-ағайыны, надо подходить к вопросу трезво. Если педалировать знание исключительно государственного языка и считать это единственным мерилом гражданственности и патриотизма, то не мудрено лишиться нам зараз толковых врачей, педагогов, спортсменов, певцов, музыкантов, ученых – словом крупнейших специалистов. Вот о чем подумалось, когда я слушал пресс-конференцию дунганки Чишанло и корейца Ни. Значит, не надо ударяться в крайности. Казахстан – это не только казахи. И в этом вопросе прав наш Президент,

* * *

Читаю толковую статью одного казахского историка и этнолога (Сеиткасым Ауэльбеков), проживающего многие годы в Париже, – «Политические репрессии 1937-1938 годов: неофициальная версия».

Статья упругая, тональность свежая, взгляд неординарный, подходы неожиданные. Вполне возможно, что наши казенные, ангажированные, находящиеся в плену сомнительных «истин», его точку зрения не приемлют. Покажется им «против шерсти».

Мне не дано вмешиваться в принципиальный профессиональный спор. Особенно там, где вопрос касается упразднения института барымты и его последствий. Думаю, что автор копнул глубоко и, вооруженный документами, рассуждает аргументировано.

Вот что меня «зацепило» в главке «Доносы, доносы... Почему доносы?» Цитирую: «С 1993 по 1997 годы, с перерывами, я работал в бывшем партийном архиве КПСС (ныне РЦХИДНИ), в архиве Октябрьской революции (ГАРФ). Удалось собрать неплохой материал за период с начала XX века до конца 1920-х годов».

Бәрекелді! Значит, автор не голословен. Знает, что говорит.

Продолжаю цитировать: «В данном случае, я хотел бы привлечь внимание читателей на одну группу документов, а именно – на письменные доносы казахских партийных и советских работников друг на друга. Забегая вперед, скажу, что каждый из них содержал такие обвинения, что только чудо могло спасти обвиненных от расстрела. Но чудо не произошло».

Увы, это так.

Не буду углубляться в давнюю историю. Жалобы-кляузы, доносы-наветы, «домалақ арызы» – клеветнические анонимки – жанр, издавна успешно процветавший на земле Казахи. И я в какой-то мере тому живой свидетель. Кляузники-доносчики водились даже в тихих захудалых аулах. Приесилья в военные и послевоенные годы. Почти в каждом ауле, чаще всего при аулсовете, сидел, как клещ в закутке, какой-нибудь неприметный, невзрачный мозгляк-грамотей, который в тиши плел-строчил так называемые «жалобы-колобки», доносы в разные инстанции и изрядно отравлял и без того убогую жизнь мало-мальски заметных людей. Пакостить исподтишка было для иных своеобразным хобби. Я знавал таковых (кстати, и среди российских немцев), которые иногда в открытую кичились тем, что загнали в Сибирь, посадили в каталажку, подвели под монастырь столько-то и столько своих земляков. Некоторых не в меру ретивых доносчиков знали в лицо и говорили: «Ойбай, держись от него подальше! Пәлесінен аулақ!».

Мой отец, заведующий фельдшерско-акушерским пунктом, и пользовавшийся, казалось бы, непререкаемым авторитетом среди местного населения, тоже сполна изведал сокрушительную силу доносов. Как же, немец-спецпереселенец, фельдшер-коммунист, а допустил у какой-то молодки преждевременные роды, не су-

мел спасти новорожденного, неправильно лечил туберкулезника с открытой формой, дал справку во время страды страдающему от паховой грыжи колхознику, не уследил за нерадивой дояркой, не ополоснувшей кипятком бидоны из-под молока. Отца то и дело вызывали в район, и ему подолгу приходилось отбрыкиваться от подобных наветов. Но, слава богу, обходилось: Не забрали, не арестовали, не сослали в края, где ездят на собаках.

За два дня до Победы в 1945 году я швырнул подвернувшимся под руку высохшим мослом в своего аульного дружка-обидчика и – надо же! – угодил ему в темечко; так тут же донесли, что я по заданию германской разведки поранил честного азамата, но несмотря на мои вражеские происки, Красная Армия все равно победила.

Теперь это смешно, а тогда было не до смеха.

Знаю: были в истории казахов трагические полосы, были неслыханные жертвы, в чьих судьбах сыграли решающую роль доносы-анонимки своих же сокровников. Не знаю только, почему их стыдливо умалчивают.

Неведомо также мне, как сейчас обстоят дела на этом невидимом фронте, но в 60-70-ые годы прошлого века в Союзе писателей Казахстана, например, жанром доносов и кляуз занимались вполне активно. О, были искуснейшие мастера жалоб и доносов, подлинные корифеи, ювелиры-зергеры этого литературного жанра, строчившие без устали в ЦК КПК, в КГБ, в народный и партийный контроль, в Верховный Совет, в прокуратуру, в Москву до самых до окраин, в редакции газет! Издать бы часть этих доносов в сорока-пятидесяти томах, вот было бы чтиво и хроника для шекспиров всех времен и народов! Поливали друг друга – не приведи господь! Функционировали признанные интриганы, которые топили, разоблачали, раздевали до ниток друг друга, добирались до седьмого колена предков, всячески выслуживались перед властями, проявляли высшую бдительность, клеветали упоенно, били наотмашь, особенно активизируясь накануне пленумов, съездов или в пору присуждения государственных наград и премий.

Откуда мне это известно? Просто многие отъявленные интриганы-башибузуки и неугомонные мэтры доносов были моими старшими коллегами, и будучи среди них более-менее грамотным по русской части, мне по их просьбе приходилось нередко эти кляузы редактировать. Больше ничего от меня, инородца, не требовалось. Только поправить текст орфографически и стилистически, стараясь при этом не касаться бумаг, дабы не оставить опечатки пальцев для вящей бдительности.

Каюсь: так было. Потому кое-что и ведаю.

Вот этот национально губительный грех историк, живущий в Париже, знает по реальным документам-архивам, и находит истоки этой беды в реформах 1867-1868 годов, когда степная барытма была запрещена и вместо лихача-батыра-барымтачи выходил на арену истории-интриганки подловатый образец писарь-тілмаш.

Кто знает... Корни этого общественно-социального явления глубокие. Их можно объяснять и историей, и царской политикой, и национальной ментальностью. Достаточно вспомнить феномен этого явления, читая Абая, казахских акынов-жырау 18-19-го веков, эпопею «Путь Абая» и «Лихую годину» Мухтара Ауэзова.

Ныне доморощенные историки объясняют все просто: виноваты большевики, виноваты Сталин, Берия, Голощекин, кто угодно. Отсюда, мол, все тяжкие испытания.

Отчасти согласен. Но не все беды-напасти берут начало у этих монстров. Не мешает смотреться в зеркало истории. И неча на него пенять. В чем-то виноваты и «красноштанники», и подлизы-подхалимы, и «шолақ бельсенді» всех мастей, и доброхоты-доносчики, интриганы-кляузники, и всякая серая сволочь, в которой нигде никогда не было недостатка. Да и все мы. Забывать о том не след.

* * *

Его зовут Михаил Гиголашвили. Грузин. Родился в Тбилиси. Доктор филологии. Автор нескольких романов и литературоведческих трудов. Пишет по-русски. С 1991 года живет и работает в Германии.

Чей он писатель? К кому его отнести?

Мой старший друг (ныне покойный) Морис Давидович Симашко (Шамис). Отец – еврей, мать – поволжская немка. Родился в Одессе. Работал в Украине, Туркмении, Казахстане. Умер в Израиле. Писал по-русски. Переводил с казахского. Главная тема – азийская.

Чей он писатель?

Алексей Борисович Дебольский (он же Шмелев, Гуммельс, Стражевский). По отцу – украинский немец. Мать – русская. Родился в Харькове. Работал в Москве и Акмоле-Целинограде-Астане, где и умер. Писал на немецком и русском. Переводил с французского, английского, немецкого. Читал по-польски.

Чей он писатель? Какого-рода-племени?

Я, Герольд Бельгер, родом из поволжских немцев. Родился в России (в городе Энгельсе). Жизнь прожил в Казахстане. Пишу по-русски и по-казахски. Перевожу с немецкого. Обитаю в трех языках.

Чей я писатель?

Примеров таких сотни и тысяч. Во всех странах мира.

Ну, так что? Кто кому принадлежит?

Привет национал-патриотам!

* * *

Свершилось. Состоялось. Удалось. Сподобился-таки.

О чем речь? Об издании моего десятитомника избранных произведений. Еще три-четыре года тому назад я о том и не мечтал-не гадал.

Какой там! Знаю: Иван Павлович Щеголихин к своим 80-ти годам ограничился одним объемистым томом избранной прозы. («Больше не дают», – пожаловался он мне). Морис Давидович Симашко издал, кажется, четырехтомник своих произведений (мел-

ким шрифтом, на плохой бумаге, малым тиражом). Владиславу Васильевичу Владимирову уделили по соцзаказу пять томов. Я их считаю более состоятельными литераторами.

А я, видно, каким-то образом попал в удачную струю (Год Германии в Казахстане, или наоборот). Оказался обласканным германо-казахской аурой. И мне «отвалили» аж десять томов. Ну, не везение ли? Не радость ли? Наиболее существенное из нашкрябанного мною за долгие годы удалось свести под одну крышу.

По-казахски говоря, шүкір, тәуба! Повезло!

Десять томов сочинений означает ведь то, что не зря небо коптил, не балду гонял, не напрасно мучил себя и бумагу. А если учесть, что перевел-перетолмачил с казахского и немецкого томов, полагаю, двадцать-двадцать пять, да еще книг двадцать составил, да разных статей, рецензий накропал тысячи две, то, выходит, без ложной скромности, потрудился вполне прилично.

Так, что же вошло в мой десятитомник?

Если коротко: шесть томов прозы, один том эссеистики, один том – работы по переводоведению, один том – публицистики.

Что же не вышло?

– **три** тома исследований по литературе российских немцев;

– **два** тома публицистики разных лет;

– **два** тома дневников;

– **два** тома интервью, данных для казахской, русской и германской печати;

– **том** критических работ, статей-рецензий, литературных портретов, очерков;

– **два** тома заметок и наблюдений из цикла «Плетенье чепухи» (9-19-ые тетради);

– и кое-что еще из неопубликованного.

К настоящему времени (03.08.12) издал на русском, казахском, немецком языках 65 книг. Надо бы издать еще книг пять-семь, которые, можно сказать «на мази».

Тогда мог бы сказать: все задуманное – осуществилось.

Или вспомнить слова Фауста: «Остановись, мгновение. Ты прекрасно!»

Или повторить слова гётевского ночного странника: «Подожди немного, отдохнешь и ты!»

А пока радуюсь тому, что сподобился издать десять томов избранных произведений.

* * *

Ну, сколько же мороки с этими писателями у нашей власти?

Вот один «классик» пишет-строчит письма-жалобы, прошения-слезницы во все инстанции, ходит-бродит по высоким кабинетам. Вынь да положи ему государственную премию! Иначе он накатает еще одну эпопею!

Другой «классик» считает дни до своего вожделенного юбилея. Ему позарез нужно звание Героя Труда.

Третий «классик» всех ошарашил своими ультиматумами:

а) присудите государственную премию;

б) издайте 20 томов сочинений за казенный счет;

в) устройте моих детей на престижную-доходную работу.

Ал, не дейсің? Каково?!

Возможно ли представить, что, скажем, Хемингуэй, Фолкнер, Т.Манн, Г.Гессе шарахались по коридорам власти, домогаясь званий-премий?

Что ни говори, а у Казахстана своя ментальность и свой путь развития...

* * *

Самое сильное мое впечатление от моего бытования в Казахстане – степи: северно-казахстанские, павлодарские, семейские, костанайские, южно-казахстанские, аральские, мангышлакские. Их неизгладимую прелесть я ощутил в поездках – на конных повозках, на мотоциклах, на машинах. В степи ощущаешь себя вольным существом, будто паришь над землей. В степи я люблю молчать, внимать ее чарующим, таинственным звукам.

Вспоминаются всегда колдовские строки из какого-то стихотворения Максимилианна Волошина:

Степной джюсан звенит и плачет,
Пустыня спит, а мысль растет...

Как это всеобъемно сказано: «Звенит и плачет»! Это надо было расслышать и выразить словами. Они напоминают по силе выражения лермонтовские: «Пустыня внемлет Богу», «И звезда с звездою говорит».

Все, все самое сокровенное может выразить человеческий язык. Если им владеет божий избранник.

* * *

Много ныне говорят и пишут об апокалипсисе, о конце света, о крахе мироздания. Ссылаются при этом на некие мифические выкладки, на древние предсказания и провидения, на библейские мотивы, на таинственные календари племен майя и т.д. Естественно, и писатели не остаются в стороне. Иные так изощренно описывают крушение мира, конец света, что волосы дыбом. Кажется, все пугают друг друга. А иные и вовсе не дождутся конца земной жизни. Всюду им мерещатся вселенский содом и гоморра. Кому-то вроде как хочется, чтобы это скорее произошло.

Я в таких случаях всегда вспоминаю мудрое мнение Гёте на сей счет. Он сказал Эккерману: «Пусть другие чтят **того**, кто дал корм скоту, а человеку вдосталь еды и питья. Я же чту того, кто одарил мир такою животворящей силой, что если лишь миллионная часть сотворенного им приобщается к жизни, мир уже так кишит живыми существами, что ни войны, ни чума, ни вода, ни огонь ему не страшны. Таков **мой** бог!»

Я склонен верить Гёте. Жизнь на Земле уже неистребима. Допускаю: катаклизмы на человечество обрушатся жуткие – землетрясения, цунами, ураганы, потопы, взрывы. Но ни войны, ни чума,

ни вода, ни огонь ему уже не страшны. Я бы сказал так: страшны-то страшны, но не обреченно смертельны.

Будем верить Гёте. Он ведь избранник Земли.

* * *

Слушаю последние известия, ежедневно, из года в год, по КТК, по «Времени», по «Вестям», по «Евроньюс».

Худые хабары обволакивают меня: насилия, кровавые разборки, всевозможные аварии, катаклизмы, убийства, пожары, войны, взрывы, суициды, мор и голод.

Что за бесконечные новости? Куда идет человечество? Неужто так было всегда? Неужто это продолжится и впредь?

Более 30-ти лет назад вышел роман Юрия Бондарева «Выбор». Он привлек тогда внимание. Один из героев (Илья Рамзин) говорит другому (Васильеву): «...мир идет от плохого к лучшему. Сейчас человеку плохо везде. Везде и во всем. Ни у кого нет богов. И нет веры в себя. И в других...»

Неужели в этом скрыта универсальная истина? А, может, нечто подобное говорили и древние? Вполне ведь возможно, что подобные сентенции встречаются и в античной литературе?

Почему нынешнее мое внимание приковано к этому негативу? Неужели сказывается возраст?

Может, лучший выход – не думать?

Я ставлю вопросительный знак. А бондаревский Васильев говорит утвердительно: «Это тоже выбор – не думать».

Чудится мне: многие живут-прозябают именно по этому принципу.

Васильев высказывает очень созвучные мне мысли. «Не отсюда ли эта повторяющаяся у меня мука вины, тоска и сожаление о том, что весь мир висит на волоске, что исчезает что-то главное? Что исчезает? Доброта? Вера? Доверие и жалость друг к другу? Нет, не красота спасет мир, а правда равной неизбежности и понимания человеческой хрупкости каждого. Всех. Не сила, а трагическая слабость всех перед смертью».

Думаю, это ключевая фраза бондаревского романа. И надо вслушиваться в эти слова.

* * *

Есть казахский фразеологизм, который употребляют, когда говорят об усопшем: «дәм-тұзы таусылды». В моей переводческой практике фраза эта встречалась часто. Я выворачивался по-всякому, но достойного адеквата, кажется, не нашел. И вот читаю в «И дольше века длится день» Ч.Айтматова: «Стало быть, кончились вода и соль, предназначенные ему на роду»

Полагаю, удачно. Образно. Понятно. И вполне приемлемо по-русски.

У него же: «Особо ретивые активисты» – это же самые «шолак белсенді», которых всегда больше, чем нерезаных собак.

Я обычно употребляю выражение: «горе-активисты»

* * *

Понятно, у каждого литератора свои пристрастия, свои причуды, своя манера работы. Кто-то творит ночью, кто-то с первых петухов. Кто-то, как заведенный, прямо-таки маниакально, без перерыва работает каждый божий день. Кто-то ждет особого настроения, вдохновения. Кто-то трудится на износ, на пределе физических и творческих сил, кто-то – спустя рукава, по наитию, куда кривая вывезет.

Все индивидуально. Как говорится, каждый по-своему с ума сходит.

Ильяс Есенберлин, к примеру, поздно пришел к прозе и за короткое время написал семнадцать романов. Работал, как одержимый. Был одно время очень популярным. За его исторический роман в аулах запросто давали овцу. Незадолго до его кончины я встретил его у газетного киоска. Вид его был измученный, предельно изнуренный. Еле передвигался, шатался. В глазах боль и растерянность. Давление, сказал он мне, упало до 60/40. Он купил

несколько номеров «Простора» с переводом его исторического романа. Потом о нем говорили: «Зорығып өлді» (Надорвал себя).

В свои лучшие годы и Нурпеисов временами работал, по его же выражению, «С тотальной мобилизацией сил». Я находился рядом. Мне нередко от напряжения становилось дурно. А он, бывало, в полном изнеможении, как подкошенный, падал на ковер, лежал пластом минут пятнадцать-двадцать, потом обматывал голову мокрым полотенцем и, страшно позевывая, вновь принимался терзать донельзя испещренную рукопись.

Кекилбаев, случалось, работал ночами напролет, а к утру так обессиливал, что, по его признанию, зубы шатались во рту. После завтрака, малость придя в себя, он отправлялся на службу в ЦК КП К, где урывками опять корпел над неподъемными романами «Плеяды» и «Всполохи».

Ахтанов говорил мне: когда не пишется, он читает халтурщиков-графоманов, находя в них утешение («оказывается, и так можно писать»), а когда писалось легко, читал классиков, дабы убедиться в своем ничтожестве.

Однажды мы, группа литераторов, встречали Чингиза Айтматова, летевшего из Турции. С изумлением он поведал нам, что сосед в самолете всю дорогу что-то строчил, не отнимая пера от бумаги. «Я так не могу, – удрученно сказал Чингиз Торекулович, – я больше вычеркиваю, чем пишу».

Прошу прощения, что в контексте этих выдающихся писателей, говорю о себе, но я стараюсь работать более-менее умеренно, зато регулярно, всегда, строго по графику, не позволяя себе лениться. Не идет проза – пишу рецензии, статьи, обзоры. Не ладится с критикой – перевожу. Застопорился перевод – пишу очерки, воспоминания, заметки и наблюдения. Или, на худой конец, составляю книги, редактирую. То есть держу себя в относительной форме, без поблажек. Загоняю себя в строгий «немецкий» режим. Нурпеисов, бывало, внушал мне: «Ты ведь не железный. Не машина. Надо иногда давать себе передышку».

Я же придерживаюсь иного мнения: работать надо всегда и много.

Насколько знаю, мой младший собрат по перу Дукенбай Досжан пишет всегда, в любой ситуации, лежа на полу, навалившись грудью на подушку.

Всегда, по намеченному творческому плану, пишет и Магауин, убежденный, что так называемого вдохновения не бывает, а бывает лишь настрой, удобства, расположенность к писанию и культура труда.

Какой-то крупный русский писатель (запамятовал кто) пожаловался в беседе Льву Николаевичу Толстому, что не пишется. Толстой сказал: «Вот об этом и пишите».

Такой подход к творчеству мне нравится. Писал всегда во всех жанрах и Гёте. И не только художественные произведения, но и научные труды. И письма. И многое всякое. Полное академическое собрание его произведений составляет 143 тома. Правда, в беседе со своим секретарем Эккерманом он говорил другое. Вот его слова: «Посему мой совет – ничего не форсировать, лучше уж развлекаться или спать в непродуктивные дни и часы, чем стараться выжать из себя то, что потом никакой радости тебе не доставит».

По большому счету принцип этот правильный.

Аскар Сулейменов говорил об одном писателе: «Он страшно тужится, старается родить ребенка, который еще не зачат».

Что и говорить: глупое дело – рожать ребенка, который и не зачат даже.

Но я знаю и таких производителей пустышек-скороспелок. Ведомы мне среди своих коллег и те, что не зачинают ребенка едва ли не всю жизнь.

Мне по душе позиция Л.Н.Толстого, но прислушиваюсь и к совету Гёте.

* * *

Работать у нас не будут долго. Мы ведь мастера мыльные пузыри пускать. От работы отвыкли. Отбили охоту. Нам больше по душе

ток и шоу. Внушили жить на дурняках. Әкеңнің басы! «Сколько же на свете неробей и причиндалов! – восклицает В.Распутин в повести «Пожар». – И как получилось, что сдались мы на их милость, как получилось?!»

Вопрос-надрыв. В Казахстане он стоит остро, как никогда.

* * *

Повесть Валентина Распутина «Пожар» впервые опубликована в «Нашем современнике» (№ 7) в 1985 году. Прошло почти тридцать лет, но звучит она актуально и по сей день. В доказательство ограничусь двумя цитатами:

«Не только во имя его превосходительства брюха делается работа. Сколько их, неработающих или едва работающих, набивают брюхо ни чуть не хуже, сейчас это легко».

И:

«Четыре подпорки у человека в жизни: дом с семьей, работа, люди, с кем вместе правишь праздники и будни, и земля, на которой стоит твой дом. И все четыре одна важней другой».

* * *

Сколько я функционирую в литературе, постоянно слышу одно: нет у нас литературной критики (К слову, так мы говорили и тогда, когда она была).

Большая доля правды в этом есть. Может, какая-никакая критика и есть (я без напряга в состоянии назвать пять-шесть имен), но уж больно хилая, худосочная.

В чем дело? Образовательного ценза, таланта не хватает?

Нет.

Дело в том, что, во-первых, сама литература не на достаточной высоте, не дает пищи для критической, философской, аналитической мысли. И хотелось бы что-то сказать, да говорить в сущности не о чем. Или неохота. А во-вторых, совсем упустили из виду, для чего она, литературная критика, нужна. Доминирует ложное мнение, что она – просто-напросто обслуга юбилейщиков и аллилуй-

щиков-жарапазаншы дутых сочинений, претендующих на премию (хотя бы «Алаш», которую у нас выдают оптом – зараз 42 жазушы). Разумеется, такую критику никто не читает даже по диагонали. И не нужна она даже восхваляемому автору.

К кому должна быть обращена критика? Банально: прежде всего к читателю. Она должна толково объяснить, что́ в том или ином произведении достойно внимания, а что́ – просто бодяга и жвачка. А раз критика эту функцию не выполняет, то редеющий из года в год читатель воспринимает бодягу как литературу. Отсюда и невостребованность критики. Художественный анализ стал не нужен. Либо сю-сю, либо скуловорот. «Проституция мысли», – как выразился некогда Юрий Бондарев.

* * *

Одинокий и грустный, сижу на каменном выступе на перекрестке Валиханова-Джамбула. Ближе к вечеру зной понемногу спадает, но по-прежнему душно. Июль. Шілде. Смутно как-то на душе: ослаб физически.

Со стороны памятника Чокану идет плывет юная пара. Оба в шортах-майках. Счастливые. О чем-то увлеченно щебечут. У него на руках малыш-сосунок. Она вышагивает рядом, поминутно поглядывая на мальца. Тот важно посасывает соску.

А впереди скачет девчушка лет четырех. Загорелые ножки. Короткое платьице. Шельмоватый взгляд. Косички торчат в разные стороны. Этакая егоза, шалунья.

Постреливает на меня озорными глазами. Видно, радость распирает ее. Посмотрела раз, глянула – два. Шмыгнула носиком. Растянула рот до ушей. Звонко сказала:

– Здравствуйте!

– Здравствуй, милая!

Она вся рассияла и гордо повела ручкой на малыша.

– А это мой братик!

– Да-а? – удивляюсь я.

– Да! И зовут его Лёша.

– Вон как! А я и не знал...

Ухмыльнулась.

– Будете теперь знать!

И вприпрыжку прошмыгнула дальше. Молодая пара улыбнулась. Тоже гордая и счастливая.

И у меня на душе стало светлее.

Тишь. Густая тень. Воробьи гомонятся в кустах. Подул легкий, шаловливый ветерок.

* * *

Глупости творятся на каждом шагу. Новоявленный московский оппозиционер некий Алексей Навальный (почему-то он мне не симпатичен) сначала открыл для себя «непонятного казаха» Абая, потом навел справку, стал читать его, а вскорости заявил, что стал настоящим абаеведом: дескать, знаю Абая на 99,8 процента среди русских и на 80 процентов среди казахов.

Надо же, какая самоуверенность! Интересно, на каких весах он определил свои познания? Что он на 99,8 процентов знает Абая лучше русских – допускаю, ибо русские, особенно те, что митингуют у несуразного памятника Абаю в Москве, вообще не знают ни бельмеса. Так же, как и мадам Собчак, заглянув в Алматы, учит казахов уму-разуму. Так же, как не в меру шустрый шоумен Иван Ургант, который, не постеснявшись, с жутким, пошлым акцентом взялся публично прочитать две строфы Абая в оригинале. Впору было провалиться со стыда сквозь землю. Видно, и этот шоумен посчитал себя крупным современным абаеведом. Бедный Абай! Такого глумления он, думаю, в жизни не изведал.

Е-е, кто из московских квази-умников не учит периферийных инородцев? Дело не в этом, а в том, что некоторые казахи воспринимают хвастливые заявления разных навальных-ургантов, как признание своего гения, как откровение русского абаеведа, гордясь даже тем, что Абай стал протестным вождем русских оппозиционеров. Противно! Мне, этническому немцу, имеющему некоторое

отношение к творчеству Абая оскорбительно читать подобное в казахской печати.

Ойбай-ай, намыс қайда, намыс?!

* * *

И все-таки казахскую печать (а я ее принципиальный сторонник и популяризатор) нет-нет да и заносит. Стоило нашим тяжелоатлетам (кстати, все инородцы) завоевать на Олимпиаде в Лондоне четвертую золотую медаль, как одно из сверхпатриотических газет взахлеб заявила, что Казахстан – спортивная держава. Да, да, ни больше, ни меньше. Спортивная держава, которой восторгается и завидует весь мир. Ой, аллай, вот даракианство-хвастовство!

Плюнешь от досады – да и только. Всю твою радость разом омрачают неуемной глупостью. Ну, какая держава?! По всем олимпийским видам спорта блещут, что ли? Достигли успехов по трем-четырем видам, и наши нацпаты в упоении в воздух такии свои бросают. И некому сказать этим хвастунишкам: «Цыц! Тәйт әрі! Очнись! Оглянись! Уймись!»

* * *

То и дело звонят мне: подпиши коллективное протестное письмо. На имя Президента. В правительство. В парламент. Обращение к общественности, к народу, к «зиялы қауым». В поддержку государственного языка, тех или иных национальных героев, невинно осужденных, преследуемых, с просьбой о присвоении кому-то звания и премии, с осуждением каких-то актов, распоряжений, постановлений. Их, коллективных заявлений, – уйма. Часть из них я сознательно и принципиально подписал. Но постепенно потерял интерес к разным инициативам подписантов. Во-первых, убедился: совершенно неэффективно. Непродуктивно. Во-вторых, власть чихать хотела на подобное творчество. Собака лает, караван идет. В-третьих, часть подписантов, как правило, на второй день начинает отрекаться и вилять хвостом («я не знал», «меня не поняли», «слова мои исказили»), и ты остаешься в дураках. Ныне я коллек-

тивных писем избегаю. Свое мнение высказываю от своего имени без обиняков. Словом, предпочитаю монолог. Он ведет либо к молчанию, либо к самому себе. То есть, он (монолог) более осмыслен, нежели коллективный самообман.

* * *

На лондонской олимпиаде (2012) более сорока раз прозвучали американский, китайский гимны, более двадцати раз – английский, российский, не один десяток раз – южно-корейский, германский, французский, итальянский и другие гимны. Но – надо же! – «ең танымал болған – Қазақстанның әнұраны», т.е. «в Лондоне самым узнаваемым стал казахстанский гимн». Это не я говорю, это заявил наш Елбасы при всем честном народе. И честной народ, заулыбавшись, дружно захлопал в ладоши. Между прочим, казахстанский гимн прозвучал семь раз (Конечно, достижение!)

Спрашивается: не слишком ли лихо? Эмоционально? Не перебор ли? Не эйфория ли?

Может, казахстанский гимн просто-напросто звучал громче всех? Может, его слова всколыхнули сердца всех присутствующих со всего мира?

Не думаю. Так, каким образом наш гимн стал в Лондоне самым узнаваемым? Значит, все остальные хуже? Или в наших медалях золота больше, чем у всех остальных?

Ай, явный перехлест!

И мою грудь распирает гордость за наших славных олимпийцев. И я не хуже других патриот. Но от слов нашего саруара я почувствовал себя неловко. Конечно, стригунок нашего аула бежит бойчее призовых скакунов, но предаваться хвастовству, бахвальству все же, наверное, не след. Такой стиль к добру не приведет.

Невольно вскликнешь: па, пай, пай! Знай наших, Кузембай!

* * *

Это надо же: письмо Германа Гессе изданы в Германии в десяти томах. Есть писатели, оставившие 20-30 (и более) тысяч писем.

И это ведь не просто писульки о недугах, сиюминутном настроении, о погоде и домашних неурядицах. В 70-90-ые годы прошлого века я переписывался почти со всеми российскими немецкими литераторами и лидерами немецкого движения в СССР. И в те годы наверняка нашкрябал не одну сотню писем, а – скорее – тысячи. Копии я не оставлял, о чем ныне иногда сожалею. Возможно, в них содержалось и нечто путное. Приходилось где-то читать, что Константин Симонов, начиная с 17 лет, хранил копии всех своих писем. И под пометкой «ВС» («Все содеянное») аккуратно их складывал в папки в хронологическом порядке. И таких папок, кажется, накопилось 69.

Мои же письма разлетелись по всем городам и весям и канули в небытие. Вряд ли кто-нибудь их сохранил. К тому же большинство адресатов обитает ныне уже в иных пределах.

И я получал письма отовсюду. Часть их сдал в Президентский архив, часть – выкинул, часть – храню у себя.

А с чего все началось? Где истоки моих эпистолярных опытов?

Окончив казахскую среднюю школу в 1953 году, я с душевным потрясением узнал, что мне ничего ни откуда не светит. Паспорта нет, и мне он, оказалось, не положен. Как же: немец-спецпереселенец, нахожусь под комендантским надзором, разрешения на выезд из района, скажем, в Москву, Алма-Ату, Караганду, даже в областной центр – в Петропавловск нет и не предвидится. С трудом исхлопотал удостоверение сроком на три месяца с дурацким штампом в графе «особые отметки»: разрешается проживать в пределах только Октябрьского района. А еще находился в силе свирепый Указ Верховного Совета СССР от 1948 года: «немцы высланы НАВЕЧНО и самовольный выезд из мест поселения карается каторгой до 20 лет».

Словом, куда ни кинь – везде клин.

Что делать?

Отец, коммунист, хоть и под комендатурой, разводил руками. Учительница русского языка и литературы Мария Петровна Егорова, сама чесеирка (поясню: член семьи изменника родины), тоже

подневольная (муж доцент философии, в Карлаге), советовала терпеть и помалкивать: «лишь бы хуже не было».

А во мне проснулся бунтарский дух. Смириться с очевидной кривдой никак не хотелось. Я вооружился цитатами классиков марксизма-ленинизма (позже я понял: все они были изрядными демагогами), статьями Сталинской конституции (тоже достаточно двуличной). Разными прикольными, как мне казалось, фразами, твердокаменными аргументами, даже раздобыл у знакомого ссыльного «Декларацию прав человека» и принялся строчить письма:

– в районные и областные газеты;

– в рай- и- облУМВД;

– в райком комсомола.

Коротко излагал суть, возмущался, негодовал, требовал, просил.

Потом набрался храбрости и опыта и насочинил длинные слезницы:

– Ворошилову – председателю Верховного Совета СССР;

– Круглову – министру внутренних дел СССР.

Это были уже весомые эпистолы.

Написать Сталину не успел: он скончался за несколько месяцев до обретения мною аттестата зрелости. Нацелился было на Эренбурга и Федина, но отсоветовала Мария Петровна. Позже узнал, что сии славные мужи не очень-то жаловали немцев.

Ну, и какой был толк?

Почти никакой. Редакции (и казахские, и русские) отделались отписками («Благодарим. Тема важная. Пишите нам и впредь!). Рай-и-ОблУМВД ссылались на некие грозные государственные акты. Напоминали: мир раскололся на два лагеря и надо быть особенно бдительным. Комендант, навещавший неблагонадежный контингент, регулярно каждый месяц, на меня косился строго («тоже мне грамотей нашелся»). Ответ из канцелярии Климента Ефремовича (мама очень гордилась, что видела его до войны в Энгельсе на расстоянии двух шагов) пришел в районное управление МВД. Смысл был такой: гражданину Бельгеру разрешается выезд при наличии вызова из любого учебного заведения.

Принялся я атаковать:

– депутатов Верховного Совета Каз.ССР;

– высшие учебные заведения Казахстана.

Была у меня одна козырная фраза: «И опять я остаюсь у разбитого корыта». От этой фразы у меня наворачивались слезы на глаза. Особенно после того, как нас, 53 абитуриента из депортированных немцев, поляков, чеченцев, ингушей, греков отчислили из Карагандинского политехнического института в том же 1953 году.

Я был убежден: получатели моих писем, прочитав их, зарыдают.

Черта с два! Рыдал только я.

Отец мой стал побаиваться моей эпистолярной прыти. Видно, кое-кто по партийной линии сделал ему внушение. Мария Петровна сочувственно вздыхала: «Ой, Гера, плохо кончишь. Гусей лучше не дразнить».

Ректор института иностранных языков Пахмурный ответил: «Вам разрешается поступить в наш институт, если вы являетесь гражданином СССР».

Из КазГУ пришел ответ: «Высылайте документы и выезжайте при наличии разрешения комендатуры».

Комендант не возражали: «Пожалуйста, при наличии официального вызова из института разрешим выезд на трое суток».

Иван кивал на Петра, Петр на Ивана.

Я же чувствовал себя мухой в кадке с перебродившим айраном.

И продолжал строчить:

– в Министерство высшего образования Каз.ССР;

– в Казахский пединститут имени Абая;

– в ЦК ВЛКСМ Казахстана.

Что-то сработало. После двухлетних мытарств я попал-таки в институт.

Ну, а позже, уже в зрелые годы, я писал длиннющие письма о плачевном положении советских немцев:

– Хрущеву;

– Брежневу;

– Андропову;

– Горбачеву.

От Хрущева – молчок. Наверняка перехватили на полпути. Письмо Брежневу на центральном почтамте очень неохотно приняли, посоветовались с неким упитанным азаматом (он вышел из укромного места, подошел к окошку, но стоило мне сказать несколько казахских фраз, как тотчас ретировался, дав молчаливое указание операторше), но моя жалоба дальше местного КГБ не пошла. Уже через три дня какой-то хмырь остановил меня в Союзе писателей Казахстана, пригласил в пустующий кабинет Дмитрия Снегина и строго отсчитал за слова «геноцид», «бесправие», «трудармия», «автономия», «беспредел», «нарушение ленинской национальной политики», «антиконституционные акты» и т.д. и т.п. и еще за то, что я нарушаю партийную субординацию. Я же подумал: а к Кунаеву обращаться зачем? Не он заварил кашу, и не ему ее расхлебывать.

Письмо Андропову не удалось отправить ни в Алма-Ате, ни в Ташкенте, ни в Бишкеке, еле отправил из Юрмалы, где отдыхал в творческом доме писателей (Дубулты). Мороки было много, но уведомление о получении прислали: в чьи-то руки оно все-таки попало.

Письмо на имя Горбачева, должно быть, до важного чина дошло. Меня через месяц вызвали в Алма-Атинский обком партии и выразили в довольно торжественной обстановке благодарность за изложенные актуальные вопросы.

Что письма подобного содержания ЦК КПСС получал в ту пору сотни от весьма знатных людей, я узнал позже на конференциях и съездах советских немцев в Москве.

Вот так я оттачивал свой эпистолярный жанр. Писал кратко и емко. Хватал быка за рога. С первых строк заставлял даже самого заскорузлого, толстокожего чиновника вздрогнуть. По крайней мере, так мне самому казалось.

Но не стану дальнейшее описывать, тем более, что все эти перипетии в немалой степени отражены в моей прозе и публицистике.

Писать Ельцину не было смысла, ибо, будучи в Алма-Ате, он четко заявил, что, став Президентом России, он первым делом под-

пишет указ о восстановлении Республики немцев Поволжья. Ну, как не поверить крутому мужику? Президентом он стал, но вскоре в Саратовской области так же решительно заявил, что «автономии не бу-у-удет!»

Не стоило тревожить ни Путина, ни Медведева. К немецкому вопросу эти ребята не касались ни одним боком. Немцы к тому времени свой вопрос решили, убыв в большинстве на этическую родину, а русский вопрос – не в их компетенции.

Так о чем я завел речь?

О том, что, во-первых, пытаюсь подчеркнуть роль писем в моей судьбе; а, во-вторых, выразить предположение, что именно эта практика стала предтечей моего дальнейшего литературного пути.

А вывод следует такой:

а) пишите письма, они – по крайней мере – оттачивают перо и стиль;

б) и по мере возможности сохраните их. Для истории все важно. Думаю, в тех моих безнадежно потерянных письмах также был отражен дух Времени.

Ныне я письма пишу все реже. А в высокие инстанции вообще не обращаюсь. Иногда, случается, подписываю мало полезные коллективные обращения.

Правда, однажды написал Назарбаеву, прося выделить хотя бы одну квартиру трем братьям кузнецам-оружейникам. К моей радости, сработало. И письмо дошло, и ответ не заставил себя ждать. Все три брата получили по трехкомнатной квартире в одном доме.

Ну, а для себя ничего не прошу. При случае сами дадут. А не дадут – не беда. Шукир. Тауба.

... И все же письма Германа Гессе издали в десяти томах. А сколько томов занимают письма Льва Толстого?

* * *

Печально: редеют с каждым годом ряды завсегдатаев нашего «Гайд-парка», как мы окрестили уютную аллейку возле памятника Чокану у посрамленной бывшей славной Академии наук Каз.ССР.

Еще недавно мы здесь в определенные часы ежедневно чертили круг за кругом, разделившись на группки, всего человек двенадцать-семнадцать и вольно беседовали обо всем на свете.

Многие известные личности – ученые, преподаватели, журналисты, писатели, общественные и партийные деятели – ушли в мир иной. Ныне из активных членов «бюро» осталось человек пять-шесть. Недавно ушел от нас славный ветеран, бывший крупный партийный и советский работник, светлая голова, аналитик, добрая душа 93-летний Александр Ильич Зенков, именуемый среди нас «Ильичом Третьим». Умница был, рассуждал здраво. А литературовед, журналист, кандидат филологии, бывалый Есенгельды Жакупов в шутку говаривал, обращаясь ко мне и моему соседу-дипломату: «Придет время – и останетесь вы здесь только трое».

– Кто же? – не поняли мы.

– Вы двое и Чокан. А потом останется Чокан один.

– Почему?

– Да ведь он памятник. Ему стоять здесь вечно.

Грустно, но к этому, похоже, идет.

В последние годы я здесь едва ли не ежедневно сталкиваюсь с тремя заслуженными геологами. Все доктора наук, профессоры, знатоки-профессионалы, авторы солидных трудов. Они вдалбливают в мою голову то, что я и так смутно чувствую или предполагаю.

– Э-е... Гереке, – обращаются они ко мне, – все растеряли, все профукали. Базовой науки нет, финансирования нет, геологических экспедиций нет, кадров нет. Жулик на жулике. Неучи. Попробуй что-нибудь восстановить. Одна показуха. Химера.

– А что было когда-то в активе? – спрашиваю.

– Ой, не спрашивай! – перебивают друг друга все трое. – В сороковые-пятидесятые годы... понятно, прошлого века геологов собирали по всему Советскому Союзу. В Казахстан направили отовсюду молодых специалистов разведчиков недр. И – главное – как самоотверженно они работали! В условиях бездорожья... жили в палатках, юртах, вагонках, землянках. В результате – открытия

десятков крупнейших по запасам месторождений. И этот героический труд был оценен сталинскими, государственными и ленинскими премиями.

– Ия, Ия... Дәл солай! И наших геологов, напомню, направляли для оказания помощи в Китай, в Монголию, страны Юго-Восточной Азии, Африки и латинской Америки.

– Я сам несколько лет проработал в Африке.

– А я, считай, пешком излазил-исходил весь Казахстан, Кавказ, Крым и часть пограничных республик. Какие у нас были наставники! Русские, евреи, осетины, татары! Я их всех помню по именам-отчествам.

– Как все было налажено!

– Да, мы были отменными специалистами, чем мы гордились. И к нам прислушивались. Никто не осмеливался вступать с нами в споры.

– Ныне не так? – спрашиваю.

– Ой, аллай! О чем вы говорите?! К 20-летию независимости Казахстана геологическая отрасль пришла полностью деморализованной и к юбилею страны нечего было показывать, как успех работы Комитета геологии и недропользования. Стыд и срам!

– Да, это признал и нынешний министр индустрии и новых технологий.

– Исекешев?

– Да. Он определил в открытую, как состояние глубокого системного кризиса.

– Он-то честно определил, а мы ведь все это знаем, так сказать, изнутри. Знаем, ЧТО и КАК было и что имеем теперь.

– И кто виноват?

– Кто «кто?! Да бестолковые руководители отрасли, дилетанты, далекие от науки, временщики, абсолютно случайные люди в геологии, ловкачи-деловары, получившие посредством ахалая-махалая высокие ученые степени докторов наук, звании профессоров, академиков, лауреатов, всякие материальные блага.

– Не написав при этом ни одной статьи своими руками, они весьма преуспели в присвоении чужих материалов. А некоторые присвоили даже себе открытия, которых и в природе не существует.

– Ойбай, айтатыны жок! Масқара!

– И вы могли бы конкретно назвать таких людей?

– А как же! Не только имена, но и кто у кого что стырил, какой творится в ведомствах шахер-махер, кто кому и как удачно подсунул, ловко подмазал и что за это имел. Все можем доказать. Комар носа не подточит. Ясно, как на ладони. И все это знают.

И мои собеседники – один региональный геолог, картограф, другой – геохимик, академик инженерной академии РК, третий – геолог-литолог – обрушили на мою некомпетентную голову десяток фамилий бывших министров геологии, председателей Комитетов недропользования, директоров научно-исследовательских институтов, соавторов научных работ, лже-авторов научных статей и книг по геологии, в которой они, как говорится, ни в зуб ногой, ибо по базовому образованию они специалисты иных профилей, редакторов справочников, атласных карт, мнимых первооткрывателей полезных ископаемых.

Фактов такого «научного» уфита-суфита оказалось столько, что у меня закружилась голова.

Примерно о том они мне постоянно рассказывают и географы, и философы, и математики, и химики, и биологи. Суть этих разговоров – крушение фундаментальной науки в Казахстане, дикий беспредел, который непременно отбросит научный потенциал страны и былые завоевания так далеко, что на выправление этого печального явления понадобятся десятилетия напряженных поисков и труда, а скорее тут мы будем иметь дело с полной безнадегой.

– Да-а... Печально все это. И видят это бесчинство не только специалисты, но и рядовой люд, далекий от науки.

– С кадрами у нас вообще беда. Пирожник у нас сапожник, сапожник – пирожник, циркач – дипломат, гинеколог – генерал, а каждый суслик – агроном. Ну, и что дальше? Застой и мрак?

– Надо создавать новую геолого-разведочную службу, обучать кадры, поднять научно-методологический уровень проведения поисково-оценочных геологических работ.

– Легко сказать: «надо»...

– А что? Время не ждет. Уже стучатся в двери проблемы с сырьевой базой цветной металлургии. А экономическое развитие Казахстана на 70% зависит от эксплуатации минерального сырья. Материально-сырьевая база ухудшается у нас с каждым годом. А у нас что?

– У нас продолжается легковесное, безответственное отношение к проблеме возрождения геологоразведочной службы страны.

– Но, насколько я знаю, схожее положение присуще и другим департаментам и ведомствам.

– Разумеется. Одно к одному. Но от этого нам, геологам, не легче.

– Надо криком кричать о неблагополучии базовой науки у нас в стране. Все это вот-вот выйдет боком и отбросит нас бог весть куда.

– А мы только ликуем, тои-форумы проводим, о небывалых успехах и достижениях толкуем, лапшу на уши вешаем, пыль в глаза пускаем.

– Апырай, что за разговоры вы, братцы, затеяли? Думаешь отвлечься на прогулке, башку проветрить, а вы лезете тут со своими мрачными думами.

– Енді не істейміз? У кого что болит... Ты же столько лет строчишь свою «Чепуху», может, и о нас наплетешь что-нибудь?..

– Наплести можно, а толку-то?

– Да-а... Править страной прохиндеев и неучей, конечно, проще и сподручней, но кончится-то все это скверно. Неужели это трудно понять?

Я вздыхаю. Мне моим собеседникам нечего сказать.

И мы, удрученные расходимся по домам. Чокан на своем пьедестале застыл в глубоком раздумье. Похоже, и он в растерянности не видит выхода.

* * *

Недавно (в августе 2012 г.) скончавшийся знаменитый профессор, признанный интеллектуал Сергей Петрович Капица, рассуждая о религии, назвал себя православным атеистом. Мои предки были лютеране, а родители – атеисты. Я тоже атеист, но никак не воинствующий. Если обязательно необходимо определить мой атеизм, то наиболее подходящее определение, пожалуй, будет лютерманский. Лютерманский атеист, т.е. лютерманин. Лютеранин-мусульманин. Звучит несуразно. Но бывает...

* * *

В писательстве – о, Аллах! – чувствуется подспудно некая ущербность. Зависть, скрытая взаимная неприязнь, даже злорадство, злопыхательство часто сказываются в носителях этой профессии. Меня это поражает и удручает. Может, это характерное явление для всех творцов – ученых, писателей, художников, музыкантов, актеров? Не могу судить. Возможно. Но среди коллег-казахов этот нравственный изъян имеет место быть. Вот в казахских газетах печатаются большие, как простыня, статьи о выдвиженцах на государственную премию. Большинство статей – пустая жвачка, многословная бодяга, нечто организованное для отписки, для формального представления для Комиссии, нередко инициированные самим претендентом на премию. Я многие годы варился в этом казане – знаю. Русским, евреям, корейцам, уйгурам, немцам – это полный барибир. Их эта процедура никаким боком не касается, и им заведомо ничего не светит. А вот казахские братья звонят-позванивают мне: «Читал?» «Читал» «Ну, и как?» «А никак!» «У него какие шансы?» «Бог весть. Все зависит от расторопности, связей, пробивной силы, поддержки ыгай и сыгай, от ахалай-махалай».

Почему-то каждый кого-то раздражает. И почему-то многие активно не жалуют выдвигающего себя в шестой-седьмой раз на вожделенную премию Сабита Досанова. Ну, прямо-таки никак не хочет, чтобы он эту премию охватил. В чем тут дело? Понять не могу. По-моему, он пишет, как все. Как Нурпеисов. Как Досжанов.

Как Карпыкбаев. Так что можно давать или не давать – литературе от этого ни холодно, ни жарко. Мне лично – тоже.

– Если ему дадут, это значит конец литературе! – заявляет один.

– Если он получит, я перестану писать, – заявляет другой.

– Это будет высший позор. Плевок в искусство, – распаляется третий.

Нет, не пойму. Чего это мои коллеги в бутылку лезут?

Дадут ему, не дадут – я-то сам шкрябать пером не перестану. По слухам, он получил и шолоховскую премию, и пикулевскую, и есенинскую, и алашскую, и чувашскую, почему бы еще не дать и государственную? Москва дает, Париж признает, а Астана – что? Сабит ведь в конце концов казахский писатель, не так ли? Жалко, что ли? Не дадут – так он еще одну эпопею-пятерицу сотворит!

Мне знакома эта слабость: мои братья-тамыры обожают звания-почести, ордена-медали, грамоты-чапаны. Ну, так давай, сколько душа просит. Будь моя воля, я бы каждому давал: а) по кахарману, б) по «Отану», в) по генералу, г) по депутату, д) по лауреату, е) по академику.

Ну, а вместо «Мерседеса», посадил бы на танк (об этом я и не додумался, сам Президент очень уместно подсказал на одном совещании).

Ну, и что будет?

А всем хорошо будет. Главное: никому никакого вреда. Вот это будет равноправие! Высшая демократия!

И елбасы Нурeке сразу станет легче жить. Ни у кого никаких обид. И ни о чем голова болеть не будет.

Әй, осы өзім де кумын! Башка шурупит!

* * *

На искусительнице Акше помешались нынче все. Денег вообще-то много и их катастрофически не хватает. Пэле болды осы ақша деген!

Зараза эта давно идет с Запада. А Америка когда еще сделала доллар фетишем. И весь мир на это клюнул. Или попался в капкан. Доллар стал и Бог, и царь, и герой.

Ну, а Казахстан разве отстанет от течения цивилизации? И он ударился в слепую погоню. Кедей-бедняк хочет стать баем, а бай – Кудаем.

Исчерпывающе сказал об этом французский писатель Эрве Базен:

«Вы не находите забавным, что то, ради чего живет обыкновенный француз, от него неумолимо ускользает? Он живет, чтобы накопить побольше денег. Деньги – это божок. Он на них молится, добывает, копит, кладет под проценты. А что получается? Накопления увеличиваются на 7-10 процентов, а стоимость жизни – на 12-15 процентов. Выходит, что, богатея, он беднеет. И никто не спрашивает себя об абсурдности такого устройства жизни, при котором главная цель удаляется быстрее, чем ты к ней приближаешься».

Это же можно сказать и о современных казаха или казахстанцах. Да, пожалуй, и обо всех гражданах бывшей многонациональной советской страны.

Искусительница Акша всех одурачит.

* * *

Писатель Джеймс Паттерсон написал 14 романов и является самым богатым писателем: он накопил 94 млн. долларов. Мой друг и коллега Дукенбай Досжан тоже написал 14 романов (десятки повестей и сотни рассказов, помимо всего прочего), но в списке «Форбса» среди богатеев-писателей я его не обнаружил. Какой отсюда вывод?

* * *

Покойный писатель и журналист-политолог Алексей Дебольский, азартно играя со мной в шахматы, имел привычку мурлыкать себе под нос: «Потом нам будет плохо, но то будет потом». Иногда думается мне, что и нам, казахстанцам, в самую пору петь эту песенку.

* * *

За двадцать лет независимости я почти ничего не слышу о рабочем классе. Неужели он вымер, а я и не заметил? Зато появил-

ся мощный класс под названием «офисные люди». Они мелькают всюду. Они заполнили и СМИ. Они – герои нашего времени.

* * *

Заголовок в газете «Новое поколение» гласит: «Половина россиян работает по знакомству, но не по специальности». Возникает тот час вопрос: «А у нас?»

* * *

Черт знает, какие мысли лезут иногда в стареющую башку! Вот подумалось вдруг: будет ли в Казахстане президент после Назарбаева? В принципе? Ай, кайдам! Сомневаюсь я... Ну, может быть, и будет некая номинальная его тень. Временно. Для близира. А потом что-нибудь произойдет. Или придумают. Больше всего обидно то, что большинству казахстанцев, по моему наблюдению, все равно.

* * *

Читаю газеты, смотрю телевизор и тихо, про себя радуюсь: **внешне** Казахстан – абсолютно здоровая, благополучная, благоденствующая страна. Успехов и достижений со счетов не сбросишь. А потом вдруг ни с того, ни с сего огорчаешься: **а внутри-то**, похоже, все с гнильцой, по-казахски: «қисыны кеткен былықбай». И в стране, и в руководстве. Прости меня Создатель!..

* * *

Пример Храпунова, замечаю, оказался заразительным. Верные сыны Отечества славного, оседлав с помощью уфита-суфита высокие кресла, лихорадочно набивают карманы, коржуны, чемоданы презренными долларами, и сидят наготове, чтобы при первом же удобном случае ловко сигануть за кордон. Они делают ноги, а одураченному люду, включая и их покровителя Елбасы, шлют издалека горячие поклоны.

Таков высший пилотаж. Надо что-то делать с этим. А то вскоре совсем уж осиротеет наша власть. Раскарабчат Казахстан до нитки и тю-тю. Таковы носители нашего национального патриотизма. Тьфу в ваши гнусные рожи!

* * *

Никак не могу определить для себя взаимосвязь понятий вор и патриот. Раньше было все определенно четко: вор и спекулянт обладали сугубо отрицательными характеристиками. Теперь спекулянт – предприниматель, а вор – достойный гражданин. Нередко восседает в парламенте. И нам они сопрягаются с понятием патриот.

Все воры и спекулянты, ничтоже сумняшеся, выдают себя за патриотов, борцами за национальную честь.

Действительно ли так?

Вот мой давний знакомый – вор, спекулянт, пройдоха, мошенник и хапуга. Но о патриотизме заливается соловьем. Заслушаешься и заплачешь. А я пребываю в тяжелом раздумьи: в какой степени сопрягаются эти понятия?

* * *

Утром (просыпаюсь): «Радуйся, что хоть так. Ведь завтра, скорее всего, будет хуже».

Вечером (ложась спать): «Е-е...бергеніңе шүкір. Слава Создателю! День прошел не совсем впустую».

Ночью (на балконе): «Мерцают звезды. Веет ветерок. В облаках бродит луна. Спи спокойно».

* * *

День как день – 25 августа 2012 года.

Писателю Калмухану Исабаеву 87 лет. Знакомы мы почти полвека. И все эти годы тесно переплелись наши пути-дорожки. Позвонил, поздравил. Он слаб и плох. Общался с женой.

С утра Кажыгали М. завез свой шикарно изданный роман «Тар кезең». Я роман прочел недавно, написал рецензию, высоко его оценил.

Отправил сестре в Германию два последних тома моего десятитомника.

Мой коллега и друг Константин Эрлих позвонил из Гамбурга и по телефону прочел свою поэму-трагедию о судьбе российских немцев. Он читал с комком в горле, а я слушал в слезах, чувствуя как каменеет сердце.

По ТВ все те же: пожары, наводнения, убийства, насилия, бомбежки, взрывы, землетрясения, цунами, человеческие интриги, подлость и пакости.

А что наверху власти? Ахалай-махалай, уфит-суфит и видимость борьбы с коррупцией.

А поздно вечером откуда-то позвонил Владимиров, сообщив, что в Астане скончался Владимир Гундарев, давний знакомый, поэт, бессменный главный редактор журнала «Нива».

Один лишь день.

Се ля ви...

* * *

Моим старшим друзьям-коллегам ныне за восемьдесят, а кое-кто из них на подступах 90-летия.

Редеют ряды.

А самому младшему моему дружку – Артуру Алдабергенову – год и два месяца. Шустрый, милый малыш. Меня он узнает, издали одаривает щедрой улыбкой и тянет ручонку – здороваться.

Бабушка его – моя соседка по дому, между прочим, внучка поэта-классика Ильяса Джансугурова.

Артурчик по малолетству мало что понимает. А я ему по-доброму завидую: он наверняка дотянет до XXII-го века. Интересно, каким тогда будет Казахстан?

* * *

Вообще-то в идеале надобно, чтобы слово подтверждалось знанием и культурой, а не только дастарханным аляуляем.

* * *

Вот мысль, которая бродит в моей голове давно, но я никак не мог ее четко сформулировать. Ее ясно и точно выразил писатель Рауль Мир-Хайдаров в своих мемуарах «Вот и все...»:

«Приди во власть люди, знавшие цену книги, любившие книгу, они не загубили бы страну, ее культуру, искусство, не пустили бы по миру с протянутой рукой писателей, философов, ученых. Не довели бы до нищеты учителя, врача, библиотекаря, инженера» (см. «Amanat», № 2/2012, стр. 89).

Исчерпывающе сказано. Автор имеет в виду Россию (он живет в Москве), а я – Казахстан.

Мне знакомы некоторые высокопоставленные чиновники, которые за свою жизнь книгу в руках не держали.

Знаю одного администратора из высшего эшелона, который прославился фразой: «Для меня писатель не авторитет».

Когда наш Елбасы назначает в областях нового акима, писатель Нурпеисов, знающий нашу политическую элиту, определяет его коротко: «Он книг не читает». И этим сказано все.

Знавал я одного министра культуры, в шикарно обставленной квартире которого не было ни книг, ни газет. «А зачем? На работе-то все есть», – сказал он мне.

Еще один шишкарь, сотканный из спеси и чванства, держал в дорогих шкафах только книги, велеречиво и напыщенно подписанные их авторами. Читал он, понятно, исключительно автографы.

Человек, не дружащий с книгой, если и не пропащий, то явно неполноценный, ущербный. И горе стране, если такой пақыр еще кем-то или чем-то руководит.

Ойбай-ай, ойбай! Как же тут быть?

* * *

Казахские образные выражения, как говорится, не в бровь, а в глаз.

Одно из таких: «көтіңе қара!» (варианты: «көтіңе қарамайсың ба?!»; «көтіңе қарау деген жоқ»)

Буквально: «Оглянись на свою задницу»; «соизмеряй себя с задницей своей».

По-народному немного грубовато, но метко.

Смысл: «Не выпендривайся!»; «Протягивай ножки по одежке»; «знай, сверчок, свой шесток»; «по Сеньке шапка»; «К чему кривым ногам красные сафьяновые сапожки?»; «из грязи в князи»; «как корове седло».

И т.д. в этом роде.

Когда я вижу не в меру расфуфыренных хатун-келиншеков, баб или дам, увешанных золотом и бриллиантами, упакованных в заморское тряпье, а также приземистых, пузатых мужиков-азаматов в фирменных европейских костюмах, в галстуках, стоимостью в одну кобылу, в итальянских ботинках, бог весть в каких куртках, в претенциозном прикиде (последний визг моды), мне всегда становится смешно, и с губ моих поневоле срывается: «Апырай, а! Көтке қарау деген жоқ!»

Они, эти бишаринцы, мнят себя элитой, национальной буржуа, избранниками судьбы, всячески выказывают свое наворованное богатство и воображаемый аристократизм, напрочь забывая о своем плебейском происхождении.

Ну, совсем не смотрят на свою котешку!

Их никто за аристократов и не принимает, считают их выскочками, нуворишами (Олжас: «Ну, воришки!»), низким шахер-махером присвоившими себе народное добро.

Сколько таких околачиваются в коридорах власти и околоакиматских закутках?!

Ничтожные! Хотя бы издалека обращали свое внимание на немытую, черную котешку.

Тьфу!

* * *

28-е августа для российских немцев – день памяти и скорби. В этот черный четверг на исходе лета 1941 года прошлого века был обнародован именем Верховного Совета СССР репрессивный указ

о тотальном выселении немцев Поволжья в Сибирь и Казахстан. Была в одночасье распущена автономная Республика поволжских немцев и перечеркнуты, изломаны, истоптаны миллионы человеческих судеб.

«По законам военного времени», как грозно упоминалось в том зловещем указе, был оболган и депортирован народ, который верой и правдой служил русскому отечеству не одно столетие.

Ссылками, лагерями, тюрьмами, спецкомендатурой, трудармией, унизительными ограничениями была изничтожена, загублена треть народа. Уцелевшие обречены на неизбывную боль.

День памяти и скорби отмечается в каждой российско-немецкой семье во многих странах.

Вспоминаются строки Марины Цветаевой (кстати, мать ее была немкой):

– По трущобам земных широт
Рассовали нас, как сирот...

Народ-изгой, народ-сирота – не только российские немцы.

Разные годы и разные даты репрессии помнят в России корейцы (1935, 1937), курды (1937, 1944), немцы (1941), карачаевцы (1943), калмыки (1943), ингуши (1944), чеченцы (1944), балкарцы (1944), крымские татары (1944), месхетинские турки (1944), хемшиды (1944), греки (1944, 1949).

Я еще не всех репрессированных перечислил. Могу назвать поляков, финнов, кумыков, иранцев, латышей, литовцев, эстонцев и «прочих разных шведов».

Судьбы этих народов созвучны в своей трагичности.

«Я – россиянин!» – решительно и с пафосом заявил в одном стихотворении 90-х годов прошлого столетия Мустай Карим.

Я тоже россиянин, ибо родился в России в 1934 году, где мой предок Андреас Бельгер обосновался еще в 1767-м году, отозвавшись в числе первых на известный Манифест Екатерины Великой.

Но правда и то, что для всех выше названных народов бескрайняя и могучая Россия оказалась не доброй матерью, а злой мачехой, предавшей на крутом повороте истории своих детей.

Это несправедливо, обидно, незабываемо.

И пепел Клааса стучит в сердцах уцелевших потомков.

Эти скорбь и память не вытравят, думаю, и столетия.

Может, потому и обрушиваются на бедную Россию столь всевозможные тяжкие испытания во всех сферах бытия из года в год?

Не знаю. Но допускаю.

А вот Казахстан всех этих изгнанных, оболганных, преследуемых, затравленных, униженных и оскорбленных в черной час приютил, обогрел, накормил, обласкал, обнадежил.

Я это помню. Помню с благодарностью. Ибо сам все испытал, пережил. Непонаслышке знаю. И посильно о том не раз писал.

И потому думаю: Казахстану за это воздастся. Творец благословит его за милосердие и благодеяние к обездоленным по злой воле.

Иначе не может быть.

Иначе не должно быть.

И кара, и милость божья неизбежны.

* * *

Еще учась в школе, примерно с шестого класса, я выработал привычку делать пространные выписки из прочитанных книг. Этой привычке я верен и поныне. Правда, читал (и читаю) много, но выписки делал (и делаю) избирательно. Какие-то тетради с выписками 50-60-летней давности сохранились. Вот сегодня (28.08.12) среди своих бумаг я наткнулся на изрядно потрепанную тетрадь 1956 года. Кого я тогда конспектировал? Почему-то особенно усердно Д.И.Писарева («Мыслящий пролетариат», «Русское правительство под покровительством Шоде-Ферроти», «Пушкин и Белинский», «Лирика Пушкина», «Реалисты», «Роман кисейной девушки»), далее идет Н.Г.Чернышевский, Г.В.Плеханов («История русской общественной мысли»), Л.Н.Толстого (сочинения в 14 томах), Анатоль Франс, Анри Барбюс, Тургенев («Дым»), Некрасов, Макаренко... Мелким-мелким почерком (всегда экономил

бумагу) исписана вся тетрадь, Помню: таких тетрадей было несколько: «Хламбюри», «Мудроблудие», «Полилогия», «Рабочие записи». Две или три тетради были посвящены выпискам из трудов Льва Троцкого (их забрал у меня КГБ).

Пока я с любопытством вчитывался в свои записи 1956 года, позвонила молоденькая (судя по голосу) журналистка из газеты «Улан». Ответьте, пожалуйста, на три вопроса: что вы читали в детстве, каким произведениям даете предпочтение, кого из современных писателей рекомендуете для чтения. Ответил по своему разумению. И потом не удержался, завел разговор о своей студенческой тетради 1956 года. «О! – изумилась моя собеседница. – Тогда и моих родителей на свете не было».

Она окончила КазНУ им. аль-Фараби. Ни одного (!) из названных выше произведений она не читала.

И я задумался. Кого же она читала? Что запомнила? «Я ведь, аға, училась на казахском отделении, – объяснила она мне. – И окончила казахскую школу». «Е-е... айналайын... Я ведь тоже окончил казахскую аульную школу еще в 1953 году. И в КазПИ учился на русско-казахском отделении литфака»

Молчок. Стало скучно.

Что поделаешь? Совсем иные времена наступили.

* * *

С некоторых пор с опаской раскрываю газеты: через день кто-то из моих знакомых уходит в мир иной. Я уже не решаюсь вычеркивать их телефоны в записной книжке. Вспоминается слова Бауке (Момышулы): «Все плотнее ложатся снаряды». И еще – казахское выражение «Айналам жалаңаштанып келеді» («Все более редеет мое окружение»). Просто и коротко выразил это состояние 90-летний Сигурд Оттович Шмидт, сын легендарного Отто Юльевича Шмидта: «Я понимаю, что жить долго можно только старея. А стареть – только болея. Другого пути нет».

Разумеется, и я это понимаю, хотя до почтенного возраста Сигурда Оттовича мне еще долго.

Тетрадь двадцатая

Познавая себя

(эссе)

Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток
Пушкин

Должно быть, возрастное. Ловлю себя на том, что все чаще перетряхиваю тощую торбу своей жизни, вываливая разом ее содержимое, и разбираю его вместе с двумя дотошными мусульманскими ангелами – Мункиром и Нанкиром, сидящими на моих правом и левом плечах. Все тщательно перебираю, вызвав в памяти тени прошлого, все содеянное в немалой своей жизни. Получается, будто я познаю себя.

Кажется, таким был философский постулат Сократ: «Познай самого себя!»

Сократу то было к лицу: он был мудрец и гений. А оттого, что я примусь познавать себя, кому холодно или жарко? Но, может, это имеет локальное значение? Ведь придумала же весьма серая матрона уроки самопознания в школах. Можно допустить, что какой-то смысл в таком самопознании все-таки есть. Чтобы хотя бы определить свои душевные качества, способности, самооценку, свою ментальность в своих и чужих глазах, соразмерить свою индивидуальность (если таковая есть) с обществом, в котором тебе суждено обитать. Вероятно, великим следует познавать себя, чтобы служить примером, образцом для человечества, чтобы выработать какой-то идеал, к чему простому смертному пристало стремиться. По принципу Абая: «Болмасаң да, ұқсап бақ!» (Примерно: «Постарайся подражать, хоть таким и не станешь») Писатели, философы пишут свои творения, постигая себя, анализируя сферу бытия через себя, через свою душу, выворачивая себя, все тайники души своей наизнанку. Не о том ли все произведения Руссо, «Поэзия и правда» Гете, «Книга слов» Абая, «Иосиф и его братья» Т.Манна, «Игра в бисер» Г.Гессе – называю навскидку первые пришедшие в голову имена?

Вообще-то инстинктивно и я познаю себя всю жизнь. Разве не о том свидетельствуют мои дневники, которые я усердно пишу со второго класса аульной школы, или мои писания в форме прозы, публицистики, эссеистики, критики, литературоведения? Выходит, и я настойчиво познаю себя, выявляю свое самое сокровенное, достойное и глупое, анализирую на чаше нравственных весов все содеянное, иногда испытывая удовольствие, а нередко и стыд, отвращение, досаду. («И с отвращением читая жизнь свою»). Всякое накопилось на далекой дороге жизни, разное набралось в торбе. Что-то охотно хотелось бы отбросить, выкинуть за ненадобностью, да невозможно, поскольку к прошлому возврата нет – так устроена мудрость жизни.

Что позволено Юпитеру, то не положено Быку.

Что к лицу мудрецам Сократу или Конфуцию, то кажется смешным майлинскому Мыркымбаю.

Но я все больше склоняюсь к мысли, что и непутевому Мыркымбаю, как и глупому немецкому Гансу, как и везучему Ваньке-дурачку совсем не помеха познавать себя, что в сущности они и осуществили. Может, именно это и ведет (или вело бы) человечество к нравственному прогрессу? Но вот если учесть, что это самое человечество с античных времен (насколько мне позволительно судить) не особенно изменилось и в наши дни, то это, возможно, оттого, что подавляющее большинство его вовсе не занимается познанием себя, а живет исключительно – веками! – ради выживания, ради добывания хлеба насущного в поте лица. Оно зациклено не столько на самопознании, сколько на банальном продолжении рода и поддержании жизни (огня) в очаге под шанраком.

Да, такой вариант я допускаю.

Иначе говоря, просто-напросто не всем (далеко не всем!) дано познавать себя. Просто недосуг заниматься самокопанием, самоанализом. И то верно: чего познавать, если ровным счетом познавать нечего? Может, именно потому и литература в наши дни явно теряет свое философское, социальное и общественное реноме?

Думаю, сократовская формула не всегда срабатывает. Она свойственна и действенна исключительно божьим избранникам. Если они познают себя, несомненно, есть прок для простых пенде – грешных земных созданий.

Я, например, это сознаю, и все же стремлюсь познавать себя в слабой надежде, что моя жизнь, мои тщетные судороги также для кого-то имеют смысл. По крайней мере, читательские письма и многочисленные телефонные звонки-реплики намекают на это.

Если же в том смысла нет, то, как говорил Абай, «өз сөзім өзімдікі», то есть, «мои слова исключительно принадлежат мне», и я их никому не навязываю.

Но что значит познать себя? Каков его механизм, по какому гамбургскому счету самопознание достигается? И где и какой его вожделенный Грааль?

Нет, пожалуй, четкого ответа. Может, у немецкой философии (мне непосильной!) он и есть, затерялся-затаился в тысячах томах, но у меня, аульного мамбета (по меткому определению А.Кекилбаева и Е.Турсынова), его, ответа, нет. И сильно смущает меня то, что Иоганн Вольфганг Гете, с мнением которого не считаться никак нельзя, весьма сдержанно относится к сократовскому философскому постулату: «Познай самого себя!»

Николай Вильмонт (блистательный литературовед, эрудит-германист, гетовед – я его, похвалюсь, встречал в Доме творчества писателей в Переделкино вместе с его женой, классной переводчицей с немецкого Наталией Манн) в своей пространной вступительной статье к «Dichtung und Wahrheit» Гете эффектно коснулся этой темы и приводит гетевские поэтические строки полные сарказма:

– Познай себя! – Просил бы разъяснений,
– Извольте: надо быть и вместе с тем не быть!
– Да, эту формулу создал бесспорно гений:
Так коротко, а может с толку сбить.

Верно: с толку сбить может, как и лапидарное гегелевское: «Все действительное – разумно; все разумное – действительно».

Что-то мудреное и лукавое заключено в этом «Надо быть и вместе с тем не быть».

Приходит на ум диалектическая загадка из казахского фольклора: «Есть одна дорога: далекая, но близкая. И есть вторая дорога: близкая, но далекая».

Так ведь устроена жизнь: «Прекрасная, но полная страданий и лишений; полная горя и мук, но прекрасная и деланная».

Довольно расхожая, банальная истина.

Но метко. Можно спорить дни и ночи напролет, а ничего не доказать.

Цитирую Н.Н.Вильмонта:

«Как познать самого себя?» – вопрошает Гете и сам же дает ответ: «Только не путем наблюдений над собою, а отдаваясь делу.

Попробуй исполнять свой долг, и сразу узнаешь себе цену». «Предаваясь самопознанию, которое проповедует попы и моралисты, мы не сдвинемся с мертвой точки, не добьемся ни реальных результатов, ни внутреннего самосовершенствования».

«Я утверждаю, что человек никогда не научится себя познавать, никогда не сможет смотреть на себя как на объект познания».

Так рассуждал Гете.

Задумаешься, не правда ли?

И хотелось бы поспорить с Гете, да аргументация слаба. Что ни говори, а самопознание полезно. Нет смысла отрицать и возможность самопознания. Да и, думается мне, каждый самобытный, самодостаточный человек в состоянии смотреть на себя как на объект самопознания.

Конечно, далеко не все, о чем пойдет впереди речь.

Оттого, что, полагаю, нынешние наши депутаты, члены правительства, службисты президентской администрации в одночасье возьмутся за самопознание, какой общественный смысл, много ли вообще проку? Они постоянно мельтешат перед глазами публики, сложной духовной организацией не отличаются, интеллектом не выделяются, помыслы их достаточно приземленные, амбиция, конечно, есть, да амуниция убога, мыслительная потенция ограниченна, очевидными талантами за редким исключением не блещут, язык топорно-суконный, гражданское обличье размыто, деяния подневольные, чиновничьи, характеры скользкие, поступки конъюнктурные. Сколько анализируй душу, сколько ни копайся в душевном коржуне, мало что накопаешь-извлечешь.

Значит, чтобы познать себя, надо еще кем-то быть. Из серой пендешки и Сократ ничего не выудит.

Получается, что Гете ближе к жизни, к реальности, к истине. Человек должен уметь, прежде всего, трезво оценить, что́ он совершил, что́ он сделал для общества, для народа, для человечества, если уж на то пошло. В этом смысле Абай в своих «Ғаклиях» перекликается с Гете: прочтите внимательно все его сорок пять философских эссе. Вы обнаружите явную перекличку воззрений и идей.

Конечно, «Познай себя!» актуально на все и во все времена. Если при этом ты что-нибудь из себя представляешь.

Вот стою я на балконе, обозреваю доступную мне окрестность, думаю-размышляю о том, о сем, вспоминаю прошлое, пытаюсь осмыслить настоящее, копаюсь в себе – познаю себя.

А кому это надо?

Внизу дворник Айупхан яростно метет двор, покрикивает на нарушителей парковки, скребет мусорный контейнер, занимается своим привычным делом, работает еще на двух местах, чтобы выучить детей.

Интересно, он тоже познает себя или уже познал?

На скамейку нашего двора устало опустились две миловидные полуголые девахи. Измученные, истрепанные, они только что выбрались из соседнего ночного клуба и бессильно прижались друг к дружке.

Любопытно, как у них обстоит дело с самопознанием? Или они тоже познали себя и окружающий их мир заодно?

Эх, растолковал бы мне все это мудрец Сократ...

Поневоле больше склоняешься к правоте Гете. Вот с этой колокольни я и оцениваю литераторов и литературу. Особенно с нынешней моей возрастной высоты.

Я вообще-то имею базовое педагогическое образование. Дипломированный преподаватель русского языка и литературы. Методист по аспирантуре. Читателем всегда был усердным. Так вот, русская литература (имею ввиду, главным образом, классическую) в познании самого себя и мира имела на меня наибольшее влияние. В нравственном моем воспитании и умственном развитии она, полагаю, сыграла главенствующую роль. Философская максима: «Познай себя!» максимально (извините!) выражена именно в русской литературе. Распространяться по этому поводу нет смысла, ибо это постулат очевидный.

А учился я в казахской школе, всю жизнь вращался в казахской среде, много читаю казахов, переводил с казахского языка на русский уйму книг, писал немало исследовательских работ по казахскому языку и статей-рецензий о казахской литературе.

В познании себя и мира, видимо, косвенно имела влияние и эта сторона моих читательских интересов. Однако скажу откровенно, философское кредо «Познай себя!» не самая сильная ее струя. Бросаются прежде всего в глаза ее описательность, ее экзотичность, выспренность, пафосный слог, велеречивость и многословие. Словесно себя казах никогда не ограничивал. Для казаха время и пространство – категория безмерная. И того, и другого у щедрого творца вдосталь. Такая сложилась историческая ментальность. По пышнословию казахская литература, на мой взгляд, занимает одно из ведущих мест в мире. Я не говорю, что это изъян. Нет. Это просто одна из характерных ее черт. Она ярко живописует, лепит метафоры и сравнения, играет словами, будто вспенивает терпкий кумыс, восхищает образностью, изысканными украшениями-излишествами, дидактикой, нравоучением и назидательностью. Она менее всего настраивает человека (читателя) на познание самого себя. Мысль – не главный ее конек. Она привлекает словесным узором, замысловатыми орнаментами. Старается привлечь внимание читателя (слушателя) плетением словес и завлекательными подробностями. Словом, «алыстан шауып, қисынын тауып...

Казахская проза для ума не очень калорийная пища. Пухлый «Жұмбақ жалау» Сабита Муканова я с упоением мог читать только в 6-м классе аульной школы. Сейчас подобное читать я не смогу даже в одиночной каталажке при трехразовом приличном питании. А ведь на таком уровне написаны штабеля казахской прозы. Я ее никак не отрицаю и не унижаю, а просто констатирую ее познавательный заряд.

Возможно, я ошибаюсь, но я склонен именно так ее воспринимать. Ум она обогащает меньше всего. Ее функция или козырная карта – описание безмерности и разумности божьего бытия. Именно так я воспринимаю изысканную прозу Аймаутова, Ауэзова, Т.Алимкулова, Кекилбаева, Магауина, Нурмаганбетова – шести ведущих, на мой взгляд, казахских прозаиков. Проза казахская интеллектуально весьма однообразно-ровная и географически плоская, как безмерная казахская степь, как плато Устюрта. Сопок, увалов, хребтов, гор встречается немало, далеко за горизонтом.

С годами меня все больше манит-привлекает-притягивает немецкая литература. Боже, сколько гигантов! Гете, Генрих и Томас Манны, Гауптман, Герман Гессе, Ремарк, Генрих Белль, Гюнтер Грасс... не стану далее перечислять, слишком длинным получается список. Добавьте сюда блистательный ряд философов – Кант, Гегель, Фейербах, Шопенгауэр, Ницше, Шеллинг, Фихте... ойбой, разве всех упомнишь?! (Признаюсь, мои познания о них ограничиваются, главным образом, серией «ЖЗЛ»). Вот основные мощнейшие истоки самопознания. Вот кто руководствовался философским штандпунктом: «Познай себя!». Они, эти литераторы и философы, и себя познавали, выстраивая обстоятельные системы миропонимания, и других заставляли облагораживать душу высокими, дерзновенными мыслями.

У меня ныне почти отпало желание читать «чисто» художественные, изящные беллетристические поделки (особенно авторесс). Ну, и что из того, что писатель Тугеншеев или Такойтович, возомнивший себя истинным художником, красиво, высокопарно, велеречиво описывает восход и закат солнца, небо, облака, звезды, рябь озера, игру теней, шторм на море, буран в степи, утреннюю росу, секс в стоге сена и т.д. и т.п. – все это было, было, было и сотни и тысяч раз. Можно, конечно, восхищаться: «Ах! Ах! Какая картина, какой обзор, какие нюансы и детали!» Ну, вымучил автор-эстет еще один эпитет, вставил в лыко еще одно сравнение, поиграл-позабавил словесами-выкрутасами, озадачил туманным намеком, что-то недосказал, что-то неумеренно расписал, ну и что? Все это на любителя, на пресыщенного эстета, на гурмана, на сноба.

Для меня все это нечто пройденное, надуманное, вымученное, как бальмонтовские аллитерации и ассонансы, как фетовское «шепот, робкое дыхание, трели соловья», как хлебниковские «ребусы» и «кроссворды», как нарочито изломанные цветаевские синтаксические конструкции и т.д.

Философичность немецкой прозы, ее нацеленность на дидактику души, ее психологическая и словесная точность, четкость и

ясность мысли меня прельщают все больше и больше. Она, как мне кажется, неизменно следует философской формуле Сократа.

Может, именно эта струя немецкой прозы меня и волнует, и обогащает мою душу и ум?

Литература знает великолепных художников слова, истинных ювелиров типа Бунина, Шолохова, Паустовского, Нурпеисова. Я их охотно читаю, пробую каждое слово на зуб, восхищаюсь их живописанием, умением плести-вышивать узоры, выжать из слов затаенную музыку, чары, колдовство. Все так. Но я не могу довольствоваться кондитерскими яствами, для ума необходима иная пища. У этих тонких художников совсем иное видение, иной штандпункт, мысль их не первична, несколько поверхностна, они не формируют и не формулируют логику бытия, а больше заняты колдовством слов.

Потому после них я должен читать непременно Герцена, Толстого, Солженицына и подлинную художественную публицистику Л.Леонова, Ч.Айтматова или Кендзабуро Оэ.

Допускаю: сказывается мой эстетический изъян. Ограниченность. Спорить не стану. Но я ведь свое видение и ощущение никому и не навязываю.

Вершиной художественной прозы я считаю «Войну и мир» Л.Толстого, «Иосиф и его братья» Томаса Манна и «Путь Абая» Мухтара Ауэзова. В этих монументальных творениях нашли созвучие, гармонию мыслитель и художник. Таковы вершины трех близких мне литератур.

А мимовольно мне думается: если бы наши высоко взобравшиеся государственные чиновники ежегодно прочитали бы эти 12 томов, они находились бы на совсем ином духовном уровне эстетического и нравственного развития и воспринимали бы мир совсем иначе, и в познании себя и общества заметно приближались бы к миссии служения народу.

Увы!..

И данным эссе я пытаюсь посильно привлечь внимание читателя к сократовскому «Познай себя!» и гетевскому скептицизму и сарказму по поводу «надо **быть** и вместе с тем **не быть**!»

август 2012 г.

* * *

На старости лет я понял, что никакими талантами никогда не обладал. Возможно, были какие-то задатки, которые так и не развились. Теперь я утешаю себя тем, что по крайней мере вреда от меня никому не было. И на том судьбе спасибо.

* * *

Пошла соседка устраивать своего внука – очень милого мальчугана из хорошей семьи – в школу. А с местами туго (с ремонтом не успели, потому учащихся распределяют по другим школам). Директор с ходу, в открытую заявляет: «Пять тысяч долларов!» Соседка обомлела: «Где их возьму?!» «Это ваша проблема», – последовал ответ.

Такие ныне нравы.

Как хорошо, что я пошел в школу в далекое военное время – в 1944 году. Ни я, ни мои родители слова «доллар» тогда и не знали.

Теперь же казахи не те. Деньги их неузнаваемо подменили. Деньги, боюсь, их надорвут и подорвут. От этой напасти спасу нет. Деньги страшнее, чем джунгары, чем имперское иго. Против этого искушения казахам не устоять. Чует мое сердце.

* * *

Ну, о чем тут говорить? Разумеется, я казахстанец. Убежденный. Давний. С 1941 года. Но это географически. И, пожалуй, по социально-психологическому складу – тоже. Но никак по национальности, ибо такой национальности в природе не существует.

Скептически отношусь и к внешнему подражанию Западу. Как-то неловко, когда казах тщится казаться американцем, французом, англичанином. Ни к чему это. И тяга к Востоку не очень-то корректна. Запад есть Запад, Восток есть Восток... Не я сказал. Я, например, этнически западный человек, но с детства больше тяготею к Востоку. Так сложилось. А с казахами, на мой взгляд, сложилось так, что они ни на Западе, ни на Востоке. Где-то посередке. От подлинного Востока ушли, до настоящего Запада не дошли. Тут нет ни

вины, ни беды. Так исторически и географически получилось. И по политическому устройству Казахстан совершенно патриархальная страна. И еще долго таковой останется. Минус это или плюс – сказать не могу. Четкого ответа нет. Одно очевидно: демократия здесь и не ночевала. Даже запаха ее не слышно. И не надо по этому поводу лезть в бутылку. Что есть, то есть.

* * *

«Взятка выше наркома».

Интересно, когда и кто впервые проронил эту фразу?

Ныне можно сказать: «Взятка выше всякого закона».

Точнее: она и есть высший закон.

* * *

У подростка Гете, увлекавшегося французским театром, однажды сорвалась нечаянно с губ фраза, обращенная к наседавшей на него даме: «К чему этот шум? Сколько ни ликуешь, а смерти не минуешь». И дама опешила, растерялась, замолкла и удалилась прочь.

Иногда по разному поводу и мне хочется воскликнуть: «К чему этот шум? Ликуй – не ликуй, а в конце-концов скажешь: «Фуй!» Это соответствует казахскому: «Ай, қап!», «Әттеген-ай!»

* * *

Бывают такие сумрачные моменты, когда мне мерещится, что в будущем казахи от родной речи отойдут на внушительную дистанцию.

Откуда тревога?

Вот несколько примеров. Рядом, на расстоянии брошенной палки, находится образцовая казахская школа. И ежедневно, уже многие годы подряд, я слышу, что ее учащиеся почти исключительно общаются между собой на русском языке. Так, видно, привычнее, удобнее. Знакомый писатель и бывший партийно-советский работник С.Т. живет в пятикомнатной квартире с шестью домочадцами.

Он же – единственный носитель казахского языка в семье. Остальные говорят только по-русски. Вот он во время прогулки и отводит со мной душу: безустали плетет искусственные казахские речевые узоры. Признанный переводчик с русского на казахский А.Ж. общается со смышленным, бойким внуком только по-русски. Покойный мой друг Е.З. писал стихи на казахском, сын творит на русском, а внук и правнуки, обосновавшиеся в США, сочиняют стишки на английском. Сосед мой, дипломат К.Т. окончил казахскую школу, в ладу с монгольским и немецким языками. Дети на бытовом уровне владеют казахским, но предпочитают изъясняться на русском. Внук же, можно сказать, и совсем обрусел.

Таких фактов в моем окружении тьма. На тоях и свадьбах половина казахов произносят тосты по-русски или на жуткой мешанине.

О да, исключения, разумеется, есть. Таких примеров могу привести тоже немало.

Но чаще всего я слышу обедненную, примитивную казахскую речь. Синтаксис русский («Мен ойлаймын, что...»), интонация русская, произношение русской гортани, фразы предельно расхожие, адаптированные. Это только кажется, что имярек говорит по-казахски, на самом деле это воляпюк, койыртпак, каудервельшь.

Все реже мне кажется, что сдвиги за последние годы все-таки есть, что лед тронулся, государственному языку уделяется приоритетное внимание, что очевидны кое-какие успехи. Очень хочется так думать, но, боюсь, это не совсем так. Чаще всего то, что я слышу на улице, среди знакомых, даже с экрана ТВ, даже на официальном уровне, к исконному казахскому языку имеет весьма отдаленное отношение. Вот тогда-то мне и кажется, что будущее в овладении казахским языком – швах. Туманно. Зыбко. Во многих казахских семьях по-казахски вообще не читают. А дети-внуки самых рьяных национал-патриотов по-казахски и вовсе не кумекают. Отсюда и мой скепсис, мое маловерие.

Или вот еще. Переводят (да еще в спешном порядке, скорее, для показухи, для понта) сложные для осмысления, вычурные по

форме произведения, скажем, Борхеса, Маркеса, Сартра, Кафки, Камю, Коэльо, на казахский язык. Переводят (перекладывают, в смысл аудармайды – котарады) поверхностно, не вникая в смысл, в философскую суть, в мифологический подтекст, в технику живописания, по наитию, приблизительно, разумеется, не с оригинала, а с русского аналога. То есть, озвучивают не оригинальный текст, не первоисточник, а нечто вторичное, создавая нечто третичное. Ну, и кто это читает? Кто хоть что-то поймет? Эти неудобоваримые варианты подвергаются разносной критике имени по части казахского. Да я и сам убедился: эти с позволения сказать переводы просто немыслимы, невозможны, ни в какие ворота. Порой получается диковинная заумь вроде хлебниковского «ничикако никако». Тот искушенный читатель, который в состоянии воспринять вышеназванных мировых классиков прочтет их – если не в оригинале, то на русском. Так что казахский переклад с русского подобных писателей – пустой выстрел. Существует, конечно, прекрасные переводы с русского на казахский (есть опыт, есть школа, есть кадры), достойные восхищения, но иностранные, иноязычные литераторы, переведенные опосредовано через русский, чаще всего – недоразумение во всех смыслах. Проблема очень серьезная. И мы, на мой взгляд, до такого эстетического и философского уровня просто-напросто не доросли. И не дорастем в ближайшие годы. Понадобится длительная подготовка. А пока что разумнее протягивать ножки по одежке и реально, адекватно относиться к своему интеллектуальному уровню. Амбиции наши чаще всего не соответствуют амуниции. И мы просто пускаем пыль в глаза. Обманываем самих себя, захламляя библиотеки изданиями, которые никто в руки не берет.

* * *

Гете в своей «Dichtung und Wahrheit» (книга четвертая) признается, что с детства имел привычку заучивать наизусть начала книг или отдельные части сочинения. Так он поступил и с Золотой буллой, выдав такую максиму: «Всякое государство, в котором царит

несогласие, должно погибнуть, ибо князья его стали пособниками разбойников».

Фразу эту юный Гете произнес на латыни.

Я прочел эту сентенцию и подумал о Казахстане. Слава богу, что у нас все стабильно, несогласие не царит, хотя кое-кто из князей и снюхался с разбойниками всех мастей.

* * *

В день Конституции звоню одной умной даме: «Ну, как? Живешь по Конституции?». Она, не задумываясь, отвечает: «По Конституции не живет никто. Даже сам ее гарант».

* * *

Знакомая немка Дагмар Шрайбер рассказала мне про одного немца из Берлина по имени Ганс. Он большой любитель книг и обладает огромной библиотекой. При этом он часто обретает новинки в двух экземплярах. Жена говорит ему: «Ганс, раздай лишние экземпляры, не то я их выброшу на твою могилу». И он раздаривает книги, замечая: «Во избежание угрозы жены шлю вам эту книгу, дабы облегчить груз, если вдруг мне захочется встать из могилы».

По той же причине, и я решил заблаговременно раздать часть своих книг библиотекам и университетам, архивам и музеям, фондам, друзьям и близким, дабы их потом не выбросили на свалку. А ведь такое случается сплошь и рядом, чему я частый свидетель.

* * *

В своих «Плетениях чепухи» я ведь менее всего обличитель, а больше всего просветитель. Именно так я понимаю свою публицистическую задачу.

* * *

Веровать и воровать – не одно и то же. В Казахстане эти понятия сплошь и рядом путают. Первое слово от «веры» – оно у

нас не в чести. А второе от «вор» – оно у нас в почете. Вор стал синонимом «доблестного джигита», «умельца», «ловкача». Самые крупные воры сидят у нас во власти.

* * *

Что меня особенно угнетает? То, что живу в мире суррогата и начинаю к этому привыкать. И газеты, и TV, и радио, и политические оракулы – все пичкают меня суррогатом. Да и то, что я ем и пью, – сплошной суррогат. И литература превращается в суррогат. Живая кровь жизни подменена сывороткой. Ал, не істейсің?

* * *

Я с детства не терпел делать что-либо наполовину. Полагал: если что-нибудь делаешь – делай профессионально. К этому, по крайней мере, следует стремиться. Допускаю, что это спорно. Отец мой умел все и брался за все с энтузиазмом. Убежденно считал: не боги горшки обжигают. Теперь я понимаю: многое уметь хотя бы на уровне хобби – тоже благо. Настоящие профи – очень часто, по-немецки говоря, Fach-Idioten. Любители – любопытные люди. Только не стоит изображать из себя профи. Можно, конечно, и рисовать, и музыку писать, стихи сочинять, сады разводить, дома строить, пахать, сеять, скот пасти, но это не значит, что ты профессионал.

* * *

Затренькал телефон. Напористый женский голос будто за глотку хватает: «Могу говорить... э-э... с Герольдом Карловичем?» «Можете. Говорите» «Наш канал готовит серию документальных фильмов. В списке стоите и Вы» «И зачем это нужно?» «Ка-ак?! Страна должна знать своих героев». «Так-то оно так. Но мне, видите ли, это неинтересно. Тем паче меня уже снимали много раз» «Но наш канал Вас не снимал». «Ну, значит, и не надо». «Ка-ак?!» «Да, признаться, я ныне к этому не расположен» «Так, Вы отказываетесь?» «Считайте, да». «Хм-м...»

* * *

Читаю подряд «Дат», «Свободу слова», «Время», «Республику», «Трибуну», «Жас Алаш»... Мелькают одни и те же фамилии верхнего этажа власти. Кто с кем. Кто заодно. Кто против кого. Кто за что. Кто кого. Кто уйдет, кто придет. У кого что. У кого больше всего. Кто кого подкузьмил. Кто кого объегорил. Облапошил. Обделал. Подкусил. Кто дал маху. Кто подставил подножку.

И все в этом роде. Аршинные аналитические статьи. И кто их пишет? Сплошь писатели и политологи. Юристы и экономисты. Сколько же их развелось в Казахстане?

Господи, как они все надоели, обрыдли! Да хоть бы слопали друг друга поскорее все эти «Южные группы» и «Западные кланы»!

Много ли проку от них казахстанцам?!

В чем же парадокс?

В том, что все это прожорливое, хапужное племя вспоил, вскормил, выпестовал, вывел на свет божий сам Елбасы. Поневоле так получилось или с тайным расчетом – не мне судить. Теперь они, его выкормыши, набрав жиру, все вместе цапают его за подол. А он, бедняга, остался вдруг на склоне лет один и не знает, на кого опереться. Все только осанну поют, скаля клыки. И что изволите делать? Тронешь одного – двадцать загривки топорщат. Завтра же врагами заделаются, интриги начнут плести. Что ж... Старая истина: что посеешь...

А мне, инородцу, ой как тошно от всего этого. И эта грызня, эта свора – политика? Это власть, на которую уповает одураченный люд?!

И-и-и... Остается надежда на одного Аллаха...

* * *

Давняя истина: история человечества развивается по спирали. Видимо, так, коли философы придерживаются подобного мнения.

Вопрос: развивается ли сейчас Казахстан по спирали? Или он пошел по кругу, как слепая лошадь в чигире? Не знаю.

Развиваюсь ли я по спирали? Точно нет. Топчусь на месте. Или, скорее, подкатываюсь к обрыву. Такие мысли все чаще меня посещают.

Ай, сложно все на этом свете... Начинаешь думать – увязнешь в болоте.

* * *

Мир возмутился, взбеленился, ощетинился, взбунтовался, осатанел, перевернулся. Так кажется, когда смотришь по телеящику новостные программы. Только по «Хабару» тишь да благодать, сплошные успехи и достижения. Один Елбасы умиротворяет.

Кризис охватил все страны. Всюду бушует взбудораженный люд. Мало было бед на земле, еще какой-то хмырь (явный провокатор) своим идиотским фильмом вздыбил-разворошил всю мусульманскую умму от северной Африки до Австрии. И зачем ему понадобилось порочить пророка Мухаммеда? Понимаю: и за ним стоит вселенский подстрекатель. Но неужели было трудно провидеть последствия столь подлой выходки? Не дает покоя геростратова слава? Недостаточны кому-то природные стихии и катаклизмы, дефолты, тотальные кризисы, безработица, митинги и шествия, пожары и взрывы. «Өңшең дорақтар!» – как говорит философ Жабайхан. И так год Айдахара разинул свою свирепую, огнедышащую пасть, а следом идет голодный год Змеи, не сулящий ничего хорошего.

То, что я лично переживаю кризис, – куда ни шло. В 78 лет это понятно. Но кризисы-потрясения во всем мире – совсем уж ни к черту. Сплошная сатанинская пляска. Значит, человечество сбилось с панталыку. Значит, совсем уж искривились людские пути-дорожки. Какое уж тут успокоение души, когда видишь одни только пакости?

* * *

Две главные приметы нашей идеологии за годы независимости – ложь и хвастовство. Врем везде и всюду на каждом шагу. А хвастаемся вообще без меры, без удержу.

В результате стыд и позор.

«...ибо всякая ложь, даже благородная, способна только развратить человека».

Не я это сказал – Эмиль Золя. Я только повторяю.

Никто нам уже не верит. И никто нас не слушает.

* * *

«И зачем только дети рождаются? – возмутился Егор Семенович, муж тетки жены. – Зачем такой закон? Ведь как было бы хорошо, если б только были мы! Вот старики, потом снова бы помолодели, потом опять состарились, и опять помолодели... и так бы все время. Вот житуха бы была! А дети-то зачем?

Вот такая философия у жизнелюба-эгоиста.

* * *

Из знакомых мне казахских писателей запах дорогих духов источал один Габит Мусрепов. Он вообще был денди (или воображал себя таким), щеголь, барин. Кто-то из народных акынов прозвал его князем.

Я Габе видел в разных периодах его жизни. И, встречаясь с ним в разных ситуациях, всегда вспоминал признание Жоржа Сименона: «Каждый день, когда я заканчиваю дневную часть нового романа, я должен был менять одежду – она была мокрой от пота? Работа писателя подобна тяжкому физическому труду. Ремесленники, конечно же, пахнут хорошим мужским одеколоном и находят время каждый день обедать в дорогом ресторане. Я же, когда писал романы, терял ежедневно до килограмма веса». (см. ЛГ, 09.01.80).

Напомню: Ж.Сименон написал 215 романов, вышел на 130 языках.

* * *

Нет мужа, который был бы счастлив во всем. Из мужей нет ни одного, который был бы свободен. Один богатства раб, а тот – судьбы.

К этой истине и я ныне пришел. Но сказал это не я, а Еврипид, который жил в 480-406 годах до новой эры.

* * *

Я убедился: человек приходит в этот мир, а потом уходит не по своей воле. Значит, высшая мудрость – просто жить. Но как жить? Действуя и совершенствуясь. Все остальное – приложение.

«...радости же и страдания приходят сами собой», – утверждает Гете (см. «Dichtung und Wahrheit», книга шестая).

* * *

Наши ангажированные финансисты-банкиры посчитали, что в заначке нашего населения более одного-трех миллиардов долларов. Апырай, а?! Какое население они имели в виду? Думаю, все-таки не тьма бишаринцев, которые живут по принципу: «Шыкпа, жаным, шыкпа!» Явно перепутали кучку юркачей с нищим Мыркымбаем.

* * *

В плоть и душу мою давно поселились два Бельгера. Один – аульный казах, другой – российский немец. Они живут вполне в ладу, как добрые соседи. Но в последнее время, случается, изредка затевают склоки и споры между собой. Бельгер мырза говорит одно, Нетт Belger утверждает иное. И от их раздоров я все чаще устаю.

Бельгер мырза дергает меня за рукав. «Эй, айналайын, оставь свои режим и график. Это все шайтаново дело. Ты ведь не железный, сотворен из костей и мяса. Разве за свою жизнь мало бумаг измарал, мало чернил извел? Хватит! Спи побольше, ешь повкуснее, лежи себе на диване да смотри в потолок. Гуляй, веселись. Валяй дурака. Куда еще спешить? Мир не на тебе клином сошелся. Радуйся тому, что живой. Работа только дураков любит. Ты что, зря, что ли, среди казахов вырос? Напрасно казахский хлеб ел, казахскую воду пил? Над тобой простирается мирное казахское небо, вокруг – бескрайний казахский простор. Друзей, знакомых – море. Енді не керек? Көйлек – көк, тамақ – ток, қайғы-уайым жоқ. Пользуйся милостью Аллаха. Ничего не делай. В конце концов от тебя ничего не зависит. Все в воле Творца. Что должно быть, то и будет, а что будет – то уже было.

– Pass auf! – просыпается тут во мне Herr Belger. Не соблазняйся восточной ленью, не предавайся сладкой неге. Не для этого человек рождается. So geht es nicht! Взбодрись! Встрепенись! Дерзай! Не плыви по течению. Не валяйся на диване. Вставай и иди! Не размагничивайся раньше срока. Vorwärts! Doch für uns gibt es kein Klagen...

Какой еще отдых? Какое безделье? Ты разве что-то достиг? Вздор все это! Чепуха!

За стеклом книжного шкафа строго взирают на меня Гете, Гегель, Шиллер. Гете нашептывает:

– Warte nur, balde

Ruhest du auch...

(Дескать, «Подожди немного, отдохнешь и ты»)

И взгляд мой невольно обращается к толстущему фолианту «Томас Манн» (полторы тысяч фотографий!) – подарок германского посла в Казахстане господина Бракло. И аскетический Герман Гессе сурово грозит мне пальчиком с книжной полки.

И я вскакиваю с дивана, отряхиваю лень и безволие, сажусь за письменный стол, хватаюсь за ручку, вперяюсь в белый лист бумаги.

Так и живу: то Бельгер мырза, как Азазель-искуситель, уводит меня в казахскую степь, где растекается вечность, то Herr Belger обрушивает на меня свою неукротимую волю.

То я природный казах, сын степей, уповающий на милость и благодеяние Создателя, то во мне просыпается этнический немец, чей деятельный предок Андреас Бельгер перебрался из германского княжества в неведомый Руссланд еще при кайзерин Екатерины Великой.

Е-е... нешауа... Надеюсь, два Бельгера во мне в конце концов обретут вожделенную гармонию.

* * *

Приглядываясь к своим коллегам, я пришел к выводу, что писатели бывают разные: писатель-попрошайка, писатель-зануда,

писатель-отшельник, писатель-хапуга, писатель-бродяга, писатель-жлоб, писатель-сноб и т.д. А я хочу сказать о редком типе – писателе-рекетире.

О, он большой оригинал! Мастер. Артист. Любимое его занятие – неожиданно объявляться в коридорах высшей власти, вальяжно обходить все высокие кабинеты, обложить застигнутых врасплох, растерявшихся бастыков данью, пользуясь их замешательством что-нибудь да выцыганить. Когда он, невзрачный, неопрятный, большеголовый старичок, медленной походкой, с двусмысленной ухмылкой на морщинистом лице, с цепким мышиным взглядом появляется в коридоре высоких инстанций, чиновники тревожно оповещают друг друга по внутренней связи и стараются незаметно улизнуть через «черный» вход. Удается это не всем. Кое-кто из столичного начальства попадается в его силки, и он, удобно расположившись в кожаном кресле, заводит долгий и нудный разговор, вынуждая начальника заказать чай со всякими сладостями, оказывая традиционные почести перед аксакалом, а тот, смакуя чай со сливками, все нудит-нудит, плетет словеса, кружась над своей главной целью, пока начальник, неравно поглядывая на часы и теряя самообладания, не выдаст назойливому визитеру испрашиваемую сумму или не обещает оказать ему содействие в осуществлении вожделенного желания.

И лишь тогда, укротив жертву, вполне удоволенный, все так же саркастически ухмыляясь, он выйдет из кабинета обескураженного начальника и степенно направится в следующий кабинет. Одно дельце обтяпано, можно приступить к следующему.

После всех визитов он ложится на пару дней в больницу, обзвонит отару чиновников, от которых тоже кое-что зависит, а потом возвратится в «родной аул» у подножья Алатау, набив под завязку три корджуна добра. Дома, в тиши, он не спеша разрабатывает во всех деталях план следующих походов-набегов в областные центры. Это его главное хобби. Потому-то и прозвали его уже лет сорок государственным рекетиром.

* * *

Казахи – весьма склонный к стихотворчеству народ. В аулах, помню, даже письма писали стихами. В годы войны с фронта приходили треугольнички в стихотворной форме. Их декламировали в аулах. Меня это особенно поражало. Едва ли не каждый второй казах сочиняет стихи. Словно мозги изначально запрограммированы на традиционную стихотворную форму – одиннадцатисложник с рифмой ААБА.

По-хорошему позавидуешь. Похвально, конечно. Но, с другой стороны, этот природный дар заметно разжижает подлинную поэзию, делая ее излишне водянистой, рыхлой, многословной. Стихотворцев развелось слишком много, и беда в том, что все считают себя акынами (в смысле поэтами), все норовят публиковаться, издавать книги, обрести признание и популярность и получать премии и ордена.

А это уже беда. Меня эти доморощенные акыны завалили своими опусами, изрядно достали. Издают за свой счет или на деньги спонсоров книгу за книгой и тотчас стучатся в двери Союза писателей. И что это за книги? Одиннадцатисложные традиционные изделия (типа: «жүгіріп жетіп келдім Қаңқабайға») или семи-восьмисложники с перекрестными рифмами («мен сәлем жазамын қарағым қалқама»). И все. Две машинки, которые запросто зарифмуют даже телефонный справочник. Будто не было Абая, Махамбета, Джамбула, Джансугурова, Аманжолова, Макатаева.

Поток сплошного однообразия. Очень уж водянистый шалап. Диваны с посвящениями юбилеям-тоям (стихи-чапаны), с семейными фотографиями («мой сын», «моя дочь», «моя супруга», «я и Айтматов», «я и аким области», «я и министр искусственного осеменения за одним дастарханом»), с претензиями на исключительность.

Ойбай-ай, ойбай! Тоска берет. Нет, радоваться этому невозможно. Уродство какое-то.

* * *

Вырисовывается такая закономерность. У нас, в Казахстане, проштрафившихся, зарвавшихся и заворовавшихся, профнепри-

годных чиновников загоняют на определенный срок в Парламент (в Мажилис или в Сенат по степени прегрешений), как избранников народа. Там они и отсиживаются, как в отстойнике.

А более крупный «ака», «еке» назначают советниками президента, и там они сидят, как запасные игроки до поры до времени. По-другому, видимо, нельзя. Иначе вся эта рать ринется в оппозицию. И бедный народ вынужден поить-кормить своих же кровопийцев.

* * *

Время от времени, около десяти часов утра, она стремительно и заполошно залетает в наш уютный двор, усаживается на засохшую ветвь сосны и начинает воровато оглядываться-зыркать по сторонам. Длинный хвост ее возбужденно дрожит-подергивается. Едва выдержав минутку-другую, принимается резко верещать-трендеть.

– Здр-р-равствуй, здр-р-р-равствуй... Здор-р-ров?

Я выхожу на балкон. Она, наклонив головку налево, вперяет в меня правый зрак, потом, повернув голову направо, нацеливается левым глазом. Как бы удостоверяется, я это или не я.

Меня она знает. И ей не терпится сообщить мне последние вести.

Убедившись, что это именно я, а не кто-то иной, она мне сообщает:

– Фор-р-рум... ффо-р-р-рум... Пррррремия мирррра. Нобель... Нобель

– Э-е... знаю, знаю. Не трещи! Я разве возражаю?

Хлопнула разок другой крылышками, подергала хвостиком, опять заверещала:

– Фор-р-рум... Нобель... Нобель-Шнобель...

– Хорошо! Слышал. Убирайся!

– Пррр... Трррр...

– Что еще?

– Гундаррррева знаешь?

– А как же?!

– Умеррр...

– Как?!

– Не спрашивай... Трр-омб!

Владимира Романовича я знавал лет сорок. Поэт, основатель и бессменный главный редактор журнала «Нива». Прекрасный журналист. Колоритная личность. Милый уважаемый человек.

Ой, аллай! Пусть казахская земля будет ему, сибиряку, пухом!..

– Тррр... – снова заверещала сорока.

– Эй, кет әрі! Убирайся!

– В горах пожаррр... Над горрродом пыльная бурррря. На границах трррах-бабаххх. Кошмаррр! Сррам! Форррум... Премия мирррра! Нобель... Шнобель...

– Хватит! Жетер! Заладила, трещотка!

Она изумленно выставилась на меня, задергала хвостом пуще прежнего и суетливо упорхнула восвояси. Дурра белобокая, тррре-щотка безмозглая!..

* * *

О, я в свое время отдал дань казахским пирам-тоям и приглашениям-угощениям. «Если приглашают – иди, не пойдешь – могут и не пригласить», – гласит вековая мудрость. Я ею и руководствовался лет двадцать с гаком.

В ауле как было? Приглашают на шесть вечера, соберутся часов в девять, потом еще час ждут председателя аулсовета, баскарму – председателя колхоза. Наконец, в десять начинают пить чай, говорить тосты-речи, в двенадцать ночи принимают за бесбармак, опять речи, благословения, благодарения, а заканчивают трапезу опять чаем. В третьем часу ночи разбредаются по домам.

А куда спешить? Степь широка, как казахская душа, а время – вечность.

Потом в моей жизни аул сменил город. А традиции-ритуалы те же. Приглашают в шесть, а самые важные «ака», «еке» едва подъезжают к восьми. В девять начинается первая часть трапезы – холодные закуски, арак-шарап, речи со времен Адама и Евы до реформы в нынешнем правительстве. Перерыв. Потом главная часть – жирный, духмяный, сочный бесбармак – свежатина с копченкой.

Ойдойт! Ой-хой! Объедаловка. Благословение. Благодарение. Небольшой перерыв. Десерт – чай со сливками, со сладостями, с фруктами, с шампанским. Глядь-поглядь – третий час ночи. Пора «на посошок» и по домам.

На моем веку восстал против таких порядков Абе (Абдижамил Нурпеисов). Он принимал приглашения, но с условием: холодное не подавать, начать сразу же с бесбармака и тут же закончить чашкой чая, управившись таким образом за полтора-два часа.

Для меня и это вскоре стало в тягость. Рациональнее мне показалась германская форма приглашения: «Herr Такойтович, честь имеем Вас пригласить на чашку кофе между полвторого до двух часов дня».

Но в Казахстане такая форма, видимо, невозможна.

Кадыр Мырза-Али, всегда дороживший временем, жаловался: «Это безумие! За дастарханом восседаешь целый рабочий день. Идешь в гости здоровым, а возвращаешься больным».

А Роллан Сейсенбаев пишет: «Казах идет на той усталым, а возвращается разбитым».

Ныне, сказывают, дастарханные посиделки заметно укоротились. Управляются часа за два-три. Степь по-прежнему широка, и казахская душа, как встарь, щедра, а вот со временем напряженка. Его только у Всевышнего вечность. Казаху чтобы не остаться от человеческого кочевья, тоже приходится спешить-торопиться.

Что поделаешь? Такие времена.

* * *

Был бы Акселеу Сайдимбек жив, ему ныне (2012) исполнилось бы семьдесят лет. О нем – писателе, историке, этнографе, языкознатце, фольклористе, домбристе-кюйши, эрудите, человеке незаурядном, обладателе разных талантов – пишут много. И я его знавал в течении десятилетий. И о нем, и о его многограннем творчестве могу кое-что поведать. Однако ограничусь здесь лишь двумя штрихами к воспоминаниям о нем, о которых, полагаю, редко кто знает.

Мне он не однажды внушал: художественную прозу писать не стоит, эффективнее заниматься историко-философской публицистикой, этнографически-исследовательской эссеистикой. В наше время востребованы труды именно такого характера и направления. «Ну, хорошо, – убедил он меня. – Сочините, скажем, роман о любви. Он и она. Опишите набившие оскомину банальные любовные перипетии. И на четырех – или пятисотой странице, наконец, он и она сольются в страсти на скирде сена в безлюдной степи. Ойхой, дүние! Тут и роману конец. И зачем это писать? Зачем читать? Надо писать о том, что обогащает ум и укрепляет Дух!»

Я не спорил. Тем более романов о любви не сочинял.

«Вы, Гереке, знаете Альфреда Вебера?» – спросил он как-то. «Веберов знаю косой десяток, а Альфреда нет». «О, это был крупный ученый. Экономист. Социолог. Историк. Культуролог. Классик. Автор фундаментального исследования об истории культуры как социология. Книга написана давно, и на русский язык не переведена. В ней хорошо, одобрительно сказано о номадах, о культуре кочевых народов, о тенгриянстве, о доисламской Степи. Вот если бы Вы перевели эту часть или – еще лучше – всю книгу. Это было бы нечто достойное и полезное».

Незнакомым Альфредом Вебером Акселеу прожужжал все мои уши. Видно, он где-то вычитал о нем. Тенгрианством и номадами Акселеу грезил всю жизнь. Он убежденно считал, что казахи доисламского периода были во всех отношениях колоритнее и могущественней.

Обратился я в Германское посольство, к знакомому культуратташе. Он навел справку, сделал запрос, и месяцев через пять вручил мне толстенный (в 546 страниц) томище – переиздание «Kulturgeschichte als Kultursoziologie» (Marburg, Metropolis, 1997). Я долго листал-вертел это капитальное исследование, вчитывался в предисловие разных «окуы өтіп кеткен» гелертер, внюхивался в научный аппарат и громоздкий регистор имен и почувствовал, что эта глыба не по моим зубам. В восьми обстоятельных, трудоемких главах говорилось о культуре с сотворения времен, о предистории, о примитивных ее зачатках, о древнем Египте, Вавилоне, Греции,

Китае, Индии, об евреях и персах, об Италии, Руси, Сирии и сусанидах, об арабах, пророке Мухаммеде, об исламе, о разных странах, народах, цивилизациях, культурных пластах... господи, о чем только не писал ученый Альфред Вебер! И я подумал: сколько же понадобилось сил, терпения и времени, чтобы все это одолеть и осмыслить?! Гегель и Кант, да и другие мудреные немецкие философы почудились мне по сравнению с Альфредом Вебером – просто айналин. Э, нет, это все вне моих интересов. Моя бедная головушка не в состоянии вникнуть во все эти премудрости.

Я бегло перелистал весь фолиант, но ничего о тенгрянстве и о культуре номадов мне на глаза не попадалось. И я примерно понял, в каком, собственно, мире пребывает мой коллега Акселеу. Подобных сочинений он наверняка осмысленно прочел монблан! Я в том убедился, когда с писателем Абдижамилем Нурпеисовым посетил его квартиру. Какая библиотека, какой порядок, как все систематизировано, разложено по полкам и по папкам. Я диву давался! И почувствовал себя полным неучем перед моим младшим собратом.

Несомненно, Акселеу был уникум. Энциклопедистом. Загадочной личностью.

А вот второй штрих к его портрету.

Будучи в Германии (1998 г.), мы десять дней не разлучались: жили в одних гостиницах, бродили по Бонну, Берлину, Дюссельдорфу, Кёльну, Франкфурту, Потсдаму, по другим опрятным городишкам, по магазинам и ярмаркам, бывали на разных официальных приемах, выступали с докладами в двух университетах, посетили музеи, выставки, могилу Мустафы Шокая, восхищались, удивлялись германскими достопримечательностями и ландшафтом, делились впечатлениями. Поразил Акселеу меня своим жадным, неуемным интересом ко всему, что касалось истории, культуры, этнографии, литературы, архитектуры. Акселеу с Кекилбаевым при каждом удобном случае (особенно в пути) вели нескончаемые интеллектуальные беседы, к которым я с удовольствием прислушивался, испытывая радость и гордость за своих мудрейших казахских коллег.

В день перелета из Бонна в Берлин у меня, как всегда внезапно, начались почечные колики, и я пришел в ужас и отчаяние. Неужели загремлю на чужбине в больницу, отстану от делегации, выпаду из намеченной программы, окажусь в полной прострации?!

Поведал о своей беде Акселеу. Он посмотрел на меня сочувственно, что-то соображал. Потом неуверенно сказал: «Вообще-то у меня есть небольшая энергетика. Попытка не пытка. Попробую ее разбудить. Поглажу, помассажирую Вам бок. Вдруг поможет, полегчает...»

Я улегся на диванчик прямо в холле гостиницы, задрал рубашку. Акселеу, как заправский баксы-шаман, долго и энергично потирал ладони, дул на них, шептал какие-то арабские слова-заклинания, зажмурился, сосредоточился, даже побледнел и приложил горячие, как огонь ладони к моему воспалившемуся боку, начал гладить-растирать, массажировать, колдовать. И – о, боже! – минут через десять мне полегчало, боль приутихла, бок горел, я покрылся пóтом, как-то размягчился, обессилел, погрузился в дрему.

Так и добрался до Берлина и активно участвовал во всех мероприятиях нашей делегации. Акселеу в трудный для меня час по-знахарски спас меня, опекал, носил часть моей поклажи, и почка моя успокоилась надолго. Выходит, великий Тэнгри наградил Акселеу и таким даром.

Акселеу удивлял меня разными поступками и гранями уникального дарования. Он не был кабинетным ученым. Он знал жизнь. Он жил жизнью казахов, заповедавших ему свою вековую мудрость. Он был загадочным человеком. И смерть его загадочна. Все провидел, все расписал вплоть до одинокого холма, где покоится его прах.

Может, при случае расскажу и о других эпизодах наших встреч...

* * *

С Оралханом я, признаться, тесно не общался. Вероятно, сказалась разница в возрасте: я родился на девять лет раньше его. Но симпатичен он был мне всегда. Часто сталкивались в Союзе писателей, учтиво здоровались, обменивались шутливыми фразами. Он

был склонен к безобидному казахскому юмору («Вчера я слушал ваше выступление по телевизору. Вы читали отрывок из «Фауста» в переводе Медеубая: «Қайда барсам да жабығамын, жабығамын, жабығам»... Последнее послышалось мне как «жабық а...»).

Человек он был на редкость приятный: стройный, выше среднего роста, поджарый, с пышной шевелюрой, смуглолицый, всегда изысканно опрятный, хорошо, со вкусом экипированный («как денди лондонский одет»), подтянутый, броский, общительный. Но в то же время углубленный в себя, погруженный в думы, отстраненный, насмешливый и загадочный.

Он будто пришел откуда-то со стороны. Не общего поля ягода. Казахи говорят: пшеничный колосок на ячменном поле. Речь была быстрая, легкая, складная. Мыслил четко, ясно. И в нем, и в его произведениях было что-то возвышенное, романтическое, горделиво-одинокое.

Мне было едва за пятьдесят, когда меня включили в какую-то аксакальскую комиссию при ЦК КП К. Оралхана это забавляло: «Тоже нашлись аксакалы: Бельгер и Хан-Дин!»

Как-то мы беседовали, сидя рядком в громоздких продавленных креслах в фойе Союза писателей. К слову, я пожаловался на свои недуги, и вдруг Оралхан разоткровенничался и стал рассказывать о своих болячках. Сроду не подумал бы, что здоровьем он не силен, ведь впечатление производил отменное, а, оказалось, что у него в таком-то цветущем возрасте целый букет хворостей: и слабость, и давление, и сердце, и легкие, и почки, и боязнь врачей, больницы.

Он даже не состоял, будучи лауреатом и членом правления СПК, на учете в поликлинике Совмина. Не проходил медосмотров, не сдавал анализы, никому никогда не жаловался. Я не видел, чтобы он бражничал с друзьями-приятелями в веселом и шумном баре Союза писателей. Держался он гордо, замкнуто и независимо. А тут передо мной вдруг раскрылся, как перед случайным спутником или как перед человеком иного рода-племени.

Гордился своим творчеством, радовался, что его переводят на русский язык Анатолий Ким, что издают в Москве, что за один год дважды печатался в солидном журнале «Дружба народов».

В нем все было красиво и одухотворенно.

Умер он от обширного инфаркта в Индии. Панихида состоялась в драматическом театре для детей и юношества. Кажется, тело его было бальзамировано. В гробу он лежал белый, будто мраморный. Было это в мае 1993 года. Прошло 20 лет. Оралхана помнят, любят и произведения его читают.

...Он был продуктивным журналистом, прозаиком, драматургом. Сверстники его отдали дань богеме, любили изображать из себя эдаких «серi» и «салов», талантливых баловней судьбы. Оралхан тоже походил на удачливого любимчика-щеголя. Но отличался редким трудолюбием и четкой творческой направленностью.

Он постоянно, как я помню, работал в газетах, писал романы, повести, рассказы, очерки, являлся автором десятка пьес, прожил свою короткую жизнь, полную житейских бурь и драматизма, неурядиц и лишений, бурно и целенаправленно.

Чем же его творчество привлекало внимание? На мой взгляд, ярко выраженным национальным духом и ментальностью, романтическим восприятием жизни, сочным колоритом возвышенного речестроя, одухотворенной грустью, светлой печалью, широким диапазоном художнического видения, неподдельной чувственностью, запахом родного края – Алтайских гор и степей. Он обогатил казахскую прозу свежими красками и недюжинными людскими судьбами.

Так я воспринимал Оралхана тогда. Так я воспринимаю Оралхана и поныне, радуясь тому, что я его знавал при жизни, гордясь тем, что он, спустя двадцать лет после кончины, остается любимым писателем все менее – увы! – читающей казахской молодежи.

* * *

Листаю газеты и погружаюсь в недоумение. На первой полосе «ЭК» (26.09.12), в правом углу, на самом видном месте, бросается в глаза портрет молодого казаха. В очках, гордо посаженая голова, гладкое, сытое, холеное лицо, короткая стрижка, открытый взгляд. Апырай, наверняка знатная личность. Может, даже герой,

передовик труда. Ан нет! Бывший аким Жанаозена Орак Сарбопеев приговорен (гласит текст) к 10 годам колонии строгого режима с конфискацией имущества. Сей видный джигит оказался крупным взяточником и заурядным вором.

Газеты пестрят такими фактами. О них повседневно толкуют и по телевидению.

И я с тоской думаю: откуда эта зараза? Где истоки столь неуемной, ненасытной жажды наживы? Ведь эти азаматы коренной национальности не с неба в одночасье свалились, а выросли и воспитались уже в годы независимости. Их с младых ногтей учили патриотизму, честности и достоинству, вселяли в них гордый национальный дух, воспитывали в добрых казахских традициях, заповеданных предками, на эпосах, дастанах, на казахской литературе, в высоких гражданских чувствах и порывах. Ну, и куда все подевалось? Почему все эти идеалы не сработали? Каким образом из этих представителей славного народа получились воры и взяточники? На каком этапе развития Азазель-искуситель свернул их с праведного пути? Как психологически и социально объяснить сей феномен? Неужели культура, воспитание, традиции, Дух предков, любовь к отечеству, к родному языку и ментальности оказались пустым звуком и разом отступили перед низменным желанием хапнуть, стибрить, урвать, карабчить, проглотить кобылу с шерстью, верблюда с поклажей?!

Не укладывается это в моем сознании. Конечно, я понимаю: не весь народ отравлен этим крохоборством. Но откуда взялись эти позорные мужи, которых с каждым годом становится все больше и больше, как чертополох на заброшенной земле? Вот тема для философских, социологических, психических, публицистических, художественных исследований. Но почему-то никому не хочется вникнуть в суть этой катастрофической проблемы. Ведь аламанские гены тут абсолютно не при чем. Значит, само общество, само направление жизни, социально-политическая аура подвигла граждан независимой страны на такой позор.

Меня это каждодневно тревожит. И я пребываю в хроническом недоумении.

* * *

Мухтар Шаханов, неистовый радетель казахского языка, опять провел очередной митинг в его защиту (26.09.12).

Я понимаю его и всецело разделяю его боль и тревогу.

Но велик ли смысл от митингов и сотрясения воздуха? Ой, не велик! Совсем ничтожен. На последний митинг, пишет «Айқын», собралось едва человек двести. Спрашивается: за что митингуем? От кого казахский язык защищаем? К чему призываем? Кого агитируем? Каков коэффициент полезного действия?

Нет, не срабатывает такая форма деятельности. Отнюдь не митингами внедряется в сознание людей необходимость знания государственного языка. Много ли проку оттого, что собирается сотня-другая истинных ценителей родного языка и начинают друг другу доказывать, что потеря языка есть потеря нации, что казахский язык находится на грани исчезновения, что, потеряв родную речь, мы потеряем все.

Никто эту истину не оспаривает. И врагов у казахского языка нет. А есть равнодушие, безалаберность, некая невостребованность родного речестроя самих казахов.

Так как же быть?

По моему разумению надо:

– возродить, подстегнуть, разбудить в себе национальные честь достоинство, гордость и намыс;

– ежедневно, ежечасно культивировать в себе казаха, любовь к родному языку;

– рационально использовать все государственные и культурные рычаги и возможности – театр, кино, телевидение, печать, общественную ауру и т.д.

– говорить в казахских школах по-казахски не только на уроках;

– общаться с казахом по-казахски;

– бесстрашно окунуться в океан казахского слова;

– говорить в семье преимущественно по-казахски;

– ценить специалистов, свободно владеющих казахским языком;

– сделать казахский язык приоритетом в образовании и культуре;

– прилежно осваивать богатство казахского речестроя;

– проявлять усердие, старание, желание, упорство в изучении государственного языка.

Понимаю: это тоже все банальные истины. Но это необходимо сделать, а не митинговать впустую время от времени, возбуждая в себе и издавать отчаянные вопли.

А в чем беда?

Беда в том, что в высших сферах власти казахский язык абсолютно не востребован. Там давно уяснили, что можно спокойно обходиться и даже процветать, делать карьеру и без казахского языка. Так, если елдің игі жақсылары, так называемая элита, сплошные ығай и сығай вполне обходятся без казахского языка, то как внедрить его в сознание тех, кто копошится где-то внизу в заботе о хлебе насущном?

Вот вглядываюсь в портреты членов нового правительства («Алаш айнасы», 26.09.12). Из 18 человек, кажется, лишь двое-трое в состоянии связно изложить свои мысли по-казахски, остальные выражаются кедір-бұдыр, қотыр-қожалақ. У других ветвях власти схожая картина.

Так о чем, айналайындар, речь?

На днях в одной казахской газете знакомый национал-патриот опубликовал статью, озаглавленную «Из-за того, что русские учат своих детей в казахских школах, русские школы сокращаются».

Откуда звон? Или автор выдает желаемое за действительность?

Уж я-то знаю, что казахстанские русские школы переполнены именно казахским контингентом, что казахи сплошь и рядом предпочитают учить своих детей в русских школах, что национальный порыв на первых порах независимости заметно угас и местное население поощряет своих чад учить не столько казахский, сколько русский и английский языки. Именно в этом оно видит перспективу их будущей жизни.

Вот характерный случай, о котором мне рассказывал директор одной школы. Пришел казах устраивать своего сына в русскую школу. «Мест нет, – говорит директор. – Классы переполнены. Может, отдадите сына в соседнюю казахскую школу?» Какой там! Родитель встал на дыбы: мой сын должен учиться только в русской школе! Там, знаю, достаточно отведено часов казахскому языку.

Что ж... это его конституционное право. И так рассуждают многие. Надо вникнуть в суть этого явления, войти в положение родителей, постараться понять их логику, расширить сферу влияния казахского языка, уповать на будущее детей, а не просто митинговать и хватать друг друга за глотку, призывая к тому, что девальвировано реальностью.

По базовому образованию я педагог и методист, школьные и языковые проблемы знаю изнутри, и положение с казахским языком не одно десятилетие стоит остро и – повторюсь – главной преградой в постижении казахского языка являются прежде всего сами казахи.

Вот о чем мне подумалось, когда я узнал о последнем – совсем уж малоэффективном – митинге в защиту казахского языка. Пустое все это! Не митинговать надо, а просто всерьез, ответственно браться за его глубокое изучение. Сам язык того стоит, о том я говорю и пишу уже полстолетия.

* * *

Все чаще в современной казахской литературе звучат обличительные голоса в адрес так называемых придворных поэтов («сарай ақындары»). Был даже снимок в одной казахской газете: на фоне президентского дворца стоит в монументальной позе один весьма известный литератор. Критики полагают, что их, придворных лизоблюдов, развелось, как нерезаных собак. Называют их по именам: Несипбек, Рафаэль, Фариза, Дукенбай, Сабит, Маралбай, Марфуга и еще десяток помельче. В печати приводят отрывки из их од и мадригалов. Кое-кто из этого племени уже покинул бренный мир. Читать их слюнявую дребедень действительно неловко. Их

фальшивая подоплека слишком очевидна. «Придворные» огрызаются: ничего мол, позорного и постыдного нет. Поэты при ханских дворцах всегда водились. И в средневековье. И позже. Азиатской ментальности это, дескать, вообще присуще. Среди придворных, мы знаем, встречались и великие поэты. Один из нынешних придворных даже выразил мнение: «Придворные поэты есть летопись эпохи».

Бог с ними! Я им не судья. Я только знаю, что придворные поэты и откровенный лизоблюд – не совсем одно и то же. И то, что было в средневековье, не совсем подходит для независимого Казахстана XXI-го века.

Впрочем, кто знает... Ментальность – это ведь такая штука. Для иных лесть – форма повседневного поведения.

Читаю у Гете в «Dichtung und Wahrheit»: «Во всех самодержавных государствах содержание поэтических творений диктуется сверху».

Вот и все объяснение. Значит, кому-то и придворные стихоплеты нужны. Надо же кому-то премии и ордена давать.

* * *

Подумалось мне: все же многознайство – относительное благо. Оно ближе к хаосу. Мне встретились человеческие экземпляры, которые поразительно много знали, имели какое-то представление обо всем на свете, разнообразие их способностей и талантов поражала. Таких многознаек я особенно часто встречал среди немцев – как германских, так и отечественных. Их интеллектуальное устройство нередко напоминает просторный чулан, заваленный всякой всячиной. И все эти предметы в невообразимой куче живут как бы сами по себе, а их обладатель – сам по себе. Порой мне чудится, что я тоже представляю такой чулан диковинного скарба. Не хватает системы, крепкого стержня, духовной концепции, некой философской сущности. Наглядный пример – мои записи из цикла «Плетение чепухи». Счастлив тот, кто стоит на крепком фундаменте, а не витает в облаках, то есть, полезен, востребован,

точно знает, зачем он пришел в этот мир и твердо уразумел, чего он хочет. Вот таких цельных натур я встречал мало. Большинство живет как бы по инерции, как Бог на душу положил.

Разрозненные знания («мы все учились понемногу, чему-нибудь и как-нибудь») – не панацея, главное – привести эти знания, даже если они весьма ограниченные, в строгую систему, в разумный порядок. И подчинить свои знания трезвому разуму. Иначе хаос. Именно в этом беда современного образования. Хаотическое восприятие мира не подчинено единой системе. Сплошной разброс. Все идет враскосяк. Обрывки познания между собой не стыкуются. Все обрывки-обрывки свалены как попало в чулане, где сам черт ноги сломит. Отсюда результат: либо воспитываем неучей, либо куем «умных ненужностей». Нет гармонии, нет созвучия цели и желания. Разрозненные познания можно кое-как обрести, но привести их в порядок – мудрено.

* * *

В давнишнем иностранном фильме, помнится, обаятельный герой, бродяга-индивидуалист, пел песню, в которой рефреном звучали слова: «Какое мне дело, какое мне дело до всех до вас и вам до меня?!»

И вот, когда я слышу о нелепостях-безобразиях, творящихся и творимых на олимпе доморощенной власти, о том, кто сколько наворовал-слямзил, кто слинял за кордон, кто сколько народными миллиардами ворочает, кто путает собственный карман с госбюджетом и так далее, я в отчаянии ударяюсь в старческое брюзжание. Какое в конце концов мое дело, коли от меня ровным счетом ничего не зависит, мне-то что, пенсионеру аль-дивани, плетущему десятки лет свою длинную, как тонкая кишка, «чепуху» и ворчащему по поводу и без? В самом деле: пенсию получаешь? Получаю. Стипендию президентскую пока дают? Дают. Книги твои издаются? Издаются. Никто тебя не преследует, не гнобит? Нет, слава богу. Ну, и помалкивай. Благодари Всевышнего и довольствуйся тем, что есть. Тәуба, тәуба. Шүкір, шүкір.

Ан нет! Душа не знает покоя. Корежит меня от всего этого, ломает, мутит, тревожит, нервирует. Есть такая казахская поговорка: «В душе все кипит-бурлит, как в кипящем казане, а бороться – мочи нет». Именно в таком состоянии я и пребываю ныне.

Вечерами я слушаю по телеящику новостные программы: КТК, «Хабар», «Вести», «Евроньюс». И начинает меня колотить. КТК обрушивает на меня нескончаемую серию убийств, драк, дорожных происшествий, пожаров, взрывов, насилий, наводнений, обвалов, поджогов, грабежей, беспорядков, отравлений, суицидов, беспределов, бытовых страстей-мордастей, ужасов, кошмаров, напастей и мерзостей.

И это не где-нибудь, а в независимом, благоденствующем, процветающем Казахстане.

Свихнуться можно!

Переключаюсь на «Хабар». «О, совсем другой мир, другая тональность, другие краски, другой формат. Сплошные успехи и достижения. Небывалый расцвет! В зобу дыханье сперло! Сидишь, вытаращив глаза, и только диву даешься: «Апырай, а! Сон или явь? Это надо же! Обитаем, оказывается, в раю, а мы торчим дома и ничего этого не знаем. Көрмес – түйені де көрмес!» А вот на цивилизованном Западе все всё знают, каждый вечер какие-то господа пространно долдонят об экономическом, культурном чуде Казахстана – страны мировых форумов. Правда, потом выясняется, что эти краснобаи толком не ведают, где эта страна находится, безбожно путая Казахстан, Пакистан, Афганистан, Таджикистан, Киргизстан и прочие «станы». Вспоминаю один курьезный случай. Лет десять назад посетила редакцию «Дойче Альгемайне Цайтунг» в Алматы одна просвещенная дама-литературовед из Гамбурга. Она восхищалась успехами Казахстана и без конца озиралась в окно. Потом смущенно сказала: «Вот сколько мы здесь сидим, а я ни разу не увидела ни одного верблюда. Куда подевались бедуины?!»

Мы не знали, как ответить.

Боюсь, что хваленные эксперты, заседающие на наших форумах, тоже недоумевают, не замечая в окнах ни верблюдов, ни ишаков, ни живописных бедуинов.

В последнее время в «Хабар» обозначились новые тенденции. Показывают несколько эпизодов из жизни высшего эшелона власти, потом идут картинки о вселенском кризисе, о жутком положении в Греции, Испании, Португалии, Франции, Сирии, о наводнении в Китае, взрывах в Пакистане, Афганистане. Надо же, кругом так плохо, так плохо, что поневоле диву даешься, до чего у нас все хорошо, все стабильно и благополучно. Такова хабаровская концепция.

Другая линия поведения – демонстрация бескомпромиссной борьбы с наглеющей коррупцией. Только и слышно: того поймали, того посадили, этот в бегах, другой в розыске, анау в каталажке, мынау под домашним арестом, анау-мынау под колпаком. Ойдойт! Пыль столбом!

Это все игры-игрунчики, шашни-интрижки. На потеху себе, на насмешку людей, на смех курам.

Вот сидишь у телеящика, смотришь на эту несусветную дребедень и тихо звереешь.

Доколе?!!

Ойбай-ау, ойбай! Впору лопнуть от досады и злости.

Забьешься в угол и погружаешься в чтение Конфуция, Гете, Томаса Манна, чтобы малость успокоиться и очистить душу от губительной скверны.

Господи, говорю себе, тебе-то, пенсионеру, одинокому путнику на обочине бытия, что?! Какое мне дело до всех до вас, и вам до меня?!.

* * *

Похоже, жить своей жизнью казаху стало неинтересно. Должно быть, собственная, богом и предками определенная, жизнь ему обрыдла. Захотелось ему жить, как европеец, как американец. А зря! Ой, зря! Казах интересен только тогда, когда остается самим собой, когда живет своей жизнью, не обезьянничая, не подражая никому. Но, кажется, он совсем не склонен оставаться казахом. Досадно. На еврея он никогда похожим не будет.

Может, и другим надоело быть похожим на себя? Опостылело свое лицо. Сабит Муканов любил поговорку: «Кәрі орыс мұсылман болмас» – «Старому русскому мусульманином не быть». Меня всегда претит, когда российские немцы «косят» под русского. В то же время русские хотят быть немцами (вспомните Меньшикова из «Петра Первого»), а немцы – еще кем-то. Смешно! Особенно склонна к превращениям, имитациям, подражаниям женская часть человечества. Меня это всегда обескураживает. Приятны те женщины, которые достойно олицетворяют самих себя. Приятны те народы, которые самодостаточны. У подражателей-копиистов, по-моему, перспективы невелики.

* * *

Император России Николай I правил 30 лет. Так что срок правления лидера Нурсултана – айналайын. Вероятно, важно не **сколько**, а **как**. И на последний вопрос ответит история.

* * *

Меня всегда восхищают лингвисты, лексикографы, филологи, занимающиеся историей языка и этногенезом слов. Поразительные труженики! Примеров много. Вот академик, славист № 1, «отец русской этимологии» Олег Николаевич Трубачев (1930–2002 г.г.). В его обширнейшей библиотеке были книги на 60 (!) языках, живых и мертвых. Он их читал. И на международных семинарах, конференциях вел дискуссии на языках участников. Он собрал и выпустил сам 30 (!) томов «Этимологического словаря славянских языков». Каково?! Можно ли себе такое представить? Я перебираю мысленно казахстанских лингвистов: кого можно назвать с таким и масштабами. Профессоров, академиков докторов филологии у нас пруд пруди, а ученых – пшик...

* * *

Братья Рыскалиевы – бывшие один акимом области, другой депутатом Мажилиса, – основательно заворовавшись (газеты официально называют ошеломительную цифру – 16 миллиардов тенге),

благополучно дали деру за кордон, и их якобы видели в японском ресторане в Лондоне.

Объявили международный розыск – ищут дерзких лихоимцев по всему свету, хотя всем известно, что их шито-крыто сплавили с глаз долой по-хорошему, по взаимному полюбовному согласию (надо полагать за добрую мзду), наподобие небезызвестной четы хапуновых-храпуновых.

Но я, собственно, не о том. В конце концов не они первые и не последние среди нового племени юркачей независимого Казахстана.

Меня больше волнует психологическая, генетическая, социологическая, политическая, нравственная стороны этого отнюдь не отрадного явления. Вот представьте: ощутимо ограбив любимый Казахстан, сверхудачливые братья Бергей и Аманжан Рыскали блаженствуют в японском ресторане в славном городе Лондоне и подолгу (спешить-то некуда) беседуют. О чем – вот что интересно. В каком направлении протекает их мысль? Чувствуют ли они какое-то угрызение совести? Или нечто похожее на стыд? Или просто неловкость? Смущение, наконец? Или, наоборот, их распирает гордость за то, что они так ловко объегорили, обманули, облапошили свой клан, свою партию (один – «Нуротан», другой – «Акжол»), своих земляков, свой народ, свою власть, своего Президента? Вот где подлинный кладезь психо-анализа для доморощенных рыцарей пера! Вот где материал для психо-социального романа!

В самом деле: отец-мать этих прохиндеев – казахи. Сами они – казахские джигиты. Выросли в Казахстане. И служили Казахстану. Учились в казахских школах. Воспитывались в казахских традициях. Говорили высокие слова о казахах, о предках, о любви к родине. Может, даже Абая читали. Выходит, жили во лжи, врали и лицемерили. Двурушничали. Служили дьяволу-шатану. Обманывали всех подряд. И жен, и детей.

Так, спрашивается, где наши славные «жазушылар», которые должны бы были психологически все это объяснить, растолковать, описать всемерно, КАК могли появиться-расплодиться в независимом Казахстане подобные типы?!

Понимаю: это сложно. Очень. Попробуй вникнуть в этот психологический феномен. И редко кому из казахских писателей по таланту, по силе, по кругозору, интеллекту объективно написать об этом. Кто бы мог? Пожалуй, Кекилбаев, Абдиков. Эти двое долгие годы находились в высшем эшелоне власти, обладая при этом незаурядным художническим даром. Они имеют склонность к описанию подобной двойственности человеческой натуры. Кто еще из 777 членов Союза писателей Казахстана? Наверняка, Магауин. Его «Жармак» является тому свидетельством. Возможно, кто-то из более молодых мог бы осилить эту тему. Я их просто не знаю. Но писать о том было бы важнее, актуальнее, значительнее, чем строчить многоверстные романы о мифических родовых баях, биях, беках, батырах, султанах, ханах, чьи имена давно растворились в тумане прошлого.

Нет, не пишут. Не пишут, хоть тресни. Может, национальный намыс не позволяет? Конечно, пакостники, подонки, но ведь свои по крови и вере. А между тем явление это непомерно и опасно разрастается с каждым годом, принимает совершенно уродливые, гадкие формы, унизительное для народа, для страны наглое содержание, черты развращения, растления, деградации подрастающих поколений. Вот где простор для писательского мастерства и фантазии, для воображения и анализа. У нас же предпочитают катать подхалимские оды, панегирики, мадригалы, многотомные водянистые эпопеи, воспевающие лживую власть, которая эти творения время от времени отмечает высокими государственными премиями. Кому эти лит. изделия нужны, кроме, возможно, кучки временщиков и их верной рабской обслуге?

Ну, что ж... Чирикайте, братцы-писатели, пока пройдошливые братья-рыскалиевы кайфуют в лондонских ресторанах, похохатывая над простодушными степняками мыркымбаями...

* * *

В сентябре 2011 года он неожиданно зашел в мою одиночную палату терапевтического отделения, вежливо поздоровался и заговорил о своем житье-бытье, о хворостях, о преподавательской

работе, о научных изысканиях, свершениях и планах. Выглядел он неважно. Рыхлый, грузный, потный, изнуренный многолетним сахарным диабетом, ослепший на один глаз.

Знал я его давно. Изредка встречались, обменивались хабарами. Он профессор, доктор филологии, видный тюрколог, автор ряда фундаментальных работ, специалист по древнетюркской письменности. Он был увлеченный, интересный собеседник, мягкий, деликатный в обхождении. Он был старше меня всего на несколько месяцев.

Знавал я и его отца с первого курса КазПИ им. Абая (1954) – крупнейшего языковеда, диалектолога, тюрколога профессора Сарсена Аманжолова. Четыре года он опекал меня, читал мои курсовые опусы по сопоставительной грамматике, поощрял мои интересы к лингвистике, обещал после окончания института взять меня в аспирантуру. Я тогда мечтал стать тюркологом. На четвертом курсе, накануне госэкзаменов я осиротел: профессор Сарсен Аманжолов скоропостижно скончался от инфаркта.

Теперь узнал из газет, что на 79-м году жизни ушел (08.10.12) и его сын – профессор Алтай Сарсенович Аманжолов. Помню: он рассказывал при последней нашей встрече о своих серьезных научных планах, в том числе и касающихся творчества его отца. Не знаю, успел ли он их осуществить.

И отец, и сын были видными учеными, фундаментальными, целеустремленными, и благодарная память о них живет во мне, и печаль моя неизбывна...

* * *

Известно? «...времена не выбирают, в них живут и умирают». О чем тут спор? И все же я часто ловлю себя на том, что живу не в свое время. И в свое время не живу; и не там, где генетически должен был бы жить. В печальные минуты мне упорно чудится, что я изгнанник. Неприятно в этом сознаваться, но это так. То есть, просто-напросто выгнали меня оттуда, где я должен был бы функционировать. Иначе говоря, я как бы невольник. Да и время мое

другое. Читаю дневники Панаевых, и кажется мне, что время мое где-то там. Впрочем это иллюзорно. Несерьезно. Смешно. Просто все чаще – должно быть с возрастом – чувствую себя не в своей тарелке. Будто обитаю не в своем пространстве и времени. Или невзначай выпал оттуда. Скорее всего, такое ощущение присуще не только мне. Многим. В основе этого ощущения, бесспорно, очень острое недовольство собой. Что поделаешь?..

* * *

В связи со 100-летием со дня рождения Льва Николаевича Гумилева много пишут в печати о пассионарности. Гумилев в Казахстане одно время был очень популярен. Каждый просвещенный казах штудировал (или делал вид, что штудирует) его книги и становился горячим поклонником его теории. Он всколыхнул и взбодрил весь тюркский мир. Заставил уверовать его в свою пассионарность. Я лично недостаточно глубоко его понимаю, хотя уникальный мир тюрков мне близок и симпатичен. Настораживало меня только то, что многие историки и этнологи (главным образом, русские и евреи) относились и к нему, и к его писаниям, мягко говоря, сдержанно. Мол, недостаточно научен, все больше популяризатор, однобок, по его книгам, дескать, знать историю невозможно, его-де можно читать и понять, вооружившись сперва знанием объективной истории и т.д. Я не имел возможности вникать в суть его учения. Грела лишь его очевидная благосклонность к культуре номадов. И то, что твердили мне доморощенные ученые (филологи, историки, этнологи, этнографы), меня мало убеждало, а покойный друг Морис Симашко, большой знаток истории Средней Азии и культуры Востока, вообще с большим сомнением относился к некоторым историческим установкам Льва Николаевича. Судить о том (особенно о хазарах) я никак не компетентен. Однако иные толкования евразийства нашими политиками и государственными мужами мне кажется весьма конъюнктурными и поверхностными.

Знающие люди внушают мне, что пассионарность – это мера потенциальных возможностей этноса, эффект избытка биохими-

ческой энергии живого существа, порождающий жертвенность, определяющий способность к сверхнапряжению (см. «ЛГ», № 38, 2012 г.).

Если исходить из такого определения, то, на мой взгляд, о пассионарности, скажем, русских и – особенно российских немцев и речи быть не может. Какие потенциальные возможности, какая биохимическая энергия или способность к сверхнапряжению? Ничего этого я не вижу. А вот у казахов некие элементы пассионарности можно разглядеть, хотя и они (особливо с объявлением независимости и тотальной, разбойничьей коррупции) катастрофически быстро таят и улетучиваются. Представления казахов о пассионарности этноса кажутся мне весьма зыбкими. Они хороши для самоутешения, для удовлетворения тайного тщеславия. А что такой ген пассионарности? И вообще научна ли теория пассионарности?

Бог весть...

* * *

Уже несколько лет, уединившись в Праге, видный казахский писатель Мухтар Магауин увлеченно работает над трилогией (или тетралогией?) о Чингисхане. Судя по всему он проделал огромную подготовительную работу, изучив и осмыслив монблан литературы и уникальных источников на эту тему. Я прилично знаю творчество Магауина, имею в домашней библиотеке около двадцати его книг, которые охотно читаю и перечитываю, высокого мнения о его даре историка и прозаика, публициста и литературоведа, о чем даже довелось писать, а вот его новый труд о Чингисхане пока еще не читал. Мне рассказали, что первый том целиком посвящен анализу литературных и исторических школ и течений о всемирной личности монгольского завоевателя-полководца, реформатора и государственного строителя.

О Чингисхане я наверняка прочел книг двадцать-тридцать – от Яна, Чивилихина, Калашникова, Кара-Дабана до Кекилбаева, Досжанова, Адиблева, Айтматова, Шаханова, Мухамед-Халела и других.

Теперь узнаю, что бурятский писатель Алексей Гатапов издал роман в двух книгах под названием «Тэмуджин» (М. «Художественная литература», 2012, 712 стр. 1000 экз.). Речь в этом романе идет об отрочестве Чингисхана, о зарождении личности, о предательстве и чувстве Родины. Если писатель написал два тома об отрочестве Чингисхана, то можно предположить, что он задумал целый цикл романов о нем.

Читать Гатапова я, скорее всего, уже не буду (дай Бог времени и силы одолеть Магауина), ибо отравлен Чингисханом, как, к слову, и Сталиным. Уже невмоготу, уже сыт по горло...

* * *

Напомню: я ведь свою литературную деятельность начал как переводчик. Переводил многие годы в основном казахскую прозу на русский язык. Я жил в стихии перевода, занимался и историей, и теорией, и практикой переводческого искусства. Словом, десятилетия варился в этом крутом казане. И не одну книгу посвятил переводоведению. И «перетолмачил» по мере сил и умению не один корджун литературы.

Ныне я к переводу остыл. Занят писанием и изданием собственных сочинений. «Напахался», – как выразилась моя коллега Майра Жанузакова.

Но вот прочел на днях интервью профессора Лю Вэньфэя (ЛГ, № 38 за 2012 г.) и окунулся в печальные мысли.

Кто такой Лю Вэньфэй? Известный китайский русист, президент Китайской ассоциации по исследованию русской литературы, переводчик Пушкина, Горького, Белого, Проханова, Виктора Ерофеева и других русских писателей.

Хорошая, искренняя, доверительная беседа. Но по какому поводу печаль?

Печаль навеяна явно ухудшающимся положением на фронте переводческой культуры. Что у нас, в Казахстане, дела по этой части более, чем швах, мы знаем. И мы переводим мало (и в основном, все хуже), с каждым годом все меньше и меньше, и нас

и в ближнем, и в дальнем зарубежье не больно-то читают и почитают. Пропали интерес, востребованность, взаимная тяга, магия духа, все разбрелись по своим нишам-норушкам, изменились времена, аура, людские отношения, культура повсеместно приходит в упадок, мастера переводческого искусства, подлинные «почтовые лошади просвещения», рыцари девятой музы вымирают, для молодых хлопотное это дело слишком не престижное и не хлебное, и ни на что уже бабла-акши не хватает. «Профессия переводчика умирает», – замечает российский собеседник Лю Вэньфэя, и китайский русист-профессор в более мягкой форме это подтверждает. Цитирую: «Переводить ради заработка стало невыгодно. Имеет смысл делать это только из любви к литературе. Стать профессиональным переводчиком, если, к примеру, говорить о моих аспирантах, никто не мечтает. Иначе говоря, никто не сможет жить переводами. Это опасно. Кто будет после нас переводить русскую литературу, французскую, немецкую?»

Вопрос этот еще более остро стоит в Казахстане. Об этом все знают, говорят, пишут, но толку никакого. «Потеряла кибитка колесо»... Застряла арба в непролазном болоте. И, чувствую, надолго. У нас всегда было негусто с переводческими кадрами. А за годы независимости и их растеряли. Граней у этой проблемы много, а выхода в настоящей ситуации не вижу.

На иностранные языки казахская литература ныне почти не переводится. До прямого, непосредственного с языка на язык перевода пока не доросли. Да и похвалиться оригинальными произведениями тоже вроде бы нет повода. Локальный, местечковый аляуляй интереса за рубежом не представляет. Мощь природного казахского языка даже на моем веку слабеет и убывает. Глобализация в дурном, примитивном смысле все настырнее проникает в сферы казахского бытия. Китайские иероглифы, по словам Лю Вэньфэя, «в какой-то степени наша защита от вторжения в китайский язык иноязычного начала». «Казахская» кириллица такой защитой не является, русская и английская словесная экспансия сказывается все заметнее.

Не стану, однако, здесь на эту тему распространяться. А просто еще раз констатирую, что с художественным переводом дела у нас (и не только в Казахстане) обстоят худо, можно сказать, скверно, и «черная полоса» эта, судя по всему, протянется долго.

Вот откуда печаль, которую усугубила проникновенная беседа с моим китайским коллегой на страницах «Литературной газеты».

* * *

Никак не могу привыкнуть к тому, что на меня все время льют ушаты лжи. И все сверху, сверху, с самых высоких инстанций. Те, что забрались каким-то образом наверх, упорно хотят сделать из меня дурака. Да если бы только меня...

Вот уже несколько месяцев на все лады толкуют жанаозенские события, да с таким напором, нахрапом, прямо-таки за глотку хватая, что уже не знаешь, кому и чему верить. Только смутно чувствуешь, что вранья вокруг этого нагородили много. Об одном недозрелом Челахе насочиняли семьдесят семь версий. Попробуй разберись! Сам Азазель запутался. Верные соратники-соколята Елбасы то и дело делают длинные ноги, запросто шастают за кордон и обосновывают там зажиточные казахские аулы. Бабло-добро уже не корджунами-сундуками увозят, а караванами, эшелонами, самолетами. А нам, смердам, при этом назойливо твердят об успехах и достижения, о стабильности, о благоденствии, о фестивалях и форумах, о мифической нобелевской премии. Ох, и дурят народ! Тоннами вешают на уши прокисшую лапшу. Между тем в том, что стабильно у нас повально воровство, все убедились.

Вот читаю прессу (дурная привычка!) – «Время», «Общественная позиция», «Свобода слова», «Республика», «Ашык алан», «Жас алаш» и еще добрый десяток. Кто пишет? Почти одни и те же. О чем и о ком пишут? Об одном и том же: о тотальной коррупции, о лживой власти, о чиновничьем беспределе, о тупизме государственного управления, о разгуле беззакония, о пределах наших славных азаматов – рыцарей наживы. Из номера в номер меня обязывают читать об Аблязове, Алиеве, Храпунове, Бекетовой,

Пишут (см. «ЛГ», № 39/12): Есть три очевидные меры, без которых Россия не воспрянет.

Я встрепенулся. Ну-ка, ну-ка, апырай, какие же это меры? Наверняка они сгодятся и нам, казахстанцам.

Читаю: прекратить отток денег из страны; ввести прогрессивный налог на доходы; полностью конфисковать имущество пойманных взяточников.

Хм-м... До чего же просто, элементарно!

Не знаю, как в России, но в Казахстане эти меры уж точно неосуществимы. Никак! Хоть тресни! В этом даже я, пенсионер-литератор, убедился окончательно. Нет никакой надежды!

Отсюда вывод: помочь Казахстану никак ничем не может. И раздрызганная арба наша вот-вот развалится вконец.

...Идет нудный, холодный осенний дождь. Город погрузился в сумрак. Отопительный сезон, как всегда, задерживается. Может, этим навеяны мои горестные думы?..

18.10.12

* * *

Шаткость моего положения я особенно явственно чувствую на склоне лет. Здоровой ногой («тұлпар аяқ») я все еще стою в социализме, а больной, слабой ногой («мәстек аяқ») пытаюсь зацепиться за капитализм. И получается, что от социализма отошел, а до капитализма не дошел. Чикиляю по меже, и никакой уверенности, устойчивости. Эдак далеко не забредешь.

* * *

Запала в память строчка татарского поэта Рената Хариса: «День прошел – и путь мой стал короче». Каждый день я мимовольно повторяю эту строчку.

* * *

Странная закономерность: сколько хороших людей на моем веку ушли в мир иной, а плохих никак не убывает. Или – если сказать по-другому: крупные уходят, мелочь остается. Почему так?

* * *

Если бы при нынешнем моем житейском опыте мне было, скажем, пятьдесят, я написал бы толстенную книгу о казахах. Описал бы, пропустив через сердце и душу, все-все, что я за свою жизнь узнал-вызнал-познал о своеобычном народе. Конкретно о чем бы поведал? Немного об истории, чуть больше об этнографии, мировоззрении и мировосприятии, о духоустройстве, о быте, нравах, обычаях, пристрастиях, музыке, песнях, более пространно – с примерами из жизни – о языке, фольклоре, образном и ярком речестрое, о поэтической мощи и выразительности, мудрости пословиц, поговорок, фразеологизмов, об отношении к добру и злу, о приметах и запретах, о сложных родственных отношениях, о гостеприимстве, широте души, благородстве, о традициях, заповеданных предками, о некоторых причудах национального характера, о верности национальным ценностям, о святости прошлого и вере в будущее, об оптимистическом настрое и глубоком понимании-осознании обманчивости бытия, временного существования на земле, о том, что честь и достоинство для казаха превыше всего, и о многом-многом другом, что не передается перечислению и о чем знаю не понаслышке, живя в гуще казахов более семидесяти лет, что видел, слышал, наблюдал, испытал, прочувствовал, осознал, осмыслил.

Разумеется, известны мне и «темные», негативные стороны психического уклада казахов, о которых я позволяю себе иногда писать. И ни один казах не обижается на меня, ибо все чувствуют, что не клевещу, не злорадствую, не ёрничаю, а говорю с доброй душой и открытым сердцем, любя и любуясь. (К тому же об изъянах национального характера с болью исчерпывающе поведал миру мудрец-хаким Абай).

Да, если бы... Она стала бы, вероятно, лучшей моей книгой. Утешением служит то, что фрагменты этой ненаписанной книги в разных формах вошли в мои романы, повести, рассказы и публицистический цикл под названием «Плетение чепухи». В них, думаю, можно обнаружить немало проникновенного искреннего и

исповедального о казахах, поведанного глазами этнического немца. На сегодняшний день (25.10.12) я написал двадцать условных тетрадей «Чепухи», что составляет две тысячи страниц. Может быть, эти вольные записи (по-немецки Lose Blätter) со временем увидят свет в форме двух-трех-четырех увесистых томов. И тогда, подумалось мне сегодня ночью, можно б было собрать в один том все «казахские записки» и озаглавить их либо «О, казахи мои!..» (строчка Олжаса С.), либо «Казахские арабески». А поскольку у меня есть книги «Казахское слово», «Казахская тетрадь», то с книгой с этими публицистическими записями состоялась бы своеобразная трилогия. И она стала бы как раз тем, что мне в вожделенной книге на тему «Казахи» я концептуально так и не создал.

Кто знает, если Судьба уготовит мне здоровье и жизнь, я, может, издам свои «Плетенья» под названием «Вольные строки» (под этим именем уже издана восемь тетрадей цикла), «Избранная чепуха» (название, придуманное журналом «Amanat»), «Казахские арабески».

Вот было бы здорово! Мне чудится, что эти книги были бы востребованы.

Е-е... о чем только не думается в ненастные осенние ночи...

* * *

Тридцать семь лет (если быть максимально точным) я совершаю свои регулярные прогулки по алее возле памятника Чокану. Бабушки, матери, няни подводят ко мне своих внуков, детей, воспитанников, и те, годовалые и трех-четырех-пятилетки, учтиво протягивают свои мягкие, теплые ладошки – здороваются. Таков казахский ритуал. «Ручку подай дедушке», «Отдай аташке салем», «Скажи: ассалау...», – наставляют казашки своих чад. Я, как положено, умиленно принимаю их салем и говорю подобающие ласковые слова-пожелания.

Это один из важнейших элементов казахского национального воспитания. Здороваться со старшими учат детей, когда их еще возят в колясках.

Вообще-то со слов приветствия – «Здравствуйте!», «Амансызба?», «Ассалаумагалейкум!», «Гутен Таг!» – и их бесконечных вариаций на всех языках – искони начинаются человеческие контакты. У казахов этот ритуал разработан веками соответственно всевозможным ситуациям.

И в многонациональном городе Энгельсе (некогда, напомню, столице Автономной Республики немцев Поволжья), где я родился, и в родительском селе Мангейм Гнеденфлюрского кантона, где я мальцом живал месяцами у родственников, как-то мне не прививали эти нравственные навыки, здоровались как-то автоматически, отрешенно, шаблонно, а то и просто обходились кивком головы при встрече, а вот, очутившись с осени 1941 года в казахском ауле на берегу Есиля, я столкнулся со всеми оттенками этого обрядового действа. Наука оказалась сложной. Но я довольно скоро сообразил, что оттого, КАК я здороваюсь с аулчанами зависит их отношение ко мне.

Жили мы, спецпереселенцы с Поволжья, более, чем скудно, и меня, тщедушного, болезненного, плохо одетого, по утрам отправляли с памятным армейским котелком за молоком к соседям или за обратом на молочную ферму. В первые месяцы я стоял, как бука, у порога убогого жилища аулчан, через силу говорил с немецким акцентом «Страфстфуйте!» и по-бишарински протягивал алюминиевый котелок. Тетки в длинных чумазых платьях, выцветших камзолах, в странных застиранных головных уборах кончиками губ произносили: «Э, здрясти!» и наливали в котелок литр-полтора цельного молока. Вскоре я научился бойчее произносить «Амансыз ба, апа!», «Есенбісіз, әже!», «Есен-саусыз ба, ата!», и мне приветливо, с нежностью отвечали: «Ой, айналайын!», «Проходи, дорогой!», «Не стой у порога, как сирота», «Родители твои аман?», «Заходи и завтра», «На́ угощайся куртом».

Завидев старика (теперь я понимаю, что 50-60-летние мужчины в годы войны для нас, аульной малышни, все были стариками), пацанва гурьбой протягивали руки, четко произносили наиболее употребляемые приветствия и, обласканные словами взрослых,

отходили гордо, с чувством исполненного долга. Для меня это было непривычно, я мучительно краснел, испытывал жуткое смущение, но, преодолевая робость, тоже тянул руку и лепетал: «Ата, амансыз ба?». Меня гладили по головке, иногда обнимали, говорили: «Ай, сары бала!», «Лөктірдің баласы!», т.е. «рыжий малец!», «сын доктора», поощряли мой казахский выговор: «Ай, жігіт! По-казахски лопочешь!» Словом, я стал аульным любимчиком, «біздің Кира́» («Наш Гера») и на радостных или горестных трапезах мне от стариков перепадал нередко сладкий мосол.

Твердо запомнил: добрые отношения начинаются с приветствия. Встречаясь, аулчане исполняли этот обряд многословно и виртуозно. «Е, здравствуй!», «Живой-здоровый?», «Благополучны ли скот и душа?», «В здравии ли старики, соседи, близкие и далекие родичи?», «Не хворают ли детишки?», «Спасает ли бог от бед-напастей?», «Благоденствуют ли друзья-тамыры?», «Приветливы ли снохи», «Бегают-озоруют ли чернявые карапузики?», «Горит ли очаг?», «Булькает ли в казане?», «Ладно ли под шанраком?»... «Е-е, шүкір-шүкір!», «Тәуба, тәуба!», «Благодарение Всевышнему!», «Да будет небо ясным да солнце ярким»... Ответив на все расспросы, собеседник в свой черед тоже еще более обстоятельно расспросит о житье-бытье. Мне это было внове и даже странно. Сколько слов! Такая трата времени!

Вспоминаю: форма приветствия «Ассалаумагалейкум!», который ныне щеголяют все от мала до велика, в нашем ауле в военное и послевоенное время, не культивировалось, считалась, должно быть, архаичной, с религиозным оттенком, отжившей, что ли. А элитная кучка наших аульных азаматов считались передовыми, слыли продвинутыми, истинно советскими. К форме «Ассалаумагалейкум!» – «Уағалейкумсалам» прибегали лишь совсем уж старцы. И уж совершенно мучительно было здороваться с учителями. Им, понятно, ученики руки не протягивали. И витиеватых форм приветствия не употребляли. При встрече вне школы застывали в двух-трех шагах, как по команде «Смирно!», опускали головы и почтительно произносили: «Сәлеметсіз бе, мұғалім?» Позже,

после института, работая преподавателем в средней школе Джамбулской области, я с удивлением сталкивался с тем, что в тех краях говорили не «мұғалім» (учитель), а «ағай» и «апай» – «Сәлеметсіз бе, ағай?», «Амансыз ба, апай?» Это считалось обыденно-приемлемым и приличным. Формы «Ассалаумагалейкум!» в отношении к старшим тоже не чурались. В ответ старшие чаще всего отвечали: «Молда бол!» («Будь муллой!»)

Вообще среди казахов сызмальства положено было знать, как здороваться с пожилыми, со старшими, с женщинами и мужчинами, со сверстниками и уметь держаться в рамках канона и приличия. Иначе не мудрено было прослыть невежей, неучем, неотесанным шалопаем.

К долгим приветствиям, вежливым взаимным расспросам аульного люда приноровились и животные – лошади, собаки, коровы. Бывало, вместе с отцом на телеге, запряженной аулсоветским маштаком-одром, я ездил в райцентр или в аулы Коктерек, Жанажол, Алка-агаш. Степь. Перелески. Ухабистая, излучистая дорога. На многие версты ни одной живой души. И вдруг наша савраска словно просыпается, прядет ушами, вскидывает голову, замедляет и без того унылую трусцу. Значит, почуяла: навстречу едет путник и вот-вот произойдет посреди божьего простора встреча с желанной передышкой. Поравнявшись, лошадки-заморыши останавливаются, ибо знают, что путник помоложе сойдет с телеги, подойдет к путнику постарше, поздоровается за руку, и начнется долгие взаимные расспросы, речевые фигуры вежливости о том, о сем и обо всем на свете. И лошади не стронутся с места, как бы ты их не понукал, внимают разговору, фыркают, вздыхают, перебирают ногами, чихают, принюхиваются друг к другу, отгоняют хвостами назойливых слепней и комаров. Они знают этот степной обряд, воспитаны в нем. Отца моего повадки аульных лошадок неизменно поражали. Это надо же! Неспроста сказано: скотина похожа на своего хозяина.

Или: идет старик по аулу с посохом в руке, рядом трусит его верный пес Майлыаяк. А навстречу ковыляет еще один старик,

сгорбившись, закинув обе руки за спину, и рядом важно и степенно семенит пес Кутпан. Приближаясь, собаки радостно помахивают хвостами, бросаются друг к другу, как соскучившиеся приятели, принюхиваются, облизываются, зная, что сейчас их хозяева встретятся, затят длинную беседу, обсудят все аульные новости, будто увиделись после долгой разлуки. Собаки радуются за своих хозяев, за белый свет, за родной аул, за то, что вокруг все так ладно и складно.

Или: погнали апашки и ажешки буренок к колодцу на водопой. Коровы мирно и терпеливо стоят у деревянного корыта, ждут, пока хозяйки заполнят его колодезной водой, пускают слюни, жуют свою жвачку, проявляя такт и деликатность, зная, что хозяйки должны поздороваться и выговориться.

В годы учебы в институте я приезжал на каникулы в родной аул. Уже на другой день начинал обходить аулчан, начиная с самых почтенных стариков. По заведенному исстари порядку, отдавая свой сыновний салем, подробно расспрашивал про здоровье, про житье-бытье, поименно называл родичей, выражая соболезнование по умершим, поздравляя по случаю рождения внуков и правнуков, делясь своими городскими новостями, рассказывая об известных на всю страну азаматах. Обходил дома, понятно, не с пустыми руками, делился своими незатейливыми гостинцами – конфетами, пряниками, чаем – в пачках и плитках. Потом в ауле начинали попеременно приглашать меня, угощая кумысом, топленым маслом, куртом-иримчиком, передавали приветы знакомым в далеком городе у подножья Алатау.

О, да... смысл жизни начинается с доброго приветствия-салема. Эту науку ты должен знать, иначе ты неполноценный человек, не понимающий толка в людских отношениях.

Увы, этот священный ритуал ныне по разным причинам предается забвению. Убыстрилось время, ускорился темп, изменилась ментальность, размываются традиции, аул потерял свой прежний статус, людские сердца очерствели, размеренный уклад бытия растаял в спешке, в суматохе. Ныне все чаще приветствуют друг

друга на ходу, между прочим, походя, вскидывают руку, кивают головой, прикрывают веки, бросают на бегу: «Привет!», «Салем!», «Hei!»; «Guten Tag!» у немцев сузился до «n' tag!», казах в шутку сливает: «Ассалаумагалейкум – аллейкумсалем!» Нет прежней степенности, основательности, размеренности, последовательности, солидности. Остались: «Привет!», «Салем!», «Будь!», «Аман?», «Хал қалай?».

Сижу на скамейке возле памятника Чокану, вслушиваюсь в детский лепет, в говор старших, ко мне учтиво подходят бабушки, мамы, внуки, дети, здороваются на казахский лад, говорят: «Ассалаумагалейкум!», и я, подражая памятным мне аульным старцам, важно и искренне отвечаю:

– Аллейкумссалам, айналайын, милый! Расти большой! Таудай жігіт бол! На радость своих предков, своего рода, своих родителей, друзей и всего народа! Мир твоему дому!

* * *

В реанимации, чтобы не сходить с ума, нужно читать философию и «Библию». Вообще «Библия» и «Коран» в реанимационном отделении иметь надо. Я бы их здесь однозначно читал. Это было бы важнее, чем глазеть в телевизор.

* * *

На кой ляд нужен казахам какой-то Бельгер, если они не делают вывода даже из критики соплеменника Абая?!

* * *

Оразбек С. утверждает, что Абай свою книгу прозы назвал «Китаб таслик», что означает «Сенім кітабы», т.е. «Книга доверия». Точнее – «Исповедь». Ғақлии Абая и есть исповедь.

* * *

Мой «Савельич» по палате сказал об одном министре: «Он же туп, как бабий пуп». Впервые сталкиваюсь с этим выражением.

И еще он изрек: «Тупых и в других странах достаточно, но они не управляют».

И еще: «Куда ему с грыжей да в грузчики?!»

Богат и выразителен русский язык.

* * *

Часто во сне я летал. Боже, какое же это было наслаждение! Вставал на краешек балкона, отталкивался ногами и, быстро-быстро взмахивая руками, поднимался все выше-выше над домами, над тополями, и снизу люди радостно и удивленно приветствовали меня. Покружившись над округой, я, усталый, возвращался на свой балкон. И душа ликовала.

Увы, это было в прошлом. Ныне я почему-то не летаю. А брожу, скользя и спотыкаясь, по буеракам, по топям, по жуткому бездорожью, в слякоть, ищу своих покойных родителей, сестер, родных, иногда встречаю, чаще всего – нет и просыпаюсь в страхе, тоске и растерянности. А то блуждаю в незнакомом городе, не помня ни адреса, ни названия гостиницы, не имею денег, билета на возвращение домой. Более того, не помню, где мой дом.

Что-то случилось.

Что-то ушло безвозвратно.

А еще снятся мне иногда большие люди. Да так зримо, так явственно, будто совсем не во сне. Даже Гете однажды приснился где-то неподалеку от дачи Нурпеисова. Весь день находился под счастливым впечатлением беседы с ним. А в последнее время ни с того, ни с сего звонит Назарбаев и говорит одно и то же:

– Гарольд, ақша жоқ!

С какой стати? И у кого это «ақша жоқ»? У меня ақша на чай-пай водится. А больше-то зачем? Я ведь и не прошу.

У государства, на сколько мне позволительно судить, денег и вовсе достаточно. Корджуны отнюдь не пустые. Да и у самого Нурекеме, полагаю, карман не дырявый.

И все равно во сне Елбасы часто звонит мне и говорит:

– Гарольд, ақша жоқ!

А один раз даже сказал всердцах:

– Гарольд, ақша жоқ ни хрена!

– Апырай, с чего бы это?!

* * *

Если бы меня спросили назвать трех азаматов, олицетворяющих современных казахов, я бы остановил свой выбор на Олжасе Сулейменове, Токтаре Аубакирове и Асаналы Ашимове. Один представляет «русских» казахов, второй – русско-казахских, третий – «чистых» казахов. А все вместе – свой народ в лучшей своей ипостаси.

* * *

Она вошла чуть свет в мою палату со шваброй, тряпками и ведерком для утренней уборки. Молодая, круглолицая, туготелая казашка. Принялась яростно шоркать шваброй, напевая какую-то казахскую песенку. Черные глаза сияли.

– Что, айналайын, сегодня воскресенье?

– Да, ағай.

– Тогда ясно, почему поешь.

– Настроение хорошее. Врачей нет. Никто тобой не помыкает. А мне снился мой сынишка. Ножками дрыгает, ручками машет, слюни пускает, вроде что-то лопочет.

– А где он у тебя?

– В ауле, у родителей. Да ему всего три месяца. Вышла из декрета, работать надо, а его куда?

Знаю: родом она из Семея, в Алматы жилья нет, за сынишкой присматривать некому.

Ах, хороша казашка! Лежу, любуюсь. Ее красотой, здоровьем, счастьем.

А что мне еще остается? Лежу с третьим инфарктом. А жизнь хороша! Пой, пой, моя милая! И роди еще сына. Выдюжишь. А жизнь наладится в свой черед...

* * *

Я, как мой читатель знает, вырос в казахском ауле и окончил казахскую школу. Учили мы и историю СССР, но почему-то с Петра Первого. И нам казалось, что именно Петр Великий – основатель советского государства. Историю казахов вообще не изучали. И мы были убеждены, что до Октябрьской революции и казахов вроде как не было. Ну, был просто некий казахский народ, который кочевал по бескрайней степи, совершенно безграмотный и отсталый.

Так учили. И я еще в школе чувствовал: что-то не так. Просто так не могло быть. Я и школу окончил, и институт, и аспирантуру, а история казахов продолжала пребывать в потемках.

Уже в зрелые (даже перезрелые) годы у меня понемногу открылись глаза.

Но явно ударились в другую крайность. Пошел мутный поток книг о ханах, биях, беках, батырах всех родов и мастей, и история все углублялась и удревлялась, вся мировая цивилизация оказахивалась, дошли до средневековых азиатских ученых, до Аттилы и Чингисхана, которые, естественно, тоже были казахами. Совсем рядом с казахами, находились Пушкин, Наполеон и Кутузов и бог весть кто еще.

Это настораживало.

И я опять смущен и сбит с панталыку.

И теперь уже очевидно, что до настоящей казахской истории я уже не доживу. Каждый народ сам по себе значителен. Только не надо рядиться в чужой чапан. Свой и проще, и милее, не мешковат и не жмет в плечах.

* * *

Вот судьба казаха-оралмана из Каракалпакии. Я с ним очутился в больнице в одной палате. Я с ним очутился в больнице в одной палате. Поджарый, легкий, изрядно помятый жизнью и хворостями, он, скрестив ноги под себя на больничной койке, надвинув на лоб выцветшую, засаленную тюбетейку, по причине тугоухости громко поведал свою жизнь. Обо мне он никогда ничего не слышал и не читал. В родном краю они жили компактно человек тысяч

тридцать. Все казахи. В аулах не проживало ни одного русского. Русский язык чуть-чуть понимают, но говорить не могут. Из тридцати тысяч осталось в Каракалпакии семей шестьдесят казахов. Сплошная разруха, запустение, нехватки. Спасаясь от убогой жизни, все перебрались в Казахстан. Сам он, Малдыбаев, лет сорок работал ветеринаром, бухгалтером, счетоводом. Шестеро детей. Никто не получил образование. В Алматы живет двенадцатый год. Получил на окраине города участок в восемь соток, слепил времянку-мазанку. Обоих сыновей со снохами держит при себе. Четверых дочерей выдал замуж. Стаж его в Казахстане не засчитали, пенсию определили в 27 тысяч тенге. У жены пенсии еще меньше. Дети занимаются чем и как придется. Но живут дружно, на патриархальный лад, трогательно заботятся друг о друге. Но далековаты от общественной жизни, от современной культуры, от цивилизации, от проблем страны. Живут обособленно, в своем мирке. Таких казахов я видел в нашем краю (в северном Казахстане) лишь в военное и послевоенное время. Ментальность почти восьмидесятилетней давности. Вполне допускаю, что и другие оралманы представляют собой такие типажи.

В больницу («Совминка») он поступил с сердечной недостаточностью дней на десять, и с первого же дня его гурьбой наведывали дети, зятья, снохи, байбише, родичи, вольно располагались в палате, словно в своем аульном дворе, забили продуктами холодильник, тумбочку, вываливали горой на стол кульки, пакеты, соки, воды, затевали громкие и длинные разговоры, переговаривались с кем-то по мобильнику, включали телевизор, устроили балаган, дастархан, приняв меня за русского, который в их разговорах ни бельмеса не понимает, говорили нелестные вещи, пока не лопнуло мое терпение, и я не объяснил по-казахски (к их вящему удивлению), как подобает себя вести в больнице. Они растерялись, извинились и быстро разошлись. А мой сосед вечером перебрался в другую палату, где он имел возможность глазеть телевизор с утра до ночи. Смотрел он только концерты казахской эстрады. Новостные программы его не интересовали совершенно.

Ничего дурного о моем сопалатнике сказать не могу. Но что он живет в другом измерении времени – точно. И я подумал:

а) наверняка и наши российские немцы в Германии производят аналогичное впечатление;

б) современному Казахстану довести массу оралманов до цивилизованной нормы поведения – при всей любви к своим этническим сородичам – ой, как непросто. Проблема, судя по всему, острее и крупнее, чем я это до сих пор себе представлял. Конкретная любовь значительно сложнее, чем умозрительная, абстрактная.

* * *

В октябре 1963 года, сразу после окончания аспирантуры, уже тогда известный писатель Абдижамил Нурпеисов привел меня в редактируемый им журнал «Жұлдыз», определив меня литературным сотрудником (в шутку говорили: «ит-сотрудник») в отдел прозы.

Я быстро сошелся и подружился с тогдашним молодыми литераторами Кадыром Мырзалиевым, Туманбаем Молдагалиевым, Абишем Кекилбаевым, Мухтаром Магауиным, Аскаром Сулейменовым, Саином Муратбековым, Калиханом Искаковым, Зейнуллой Сериккалиевым, Оразбеком Сарсенбаевым (все они впоследствии стали лауреатами Госпремии Казахстана) и другими. Это была блестящая плеяда: все прекрасно образованные, мыслящие, дерзкие, амбициозные, имеющие обо всем свое мнение, гражданскую позицию и историко-философскую концепцию. Они составляли некую пассионарную волну казахской духовности.

То, что я очутился в этом окружении, было моим везением и счастьем.

За ними с совсем небольшим интервалом хлынула новая волна – С.Сматаев, Д.Досжан, Д.Исабеков, М.Шаханов, Т.Абдиков, А.Сейдимбеков, К.Мухаметкалиев и другие. Ныне они составляют гордость казахской литературы.

Было такое славное время в 60-70-х годах прошлого века. Золотая пора национального самосознания.

Увы, многие из выше названных собратьев по перу ныне пребывают в иных пределах. Я их помню с благодарностью и почтением.

И еще раз подчеркну: мое везение в том, что вращался и вращаюсь в этой когорте пассионарных личностей. Тем самым, бесспорно, Судьба обласкала меня.

* * *

Он вошел в палату стремительно и легко, швырнул пузатый саквояж на стол, плюхнулся на койку.

– Здравствуйте! Меня к вам подселили временно.

– Почему временно?

– Видно, переведут в другую палату.

Симпатичный казах, стройный, поджарый, рослый, уверенный, в очках, лет пятидесяти. Развернул ворох аляповатых русскоязычных газет. Спросил:

– Тоже сердце?

– Инфаркт. Третий.

– Да вы что?! – удивился – Отчего?

– От жизни.

– Да вы что?! И кто вы?

– Литератор. Герольд Бельгер.

– Как, как? Герой?

– Герольд.

– Султанбек, – протянул он руку. – Где печатаетесь?

Я назвал ряд казахских газет.

– «Дат» не читал.

– Я это понял, как вы только зашли. Вы не читаете ни «Дат», ни «Трибуну», ни «Қазақ сөзі», ни «Жас қазақ», ни «Жас Алаш», ни «Туркестан», ни «Қазақ», ни «Айқап», ни «Қазақ әдебиеті», ни «Айқын», ни «Алаш айнасы, ни...

Он скривился.

– А вы их читаете?

– Представьте, вот! – И я указал на кипу, громоздившейся на моей тумбочке.

– А-а... газет много, а читать нечего. Все вшивенькие. Одно и то же!

Помолчали. Разговор не клеился. Я понял, что он из супер-современных казахов, которые далеки от всего национального. Потом выяснилось: экономист, родители родом из Семея, сам вырос в Киргизии, скептически выразился о власти, об известных государственных деятелях, не знал никого из казахских интеллигенции.

– А что, у нас есть интеллигенция? По-моему, она давно выродилась. И никогда уже не будет. Кого вы можете назвать из ученых, из писателей? Кто самые-самые?

Я назвал несколько фамилий. Он презрительно махнул рукой. В таком ключе и продолжалась урывками наша спотыкливая беседа: о стентировании, шунтировании, о хирургии, о депортации, о нобелевской премии, на которую некто уж больно сильно уповает.

Нормальный казах, каковых я ныне встречаю множество. Через четыре часа его перевели в другую палату.

– Ну я вас покидаю. Выздоравливайте!

– И вы не болейте.

Больше я его не видел.

И меня волнует вопрос: чувствуют ли эти люди свое время, свою родину, свое окружение, свое место в обществе? Или они по натуре эмигранты? Или, может, это я отстал от реального бытия?

* * *

Были казахи, радетели народа, жертвенники, которые некогда бросили клич: «Проснись, казах!» С обретением так называемой независимости все больше становится казахов-приспособленцев, которые призывают: «Спи, казах!» Спящим казахом, оказалось, легче управлять.

* * *

Отчего так много бедных казахов? Оттого, что их грабят свои же сородичи. Грабить-обирать других становится все труднее, а со своих драть три шкуры – милое и доходное дело.

* * *

Казаху, который не делает выводы из критики Абая, с какой стати прислушиваться к ворчанию какого-то Бельгера?

* * *

Бывший замминистра времен Д.Кунаева рассказывает. У него девять внуков. Один учился в казахской школе, остальные – в русской. Того, кто учился в казахской школе, он отправлял на время каникул в аул, и там он овладел свободно казахским языком, проникся казахской ментальностью, пас ягнят, косил сено, совершал со сверстниками набеги на колхозную бахчу, играл, озоровал. Сейчас он уже взрослый, еженедельно навещал овдовевшего деда, тщательно следит за содержимое холодильника, выбрасывает старые продукты, забивает свежими. Однажды дед тащил с базара две огромные сумки. На остановку на своей машине подъезжает какой-то парень и говорит: «Ата, садись. Подвезу». Дед насторожился: с какой стати он сядет в незнакомую машину. «Рахмет, айналайын. На трамвае доберусь». Незнакомец говорит: «Вы, ата, наверное меня не узнали. Я ведь друг вашего Даурена». Довез старика с сумками домой. Потом доложил другу: «Я сегодня встретил на остановке твоего ата с сумками, довез до дому». Немного погодя звонит внук: «Ата, что вы делаете?! Вы же позорите весь наш род. Завтра ведь по всему городу пойдут разговоры: дескать, бывший замминистра, как бишара-сирота, с сумками тащится с базара. Будто нет у него ни детей, ни внуков. Срам-то какой! Если тебе что надо, говори мне, я сам все привезу».

А остальные восемь внуков, воспитавшиеся в русских школах, о таком и не помышляют, и все это им невдомек. При встрече говорят: «Салют, аташка!» или бросают мимоходом: «Чао, аташка!» А о семейном достоинстве, о чести и гордости рода и понятия не имеют. Будто с луны свалились.

Подобных примеров разной ментальности и я встречал немало. Есть большая разница в разном национальном воспитании.

Между прочим у почтенного Омеке четверо детей, девять внуков и двадцать правнуков. А байбише и старшую дочь он недавно похоронил. В больнице он много примечательного и любопытного поведал мне из своей богатой жизни, в том числе о Каныше Сатпаеве и Динмухамеде Кунаеве, которых боготворит.

* * *

Отец почтенного Омеке (Өмірзақа) прожил 97 лет. Никаких лекарств не признавал (кстати, мой отец, военный лекарь, фельдшер и акушер, тоже признавал только аспирин, зеленку и йод). Если простужался, ходил в баню, парную, потом, надев шубу, выпивал сто граммов водки с солью и перцем, съедал чашу лагмана, час-другой чаевничал, после чего укрывался двумя верблюжьими одеялами, потел, а утром уходил на работу, как ни в чем не бывало.

Сын его, сам Омеке, работал до войны в НКВД. И однажды, заметив, что сын дожидается служебного фаэтона, напал на него: «Ты что, из материнской утробы на фаэтоне вышел?! Контора твоя находится на расстоянии брошенной палки. Зачем тебе фаэтон? Ишь, начальник!»

И с тех пор, какие бы должности не занимал, Омеке ходил на службу пешком. И ныне в 87 лет он ежедневно ходит пешком два часа.

* * *

Даосизм: принцип пассивности. Он гласит: «Тот, кто не борется – непобедим в Поднебесной». Выходит, по мировосприятию казахи близки к даосизму? Ведь казахский принцип: «Тәуба, тәуба», «шүкір-шүкір» и есть пассивность. Получается, казах непобедим, ибо он не борется?

Видно, я все же ошибаюсь.

И еще, на мой взгляд, казаху близок принцип «у вэй» – «недеяние». А если так, то казаху совсем не трудно ужиться с «дао» китайцев. Так ли:

* * *

В реанимацию после третьего инфаркта я пришел к выводу, выраженному в японской поговорке: «Страдаешь или блаженствуешь – больше одной жизни не проживешь».

* * *

Я со второго класса веду дневник. Последние лет сорок – ежедневно. Для чего? Чтобы себя дисциплинировать, поддерживать

рабочий ритм, отчитываться за каждый прожитый день и посильно нравственно самосовершенствоваться.

Разумеется, эти записи в подавляющем большинстве имеют какой-то смысл только для меня. Кому какое дело до моего частного существования? Но поскольку я все-таки общественный человек и вне общества не обитаю, то допускаю, что и в моих записях может встретиться рациональное зерно. По крайней мере, то, что я опубликовал до сих пор, похоже, читается.

* * *

Тони Блэр неплохо пристроился к Казахстану. За свои советы Президенту он получает 16 миллионов фунтов стерлингов. «Жас Алаш» пишет, что это составляет 3 миллиарда 840 миллионов тенге. На такие деньги, мол, можно б было построить пять школ.

Я задумался. Казахи по своей природе большие охотники давать советы. Свои советы по всем случаям жизни они раздают щедро и абсолютно бесплатно. А вот английский экс-премьер-министр за свои поистине бесценные советы обдирает страну казахов как липку. Интересно все же, что это за советы, недоступные моему разумению?

Сухари

(рассказ-быль)

Ранняя весна 1942 года. Дни заметно удлинились. Снежные завалы осели. Сугробы по бокам замаслились. Бугорок за аулом, где находилось древнее кладбище, с южного склона обнажился черными проплешинами. Солнце поднялось на длину аркана и настойчиво карабкается все выше.

Убогие аульные домишки почти по крыши еще завалены снегом. Со степей веет шершавый, пронизывающий ветер.

Неуютно. Неприкаянно. Одиноко. Голодно.

Далеко-далеко страна воюет с проклятым Китляром. Аул нередко оглашает истошный женский плач. Поштабай Нуркан

доставляет из райцентра Марьевки «қара қағаз» – черная весть о земляках-азаматах, павших на ратном поле смертью храбрых.

Все больше моих аульных дружков безотцовщиной мыкают горе. И они, замечаю, косо поглядывают на меня, оттого, что я, неміс-бала, расту благополучно с отцом-матерью в просторном деревянном доме при медпункте.

Однажды папа вернулся из Марьевки мрачным, подавленным. Щеки запали, нос заострился. Я сразу почувствовал неладное. На следующий день и мама ходила заплаканная, растерянная. Затихла и сестренка, только-только начинавшая лопотать. Мама, тихо плача, весь день усердно крутила ручную мельницу – жернов на камне-подставе. Из ячменя, пшеницы и овса стряпала хлебцы и сушила их на противне в пузатой русской печке, занимавшей пол-комантушки.

Чуяло мое сердце: не к добру.

Папа молчал. Пропадал в медпункте.

Мама не сдержалась, шепнула мне:

– Папу забирают.

– Куда?

– В трудармию.

– На войну? – встрепенулся я.

Я ведь знал: папа семь лет служил в рабоче-крестьянской красной армии. Он парашютист. Ворошиловский стрелок. Лейтенант медицинской службы. У него ГТО первой степени. Уж он-то задаст фашистам перцу. Будет мне что сказать моим дружкам-тамырам.

Мама не ответила.

– А мы как?

– Мы, может, переедем к тете Гульде.

Я, глупец, обрадовался. Вот здорово! Гульду-танте я очень любил. Она всегда шутит, смешит. Еще на Волге, в Зигельберге, я с мангеймовскими духовиками был на ее свадьбе. Теперь она живет в селе Куприяновка, в нашем же районе, в пятидесяти километрах от Марьевки. Ее мужа, онкель Сашу тоже забрали на лесоповал в Сибирь. У тети Гульды две дочки – Сельма и Альма. Вместе нам будет веселее.

Я живо представил, как сообщу свою новость Аскеру, Салиму, Темешу. «Коке моего забирают на фронт. И я уезжаю». «Куда?!» «Далеко» «Насовсем?» «Да». И все мои дружки пригорюнятся и позавидуют.

– Дурачок! – сказала мама.

Почему? Неужели я что-то не понимаю?

На следующий день, утром, возле медпункта остановился аулсоветский заморенный мерин, запряженный в сани-кошевку. На передке, согнувшись в три погибели, в облезлой жеребячьей дохе, сидел подслеповатый сторож магазина Тайшик. Вокруг толпилось несколько стариков аульчан и соседка Балкумис. Папа, высокий, поджарый, в буденовке, в шинели, перехваченной в поясе кожаным ремнем с медной, со звездой, бляхой, в ладных командирских сапогах, с тугим рюкзаком за плечами, обнял маму, что-то ей говорил (я только расслышал: «Анья! Анья!), расцеловал спящую Эльму, потом крепко прижал меня к себе. Было ужасно грустно, и я еле сдерживал слезы. Я впервые прощаюсь с папой и впервые осознал, что нам без него будет худо. Вчерашняя радость по поводу возможного переезда к тете Гульде в Куприяновку мгновенно улетучилась.

– Ты теперь опора в семье. Слушайся маму, – сказал папа, и я заметил, что голос его дрогнул, кадык на тонкой шее дернулся вверх-вниз и белесые ресницы затрепетали. У меня замерло сердце.

Мы с мамой вышли провожать папу.

– Доброго пути, першыл! – приветствовали его старики.

– Пусть тебя поддержит аллах!

– Скорее вернись.

– Вот укройся моим тулупом, – прогудел в сивую бороду великан Жайлаубай. – Передашь назад с Тайшиком.

Папа порывисто обнял бородача с суковатым посохом, плюхнулся в кошевку.

– βleib gesund, Anja! – сказал папа. – Береги детей.

Мама будто помертвела, стиснула зубы, побледнела, черные, чуть раскосые глаза заблестели.

– Аман бол, першыл! Марджу твою и детей в беде не оставим. Присмотрим.

Тайшик дернул вожжами. Дремливый мерин нехотя перебрал ногами. Кошевка завернула за угол.

Мы с мамой вернулись в сразу осиротевший, непротопленный дом.

Ни о чем говорить мы не могли. Да и не хотелось.

День тянулся бесконечно. Холодный и ветреный.

Встречаться с дружками-тамырами тоже расхотелось. И похвастаться перед ними о предстоящем переезде в Куприяновку не было желания.

Тайшик вернулся через день. Передал Жайлаубаю тулуп, а маме – записку, написанную чернильным карандашом по-немецки.

Мешая русские-казахские слова, Тайшик кое-как объяснил, что першыл (фельдшер) «аман-сау» (жив-здоров), доехал до аулов Кенес и Орнек, а дальше его повезет местный шабарман-возница до Явленки – райцентра Ленинского района. Оттуда его как мобилизованного районного комиссариата доставят в область – Кызыл-жар. Э-э... через две-три ночевки окажется на месте.

– Топка есть? – спросил Тайшик.

– Есть. До лета хватит, – ответила мама.

– Нет – так гауари. Достану.

В записке, написанной крупным корявым почерком папы наспех, заключалась и для меня задачка. Папа писал: мама насушила мне в дорогу шестьдесят пять сухарей. В день я сгрызаю пять-шесть. На сколько дней мне их хватит? Посчитай. Вернусь – спрошу.

Задачка оказалась для меня непосильной. Я только недавно научился считать по-русски и по-немецки до ста. По-казахски добрался до сорока, но слова «қырық» (сорок) – как ни старался – выговорить не мог. Почему-то получалось «хырх» или «хирх». Тамыры мои умирали со смеху. Шестьдесят пять сухарей мне показалось очень много. Ну, и на сколько дней их хватит? Делить и умножать я не умел. Я только прибавлял и вычитал. Задачка не давала мне покоя. И я находился в постоянном удрученном состоянии. Вот приедет папа и спросит: «Ну, на сколько дней хватило мне маминых сухарей?» А у меня нет ответа. Какой ужас! Какой срам! Лучше провалиться сквозь землю, чем не выполнить поручение папы.

Дни тянулись мучительно. Мама меня на улицу почти не пускала, а дома я не находил себе места. Нянчил сестренку, крутил

постылый жернов, рисовал единственным красным карандашом, следил за огнем в печке, слонялся по углам, смотрел в окна.

Потом записки от папы пришли из Явленки, из Петропавловска, папа утешал, слал приветы, одобрял-подбадривал, а у меня из головы не выходила задачка про сухарей. Сухари снились мне длинными ночами.

Я принялся считать так: шестьдесят пять минус пять – один день; шестьдесят минус шесть – два дня; пятьдесят четыре минус пять – три дня; Сорок девять минус шесть – четыре дня.

Но так до конца и не сосчитал. Запутался.

Обратился к маме.

– Ой, не спрашивай! Лучше, если бы рюкзак был полон сухарями. Да яйцами. Да шматком сала. Да где возьмешь?

Кое-как растолковал свою незадачу своим тамырам-корешам.

– Сухари не нәрсе? – спрашивали они.

Объяснить вразумительно я не смог.

– Нан, – осенило меня.

– Какой нан? – спросили мои тамыры. – Русская бөлкé (булка)? Или баурсак? Или токаш? Или таба-нан?

– Кишкентай нан, – пояснил я и на всякий случай добавил. – Лепешка.

– Ә?! – воскликнули дружки. – Шестьдесят пять лепешек? Ничего себе! Тогда курсак твоего коке не пропадет. Мне апа за день дает отсилу пол-лепешки и миску айрана. А тут пять-шесть! Ой-дойт! Ешь – не хочу!

Восторг моих дружков я разделить не мог. Видно, сухари – не совсем лепешка. Да и не совсем нан.

А мама права: брать неоткуда. Дочери Касыма, Кульшара и Кульбари, приносили нам ежедневно по котелку цельного молока. Бригадир давал банку обрата. Баскарма выписал полпуда ячменя. Братья Сеихожда и Кали как-то передали кус вяленой говядины. Мама обменяла картошку и юбку из Энгельса на какие-то аульные харчи.

– Если папа через месяц-другой не вернется, пойду работать в колхоз, – сказала мне мама. – Ты уже большой, за домом и Эльмой присмотришь.

Я и сам чувствовал, что уже большой. Осенью собирался в школу. Пусть в казахскую. Что делать, если ближайшая русская школа находится в двадцати пяти километрах?

Еще одно письмо от папы вскоре пришло из Петропавловска. Он писал, что жив, здоров, работает пока чернорабочим на военном заводе, но обещали назначить помощником врача. Трудармейцев-немцев свезли со всей области несколько сот человек. Среди них есть и знакомые волжане. Многие очень плохо говорят по-русски, а руководство запрещает общаться по-немецки. Трудармейцев бригадами-колоннами отправляют поездом в Красноярск, Краснотурьинск, Челябинск, Нижний Тагил. Но он, папа, еще не окончательно прошел комиссию. И, главное, за него активно ходатайствует якобы райздравотдел и особенно – главврач района Яковчук, хирург Лебедева и аптекарь Бронштейн.

О сухарях папа больше не упоминал, и я облегченно догадался, что он давно их все съел, а коли так, надо полагать, мне уже не стоит ломать голову о том, насколько хватит того, чего уже и в помине нет.

Жутко исхудавший и оттого даже немного на себя непохожий папа вернулся домой через месяц. Медкомиссия обнаружила какие-то нелады со здоровьем, а райздрав и райком все-таки настояли на своем: медработников в аулах катастрофически не хватало.

Первые дни после возвращения папы я еще робел. Вдруг папа вспомнит о задачке про сухарей, а мне и сказать нечего.

Обошлось.

О сухарях папа, видно, напрочь забыл. Слишком много других забот и хлопот обрушилось на его голову.

А до окончания войны папе еще шесть раз присылали повестку в трудармию, но каждый раз добрые люди в аулах и районном центре добивались ему отсрочки.

Несказанно повезло мне. Как бы сложилась у меня судьба без папы – и представить себе не могу.

Ныне прошло ровно семьдесят лет с того весеннего слякотного дня в приунывшем нашем ауле перед бурным половодьем Есиля, а папины сухари той поры и поныне в моей памяти.

15.08.12

Тетрадь двадцать первая

* * *

Узнал из одной газеты, что один миллиард долларов по весу равняется одной тонне. Убедиться в том у меня, разумеется, возможности не было. В Казахстане, поговаривают и пишут, иные славные азаматы обладают пятью-семью, а то и более миллиардами долларов, иначе говоря, столькими же тоннами денег. Можете себе такое представить? Я – нет.

Любопытно, что эти люди считают себя богатыми и счастливыми. Я в том сомневаюсь. Большие деньги – большие заботы.

Читаю в Библии («Откровение»): «Ибо ты говоришь: «Я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды», а не знаешь, что ты несчастен и жалок, и нищ и слеп и наг».

А ведь так оно и есть. Знаю одного миллиардера, который стар и болен, и ничего хорошего в перспективе ему не светит. Так что миллиарды, которые он наскреб неправедным трудом, его спасут?

Как бы не так! Как говорят казахи, все достанется приблудной рыжей собаке. Знаем ведь, кáк и чем кончали арабские вожди, награбившие за десяток лет миллиарды. Но история ничему не учат.

* * *

У казахов во все времена было много выдающихся поэтов. Сам казахский язык создан для высокой поэзии. Я о том говорил и писал не раз. Тем не менее нынешняя казахская поэзия чудится мне в подавляющем большинстве однообразной, застойной, безликой, будто достигла неких вершин и на этом остановилась, или взяла тайм-аут. То есть, нет гор, нет утесов, пиков, а есть холмы, сопки, бугорки в плоской, ровной степи. Может, мои ощущения не верны?

В чем дело? Гёте в «Поэзии и правде» говорит: «Любая национальная поэзия пуста и неминуемо будет пустой, если она не зиждется на самом важном – на великих событиях в жизни народов и их пастырей, когда все, как один человек, стоят за общее дело».

Может, это «самое важное» и незаметно ускользнуло от современной казахской поэзии? Может, просто нет такого «общего дела», за которое все стоят, как один человек? Может, пресловутые годы независимости не стимулируют казахскую поэзию на прорыв?

Стихотворцев, убеждаюсь, очень много: казахские газеты и журналы изобилуют стихотворными подборками. Я их читаю в рубриках газет, журналов, и мне кажется, что они все на одно лицо, как казахская эстрада, все акыны строчат по одному шаблону, а «цепляют» только Иран-Гаип, Темирхан, покойный Кадыр. Отдельные строки, строфы картину не меняют. Или не так?

Каким критерием воспользоваться в таких случаях? От какой печки танцевать?

Опять-таки советует Гёте: «...значение человека не сводится к тому, что он после себя оставил, а заключается главным образом в том, как он действовал прижизненно и на что откликался, а также в том, пробудил ли он в своих современниках потребность действовать и отдаваться новым веяниям».

С этой точки зрения я вижу в современной казахской поэзии немало изъянов.

* * *

Время от времени читаю Конфуция. Его учение уже более двух тысяч лет стало идеологической основой Китайской империи. Вообще-то по-китайски его звали Кун Цю. Конфуций – латинизированная транскрипция.

Личность уникальная, поразительная. Мировая фигура. Его изучают, осмысливают, цитируют во всем мире. Его изречения («Луньюй») и поныне волнуют своей актуальностью. Его называют первоучителем китайской нации. Его последний по времени переводчик на русский язык И.И.Семененко характеризует его так: «Отшельник в гуще толпы – вот кем был на самом деле Конфуций».

На мой взгляд, люди, которые вознесены высоко и правят страной, государством даже в наше время, должны знать его изречения, его философию и примерять их постоянно к себе, дабы точнее определить свое место, свою роль, свое назначение в обществе. Обозначу лишь несколько его максим, представляющие живой интерес нашим правителям и достойным мужам.

– Если будут чтить умерших, помнить предков, то в народе вновь окрепнет добродетель.

– Не печалься, что люди не знают тебя, но печалься, что ты не знаешь людей.

– Если править с помощью закона, улаживать наказывая, то народ остережется, но не будет знать стыда. Если править на основе добродетели, улаживать по ритуалу, народ не только устыдится, но и выразит покорность.

– Напрасно обучение без мысли, опасна мысль без обучения.

– Лишь тот, кто человечен, умеет и любить людей, и испытывать к ним отвращение.

– Когда исходят лишь из выгоды, то множат злобу.

– Благородный муж постигает справедливость, малый человек постигает выгоду.

– Люди живы тем, что прямы. Коль обманщик жив и цел, то лишь по случайности.

– Я был незнатен в молодости, поэтому знал много простых профессий. А много ли умеет благородный муж? Совсем немного.

– Благородный муж стыдится много говорить, когда же действует, то проявляет неумеренность.

– Трудней всего общаться с женщиной и малым человеком. Приблизишь их к себе – и станут дерзкими, а удалишь – озлобятся.

Остановлюсь. Ибо цитировать Конфуция можно бесконечно. Очень часто по разному поводу Л.Н.Толстой ссылается на Конфуция в своем капитальном «Круге чтения».

Конфуция следует читать с любой страницы. Как Библию. Как «Коран». Как «Ғаклии» Абая. Это великая книга Я хотел читателям уважаемого «Дата» дать повод для осмысления изречений-назиданий Конфуция постоянно. Известно: мысль будит мысль.

* * *

Коммерческая литература – тот же коммерческий секс. Ныне они процветают. Первая развращает культуру, второй – нравственность. Боюсь, это надолго.

* * *

Когда-то Мухтар Омарханович Ауэзов говаривал, что он жил в разных общественных формациях – феодальной, капиталистической и социалистической. Так получилось.

А ведь и я жил в разной действительности – в советской, постсоветской и постпостсоветской. А скольких генсеков пережил! 19 лет при Сталине, десять – при Хрущеве, 18 – при Брежневе, потом были Андропов, Черненко, Горбачев... может, кого-то уже запамятовал.

Теперь обитаю уже двадцать первый год в эпоху так называемой независимости, хотя, кажется, и недостаточно сознаю, что это за эпоха.

Вот сколько всякой всячины выпало на долю одного поколения!

* * *

Все мои знакомые в недоумении: ну, с какой такой стати с тобой случаются инсульты и инфаркты?! Ведь никаких оснований: не пьешь, не куришь, не буянишь, живешь праведно, умеренно, аккуратно, осторожно, методично, по графику, работаешь без аврала, и стрессов вроде нет. В чем дело? Почему такое хлипкое, хрупкое здоровье? Нелогично как-то. Сам не пойму.

Может, не в свое время живу? Может, изначальный замес с изъяном? Может, не гармонирую с обществом? Может, от природы доходяжный? Или на роду так написано?

Не знаю. Несправедливо все это...

* * *

Привлекли мое внимание короткие французские пословицы. Они имеют немало аналогов как в немецком, так и в казахском языках. Но метко характеризуют и наше современное общество. Например:

Ври, да помни.

Да, в нашем обществе (особенно в высшем эшелоне власти) врут каждодневно напропалую, да помнят плохо.

Кто не работает, тот не ест.

Увы, у нас как раз наоборот. Кто не работает, как раз больше всех ест.

Не велика честь волку зайца съесть.

Наш волк зайчишкой брезгует. Он с потрохами съедает кобылу, корову, верблюда, а при случае и тюки купюр проглотит.

На один гвоздь всего не вешают.

У нас все вешают на одного Президента. Он за все и за всех отдувается.

Кто много веселится, тому некогда учиться.

Когда же у нас учиться, коли каждый божий день у нас форум, той и шоу?!

Лоб широк, а мозгу мало.

А у нас и у плешивого мозгов нема.

Ложь ходит на глиняных ногах.

Не знаю, у нас ложь стоит довольно крепко.

Дурак везде дурак.

Против этого, пожалуй, не поспоришь. Я бы сказал: дурак и у нас дурак. Только ходит в умных.

* * *

Такая закономерность на уровне тривиальности: к единству народа призывают искони все правители. Это понятно и логично. Какое может быть общество, государство, если в нем раздрай и склока? Это основополагающая идея звучит и в древних пословицах всех народов в разных вариациях. Казахи говорят: «Өмір алды – бірлік». Немцы: «Einheit macht stark».

Об этом же и наш Ельбасы уже двадцать один год говорит-напоминает постоянно и неизменно. Однако тут есть нюансы, которые часто упускают из виду. О каком единстве идет речь? В каких формах и масштабах? Какое единство может быть у миллиардера Кулибаева и оралмана из Каракалпакии, у которого ни кола, ни двора, а пенсию положили в 27 тысяч тенгушек? Разве резонно звать к национальному единению писателя Д.Д., скромного и тихого труженика пера, скажем, с беглыми олигархами Аблязовым и Храпуновым? Или обремененную огромной семьей (восемь человек!), безмужнюю аульную Гүлшару-бишару с успешной, благополучной, сиятельной певицей Даригой?

Ну, не получится. Ибо один пляшет от сытости, другой от холода, как говорится в казахской пословице.

Как сделать так, чтобы они чувствовали себя единым народом? Боюсь, доброй воли и благонамеренных призывов Елбасы тут недостаточно.

Что сказал Абай по этому поводу? Читаем:

«Одна из казахских пословиц гласит: «Начало успеха – единство». Но у каких людей бывает единство, и как они добиваются согласия между собой – не знают. Полагают, что это общность

скота, еды, имущества, богатства. Если так, то какой прок от богатства, и какой вред от нищеты? Стоит ли трудиться ради богатства, не избавившись прежде от родственников?» Конец цитаты.

Я со своей колокольни: «Ведь разные слои общества саму идею независимости воспринимают по-разному. Для одних независимость – возможность беззастенчиво грабить свой народ, хапать в три горла, налево-направо, для других (большинство!) независимость – пустой звук, химера, тщетное усилие сводить концы с концами».

Абай продолжает: «Нет, единство должно быть в умах, а не в общности добра. Объединить можно людей различных по происхождению, религии, по образу жизни, щедро раздаривая им скот. Добиваться единства ценой добра – вот начало нравственного падения».

Любопытный поворот мысли, не так ли?

Возникает идея равенства в достатке. Здесь искони равенства быть не может. По разным причинам. Однако очевидно: не достигнув всеобщего материального благополучия, нет смысла говорить о жизни, о равенстве, об единстве и прочих высоких материях.

Обратимся к Абаю:

«Говорят: «...жизнь – основа достатка». О какой жизни идет речь? О бытие ради того, чтобы душа тела не покинула? Но такое существование и собаке дано. Тот, кто дорожит такой жизнью, трепещет перед страхом смерти, становится врагом жизни небесной. Спасаясь, бежит от врага и слывет трусом, уклоняется от работы и слывет лодырем, превращается в противника истинного благополучия».

И заключает Абай свою мысль так:

«Нет, речь тут о другой жизни. О той, когда душа жива и ясен ум! Если ты жив, но душа твоя мертва, разумные слова не достигнут твоего сознания, ты не сумеешь зарабатывать на жизнь честным трудом. Будучи таким, не сочти себя за живого. Праведная смерть предпочтительнее такой жизни».

Вслушиваемся, осмыслим, задумаемся. И, может, осторожнее, вдумчивее обойдемся со словом-понятием «единство». Дабы оно не превратилось в симулякр, в глас вопиющего в пустыне.

* * *

Кто на что горазд: 90-летний давний знакомец Бошай-аға пишет найманское шежире; 89-летний Музафар Алимбаев сочиняет афоризмы; 88-летний Абдижамил Нурпеисов изредка мурыжит воспоминания; 78-летний Герольд аль-Дивани плетет свою нескончаемую «Чепуху».

* * *

Список произведений претендентов на Госпремию Казахстана на 2012 год в области литературы меня сильно насторожил. Я знаю этих литераторов, читал их сочинения, знаком с их общественным реноме. Читал дежурные статьи в СМИ и о них. Честно: не могу их изделия относить к достойной литературе. Потом госкомиссия каким-то образом определила лауреатами двоих. Президент подписал указ.

В личном плане не имею ничего против этих азаматов. Пишут, как умеют. Неловко мне не считаться и с решением Комиссии по присуждению госпремии. Однако, подозреваю, никто из членов комиссии эти произведения не читал или полистал по диагонали тяп-ляп. Механизм обсуждения кандидатур на госпремию мне знаком: сам состоял в Комиссии многие годы, знаю весь шахер-махер по этой части. Как бы там ни было, решение вызывает серьезные сомнения. Отмеченные лауреатством произведения никак не красят современную казахскую литературу. Это в лучшем случае уровень 20-30-х годов прошлого века. А по нравственной потенции и эстетической направленности они явно ущербны. В них нет творческой свободы, а есть вторичность и третичность, дурновкусие, верноподданническая заданность, ориентация с душком.

Исчерпывающе сказал о такой литературе еще Артур Шопенгауэр. «Плохих книг никогда не прочтешь слишком мало, а хороших

никогда не удастся прочесть слишком много. Плохие книги – нравственный яд, притупляющий ум.

Вследствие того, что толпа упорствует читать не лучшие книги всех времен, но лишь новейшие произведения современной литературы, теперешние писаки вертятся в тесном круге все тех же повторяемых идей, все твердят одно и то же, и наш век не вылезает из собственной грязи».

И еще:

«Такие книги крадут у публики время, деньги и внимание, которые по-настоящему должны бы доставаться только на долю отборных произведений. Плохие книги не только бесполезны, но положительно вредны».

Помню: два года назад (в 2010 г.) было принято решение никому не присуждать Госпремию в области литературы. И это было правильно, хотя кое-кто из литераторов и возмущался. Так же поступить в 2012-м году Комиссия не осмелилась. Надо было кому-то дать. А получился пшик, который очень скоро выйдет, думаю, боком.

* * *

Лев Толстой советовал: «Берегись всего того, что не одобряется твоею совестью».

Ныне мы не только не следуем этому совету, но и совесть воспринимаем как некую химеру.

* * *

В казахской литературе я насчитал 39 народных писателей (последний в списке прозаик Кабдеш Жумадилов, получивший это звание в 1998 г.) и 65 лауреатов государственных премий (последние по времени лауреаты Айтов и Досанов). Около сотни литераторов удостоились звания «Лауреат премии Алаш». По этим показателям можно смело сделать вывод, что казахская литература функционирует вполне благополучно.

И все же, положа руку на сердце, кто из покойных и живых народных и олауреатченных остались в литературе? Ведь большинство ныне даже не вспомнят.

Досадно, конечно.

И международный имидж казахской литературы явно не высок. За рубежом из казахской литературы знают немногих. (М.Ауэзова, А.Нурпеисова, О.Сулейменова, в какой-то мере А.Кекилбаева, Р.Сейсенбаева, Б.Канапьянова, М.Шаханова).

Словом, негусто.

Вполне возможно, что плохо пропагандируем, популяризуем, рекламируем. То есть, не умеем товар показать лицом. К.И.Чуковский сказал: «Задержаться в литературе удается немногим, но остаться – почти никому».

Скорей всего, Корней Иванович прав.

* * *

То и дело вспоминаются мне на старости лет мои отроческие и юношеские годы. Примерно с восьмого класса я стряпал никудышные вирши на казахском языке и жил в своем выдуманном литературном мире, озадачив родителей и близких. Играл роль отрешенного, непонятного одиночки. Старался говорить заумно, перемежая свою речь туманной абракадаброй. Почти год я был Печориным. Ходил по аулу в поисках Грушницкого. Так и не нашел. Все больше попадались мырқымбаи.

Потом года два косил под Горького. Ходил в черной, широкополой шляпе, белом брезентовом плаще в накидку, отрастил длинные волосы, басил, о́кал, записывал аульные байки, стихи шала-акына, которыми снабжал меня стихотворец-аульчанин Ергали. Говорил: «Море – смеялось». Или: «Если я не для себя, то кто же за меня? Если я только за себя, то зачем я?» Аулчане диву давались: «Апырай, выдумываешь черт знает что!» Сочинения писал с выкрутасами, с подтекстом, пугая мугалима Жылгельды Муканова. В 10-м классе увлекся Маяковским. Кстати-некстати читал «Гейнеобразное»: «Молнию сверкнула глазами». Говорил грубо, резко, дерзко,

пока Жылгельды-аға не урезонил меня, сказав, что Маяковский – нежнейший поэт. Задумался. Отрезвел.

Несколько месяцев до того не расставался с «Капиталом» Маркса. (Раздобыл в аулсоветской библиотеке нетронутый, увесистый черный кирпич). Ходил с ним по аулу, удивлял аулчан, но так и не одолел ни одной страницы этого мудреного труда. До сих пор поражаюсь, чтó в нем находили малограмотные русские рабочие. Студентом одно время, перебирая струны гитары, завывал стихи Есенина и Надсона, мороча головы девицам. Они, кажется, пугались и шарахались от меня.

Смешно и глупо.

Примерно с 3-го курса период подражания у меня сам по себе кончился. Позже стал запоем читать Белинского, Толстого, Кафку, Белля, Хемингуэя, Т.Манна, Бунина, Ауэзова, Гессе. Многих.

Ныне никого не играю и никому не подражаю. Понял и осознал, что я всего-навсего Бельгер с гордым именем Герольд. И еще понял, что труднее всего – быть самим собой.

* * *

Творческая мощь великих неизменно поражает. «Илиада» Гомера состоит из 15691 строки, «Одиссея» – из 12110 строк. Вместе получается 27801 строка. Колоссально!

Поэму «Шахнаме» Фирдоуси писал 35 лет, и по объему она в четыре раза больше «Илиады» и «Одиссеи» вместе взятых. Уму непостижимо!

А вот факт из биографии Даниэля Дефо. Все мы читали его «Робинзона Крузо» (полное название «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо». Я эту книгу читал в школе, кажется, в казахском переводе). Дефо написал первую книгу романа за три месяца, обратившись к прозе в 58 лет (!). Через четыре месяца опубликовал вторую книгу, еще через восемь месяцев – третью. Ощущение такое, что Даниэль Дефо написал всего один роман, а фактически из-под его пера вышло до 350 произведений. Вот как!

А сколько написано Гербертом Уэллсом? Цитирую: «Всего Уэллс написал 40 романов, несколько томов рассказов, два-три десятка работ по философии и о перестройке общества, две всемирные истории, 30 (!) томов социально-политических прогнозов, десятки брошюр о вооружении и национализме, 3 книги для детей и автобиографию».

Все эти сведения я почерпнул из книги В.М.Ломова «Сто великих зарубежных писателей» (Москва, «Вече», 2009).

* * *

О гостеприимстве казахов написано исстари. И казахами. И другими. Это феноменальная черта нации. Я в том постоянно убеждаюсь, начиная с 1941 года и поныне. Сколько дастарханных почестей было воздано одному мне на разных этапах моей жизни – и будучи аульным пацаном, и студентом, и молодым учителем, и зрелым литератором, и в ранге общественного лица! Только диву даешься такой душевной щедрости. Ни русский, ни – тем более – немец на такое не способны. Это культ, заповеданный предками. Это кодекс номада. Гость – божий посол. Ему положено все самое лучшее даже в самом нищем доме. Гостю отмерена своя доля.

Казахи (условно говоря) различают такие виды гостей.

Божий гость («құдайы қонақ») – самый желанный, самый почетный. Как правило, такой гость и хозяева дома друг друга не знают. Путник запросто останавливается в любом доме. Что ж... Бог послал. И у гостя никаких претензий, и хозяева привечают его радушно, без каких-либо докучливых расспросов. Таков вековой нравственный закон. Или ритуал, как хотите.

Специальный гость. Традиционный. Так сказать, узаконенный («Арнайы қонақ»). Это, как водится, дальние и близкие родичи, свойственники, сваты, друзья. Они приходят-приезжают по приглашению. Или просто так с визитом вежливости. Таких гостей принимают со всякими почестями, щедро одаривают, оплачивают дорожные расходы. Все как положено, согласно национальным традициям.

Учтивый (вежливый) **гость** («Сыпайы қонақ»). К этой категории относятся люди видные, известные, занимающие высокие служебные посты. Люди они занятые, времени в обрез. Соответственно принимают их по укороченной, динамичной программе, с учетом их общественного и социального реноме. Выказывают подчеркнутое внимание и почет, с учетом чести и достоинства. Это особенное мероприятие. Хозяева очень стараются не ударить лицом в грязь.

Праздный гость, гость-гуляка («Қыдырма қонақ»). Это, известно, вольные люди, без церемоний. Захотелось – пошел в гости. Не спросясь. Просто так. И хозяева рады. Уважает, значит. Вспомнил. Пришел дать салем. Что ж... Милости просим. Как говорится, чем богаты...

Деловой гость. Гость по долгу («Шақырыспа қонақ»). Гость как бы по обязанности, по ритуалу. Скажем, приехал с учебы, вернулся с солдатской службы, из длительной поездки, командировки, собирается в путь, намерен жениться или приглашает на день рождения. То есть, он гость целевой, с конкретной обязанностью. Такому гостю казах тоже рад.

За свою немалую жизнь я познал статус всех этих видов гостя. При том в разных областях – в родном ауле в Северо-Казахстанской области, в Семее, Павлодаре, Костанае, Шымкенте, Джамбульской, Кызылординской, Актюбинской, Мангистауской, Атырауской областях, в Алматы. И обо всем этом мог бы рассказывать долго, подробно, с восторгом, добротой. Любой вид гостя обладает своими прелестями. И я через все это прошел.

Помню, отец всегда поражался этому казахскому феномену. В военные и послевоенные годы он, заведующий фельдшерско-акушерским пунктом, обслуживал казахские аулы Ибраево, Коктерек, Мектеп, Жана-жол, Жана-талап, Каратал, Алка-агаш и два русских поселения Козловка и Карачок. Так вот, в казахских аулах в какой бы дом он ни заходил, его непременно угощали всем, чем бог послал – топленым, соленым маслом, айраном, куртом, иримчиком, лепешкой или поджаренной на бараньем сале пшеницей, толченым

просом, чаем. Всем, чем хозяева располагали. В русские же села отец заезжал со своим харчем – краюхой хлеба, луковицей, яйцом, солью, которыми подкреплялся в одиночку. Русские не предлагали фельдшеру-спецпереселенцу даже кружку воды. Такие нравы. Такой контраст. Я думаю, это не от бедности вообще. А от бедности души и нравственного ориентира.

* * *

У нас, в Казахстане, коррупция все больше вокруг миллионов крутится, а в России все больше миллиарды на кону. Совсем другие масштабы.

Нравы нынешнего времени точно выразил поэт Сергей Мнацаканян:

...Сегодня надо по-другому – вырвать
у государства пару миллионов –
вот замысел, вот чистая карьера,
причем все честно, то есть чин по чину, –
чего бояться, если откупился
по совести... А что такое совесть
в эпоху воротил и капитала,
которые отныне неподсудны
и кроме восхищенья – ничего
в душе людей уже не вызывает...

Знакомые, характерные картины эпохи независимости.

* * *

Кирилл Ковальджи:
– Плыли
демократы-реформаторы...
Всплыли
олигархи-аллигаторы.

* * *

Владимир Лебедев:

– Ноль любит прогуливаться с палочкой...

* * *

Книги бывают великими (немного) и заурядными (очень много). Как определить? Как отличить? Просто. Заурядные книги всегда можно пересказывать своими словами. Великие книги пересказывать невозможно. Их надо (и можно) только читать, впитывая, наслаждаясь и осмысливая авторские слова, краски, интонацию, магию.

Заурядные книги можно еще толковать. Великие книги лучше всего не толковать. Как солнце. Как небо. Как океан. Как любовь. Исключение, если толкователь конгениален, адекватно велик.

Именно потому у меня вызывают брезгливость фильмы и спектакли, сварганенные по чьим-то «мотивам». А таковых ныне расплодилось уйма. Это блохи, которые резвятся в чистом белье.

* * *

Есть сонм писателей (писак), которым просто нечего сказать. Их писания можно издать (особенно за свой счет или спонсора) или не издавать, читать или не читать. От них ни холодно, ни жарко. Это пустая, бессмысленная забава. Ни уму, ни сердцу.

* * *

Все жаждут счастья. Но кому оно дается? Тем, кто знает счастье и познал жизнь. Кто-то из декабристов (Лунин?) сказал, находясь в кандалах и сидя в яме: «Несчастен на этом свете только дурак»

Вполне согласен.

* * *

Убедился: у каждого человека есть некая изюминка, которую нужно только разглядеть.

В каждом человеке скрыта некая тайна, о которой зачастую он и сам не догадывается.

Скольких людей я встречал из так называемых простых, которые живут, добывают свой хлеб насущный, плодят детей, как-то ничего вокруг не замечая, не интересуясь тем, что происходит в высоких сферах, в обществе, в государстве. Им нет никакого дела до шумных форумов, до политических шоу, до интриг кланов и групп, до разного рода уфит-суфитов и шахер-махеров. Они живут, как бог на душу положил. И их большинство. О них почти не пишут, их мало знают, с ними не считаются. Я их встречал повсюду – в казахских аулах, в немецких дорфах, в русских деревнях.

Бунинский рассказ «Сны Чанга» начинается такими словами: «Не все ли равно, про кого говорить? Заслуживает того каждый из живших на земле».

Верно. Я бы сказал только не «живших», а «живущих». Если честно, меня, как писателя, интересуют именно такие люди – тихие, незаметные, неброские.

Вот герой бунинского рассказа «Забота» – Авдей. Читаем: «Авдею шестьдесят семь лет: скоро умирать. Особой нужды он никогда не знал, от бед, несчастий бог его миловал.

– Расскажи что-нибудь интересное, что было в твоей жизни, – сказал ему однажды молодой барин.

– У меня, слава богу, ничего такого не было, – ответил Авдей. – Вот семой десяток живу, а благодарю бога, интересного ничего не было».

Для художника именно этим он и интересен. Далее Бунин замечает: «Но заботы всю жизнь поедом ели его».

Это так. Скольких, к примеру, казахов с самого рождения заботы поедом едят? В большинстве глухих аулов нет ни воды, ни электричества, ни тепла, ни работы, ни просвета. Мрак и безнадега.

Ничего в жизни не было, кроме забот. Житейских. Повседневных. Непосильных. Ради банального выживания. И на этих заботах держится вселенная.

В зарисовке «Далекое» Бунин пишет о неком «неслышном, незаметном, скромнейшем в мире» Иване Иваныче, «человеке уже стареньком и довольно потрепанном».

Через абзац о нем сказано: «Что-то делал, зачем-то жил на свете и он».

Так живут миллионы и миллионы Иваны Ивановичи. Их только зовут в разных местах по-разному.

И художникам подобает их видеть и описывать их дивное – несмотря ни на что – бытие.

* * *

Все делают деньги. А деньги всё.

Такие вот наступили времена. И ведь ничего не поделаешь. Порочный круг этот никак не разорвешь. Все посходили с ума: делают деньги. И деньги взбесились: делают все. Даже то, что не стоило бы делать.

И до каких пор? Боюсь, надолго. Пока сознание не прояснится. Вспомним итальянскую сказку. Вот начало:

«Жил некогда молодой принц, у которого казна была неисчерпаема, как море. И затеял он выстроить себе дворец – как раз напротив дворца самого короля, но только еще красивее.

Когда дворец был готов, принц приказал высечь на ворота надпись: «Деньги делают всё».

Как-то раз король гулял, и эта надпись попалась ему на глаза. Король приказал немедленно позвать к себе принца: тот недавно поселился в городе и еще не был представлен ко двору.

– Поздравляю! – сказал ему король. – Дворец, который ты построил – настоящее чудо. В сравнении с ним мой кажется хижиной! Поздравляю! Однако скажи, это ты приказал сделать надпись: «Деньги делают всё»?

Юноша начал понимать, куда завело его тщеславие...»

А что было дальше – не скажу. Сказка ведь. В сказке, известно, все случается. Каждый сам может ее додумать.

Скажу только: принц убедил-таки короля – деньги делают всё. И, убедившись в том, король отдал ему свою дочь. Такой был уговор.

Бессмертная сказка.

* * *

Давний знакомец, профессор Дуйсен Касеинов, ныне генеральный секретарь Международной организации по культурным связям «Турксой», обладатель многих талантов, в чем я имел возможность убедиться не однажды, завез мне знаменитый эпос «Kiz Jibek» (kazak Aşk Destani). Издание совершенно уникальное (Ozan – Ankara), на казахском и турецком языках. При этом казахский текст воспроизведен латиницей, дабы казахам, проживающим в Турции, удобней было читать, поскольку, понятно, они с кириллицей не в ладу. Я с удовольствием полистал книгу. Казахский текст, воспроизведенный латиницей, читается с некоторым напрягом, но для меня вполне доступно. Параллельно, по правую сторону страниц, приводится турецкий перевод, который я разбираю по общему смыслу с пятое на десятое. Но это интересно и любопытно. «Турксой» сделал, несомненно, полезное дело.

Издание снабжено вступительным словом Д.Касеинова, статьями академиков, докторов филологии С.Каскабасова, З.Ахметова, комментариями М.Гумаровой и Н.Смирновой. Объем книги 276 страниц большого формата. Количество поэтических строк 2705. Книга изящно – на восточный лад –оформлена, иллюстрирована. Издание приурочено к 500-летию романтического дастана о любви – памятника всего тюркского мира. Я рад, что являюсь обладателем этой замечательной книги. Достойный факт культуры.

* * *

Звонит землячка, посетившая аул, в котором я вырос и который я так благоговейно, с искренней любовью описываю в своих произведениях.

Ничего от былого аула не осталось. Поколение моих родителей и мое поколение почти вымерло. Аул напрочь лишился прежнего лада и вида. Все пришло в удручающее запустение. Питьевой воды нет. Пользуются дождевой водой, или растапливают снег. Работы никакой. Сплошь пьянство и разгильдяйство. Скот друг у друга воруют. Нигде ничего не функционирует. Люди бродят по аулу, как

неприкаянные тени. Деревянный дом моего отца кто-то за бесценок продал, новый хозяин развалил его до основания. Остались одни разросшиеся деревья, посаженные в послевоенные годы.

Юбилей школы (80 лет) отметили посильно – скупо и убого. Редко кто из бывших выпускников приехал на торжество. Из моих соклассников прибыла лишь одна. Зачитали наши поздравительные телеграммы – журналиста-ветерана Биржанова, академика Кошанова, профессора Курмангужина, генерала Ахмадина, доцента Кусаиновой, мою. Произносились речи. Школьники показали самодеятельность. Был юбилейный дастархан, который местные обобрали до нитки. Народ унижен нехватками, беспросветьем. Земля продана неизвестно кому.

Очень все плачевно. За годы независимости на фоне бесконечных, дутых столичных форумов, тоев и шоу по всякому поводу аулы полностью разрушились.

Вот в такой тональности и прозвучал скорбный рассказ моей землячки, которая ныне проживает в Астане. С тяжелым сердцем вернулась она из родного края. О подобных тягостных впечатлениях рассказывают и пишут мне многие.

Ох, горько, горько! А какой был некогда аул! Какая в нем бушевала жизнь! Какие в нем обитали люди!

И все пошло коту под хвост...

* * *

К покойному, всемирно известному композитору Альфреду Шниттке (кстати, моему ровеснику и земляку по Волге) я испытываю давнюю приязнь. Меня привлекают не только его произведения, но и исповедальные беседы, которые он вел с Александром Ивашкиным («Беседы» изданы книгой в 2005 году), его гражданские позиции и вольные рассуждения.

Весьма оригинальная, уникальная личность.

По национальности он полукровка (отец, Гарри Шниттке, – австрийский еврей, мать, Мария Фогель, – поволжская немка). И на этом пунктике он был зациклен. В нем все перемешалось – русский дух, немецкий язык, еврейская ментальность.

Собеседник говорит:

– Ты все время подчеркиваешь, что ты – еврей.

Альфред отвечает:

– Нет, я не подчеркиваю. Это для меня очень сложный и больной вопрос, который меня всю жизнь мучил.

Понятно, композитор по этой части комплексовал. Чувствовал себя не очень уверенно.

Он говорит: «Мне нет дома на земле, я это понял. В России я – еврей или немец. Попав в Германию, тут же начинаю ощущать то, что меня от немцев отделяет. Причем втройне отделяет – как происходящего из России, как еврея, не знающего еврейского и как родившегося в немецкой области, но в СССР. Там я – русский композитор».

Еврейский элемент его индивидуальности преследовал повсюду. Он подчеркивал: «Клара, жена Хренникова, – еврейка; жена Щедрина, Майя Плисецкая, – тоже еврейка; жена Туликова, бывшего секретаря Союза – еврейка. И жена Андрея Петрова, руководителя Ленинградского Союза, – тоже еврейка».

Я читаю это и задаюсь вопросом: «Ну, и что? Разве это о чем-то говорит?»

Моя жена, например, по отцу – татарка, дочь Закира; по матери, Александры Степановны, – мордовка (с примесью). Я о том не задумывался ни тогда, когда женился, ни теперь, когда прожил с ней 55 лет. И вообще, по мне, разве у женщин бывает национальность? Бывает пол – это уж точно. И это главное. У моего старшего друга, Абдижамила Нурпеисова, жена тоже не еврейка, хотя сам он, сказывают, аральский еврей.

Еще Альфред говорит:

– По языку молитвы, языку восприятия принадлежу не к немецкому миру. Я принадлежу к русскому миру. Для меня вся духовная сторона жизни охвачена русским языком. А вместе с тем я католик.

Действительно, получается странно. Академик Борис Викторович Раушенбах, из «русских» немцев, на склоне лет принял православие; Альфред Шниттке, иудей и лютеранин, стал католиком.

Понимаю: с таким мироощущением Альфреду жить было непросто. Сомнения терзали его всю жизнь.

Допускаю, что и у меня не все просто. Но более ясно и определенно. По крайней мере внутреннего раздрая, разлада я не чувствовал никогда. И никакой я не католик и не лютеранин. Я просто атеист. Невоинственный. В шутку я называю себя лютерманином, то есть, родители, предки были лютеране, а сам я вырос в мусульманской среде. Отсюда лютерманское вероисповедование, которое в реальности не существует.

С раннего детства я твердо знал, что родом из поволжских немцев, позже выяснил, что предок мой в восьмом колене, Андреас Бельгер, прибыл в Россию из гессенского княжества еще при Екатерине Великой. Депортирован в 1941 году в Казахстан. Проникся казахским духом. В немалой степени оказаховался. По части национальности никогда, ни при каких обстоятельствах не комплексовал. По рождению – россиянин. Отшлифован, отрихтован, пожалуй, русской культурой и русским языком. По этническому происхождению – немец. А живу уже более семидесяти лет среди казахов в полном согласии и душевной гармонии с собой.

Значит, в моем мироощущении я отличаюсь от Альфреда Шниттке именно этим.

И еще Альфред признается:

«Я хочу жить там и здесь, я хочу жить здесь и там, я хочу иметь возможность сам решать, где я нахожусь, и сам решать, когда я могу вернуться сюда, а когда мне нужно уехать».

И этой проблемы у меня лично не было и нет. Никаких туда-сюда, там или здесь. Абсолютно точно знаю, что не мог бы жить ни в Германии, ни в России. Тут все четко: только в Казахстане я дома. Только здесь я чувствую себя востребованным. И никуда душа не рвется, хотя и чувствую изъяны своего бытования.

«Беседы» с Шниттке я не только читал и перечитывал, невольно сопоставляя его жизнь со своей, но и конспектировал.

Хорошо сказал об Альфреде Шниттке Геннадий Рождественский. «В чем вы видите общие черты Альфреда и Шостаковича?» –

спрашивает у него корреспондент. И прославленный дирижер отвечает: «Мне кажется, что Альфред – такой же, как Шостакович, летописец времени, перевернувший следующую страницу летописи России в музыкальном искусстве».

Умер Альфред после третьего инсульта 3 августа 1998 года в Германии. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

* * *

Какая премия в России считалась в литературе наиболее престижной? Пушкинская! Академия наук ее ввела в 1881 году и присуждала ее до 1919 года. Я знал, что этой премией были награждены А.Чехов, И.Бунин. Из предисловия Евг. Осетрова к «Избранному» Константина Романова (великого князя, внука Николая Первого) узнал, что среди обладателей этой премии были А.Майков, Я.Полонский, А.Куприн, переводчики Вересаев, Холодковский, пушкинист Щеголев... Даже не знаю, возобновили ли эту премию позднее? Кажется, из казахских акынов ее никто не получал.

* * *

Одно из моих любимых занятий на досуге – читать пословицы и поговорки и подбирать к ним адекватные переводы из разных языков. Мне знакомы многие сборники пословиц и поговорок – русские, немецкие, узбекские, киргизские и, разумеется, казахские – Утебая Турманжанова, Музафара Алимбаева, Марата Аккозина, Балтабая Адамбаева, Альмамбета Тureханова и других. Поражаешься их лапидарности, отточенности, созвучию, ритмике, рифме, остроте, мудрости. Сказано: пословица недаром молвится. Не в бровь, а в глаз. Тіліп түсіреді. Их кладезь у всех народов на все случаи жизни. Казахи, понятно, не исключение. Казахские пословицы и поговорки я собирал еще в школьные годы. Позже бросил, поняв, что на их сборы не хватит одной человеческой жизни.

Восхищают меня всегда не столько сами пословицы, сколько их универсальность, скрытые смысловые оттенки и – особенно – удачный адекват при переводе, удачный по смыслу, по форме, по

выразительности и доходчивости. Вот несколько примеров из собрания А.Тураханова (издательский дом «БИКО», 1999). Важен не буквальный перевод. Он пресен и неубедителен. Скажем, «бумага все стерпит» – «қағаз бәрін көтереді», или «Время – деньги» – «Уақыт қымбат». Это, конечно, ни в какие ворота. А вот, на мой взгляд, творческие находки:

Близок локоть, да не укусишь. Дәмі бар да, дәрмен жоқ.

В семье не без урода. Бір биеден ала да туады, құла да туады.

Взялся за гуж, не говорю, что не дюж. Қамыт кисең мойныңа, қиын деп мойыма.

Вор у вора дубинку украл. Ұрыны қарақшы ұрлады (Намек на наших коррупционеров?)

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день. Мәссаған безгелдек. (По словам М.Алимбаева, так перевел эту историческую сентенцию еще Ж.Аймаутов).

Видна птица по полету. Болар бала боғынан. Тегін адам таз болмайды.

Где наше не пропадало. Ноқталы басқа бір өлім. Шешінген судан тайынбас.

Гора родила мышь. Басы бапан, аяғы сапан болды.

Жизнь прожить – не поле перейти. Тақиялы бас талайды көреді.

Кто смел, тот два съел. Ебін тапқан екі асайды.

На нет и суда нет. Жоққа жүйрік жетпейді.

Хрен редьки не слаще. Олақтан салақ жаман.

Язык до Киева доведет. Сұрай-сұрай Мекеге де жетесің.

На брюхе шёлк, а в брюхе щелк. Кигені жібек, жегені кебек.

Хватит, пожалуй.

Точность перевода в его образности и смысловом адеквате. Переводить пословицы, поговорки, фразеологизмы всегда трудно, всегда высокое искусство.

* * *

На любой даже самый сложный вопрос я всегда стараюсь отвечать: «Да» или «Нет». То есть, определенно, однозначно. И считал

это достоинством. Принципиально. Потом прочел в каком-то произведении Томаса Манна, что так отвечает обычно наивный человек. Мудрец якобы отвечает: «Да. Нет. Да».

Я до этого еще не дорос. Значит, еще не мудрый.

* * *

Должен признаться: о Рабиндранате Тагоре мои познания очень скудны и поверхностны. Из казахских литераторов его, пожалуй, глубже всех знает поэт, переводчик, библиофил, знаток мировой философии Аубакир Нилибаев. Рассказывая о талантах Тагора, он перечисляет его творения: за 80 лет жизни он создал более 10000 стихотворений, сочинил музыку к 2 тысячам стихам, сам же эти песни исполнял, автор 30 пьес, в которых как актер сыграл главные роли, из-под его пера вышли 20 романов, 200 рассказов, добавьте сюда философские трактаты, публицистические статьи, 2000 рисунков и картин. Выходит, он был поэт, прозаик, драматург, композитор, певец, музыкант, философ, художник, педагог, общественный деятель. А в 1913 году он первым на Азиатском континенте стал Нобелевским лауреатом. Поистине ренессансная личность! (см. Аубакир Нилибаев, «Темперамент», А. 2012, стр. 154). Вот на кого следует равняться нашим доморощенным «гигантам»!

* * *

Боюсь, имя Назипы Кулжановой так называемому широкому кругу читателей ни о чем не говорит. Русские и большинство русскоязычных казахов вряд ли это имя когда-либо слышали. Известно это имя, главным образом, абаеведам или тем, кто углубленно изучает жизнь и творчество Абая.

Мне лично это имя знакомо давно. Знаю, что она с мужем Нургалием была инициатором проведения этнографических, литературно-музыкально-вокальных вечеров в Семее в 1914 и 1915 годах, посвященных памяти Абая. Эти вечера стали большим культурным событием в Казахстане.

Мне известны два клана Кулжановых, сыгравших и играющих и поныне важную роль в культурной жизни казахов.

Но сейчас намерен сказать лишь несколько слов о Назипе Кулжановой (в русских документах Кульджанова).

Она стоит в ряду именитых казашек, ярких общественных деятельниц 20-30-ых годов прошлого века – Алмы Оразбаевой, Нагимы Арыковой, Шолпан Иманбаевой, Аккагаз Досжановой, Мадины Бегалиной, Сары Есовой, чьи имена, заслуги, свершения остались в истории.

Абаеведам известны программы вечеров памяти великого казахского поэта, проведенных супругами Кулжановыми. Вот, к примеру, программа вечера Семипалатинского Подотдела Императорского русского географического Общества от 26 января 1914 года. В I отделении сама Назипа делала доклад на тему «Киргизский поэт Ибрагим (Абай) Кунанбаев и его поэзия», в III отделении она же делала сообщение «Образец заключительной песни баксы».

Из программы явствует, что на этом вечере читались стихи Абая, отрывки из его переводов, исполнялись киргизские (казахские) напевы и песни. Исполнялись также соло для баритона, увертюра Бетховена на рояле, читались стихи Надсона, выступал 80-летний кобызист, демонстрировались живые картины – типы киргиз, киргизы за питьем кумыса, охота с ястребами.

А в феврале 1915 года в Семипалатинском приказчичьем клубе устроительница Назипа Кулжанова провела литературно-музыкально-вокальный благотворительный вечер, на котором – согласно программе – звучали стихи и напевы, переводы Абая, стихи Алтынсарина, отрывок из айтыса, исполнялись музыкальные произведения на домбре, скрипке и мандолине, ставились скетчи.

Повторяюсь: эти вечера стали событием в культуре казахов.

Известно мне было, что Назипа Кулжанова была педагогом, переводчиком, журналистом, просветителем, активным общественным деятелем, новатором-энтузиастом во всем, радетелем казахского просвещения и культуры. Знаю еще, что жизнь ее была трудной, со множеством лишений, что тяжело и долго страдала туберкулезом, от которого и умерла в 1934 году в возрасте 47 лет.

Меня всегда волновало то, что о Назипе Сегизбаевне нет основательного биографического исследования, что ее жизнь и деяния преданы забвению. Как же так? Последующие поколения должны же знать о непростой жизни этой выдающейся казашки.

Обрадовал меня давний знакомый – прямой потомок Абая, руководитель Республиканского Фонда Абая в Семее, симпатичный и деятельный человек Балташ Ерсалимов.

Он неожиданно, по-свойски предварительно не позвонив, заявился ко мне и, расположившись, выложил мне на стол конверт с приглашением на вечер памяти Назипы Кулжановой (в связи с ее 125-летием со дня рождения) в Семей в декабре 2012 года. Инициатива проведения этой даты всецело исходила от Республиканского Фонда Абая, которого многие десятилетия возглавляет Болатбек Ерсалимов. Пригласил он меня также на банкет в честь супружеской четы Кулжановых.

Не успел я обрадоваться этой акции, как Балташ достал из своей изрядно потертой сумки изящно изданную книжку под названием «Назипа Кулжанова». Я ее тотчас бегло просмотрел. Автор Гульжан Карибжанова. Монография. Издана в 2012 году в Семее Фондом Абая. Спонсор Ляззат Кетебайулы Киынов. Тираж 500 экземпляров. Объем 12,5 п.л. Редактор – Б.Ерсалимов. Технический редактор – его сын. Корректор – его дочь.

Я потом два дня с карандашом читал эту книжку. Почерпнул много интересного и познавательного. Исследование серьезное, дотошное, глубокое. Написано на основе архивов и редких документов. Автор монографии осветила жизнь Назипы Кулжановой по всем аспектам. Оказывается, она защитила диссертацию по этой теме на степень кандидата исторических наук и в настоящее время работает доцентом в одном из вузов Семея. Из ее монографии я узнал о творческих связях очень крупных личностей казахского культурного мира в 10-20-ых годах XX столетия. Семей был тогда средоточием первой волны казахской интеллигенции, и в ее среде активно вращались супружеская пара Кулжановых. Муж Назипы погиб еще в 1919 году от колчаковской банды, и жизнь

Назипы оказалась сотканной из лишений и житейских неурядиц. В монографии освещено ее журналистская, переводческая, педагогическая, просветительская, общественная деятельность, приводится перечень изданных ею книг, статей, очерков, переводов, в т.ч. художественных из Л.Толстого, Горького, Короленко, Куприна, Лавренева. Автор монографии перелопатила гору архивов, привела в систему разрозненные, отрывочные сведения и факты.

Читается научная монография как увлекательное повествование о жизни незаурядных людей, стоявших у истоков национальной культуры.

Я пишу, однако, не рецензию на книгу, не развернутый отзыв о прочитанной монографии. Просто хочу нашего современного читателя немного просветить о судьбе женщины по имени Назипа Сегизбайкызы Кулжанова, поделиться своей радостью, что ее помнят благодарные потомки и что существует умная, поучительная книга о ней, которую написала Гульжан Арапкызы Карибжанова и издали доброхоты из Республиканского Фонда Абая в Семее.

* * *

По телевидению (05.12.12) сообщили о кончине Василия Белова. Недавно только отметили его 80-летие. Выдающийся русский писатель. Совестливый, честный и порядочный. Я прилично знаю его творчество. Видел его в Москве на писательских тусовках. Всегда восхищался его простотой и благородством. В отношении ко мне это выразилось в том, что когда мой перевод кекилбаевской «Хатынгольской баллады» передали ему, сказав, что это всего-навсего подстрочный перевод, и он, Василий Иванович, мол, волен поступать с этим подстрочником по своему усмотрению, он, прочитав, не стал, как многие, присваивать себе мой труд, а откорректировал его, оставил мою фамилию и, более того, поставил себя вторым, и так, в переводе Бельгера и Белова и вышла потом многократно эта повесть в разных издательствах.

Очень поддержал меня В.Белов в те далекие времена. После в соперевoдчики меня приняли Юрий Домбровский, Иван Щеголихин,

Морис Симашко. И лишь позже, после них, я утвердил свое переводческое реноме. Благородный поступок Василия Белова укрепил мою веру в свои силы. Уходят истинные русские писатели – Шукшин, Астафьев, Можаев, Солженицын, Крупин, Белов. Остался из классиков Распутин. А там мелькают разные донцовы, акунины. Кажется, и в казахской литературе происходит нечто подобное. Горько. Печально.

* * *

Что значит исторический роман? В казахской литературе одно время он шел сплошным потоком. Я их читал не один десяток – Есенберлин, Кекилбаев, Магауин, Досжанов, Жунусов, Жумадилов, Нурпеисов, Алимжанов, Сматаев, Алдамжаров, Досмамбетов, Мухамбеткалиев и т.д. Это, как правило, были длинные повествования о том, что **было**, что и как **происходило**.

А по словам Томаса Манна, история – это то, что **продолжает** происходить во времени. Это и есть самое трудное и **необходимое**.

* * *

Диалектика присутствует во всем. Она отражена в житейских премудростях, в пословицах и поговорках, в сентенциях мудрецов всех народов.

Один из нравственных постулатов заключен в призыве быть довольным малым. К этому призывают многие признанные философы. И это, думаю, каноническая истина.

Библейский Иаков в тетралогии Томаса Манна «Иосиф и его братья» говорит, однако, так: «Если человек доволен малым, то и бог не беспокоится о нем, не желает ему большего и не осеняет его благословляющей дланью».

А ведь вполне резонно. Жыламаған балаға емшек қайда? Какое дело Всевышнему до того, кто и так доволен малым?

Помню, Олжас (Сулейменов) когда-то в Союзе писателей Казахстана выразился в том духе, что в отношении себя быть скромным – похвально, но в отношении к требованиям общества – предосудительно. По большому счету, пожалуй, верно.

* * *

Не знаю, как сейчас, но в мои детские годы в аулах новорожденного непременно купали в соленой воде, насухо обтирали, потом заворачивали в подручные тряпки, укладывали в большой облезлый лисий малахай и подвешивали к верхней балке шошалы, так как там было теплее всего. Отец, фельдшер-акушер, принявший за тридцать лет исправной службы в казахских аулах 1200 родов, считал это дикостью, полагал, что круто соленая вода слишком суровое испытание для нежного тельца новорожденного. Но таковой была вековая традиция номадов.

И вот, читая «Иосифа и его братьев», наткнулся на фразу: «Новорожденный был уже выкупан, протерт солью и завернут в пеленки». И так поступали в древнем Египте еще до новой эры!

* * *

Читатели моей «Чепухи», вероятно, обратили внимание на то, что я слишком резко и однозначно пишу о богачах и коррупционерах. Тут, дескать, я не всегда справедлив.

Попытаюсь в этом вопросе расставить все точки над i.

Односторонне мыслил по этой части мой отец. Он был с детства воспитан в духе классовой борьбы. Сам беднейший бедняк, он до конца своих дней придерживался большевистских взглядов: богатый – это эксплуататор, это враг, плохой человек. А вот бедный – свой брат, угнетенный, подневольный батрак, который достоин жалости и сострадания. Отец и Льва Толстого, и Александра Солженицына не жаловал, считал их, прежде всего, материально богатыми. Много спорили мы с отцом на эту тему, но переубедить его я так и не смог. Мама, дочь более состоятельного капельмейстера-вольнодумца, полагала, что от люмпенов (она это слово произносила с презрением) ничего хорошего не жди, они, мол, от природы лентяи, тунеядцы, завистники и негодяи. Богатые люди, считала мама, прежде всего трудяги, которые всю жизнь горбатятся и устраивают свое житье-бытье. Особенно она жалела тех сельчан,

которых нищеброды объявили «кулаками» и, лишив всего, «раскулачив», выслали в Сибирь и Казахстан. И, приводя конкретные примеры, называя имена, гневно обличала тех плебеев-бездельников, которые способствовали их высылке, чтобы разграбить, поделить, присвоить их имущество, нажитое поколениями. На эту тему, сколько себя помню, отец и мать спорили между собой всегда. Не могу сказать, что мы бедствовали, но и достатков не было. Были порядок, смекалка, разумное ведение хозяйства, скромное отношение ко всему.

Огульное охаивание богатых и мне не присуще. К богатым, которые добились блага кровным, честным трудом, талантами, способностями, я неизменно отношусь уважительно. Ибо понял: люмпен – совсем не достоинство, а богатство – совсем не грех. Знаю, многие богатые, как правило, люди инициативные, активные, предприимчивые, деловые, смышленые. Они двигают прогресс. Они укор лежебокам и разгильдяям, невеждам и завистникам.

Таким богачам я симпатизирую, ибо они в конце концов украшают жизнь и оставляют добрый след на земле.

А есть еще племя горлохватов, хапунов, рвачей, выжиг, прохиндеев, махинаторов, рыцарей шахер-махера, акул-пожирателей, подлых юркачей, ненасытных хищников. Вот их-то я и презираю, и ненавижу. Они готовы весь мир запихнуть в свое рогожное брюхо. Это презренное отребье, заслуживающее божью кару.

Вот, собственно, о чем речь.

Сегодня был у меня один деятельный и весьма успешный человек. Их оказалось десять братьев и сестер. Все получили высшее образование. Все занимают высокое государственные и общественные посты. Все проявили свои таланты и способности и достигли социальных высот. Все не крохоборы. Сделали много добрых деяний для людей. Их отец (и поныне живой) внушает своим детям: «Мал біткен сайын, жұмсақ бол, сүтке илеген терідей» – «Чем больше у тебя скота (богатства), тем будь мягче, как шкура, выделанная в молоке». Вот это мудро! Истинно отцовский завет! И сыновья верны отчему завету: не кичатся, не высовываются, не

задирают нос, не выпендриваются от чванства и спеси, а посильно помогают всем и вся, умножая добрые деяния.

Таких богачей я, разумеется, поддерживаю и прославляю.

Ну, а о коррупционерах я уже не однажды высказывался, и сейчас о них речь не веду.

Вот что я ради ясности посчитал нужным сказать.

* * *

Жена-педагог (55 лет стажа) жалуется: пошла, мол, такая полоса – дети учиться не хотят, да и некогда. Сплошные праздники в стране, и все по три-четыре дня. Все это жутко расхолаживает учебный ритм. А ученики этим не довольствуются – прихватывают к праздникам еще день-другой – до и после. Но и это не все: потоком следует абсолютно бессмысленные ЕНТ, курсы, конкурсы. Читать книги – никакого желания, забавляются айпадом, интернетом, компьютером. Умственная деградация запредельная.

И еще один казус в педагогической сфере. В русских школах подавляющее большинство казахи, которые чаще всего безнадежно отошли от всего казахского. Им активно преподносят казахский язык и литературу. Но на эти уроки мало кто ходит. Почему? Нет интереса, нет стимула, нет востребованности. Самое парадоксальное: при ЕНТ баллы по казахскому не учитываются. Засчитываются баллы лишь по другим предметам. А казахский так себе, формально, с боку припеку. Он как бы и есть, а фактически не в счет. А коли так, то с какой стати на него тратить время, силы и старания? Какой же это государственный язык, если учесть его вовсе не обязательно и если он в зачет никак не идет? И кто будет его учить? И зачем? Лучше зубрить английский или китайский, если уж на то пошло.

Видно, здесь что-то явно не продуманно. Или Министерство образования в полном бессилии опустило руки? Что-то ведь, полагаю, надо предпринять. Или... совсем уж искривились путидорожки?..

* * *

В один день скончались прозаик-переводчик Бахытжан Момышулы и поэт Сакен Иманасов. Оба видные литераторы. И обоих я знал десятилетия. И оба моложе меня. Задумаешься... Скорблю. Утешаю себя двумя фразами из дневника Льва Толстого 1909 года. «Как хорошо: «я есмь – смерти нет. Смерть придет – меня не будет».

И еще: «...а когда рождаешься, то не знаешь, из какой жизни пришел, и когда умираешь, не знаешь, в какую жизнь уходишь».

* * *

Поэт, переводчик, библиофил, любитель философии Аубакир Нилибаев (1928) написал объемную книгу под названием «Темперамент», а популярный издатель Мереке (Кулкенов) изящно издал ее на исходе 2012 года. Без малого 600-страничная книга состоит из трех больших разделов – о философском познании мировой цивилизации и проблемах обновления мира, об этапах развития этики, о неразъемном единстве поэзии и философии, о вершинах поэтического и философского Духа. В одном разделе идет пространная и весьма доступная для понимания речь об истоках познания, философского осмысления общественных и социальных явлений, об этнических гранях стыда и совести, о разных философских категориях постижения и осмысления мира; в другом автор рассуждает об этике в древнем Египте, Индии, Китае, Японии, античной Греции, говорит об этике в учениях Сократа и Платона, Аристотеля, Пифагора, Гете, Шелли, Уитмена, Толстого; в третьем рассматривает казахскую поэзию – древнюю и современную, устную и письменную – в тесном контакте с национальным мировоззрением, с философией номадов; в книге встречаются лапидарные зарисовки о духовном созвучии Абая с Сократом и Аристотелем, Абая с Абунасыром Фараби, Абая с Ибн Синой, Абая с Гете и Толстым. На страницах книги то обстоятельно, то вскользь упоминаются многие весьма известные имена, оставившие неугасимый свет в мировом Духе.

Книга написана на добротном, выразительном и очень доступном казахском языке. И значимость ее, на мой взгляд, заключается именно в этом: о высоких материях казах рассказал увлекательно и увлеченно на казахском языке. В познавательности и масштабности, популяризаторском пафосе, в желании охватить сложнейшие проблемы бытия в его философском осмыслении книге Аубакира не откажешь. Видно, что автор, не будучи философом, как поэт, переводчик, прилежный и искушенный книгочей горы умных книг, хотел честно и ясно поделиться своими познаниями с единокровниками. В этом суть данной книги. И я такого четкого и поучительного повествования о философии и философских категориях в казахской литературе доселе не встречал.

Правда, сознаюсь, я лично обо всем этом за свою немалую жизнь достаточно много читал на русском и немецком языках. И, читая казахский текст, примерно догадывался, откуда, что взято автором для переложения на языке родной степи. Немало открытий я почерпнул из казахского изложения по части индийской философии и литературы. Именно в этой части автор – лауреат ряда индийских и пакистанских премий, переводчик индийской классики – особенно сведущ и силен.

Впечатляет библиография, приложенная к книге. Автор перелопатил огромный пласт серьезной литературы – Платон, Аристотель, Лао-цзы, Конфуций, Декарт, Линней, Кант, Гегель, аль-Фараби, Тайлор, Фрезер, Бэкон, Хайдеггер, Гете, Толстой, Ортега-и-Гассет, Радлов, Конрад, Абай, Эйнштейн... ограничусь лишь некоторыми «громкими» именами. Автор приводит список из 109 трудов. Это свидетельствует о масштабности книги Аубакира Нилибаева.

Автор излагает свои суждения в форме рассказа, в тотальности доверительной беседы с читателем. Он призывает к со-размышлению, к со-беседе, к со-познанию, открыто делится со своими знаниями, соображениями, наблюдениями, приводит любопытные факты, почерпнутые из литературных, исторических, философских, литературоведческих источников, то и дело обращается к

казахскому фольклору, к степной мудрости, к цитатам из дастанов, к примерам из поэтических творений казахских акынов. Он хочет быть доступным, он увлекает читателя, а не отталкивает любомудрыми, туманными рассуждениями. Именно этому принципу подчинена и композиция книги. Раздел «Поэзия и философия» мне показался особенно актуальным. И многие наблюдения и заключения автора кажутся мне убедительными. Я, смею полагать, довольно опытный читатель. Прилежно и систематически читаю более семидесяти лет. И начитанность моего коллеги вызывает во мне уважение и симпатию. Книгу его «Темперамент» (название, кстати, считаю не совсем оправданным) прочитал с интересом и пользой. И хотел бы, чтобы с ней ознакомились как можно больше казахов. Собственно, ради этого я и пишу эти строки.

* * *

Люблю читать дневники и записные книжки Льва Толстого и проецировать его нравственные постулаты на мое нынешнее душевное состояние. Возможно, кому-то это может показаться смешным, но я руководствуюсь абаевской сентенцией: «Болмасаң да, ұқсап бақ» (т.е. «хоть и не можешь стать таким, то постарайся быть похожим»). Толстой постоянно и упорно рассуждает о Боге, о всеобъемлющей Любви, которая в его понимании и есть Бог.

Ну, а я-то атеист (так воспитан), для меня Бог есть Абсолют, высший Разум, некая всеобразующая вселенская тайная Сила (тут повлиял на меня академик Борис Викторович Раушенбах при личной беседе). И нравственно мне очень близок совет Льва Толстого: «Не делай только того, что противно Его воле и воле твоего настоящего я, и ты будешь делать то самое нужное и хорошее, что ты можешь сделать». Я этот совет воспринимаю сердцем, и им руководствуюсь.

* * *

Один сенатор вновь предложил переименовать Астану в город Нурсултан.

Один доктор наук предложил самому Ельбасы внести в Конституцию изменение и объявить его пожизненным Президентом.

Еще один сенатор, уверенный, что все остальные проблемы успешно решены, предложил построить в Астане Диснейленд.

А некий министр с трибуны парламента высказался в том духе, что если в семье имеется одна корова, то хозяина следует считать самозанятым, то есть обеспеченным работой.

После таких предложений, какой Мыркымбай скажет, что у нас общественная мысль не на высоте?!

* * *

В кругу писателей я вращаюсь с 1953 года. И доподлинно знаю, кто из видных писателей **как** работал (или работает): днем или ночью, натощак или на сытый желудок, систематически или по наитию, порыву, на подоконнике на кухне или за письменным столом в кабинете, лежа на диване или сидя в кресле, пишет карандашом или ручкой, или сходу печатает на машинке (а то и на компьютере), в полной тишине или при домашней (или редакционной) колготне, с «подогревом» или без и т.д. Вариантов, как известно, много. Муза – дама капризная, взбалмошная.

Знаю, кто как правил (правит) рукописи. Редко, кто переписывает свое творение по пять-шесть раз, подражая Пушкину, Гоголю или Толстому. Редко, кто ее до поры до времени выдерживает в письменном столе или в шкафу; редко, кто обращается к ней спустя месяцы или годы. Большинство моих знакомых, едва закончив свой опус, относят его с пылу жару в издательство. Дескать, там сидит мой друг-редактор, пусть поправит, отрихтует. В таком духе, знаю, состряпаны многоверстовые романы и пухлые дастаны. Ладно, мол, нечего мурыжить, скоблить. Я ведь не Толстой. И даже не Нурпеисов. А читателю какое дело до каких-то творческих мук, исправлений и редакций? Такие скороспелки похожи на полусырые лепешки, тяп-ляп испеченные в тандырной печи.

А что говорил Толстой по такому поводу? В дневнике 1909 года он записывает:

«Маленькие и большие таланты, от Пушкина и Гоголя, работают: «Ах, не ладно, как бы лучше». Нынешние: «Э, не стоит, и так сойдет».

Значит, писателей-скорописцев, утверждавших: «Э, ладно, не стоит, сойдет и так!» были во все времена. И я сомневаюсь, что у них был долгий век у читателя. Сляпанная ляп-тяп лепешка зачерствеет уже на другой день.

* * *

Мои знакомые желают знать мое мнение по поводу Талдыкорганского суда над Челахом (суд вынес свой вердикт 11 декабря 2012 года). А что я могу сказать? Только то, что читал в газетах и видел по TV. Другими источниками не располагаю. Ясно, что дело темное. Наворочено лжи – поклажа для девяти наров-дромадеров. И решение суда с самого начала вырисовывалось так, что ничего доказывать не могу. Ни «за», ни «против». Но червячок сомнения где-то затаился. Если жидкий, хлюпкий, психически нестойкий русский пацан мог запросто, как куропаток, перестрелять 14 казахов – вооруженных офицеров и контрактников, то о чем это говорит? Выходит, все они, убитые юнцом, были лохами (о, господи!), безвольными и беспомощными бишаринцами, а их родители воспитали ни к чему не способных балашек, а командиры набрали пограничниками покорных агнцев? А если так, то кому мы доверили охранять наши рубежи? И вообще как прикажете смириться с тем, что один зеленый урус (или шуршут?) мог так бесцеремонно расправиться с четырнадцатью джигитами славного народа.

По-моему здесь явно хромает логика. Не так ли? В моей голове это не укладывается. И если подобную версию внедрить в массовое сознание, то разве не становится страшно и позорно? Жить во лжи – опасно. Кто бы меня переубедил?

* * *

Лев Толстой в выше затронутую тему: «...особенно живо чувствую неправду жизни – ложь жизни. Постоянно совестно. Особенно за разговоры. Надо быть сдержаннее» (Дневник 1909 года).

Вот и думаю: отчего у меня, человека умеренного во всем, три инфаркта и один инсульт? Ну, с какой стати? А с того, что «постоянно совестно». Другой причины не вижу.

* * *

Хоть смейся, хоть плачь: уже дважды за последние два месяца звонят мне милые барышни из Совета ветеранов и торжественно приглашают меня на благотворительный обед. Видно, таков мой нынешний общественный статус. «Ну, и что будут подавать на обед?» – спрашиваю. «Меню я не знаю, – отвечает юная особа. – Ну, наверное, баурсаки, кумыс, мясо по-казахски, фрукты...» «Спасибо, айналайн. Ныне я тяжело передвигаюсь. Ну, скажем, возьму такси, приеду, съем один баурсак, выпью чашку чая, потрачу часа два-три и вернусь вдрызг больной. И все удовольствие? Слишком дорого обойдется мне этот благотворительный обед». «Хм-м... зато пообщаетесь». «Но у меня нет нужды в общении. У меня, скорее, переизбыток общения. Целый день звонки, посетители, журналисты, издатели, интервью... К тому же пишу, читаю, пишу письма, редактирую, составляю книги». «А вы кто?» «Писатель, переводчик, общественный деятель» «Вот как?! – барышня немного смущена. – Но вас включили в список. Вы – ветеран. А для ветеранов мы раз в месяц проводим благотворительный обед». «Ну, спасибо, айналайн. Не забывайте меня и впредь. Благодарю и за обед, и за приятное общение». «Пожалуйста».

Докатился Бельгер! Совсем обишарился...

* * *

Я помню Программу «Казахстан – 2030». Планы-громадье. Хорошо знаю, как создавалась Программа. Как она появилась на белый свет. И инициаторов, ныне забытых, помню. Знаю ее авторов. Помню экстренное собрание в Доме парламента в Алматы. Помню вдохновенное выступление Нуреке. Помню глубокое изумление и недоумение на лицах собравшихся. Обозначалось стратегия молодого независимого государства на тридцать (!) лет вперед. Это вам

не чета сталинских пятилеток. Прыжок снежного барса. Программу срочно издали книгой. На трех языках – казахском, русском, английском – под одной обложкой. В форме послания Президента страны народу Казахстана. И были предпосланы книге два шикарных эпиграфа. Из Вергилия: «Новый век настает, другое рождается время». И из Гейне: «У всякой эпохи свои задачи».

Что ж... Вождям-лидерам полагается смотреть далеко вперед. Это вечно нищий электорат живет-прозябает в настоящем. Это тоскующие нацпаты обитают в прошлом, а лидеры нации устремлены в будущее. Они видят то, что не видят смертные. В разрушенной после гражданской войны стране Советов «кремлевский мечтатель» строил планы ГОЭЛРО. В 1941 году, когда враг стоял на подступах Москвы, грипповавший «чудесный грузин» размышлял о курсе советского рубля по отношению к доллару после Победы. Уже в мое время, когда белый хлеб отпускали строго по карточкам, «дорогой Никита Сергеевич» утешал народ грядущим через двадцать лет коммунизмом. Подобных примеров в истории тьма.

Так что наш Елбасы идет абсолютно верным историческим путем. А как же иначе, если планы-громадье 2030, о которых уже стали повсюду забывать, в основном выполнены уже сегодня, на 18 лет раньше? Никак нельзя успокоиться на достигнутом. Народ не поймет. Народ, он что видит? Он видит разные нелады и неурядицы: то, что аулы вконец разрушены, нет питьевой воды, электричества, тепла, культурно-социальных очагов, босяки-сорлыбаюшки слоняются по городам, довольствуясь тем, что Бог послал, недавно построенные помпезные дома разваливаются, дороги сплошь в колдобинах, транспорт полуживой, бордели процветают, жизнь дорожает, стимулов-перспектив не видать, все замешано на лжи и показухе.

Вот что доступно очам обывателей. А вместе с ними ноют-канючат и писатели, поэты, ученые, разные зиялы и зияткеры.

Надо встрепенуться, ощетиниться, зажать шенкеля, забыть о настоящем, устремиться энергично, всем духом, скопом в светлое

и яркое будущее. Туда, туда («Dahin, dahin!»), куда зовет желанная мечта.

Вот и обратился лидер нации нежданно-негаданно к народу с прозорливой и величественной программой 2050. Пусть неверующие ропщут-скулят по углам. Что они понимают? Они ведь дальше своего носа ничего не видят. Да и разве угодишь всем? Разве когда-нибудь массы бывали довольными? Им потакать – значит вечно плестись в хвосте истории. А этого лидер допустить не должен. Он обязан постоянно удивлять и поражать народ.

Словом, даешь Программу 2050! Через пяток лет и ее одолеем. Можете не сомневаться! Мы ведь продвигаемся везде и всюду семимильными шагами. Разве не уверены в том наши дальнозоркие депутаты, члены правительства, служивые из президентского аппарата, чинодралы-чиновники, заштатные краснобан-трепачи? Все отметились в первый же день, сразу после объявления Программы, по самому популярному и правдивому каналу «Хабар»... Тәуба, тәуба! Все правильно! «Дұ-рыс!» – говорил по обыкновению в таких случаях незабвенный Сабит Муканов.

«Сколько же тебе в 2030 году будет лет?» – с ехидцей спросил в том далеком году один Фома неверующий из крупных тогдашних деятелей. «96», – мысленно подсчитал я. «Қиындау екен!» – резюмировал мой собеседник. – Можешь не дожить». А вот, оказалось, я дожил до этого срока на 18 лет раньше. Так, почему бы мне не дожить таким макаром и до успешного осуществления Программы 2050? Помоги Бог!

Чудится мне, однако, что наш Елбасы больно стал нетерпелив. Он ныне особенно спешит, на что все обратили внимание. А спешка – шайтаново дело. Где спех – там и смех. Не я сказал. Разноязыкий народ!

Лидер нации, думаю, понимает: совершенное за двадцать с гаком лет – лишь «шорнайбек» (черновик), в «шыстайбек» (чистовик) – впереди. «Шорнайбек» Елбасы не устраивает. Он видит и сознает его изъяны. А потому он нацелен на грядущее. Уповает на то, что в идеале должно быть. И народ никак не успевает за ним.

Более того, сомневается, не верит. Куда зовет Елбасы? Туда ли зовет? Реально ли это? Или померещилось? Или он действительно сәуегей-провидец? Он не живет ни в прошлом, ни в настоящем. Только в будущем. И народу, не поспевающему за своим лидером, жить становится все труднее, все беспокойнее, все тягостнее. А вдруг все эти высокие помыслы не благо, а фарс, трагедия? А вдруг что-то не сработает, не получится? Человек ведь предполагает, а Бог располагает. Бедная головушка порой идет кругом. Дыхания не хватает. А лихой всадник все подстегивает изрядно заезженную клячу, пришпоривает, и она, кажется, вот-вот рухнет от непосильного груза.

А программа заманчива, что там говорить?! Есть ведь любители ненаучной фантастики. А сказки Шехерезады, на ночь глядя, всегда ласкают слух...

15 декабря 2012 г.

* * *

Шутка ли: в казахской литературе я вращаюсь уже полвека, если вести счет с октября 1963 года, когда меня, только что окончившего аспирантуру при КазПИ им. Абая, Абдижамил Нурпеисов определил литсотрудником отдела прозы в казахском литературном журнале «Жулдыз». И вот с тех пор, сколько себя помню, в кругах пишущей братии всегда было принято сетовать на литературную критику. Дескать, отсталая, беззубая, комплиментарная, малахольная. А ведь бывали разные этапы. Бывали годы, когда в ней активно функционировали два десятка профессиональных литературных критиков. Ныне критическое поле в казахской (и шире: казахстанской) литературе заметно оскудело. «Чистых» литкритиков можно в настоящее время пересчитать по пальцам.

Один из них – несомненно, Кулбек Ергобек, автор двух (или больше?) десятков сборников и монографий и более тысячи опубликованных в периодической печати статей.

Я за его творчеством давно слежу, писал о нем, не однажды встречался, беседовал, мне по душе в нем родственные мне черты –

склонность к собирательству, пристрастие к архиву и рукописям, уважительное отношение ко всему написанному, стремление все записывать, фиксировать в дневниках, записных книжках, умение сочетать живую мемуаристику с аналитической критикой.

Поэтому его и читать любопытно, интересно и познавательно. Он подкупает своей искренностью, исповедальностью, благосклонностью, доброжелательностью.

И что особенно важно – честностью и принципиальностью.

Он поразительно много успевает: много читает, пишет, служит – в высоких общественных, научных, политических и педагогических сферах. Он обладает культурой труда, системным подходом к исследованию – качеством, которое особенно ценил и внушал молодым коллегам незабвенный Мухтар Омарханович Ауэзов. Кулбека любят, к нему прислушиваются, с ним считаются, его привлекали к себе как помощника, как литературного агента, как надежного братишку, как сына уникальные личности – литературовед-наставник Б.Кенжебаев, поэты А.Тажибаев и К.Шангитбаев. И лучшие труды Кулбека, согретые душевной теплотой, сыновьим тактом и щедростью, написаны о них.

Недавно, в декабре 2012 года, он прислал мне свою новую книгу, солидный том в тридцать печатных листов (Алматы, «Ел-шежіре», 2012, 576 страниц) под названием **«Өленсөз»**. Звучит немного неожиданно, по-русски оно близко к понятию «Стихотворное слово», а точнее я бы сказал также неожиданно **«Стихослово»**.

В книгу вошли 65 статей, всецело посвященных казахским поэтам и поэзии. И хотя мой аул расположился несколько на отшибе от казахской поэзии, я книгу Кулбека внимательно проштудировал, с особенным пристрастием те статьи и эссе-мемуары, в которых речь идет о поэтах, которых я знаю и знавал давно и прочно.

Книгу предваряют две «напутные» (В.Даль) заметы – Абиша Кекилбаева и профессора-наставника Бейсенбая Кенжебаева, написанное еще в 1981 году. Последний подчеркивает два достойных качества своего любимого ученика-шакирда: он, дескать, не раболепствует, не склоняется ни перед каким «авторитетом» и честен, открыт и справедлив в своих литературных суждениях.

С этим, надеюсь, никто не спорит.

Все работы Кулбека, включенные в эту книгу, сгруппированы вокруг двух разделов – «Индивидуальность таланта» и «Новаторство жанра».

Я, понятно, вовсе не намерен говорить здесь о всех статьях, этюдах, воспоминаниях, очерках, заметках, отзывах о творчестве поэтов, нашедших место в «Стихослове» Кулбека. В мою задачу это не входит. Разумнее почитать саму книгу. Критическая палитра Кулбека весьма разнообразна, богата и широка. Он рецензирует, анализирует поэтические сборники С.Мауленова, М.Алимбаева, А.Шамкенова, А.Дюсембиева, К.Идрисова, С.Асанова, К.Мырзалиева, Б.Абдразакова, Т.Бердиярова, Т.Медетбекова; обстоятельно повествует о поэтическом даре и наследии казахских классиков С.Донентаеве, С.-М.Торайгирове, Б.Изтуллине, С.Ерубаеве, М.Хакимжановой; а также о мало известных и полузабытых на поэтическом небосклоне поэтах Г.Балакадырулы, З.Калауовой и многих-многих других. Не стану перечислять всех поэтов, о которых ведет речь в этой книге Кулбек. Посвятив дотошному критическому анализу казахской поэзии целую книгу, он охватил все стихотворное слово конца XIX и начала XXI веков.

Еще раз подчеркну: все эти тексты, сотворенные Кулбеком за последние тридцать лет, отличаются живым рассказом с элементами мемуаристики, личных впечатлений от тесных творческих и житейских контактов, дневниковых записей фрагментов бесед на фоне общего литературного процесса с точным выделением, подчеркиванием основных творческих граней анализируемой личности.

Я ведь знаю творчество большинства субъектов этой книги, со многими был знаком или знаком и поныне, поэтому читал Кулбека с неослабевающим интересом, обнаруживая созвучия в наших представлениях.

Достоинств в книге Кулбека я узрел немало. И труд его оцениваю высоко, разделяю пафос его суждений.

Несколько объемных работ в этой книге мне особенно запомнились. Это широкоохватные статьи-эссе о Бейсенбае Кенжебаеве, Абдильде Тажибаеве, Куандыке Шангитбаеве.

Чем примечательны эти литературные портреты?

Отмечу пунктиром: живым слогом, достоверной обстановкой, в которой происходят события, словесной характеристикой участников беседы, запоминающимися монологами и диалогами, дискуссионной атмосферой, динамизмом, меткой литературной иллюстрацией, сопровождающей разговоры, интеллектуальным накалом, кругозором анализа, доскональным знанием жизненного и творческого пути героев, доброжелательной тональностью повествования, сочувствием и любовью к объекту, тактом и деликатностью младшего по возрасту автора по отношению к более старшим и именитым коллегам. И еще многим другим. Дискуссия о поэзии между старым и многомудрым литературоведом (профессором Кенжебаевым) и маститым, независимым, самобытным поэтом и блистательным переводчиком Омара Хайяма и Пушкина (Куандыком Шангитбаевым), поданная с уместными литературными вкраплениями и репликами молодого доктора филологии (Кулбека Ергобека), читается как увлекательная и познавательная повесть.

А монографическая статья-исследование о жизненном и творческом пути поэта-долгожителя, поэта, по его словам, сотворенного огнем Абдильды Тажибаева привлекает доскональным знанием автора драматической судьбы многогранного литератора, прошедшего через испытания сложного XX века со всеми взлетами и падениями, политическими и социальными коллизиями.

Я был знаком с колоритным Абеке, делал подстрочные переводы его стихов, составил его книгу «Былое», бывал у него дома, в просторном кабинете на втором этаже, на даче, не однажды беседовал с ним, слушал его выступления в Союзе писателей и Академии наук, помню его торжественные и многолюдные юбилеи, его взрывной темперамент, увлеченность, азартную натуру, и должен сказать, что все эти грани незаурядной, самобытной личности Кулбек воспроизвел достоверно, живо и грациозно.

Эти две работы, о которых говорю выше, – крупная удача критика.

Находясь многие годы рядом с Б.Кенжебаевым и А.Тажибаевым, Кулбек чувствовал себя Эккерманом при Гете и тщательно

фиксировал все беседы с ними, записывая их по горячим следам в дневник. Из этих записей и родились волнительные воспоминания, вплетенные в дотошный анализ их творчества и лаборатории.

Обогатили и взволновали меня проникновенные статьи о С.Мауленове, Т.Бердиярове, трагических женских судьбах А.Оразбаевой, З.Калауовой, М.Хакимжановой.

Книга Кулбека Ергобека – своеобразный памятник казахской поэзии. Я ее горячо рекомендую всем любителям изящной словесности.

Где и кем только не работал мой мобильный давний знакомец Кулбек! Ныне он вице-президент Международного казахско-турецкого университета им. К.А.Яссави в Туркестане. Докторскую диссертацию он защитил в 44 года. Обладает столькими талантами, что я их здесь просто не перечислю. Он мне часто звонит, бывает у меня. Для меня он так и остается милым, деликатным, учтивым молодым человеком. Между тем недавно только узнал, что он уже тихо, незаметно взобрался на холм шестидесятилетия. Диву даешься, когда он успел! Долголетия и новых свершений ему.

18.12.12

* * *

Картина, на мой взгляд, не очень-то приглядная.

По ТВ показывают, как в дни казахстанских торжеств вручают толпе заслуженных людей правительственные награды. Против этой традиционной и щедрой акции, разумеется, вряд ли кто возражает.

Но вот семенит на дрожащих ногах 85-летний литературовед, профессор, академик к награждающему человеку и подставляет свою тщедушную грудь для очередного ордена. Зачем ему нужен этот орден? Много ли добавит ему он чести и славы? Без него Бог не примет его, что ли, в рай? Но если так хочется иметь этот орден, послал бы кого-нибудь для получения? Или попросил, чтобы вручили его на дому? Зачем понадобилось на склоне лет продемонстрировать свою немощь на экране?

Мне стало неловко. Я ведь знаю его полвека. И человек он вроде разумный и порядочный.

И еще кадр: Президент вручает какой-то орден 81-летнему белоголовому поэту, весьма, кстати, посредственному, из разряда «жай пысық». А ему-то за какие заслуги? Четверть века он стряпает одни подхалимские, высокопарные вирши. И не зазорно в столь почетных летах получать за это орден и фотографироваться по правую руку Елбасы?

Ох, уж это казахское тщеславие! Ну, что тут скажешь? Надо хотя бы немножко уважать свою старость...

* * *

В канун обещанного племенем Майя конца света, действительно, происходят везде и всюду жуткие природные катаклизмы. В Алматы за одну ночь (19.12.12) вышел из строя несколько труб; больница, восемь школ, 300 квартир остались в свирепый мороз без отопления. КТК показывает и другие аварийные объекты в разных областях страны. Сплошь и рядом развал, горести, неразбериха, бестолковости, суматоха, аврал. Тысячам казахстанцам плохо, худо, дурно.

А в это время «хабар» ликует по поводу ЭКСПО-17 и программы 2050, о том же монотонно, с заученной фальшью долдонят записные трепачи – доморощенные и зарубежные.

И что получается?

Получается фарсовая ситуация, трагическая нестыковка, несусветные ложь и дурь.

* * *

Известны библейские заповеди: не убий, не укради, не прелюбодействуй... Л.Толстой пишет в дневнике 1909 года: к ним надо прибавить: не проси.

Верно: не проси. Ни у кого. Ничего. Попрошайничество – отвратительно. Я знаю многих попрошаек в политике, в литературе, в быту. У многих попрошайничество вошло в плоть и в кровь.

«Не проси, – сказано в «Мастере и Маргарите», – сами дадут».

Я лично стараюсь руководствоваться этим принципом.

* * *

В том же дневнике Л.Толстой пишет: «Все делал пасьянсы. И хорошо. Зачем писать? Уж и так много лишнего написано».

Может, и мне пора задавать себе этот вопрос?

Может, и я наплел много лишней чепухи?

* * *

И опять Толстой: «Есть свобода делать зло, но нет свободы делать добро».

* * *

По состоянию здоровья мне приходится часто лежать. Особенно в зимнее время. Писать лежа на спине очень неудобно: приходится на груди поддерживать картонку и лист бумаги, а шариковые ручки в таком положении не пишут, а шкрябать карандашом выходит блекло и коряво. Тогда я слушаю казахское радио. Политический, официальный и прочий пафосный треп слушать невыносимо. Он отвращает от всего казахского. Думаю, такие передачи никто не слушает. Уши вянут. И вообще, скажу я вам, вранья избыток. Даже сообщения гидромета чаще всего лживые.

А что мне по душе?

Передачи о казахских сказителях-жырау XVII–XVIII века, о народных акынах-импровизаторах и композиторах, ну, и, понятно, их кюи, толғау в исполнении кобызчи и домбристов и национальных певцов традиционного, классического направления. В них я слышу душу народа, философский лад и бунтарский дух вольного номада. Эти произведения волнуют, будоражат, вдохновляют, навевают гордые и скорбные думы, возвышают, очеловечивают. А современная казахская эстрада почти не трогает, примитивный, подражательный аляуляй и вовсе отвращает. Тошно видеть, как именитые певцы и певуньи под фанеру эпилептически дергаются-порхают

на свадьбах, юбилейных тусовках ради сотни-другой зелененьких, низводя свой скромный дар до банального дурновкусия.

Из русских радийных передач редко какие западают в душу. За исключением, пожалуй, цикла «На поэтической волне». Он подкупает краткостью и познавательностью. Хороши, самобытны были в свое время передачи Ильи Синельникова. Он умел говорить красиво и увлекательно.

На какой-то волне казахского радио передают классическую музыку, Но как его подают? Сплошняком, оптом, потоком, без малейшего комментария, без словесного обрамления, без системы, без разбора, «в кучу». И, естественно, эту программу слушают немногие. Только музыкальные гурманы, знатоки, любители. И без элемента просветительства передачи не работают. Очень досадно. Вспоминаю в таких случаях покойного лектора-виртуоза Анатолия Кельберга. Вот он-то был знаток и популяризатор высокой музыки!

* * *

Теперь все это выглядит смешно и глупо. А тогда, весной 1951 года, те события обернулись драмой и трагедией.

О чем речь?

Знакомлюсь с содержанием 10-го тома сочинений выдающегося абаеведа, литературоведа божьей милостью, радетеля казахской истории, культуры, литературы, принципиального ученого и просветителя Каюма Мухамедханова (1916 – 2004).

Я его знавал, имел счастье общаться с ним, не однажды писал о нем. Нахожусь в контакте с его дружными и общественно активными детьми.

Каково содержание 10-го тома?

Вступительная статья доктора филологии, профессора Турсуна Журтбая, стенограмма заседания Объединенного Ученого совета Института истории, этнографии, археологии, Института языка и литературы Академии наук Казахстана от 7 апреля 1951 года, документы (разного рода справки, списки, заявления, выписки из статей, речей, протоколов, письма и т.д.), две объемные работы

(монографические статьи, развернутые биографии Каюма Мухамедханова, написанные филологом, журналисткой Аллой Белякиной и Ерболом Иргебаевым; исследование Каюма-ага о первом издателе Абая Илиясе Бораганском.

Десятый том сочинений казахского литературоведа вышел в Алматы, в издательстве «Ел-шежіре» в 2012 году в объеме 24 п.л., тиражом в 2000 экземпляров.

Что же вызвало у меня горестную усмешку?

Яростная, прямо-таки ожесточенная дискуссия о литературной школе Абая. Ныне все выяснилось, определилось, вошло в научное русло, а более шестидесяти лет назад сшибались вокруг этого вопроса идеологические позиции, ломались копья, скрещивались клинки, сходились на ристалище приверженцы разных взглядов и течений, плелись искусные интриги, сводились личные счеты, разыгрывались нешуточные баталии. И все это на фоне квазипринципиальных мировоззрений и псевдонаучных демагогических словоблудий. В стенограмме все эти перипетии отражены.

Такие, однако, были времена.

Внешне все происходило с соблюдением формальных канонов. Председательствовал на Объединенном ученом заседании (по стенограмме степенно, объективно) профессор И.С.Сауранбаев; диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук на тему «Литературная школа Абая» защищал 35-летний преподаватель Каюм Мухамедханов; его научным руководителем был М.О.Ауэзов; официальными оппонентами – профессор М.С.Сильченко и М.О.Ауэзов; положительные отзывы о диссертации поступили от профессора Е.А.Бертельса, критика З.С.Кедриной, доцента Тургамбаева К. и старшего преподавателя А.Рахимжанова.

Все, как говорится, тип-топ. Комар носа не подточит.

Ан не тут-то было. Полемика вспыхнула бурно, сходу, едва диссертант изложил свои основные положения.

Суть: Абай не был одиночкой, у него была своя литературная школа – группа молодых и талантливых людей, которая признавала

Абая своим наставником, училась у него, следовали его советам, писали поэмы-дастаны, устраивали читки, обсуждения, внимали критическим замечаниям Абая. Они были образованными людьми, имели представления о русской литературе – о Белинском, Чернышевском, Добролюбове, Пушкине, Лермонтове, Крылове, Тургеневе, Толстом и других.

Кто они, ученики Абая? Диссертант называл их поименно – акынов Акылбая, Магавью, Арипа, Кокбая, Какитая, Асета, певцов-композиторов, жирау-сказочников – Мука́, Мухамеджана, Альмагамбета, Бейсембая, Баймагамбетова и других. Диссертант проанализировал их творения, подробно отвечал на вопросы оппонентов.

Далее дискуссия пошла в двух направлениях. Часть членов Объединенного Ученого совета (Ауэзов, Сильченко, Турганбаев) горячо утверждала, что литературная школа Абая существовала реально; другая часть (Джумалиев, Нурушев) резко и категорично возражала: не было, мол, никакой школы, это были, дескать, сыновья, племянники, внуки, сородичи Абая, узкий кружок тобыктинцев. Дескать, так называемая школа Абая – пантюркизм, панисламизм, феодальное отребье. Особенно неистовствовал Нурушев. Он все время отклонялся от темы диссертации, говорил долго, многословно, яростно нападал на Ауэзова, шельмовал его ранние статьи, обвинил во всевозможных грехах, во вредных идейных взглядах националистических установках, опасных концепциях, которыми всецело руководствовался диссертант. Это был любимый конек Нурушева, на Ауэзова он нападал постоянно и в статьях, и в публичных выступлениях, благодаря чему он остался в истории как вечный идейный оппонент Ауэзова. Нурушева везде и всюду подзуживали, натравливали, ярили и враги Ауэзова, которыми он оброс за свою бурную литературную деятельность.

Пересказывать подробности той печальной знаменитой дискуссии сейчас нет надобности и смысла. Но не мешает знать обстановку и дух того времени. По сути дела оппоненты меньше всего интересовались работой Каюма Мухамедханова, а изо всех сил,

используя диссертацию, «разоблачали» и «обвиняли» Ауэзова. Каюм-ага стал в сущности «козлом отпущения» злой и давней интриги. Публичная расправа творилась над Ауэзовым и его научной концепцией.

И чем все кончилось?

В результате подсчета итогов тайного голосования за присвоение К.Мухамедханову ученой степени кандидата филологических наук было подано 10 голосов, против – 7 голосов.

Казалось все ясно. Итог подведен.

Однако, не тут-то было! Поднялась дурная волна. Были арестованы и осуждены на длительный срок историки Е.Бекмаханов, Б.Сулейменов, филолог Е.Исмаилов, К.Мухамедханов. Последнему «за националистические ошибки» в вопросе изучения литературной школы Абая дали 25 лет каталажки и ссылки.

А считалось, что литературоведение – безобидная наука.

Дальнейшая жизнь ученого – трагедия, борьба – за правду, за справедливость, за утверждение высокой истины, за человеческое достоинство, за честь гражданина. В этой неравной борьбе, затянувшейся на долгие годы, в конце концов победил несгибаемый дух Каюма Мухамедханова. Об этом свидетельствуют многочисленные документы, любовно воспроизведенные в 10-м томе сочинений ученого.

При аресте 1 декабря 1951 года у Каюма Мухамедханова были изъяты библиотека, рукописи, научные труды, переписка с М.О.Ауэзовым и другими учеными, документ расстрелянного отца. Сколько писем, заявлений, прошений было им впоследствии написано в разные инстанции, чтобы хотя бы толику из них вернуть! Фрагменты этих документов, приведенные в разделе «Свидетельствуют документы», потрясают принципиальностью, убежденностью и мужеством ученого, униженного неправедной властью. В книге приведена гордая фраза из письма Каюма-ага лагерному начальству, в котором он смело разоблачает грабежи и унижения заключенных: «У меня нет чувства мести, но оскорбленная моя

человеческая совесть толкнула меня довести до Вашего сведения все вышеизложенное...»

Так мог написать Человек и Личность с большой буквы.

То, что происходило в Казахстане в том далеком и близком 1951-м году, доходило обрывками, слухами в наш тихий аул на берегу Есиля. Я тогда учился в восьмом классе, и об этих событиях кое-что поведал нам наш продвинутый и чуткий мугалим по казахской литературе, который только что, окончив институт, вернулся из Алма-Аты. Он был сторонником Мухтара Ауэзова, влюблен в его творчество и нас, своих учеников, настраивал на эту волну. Через три года и я, бесправный сын спецпереселенца, с превеликим трудом и с мытарствами, с помощью добрых людей поступив в КазПи им. Абая, стал ходить по всем ученым советам, где публично защищались диссертации по истории, литературе, педагогике и лингвистике. Очень скоро я убедился, что в том политизированном и идеологизированном, откровенно демагогическом мире меньше всего говорилось о науке, а на первом месте находилась и задавала тон банальная и подлая интрига.

О, были большие мастера по этой части! С ними я сталкивался не однажды и позже, учась в аспирантуре и работая в журнале «Жулдыз» и Союзе писателей. Помню, как проходили защиты докторской диссертации М.С.Сильченко и Е.Лизуновой, где те же оппоненты М.О.Ауэзова плели искуснейшие интриги. Помню прямодушный возглас непосредственного Сабита Муканова, который при всем народе возмутился после подсчета голосов тайного голосования: «Оу, бұл қалай?! Как это так! Должно же быть восемь против! Кто предал?!»

Зал хохотал. Но такие были закулисные нравы.

Ныне подобные страсти, кажется мне, заметно улеглись. Впрочем, кто знает...

Во всех сферах жизни рано или поздно побеждают борцы. Справедливость чаще всего запаздывает. Но Каюм-ага прожил долгую, содержательную и полезную жизнь, осуществил большинство своих планов, издал почти все рукописи, обрел непререкаемый

авторитет, как абаевед, как историк литературы, как истинный и дотошный исследователь, сумел отстоять все свои принципиальные научные концепции, оставаться верным последователем своего руководителя и наставника Мухтара Ауэзова.

Такие выводы напрашиваются при чтении 10-го тома его сочинений.

И еще один непреложный вывод: то, что ныне кажется смешным и глупым, было когда-то горькой реальностью. О том следует помнить.

Придет время, и нынешняя наша реальность – все эти форуму, послания, планы-громадье, трескучие, хвастливые, трепливые мероприятия, затеи власть предержащих – покажутся нашим потомкам такой же смехотворной глупостью, бредом сивой кобылы. О том свидетельствует многострадальная история. Никогда не надо думать, что сиюминутная реальность есть истина в последней инстанции.

Прочтите 10-й том сочинений Каюма Мухамеджанова, и вы убедитесь в этом. Ради этого, собственно, я и написал настоящие строки.

23.12.12

* * *

Давно знаю: есть такое русское слово – карачун. В смысле: конец, смерть. Говорят: «карачун пришел». Означает: смерть, погибель пришла.

А вот русское ли слово? Сомневаюсь: огласовка, сингармоническая форма (кілең жуан дауысты дыбыстар) похожи на тюркское. Но доказательств у меня нет. Как-то попалась мне на глаза казахская газета со статьей о конце света. Автор доказывал, что солноворот (солнцеворот – 21 декабря) у казахов называется «құрысын». В значении сгинь, исчезни, пропади, провались. И меня осенило: не от этого ли слова растут ноги русского карачуна? Да и автор это утверждал. Дескать, «құрысын» у русских называется карачун. Газету эту я потерял из виду.

Бросился к всезнающему Далю. Владимир Иванович пишет: «Карачун – капут, конец, смерть, гибель, извод, мат, допяченье кого до конца. Дать кому карачун; задать карачуна́, убить, уничтожить кого, либо что. Пришел ему карачун. Симв. злой дух, Солноворот, день 12 декабря, Спиридонов день. Карачунить что, кого, уничтожить, изводить, убивать. Карачуниться – гибнуть, уничтожаться».

Надо бы поинтересоваться у Олжаса: откуда он выводит русский карачун? Может, от шумер? Или от казахского «қарасаң келгір»?

* * *

Гляжу я на некоторых наших обосновавшихся во власти азаматов. Сто́ит Елбасы чихнуть или словечко какое промолвить, как они тотчас на все лады хором соло начинают петь в газетах, по радио и ТВ. А песня у них одна: кар-кар-кар. Иные пели эту песню и при Кунаеве, и при Колбине, и при Назарбаеве. Я-то хорошо помню и могу этих «жопеке» назвать поименно.

Вспомнилась мне и старинная русская пословица: как ни вертись ворона, а спереди карга́, и сзади карга. Заучили эти господа одну песню, и всю жизнь живут себе припеваючи. Ах, каргашки-котляшки!..

* * *

Иногда ошеломлял меня Акселеу Сейдимбек. То доказывал, что казахское «әуп!» (возглас при вставании или поднятии тяжести) происходит от немецкого «auf». Очень даже сомнительно. Потом уверял меня, что русское «типун» от казахского «тіпә». Я возражал: казахское «тіпә», скорее всего, от русского «тьфу».

Постучался к Далю. «Типун – птичья болезнь, хрящеватый нарост на кончике языка. Снять типун, содрать иглой. Типун тебе на язык! Брань за вздорную болтовню, за острастку».

Значит, «тіпә» тут не при чем.

Акселеу был весьма образованным человеком, щедро талантлив. Но порой его заносило. И переубеждать его бывало трудно.

Любил он казахскую нравственную категорию «обал-сауап». «Найди-ка этому понятию русский адекват», – приставал он ко мне. Я не находил. Ни в русском, ни в немецком языках. «Ну, и что это за народ, который живет без таких основополагающих понятий?!» – победно вопрошал Акселей. «Обал-сауап» – на этом построено национальное мировосприятие.

* * *

В аспирантуре (1960–1963 гг.) по теме диссертации я ознакомился с учебными программами классической гимназии, реальных училищ, русско-туземных дву-и-четырехклассных мектебов, церковно-приходских школ и духовных медресе. Это было интересно и поучительно. И в старых дореволюционных школах учились не просто «чему-нибудь и как-нибудь», а довольно серьезно и основательно. Ученики и шакирды тех учебных заведений в большинстве своем обретали в поте лица знания, необходимые в жизни, а не валяли дурака и не гоняли балду. То же можно сказать и о бухарских медресе. Там не только занимались постылой зубрежкой.

Именно в те годы я прочитал роман Садриддина Айни «Бухара» в переводе с таджикского Сергея Бородина. Вот что я прочел в этом романе:

«В бухарских медресе проходили арабский язык – морфологию и синтаксис, логику, риторику, естественные науки в богословском понимании, правила омовения, поста, похорон, паломничества в Мекку, зякет, порядок купли и продажи, правила рабовладения и освобождения рабов, правила брака и развода и тому подобные установления шариата, знание которых было необходимо при религиозной или государственной деятельности».

Учились в медресе 19 лет. Бухара считалась центром богословия не только для мусульман Средней Азии, но и среди башкир, татар, дагестанцев и за пределами СССР.

«Восемь лет ученик тратил на усвоение арабской грамматики».

Айни язвительно описывает методику обучения. То, что можно было усвоить за час, долдонили восемь часов.

Я довольно сдержанно отношусь и к нынешним программам, и учебникам, и методике преподавания. Что меня в основном тревожит? То, что все эти учебные компоненты отвращают учащихся от самостоятельного мышления. Пошла тенденция идти по легкому пути: тыкать пальцами по методу ЕНТ, обводить кружочками предположительно правильные подсказки в опросной анкете, сдувать, скачивать из Интернета какие-то тексты, совершенно не вникая в смысл. А это ведь хуже механической зубрежки. Это ведет к откровенному тупизму. Вырастает безмозглое поколение. Раньше казахи говорили: учиться – все равно что иголкой выкопать колодец. Нынче этот постулат не срабатывает. Учатся понарошке, для отвода глаз, на дурняках, обманывая себя и других, лишь бы заработать оценку, раздобыть любой ценой аттестат, диплом, сертификат. А в голове при этом ветер гуляет.

Явно что-то не так. Это я говорю как педагог по базовому образованию, как методист по преподаванию русского языка и литературы.

* * *

Шымкентская трагедия в канун Нового (наступающего 2013 года) всех ошеломил. Авиакатастрофа, повлекшая за собой гибель 27 человек, потрясла Казахстан, ввергла в оторопь. Какие люди, какие кадры, какой многонациональный состав. Страшное горе!

Президент объявил день 27 декабря национальным трауром.

Я смотрел по ТВ митинг в разных городах страны, слушал воспоминания, слова утешения, скорби, сочувствия, соболезнования. В большинстве жалкие и пустые, ненужные в таких случаях. «Значит, такова была воля Аллаха. Значит, и небесам понадобились хорошие люди». «Что ж... будем крепки, как сталь». «Пусть благоденствуют потомки погибших». «Да не повторится больше такое».

В такой вот тональности утешают люди скорбящих и себя.

Как такое могло случиться?

Депутат Мажилиса, герой-афганец Ертаев, выступая по ТВ, произнес запомнившуюся фразу: «Во всем нужна дисциплина».

(Потом уже в газетах слова Ертаева были воспроизведены без этой фразы. Намек, видно, где-то, кому-то не понравился). А меня эта мысль заставила задуматься. Выходит, с дисциплиной у нас как раз напряженка.

Вообще-то ныне как-то много произошло жутких событий. Именно в структуре пограничной службы, по части КГБ.

Напрашивается вывод: здесь одно из самых слабых звеньев в государственной машине. В делах пограничных, похоже, все обстоит наиболее швах.

Катаклизмы, которые в 2012 году произошли во всем мире – в США, Европе, в России, в Китае, Казахстане, – можно, пожалуй, объяснить разными факторами, в т.ч. и пресловутым концом света по древнему календарю майя, и високосным годом, который по поверьям народов несет с собой циклические пакости и несчастья, и всеобщим мифическим карачуном, нависшим над человечеством, над Вселенной.

Но, чудится мне, беды, выпавшие на долю казахстанцев в этом году, объясняются еще и неким субъективным фактором – зауалом, местью, расплатой, наказанием за очевидные грехи властей.

В чем я их вижу?

В неуемном хвастовстве-даракианстве, в самоупоении и самодовольстве, в безмерном бахвальстве мнимыми успехами и достижениями, в неумеренных показушных мероприятиях, в акординских форумах, пустозвонных шоу и тоях, надуманных планах-громадье, в откровенных дурачествах, трепливых речах и блудливых заявлениях.

Даром это не проходит. Мировой опыт истории о том свидетельствует. Расплата неминуема. Спесь наказуема. Хваленая байская дочь непременно опозорится, нечаянно испортив воздух при всем честном народе. Где-то в высоких сферах ведется строгий учет праведным и неправедным делам. И даже елейный треп по «Хабару» рано или поздно отзовется черным лихом для народа.

Мистика? Праздная выдумка?

Как бы не так!

Народ исстари знает: «Хвастовство обернется позором»; «За долгим смехом последует горькие слезы»; «кто вознесся до небес, окажется в ловушке»; «Асканға бір тоскан».

Это нравственный постулат никто не отменял. Загляните в «Библию», в «Коран», в другие священные книги.

И что? Я усматриваю в этом некую логическую связь? Какую-то магическую закономерность?

Усматриваю!

Все эти формулы, шоу, тои, веселья, юбилеи, надуманные карнавалы, забываемые напрочь уже на следующий день, расхолаживают общество, размывают его основу, настраивают граждан на безответственность, на разгильдяйство, на безделье, реальность воспринимается в чаде сплошных оргий паразитирующей верхушки, в нескончаемом безумии, в күнде ойын, күнде той, все происходит под барабанным боем: «Гуляй, Вася!», «Мы впереди всех!», «Мы всех заткнули за пояс!», «Нашими успехами изумлена вся планете!»; «Казахстан – центр мировой цивилизации!», «Уай, де! Ойдойт!».

Подобный пир ведет к ослеплении, к потере разума, душевной бдительности, чувства реальности, всеобщей дисциплины, о которой упомянул славный воин Ертаев.

Пора опомниться! Ей-ей пора! Иначе нас подкараулят, подстерегут новые беды, новые испытания.

Я не мистик. Не фантаст. Не сәуегей-предсказатель. Но твердо знаю по своему жизненному опыту: ликуй, ликуй, макушкой упирайся в небо, но разум не теряй. Пыль в глаза не пускай. Почем зря не трепись! Не обманывай ни себя, ни других. Не кичись. Боком выйдет. Не срамись. Родился воробьем – не ходи куропаткой: ножки поломаешь. Совет предков: арық сөйлеп, семіз шық!

* * *

Не выходит из головы ранняя кончина поэта, публициста, геральдиста, радетеля национальной культуры Ербола Шаймерденова. Я его знавал более тридцати лет, а ушел он в 59. Ко мне он был

неизменно чуток, внимателен, искренне привязан. Дарил свои книги, позванивал, сопровождал меня в мои юбилейные дни в Северный Казахстан. И я писал о нем. Приятный, скромный, славный в общении, открытый был человек. И служил на всех постах честно и надежно.

Что меня в скорбные дни особенно поразило – это короткий век его однокурсников. Из прощального слова одного из них я узнал, что четверть его университетских товарищей уже обитает в иных пределах, а у остальных серьезные проблемы с сердцем. А ведь они только на подступах шестидесятилетия. Такова судьба поколения переходного периода! Так что мне жаловаться грешно. Скриплю – и ладно. Я же тихо-тихо приближаюсь к восьмидесяти, а еще шебуршу и даже пером шкрябаю. Есть еще какой-то қыбыр-жыбыр. Тәуба, тәуба!..

* * *

Прислал мне Мухтар Кул-Мухаммед щедрый подарок – интересную, компактную штучку под названием «Айпад». Наворочена в ней уйма всякой компьютерной всячины. Все программы я вряд ли когда-нибудь освою. Но кое-что меня забавляет. В программу «Библиотека» Мухтар «загнал» 3600 (!) книг. Их за оставшуюся жизнь я не прочту. Да и не надо. Однако, из этого раздела я уже пролистал несколько неведомых мне книг (Тургенев, Толстой, Блок). Каждый вечер вот уже месяц по часу читаю дневник и записные книжки Льва Николаевича Толстого 1909 года – накануне его кончины. Очень интересно и поучительно следить за исповедальными рассуждениями гениального старца. Особенно много и настойчиво он размышляет о Боге, о Любви, о нравственности, о сути жизни, о смерти, о прочитанном и проделанном. Его суждения меня волнуют, заставляют заглядывать в свою душу, оглядываться назад: ведь Толстой, когда он делал эти сокровенные записи, был всего лишь на три года старше меня, нынешнего. Так что есть над чем размышлять и с кого брать посильный пример. Приведу здесь

несколько осколков (по-немецки: Splitter) из потока сознания великого писателя:

«Удивительно, как мало человек пользуется своим разумом».

«...художественное не идет. И не надо».

«Читал Канта. Религия только в пределах разума. Очень близко мне».

«Нынче ничего не писал. Только перечитывал Конфуция».

«Отвратителен эгоизм телесный и нет ничего выше эгоизма духовного, перенесения своего сознания в духовное, вечное, всемирное я».

«Бог не в храмах, не в изображениях, не в словах, не в таинствах, не в делах человеческих, а в человеке, в самом человеке».

«Тело мое болеет и умирает; душа не болеет и не умирает. Душа это Бог, живущий в моем теле».

«Когда человек один, ему легко быть хорошим. Только сойдись с другими – и он становится дурен».

Остановлюсь, пожалуй. Дневники Толстого следует почаще читать. Задумаешься. О многом. И о себе в том числе.

* * *

Должно быть, я что-то не понимаю и, видимо, неправ. Но меня смущает, что орден «Барыс» (по-русски: барс) имеет три степени. Вот в 2012 году писателя Шерхана Муртазу наградили орденом «Барыс» первой степени, а писателя Какимбека Салыкова и Султана Оразалинова – «Барысом» третьей степени.

Первую степень я воспринимаю так: это настоящий, полноценный барс; а вторая степень это кто? Кошка? Тогда третья степень барса, получается, мышь?

Странно как-то.

То же и с орденом «Достык» («Дружба»). Первая степень, надо полагать, настоящая дружба. А вторая степень что? Дружба второсортная? Наполовину? Так себе?

Не пойму.

И почему седовласый, престарелый акын Какимбек, получив барса третьего разряда, с таким гордым видом встал при фотографировании в первый ряд по правую руку Президента? Или ему все равно, какой «сөлкебай» прицепили к пиджаку?

* * *

О Гёте я кое-что знаю. И жизнь веймарского гения-олимпийца, и многогранное, многотомное его творчество, полагаю, в немалой степени мне знакомы. О Гете написаны тысячи и тысячи книг, статей, исследований, диссертаций, предисловий и послесловий, эссе т докладов. Горы! Монблан! Он и поныне волнует умы во всем мире. Гете – океан. И гетеведение – океан. Я лично в том убедился, когда работал над своими книжками «Созвучие», «Гете и Абай», «Земные избранники». Гете стал божеством. Символом германского Духа.

Писатель Калмухан Исабай, побывавший в бытности ГДР во всех гетевских местах, рассказывал мне, что всюду попадались ему на глаза мемориальные доски с надписями: «Здесь бывал Гете», «Здесь останавливался Гете», «Здесь в таком-то году проезжал Гете», «В этом доме ночевал Гете», «Здесь Гете ужинал в кругу друзей», и даже: «А в этом доме Гете никогда не бывал».

И мне порой чудилось: все, что мало-мальски, прямо или косвенно связано с именем Гете, изучено вдоль и поперек, исследовано, описано, «ощипано», оговорено, пересказано, перемолото.

Ан нет! Все еще встречаются некие белые пятна.

Вот, к примеру, недавно узнал из «Moskauer Deutsche Zeitung» (№ 21 за 2012 год), что в Доме Гете во Франкфурте-на-Майне организована выставка «Гёте и деньги». Такого ракурса в мировом гетеведении я и не предполагал. Думал, до такой меркантильности человек вселенского Духа, породившего трагедию «Фауст», ни за что не опустится. Оказалось, Гете был мастак и по части финансов и экономики. Выставка отвечает на любопытные вопросы. На что Гете тратил свои деньги? Почему он причислял к своим друзьям

так много банкиров? Чем его увлекали экономические теории Адама Смита?

Автор заметки в названной газете пишет: «На выставке прослеживаются затейливые переплетения как будто совсем разнородных категорий – деньги и дух, искусство и коммерция. Но Гете находил ив этих парадоксах особые смыслы и не мог снисходительно пренебречь ничем из этого ряда».

Уму непостижимо. Но таков всеохватный Гете.

«Гете всегда имел ясное представление о собственном финансовом положении», – пишет корреспондент «MDZ». Оказывается, в своем завещании Гете оценивал свое состояние в 63 000 талеров. Судя по записям, домашние расходы составили 350 000 талеров. А гонораров за всю жизнь он получил 160000 талеров; его министерское жалование составило 120 000 талеров.

Не могу знать, что из себя представлял талер и в какой степени он соотносим, скажем, с нынешним курсом доллара или евро... Думаю, однако, каким бы гением и прагматистом Гете ни был, он все равно по части личных финансов уступал многим современным нуворишам. Но сама выставка «Гете и деньги», несомненно, любопытна и поучительна.

* * *

Ну, вот и он, всеобщий любимец, высокородный и разноодаренный, славный и мудрый азамат народа, преодолев семь крутых перевалов и взобравшись на вершину горы, откуда открываются неоглядные просторы, тихо, скромно отмечает свой юбилей.

Родился он 1 января 1943 года. Родители его – выдающиеся личности. И сам он всеми признанная, незаурядная личность. И по возрасту он пережил своего гениального отца. Тәуба, тәуба! Судьба его закалила, испытала, щедро одарила талантами, обласкала и вознесла на гребень славы.

Он из разряда избранников земли.

Шикарную книжку издал о нем наш таджикский собрат Сафар Абдулло. В сборник вошли 25 статей, эссе, воспоминаний – искренних, проникновенных, исповедальных, сплетенных из слов, идущих от души, от сердца.

Читаю эту книжку, названную «Человек культуры» (ИД «Библиотека Олжаса», 2012) и испытываю гордость за своего современника, за младшего собрата по перу.

Такие феноменальные личности украшают жизнь и наполняют смыслом наше бытование на земле.

Я говорю о Мурате Мухтаровиче Ауэзове.

31.12.12

* * *

Не люблю глазеть в телеящик. Меня это угнетает и унижает. По нему нагло и нахально навязывают такую дребедень и чушь, что чертям тошно. А назойливая поминутная реклама самого покладистого доведет до белого каления.

А эстрада? Ойбай, о нем лучше и вовсе не говорить. Одни и те же постылые физиономии, плоские шутки, натуженный смех, судороги-конвульсии, камлания, дурновкусие, потакание низменным инстинктам.

В новогоднюю ночь от тягостной скуки набрел невзначай на казахские программы. Ну, и что я увидел? В аляповатом-алабажакском платье выскочила на сцену популярная певица, промышляющая на тоях-свадьбах, закружилась-запорхала, несмотря на возраст байбише, вокруг нее замелькали какие-то уродливые тени, долго-долго тянулся примитивный мотивчик; потом «шутковали» некие нарумяненные келиншеки, строили гримасы и ужимки, и тут выплыла еще одна хорошо упитанная перестарка в пространном зеленом балахоне и вибрирующим грудным голосом спела нечто скорбное, душещипательное; потом подергалась, не в такт подплясывая, какие-то джигиты, нудно повторяя один и тот же убогий

рефрен. Потом потоком полилось и вовсе нечто мутное, тягомотное. Я вспомнил статью моего младшего друга, кинорежиссера: «Эта хрень у нас песней зовется».

И тут я в сотый раз вынужден говорить о том, что губит наше искусство и казахскую эстраду в частности. Называется это лихо под-ра-жа-тель-ством. Прямо беда! Копируют бездарно дурные западные образцы, просачивающиеся из африканского континента. Скверно подражают русским, московским тусовкам. Слепо. Безмерно. По-обезьяньи. Бестолково. Навязывают, тиражируют дурнину, чуждую казахской природе. Кривляются, дергаются, неуверенно перебирают ножками, будто только что перерезали детские путы, размахивают руками, словно только что сняли гипс после перелома. Вокруг безголосого певца или певуньи, громко именуемые звездами, кружится-порхает табунок девиц, и песни эти тянутся, как тонкая баранья кишка.

Как талантливые, самобытные казахи могли докатиться до такого безликого уровня?! Как можно было так оторваться от глубоких своих национальных корней?! Почему, обретя независимость, казахи стали довольствоваться прокисшей сывороткой?

Желание казаться ультрасовременным, шагать в ногу с передовой культурой, быть непременно не хуже других, старание любой ценой кого-то удивить, то есть самое заурядное и откровенное подражательство губит все истинно национальное, природное, естественное и разжижает, размывает подлинное искусство, доводя его до псевдо-масскультуры. А зачем надо было безголосым и неуклюжим, слишком уж перезрелым бывшим и нынешним депутатам мажилиса публично демонстрировать свою немощную имитацию?

Ах, досада! Тоска зеленая! Еле досидел до того времени, пока не распахнулись богатые декорированные ворота и не показался в створе в ладном костюме и ярком галстуке наш саруар. И я поймал себя на мыли, что эти раздвигающиеся торжественные ворота я тоже уже где-то видел...

* * *

Очень жалею теперь, что при жизни Дмитрия Федоровича Снегина слишком мало с ним общался, хотя обстоятельства благоприятствовали. Ко мне он был ласков и внимателен, а я смущался, робел перед ним. Видная, колоритная личность, бывалый человек, признанный писатель, поэт, доблестный воин, Гражданин высокого полета. К тому же старше меня на 22 года, почти ровесник моему отцу. Были мы с ним четыре недели в Пицунде, в творческом Доме, встречались довольно часто в Союзе писателей Казахстана, бывали вместе на разных высоких сборах и приемах, я навещал его несколько раз дома, провожал его домой после разных собраний-совещаний.

И все же я его знал явно маловато.

Об этом и подумал с сожалением, прочитав исповедальный очерк Любови Шашковой в «Просторе» (№ 11 за 2012 год).

Зацепила одна деталь. Рассуждая о художнике Евгение Сидоркине, о его иллюстрациях к Салтыкову-Щедрину, Дмитрий Федорович говорил: «...он почувствовал время. В России ли, в Казахстане, на Украине – время грядет смутное. Время чиновников, обманщиков, жуликов. То, что обнажилось сейчас. Вот это его подвигло, на мой взгляд, обратиться к Щедрину. Он как бы поспешил предупредить и себя, и современников: братцы, поглядите, оглянитесь вокруг. Вы видите их? Вот они уже ходят – глупцовы – по проспекту... Коммунистическому. Вот это, бесспорно, я думаю, свело его безвременно, помогло его болезням. Художники – страшно чувствительные люди».

Вот о чем-то речь. «Время грядет смутное». Точно и емко сформулировано. Сидоркин это предвидел. И светлый человек, патриот Отечества – тоже.

С этим ощущением и я живу в последнее время, несмотря на громкогласное бахвальство доморощенных временщиков. И меня смущает то, что казахские «зиялы» не бьют в колокола тревоги, в походные дауылпазы. То ли не ощущают опасностей, то ли не чувствуют тяжелую поступь смутного времени. Мотивы тревожной

смуты я улавливаю лишь в поэтических строках Темирхана Медетбека, Иран-Гаипа, Софы Сматаева. У других крайне спорадически. Большинство жарапазаншы-писаки бухают в литавры даракианства, стараясь угодить власть предержащим. Не может быть, чтобы они не чувствовали «время чиновников, обманщиков, жуликов», о котором упоминал в беседе с Шашковой прозорливый Дмитрий Федорович. Казахи говорят: слепец и верблюда не увидит. Самая подлая позиция – ничего не видеть и не слышать вокруг. «Знаю» – много слов, «не знаю» – одно лишь слово. Не знаю – и баста. Какой, мол, с меня спрос?

* * *

Притча называется «Дед и внуки». Чем-то очень знакомым привлекла она мое внимание

«Жил некогда один старик. Больше всего любил он рассказывать внукам сказки. Но не простые сказки! Еще чего не хватало! Дед любил рассказывать национальные сказки. Из всех сказок чаще других он рассказывал сказку о Великой национальной державе. Внуки слушали его с открытыми ртами».

Хм-м... Любопытно. И я вроде знаю подобных дедов. Некоторые из них приходятся моими ровесниками. Так, что же дальше-то получилось? Читаю:

«Однажды одержимые детской мечтой внуки решили создать Великую национальную державу. Но поскольку не знали, как это делается, то позвали дедушку, чтобы он помог им. Дедушка порядком намучился, но Великую национальную державу ему создать не удалось».

Оу, да я ведь, похоже, знаю этих внуков. Они давно резвятся у государственного корыта. Пасутся на тучных джайляу. Бедный дедушка! Как же он вышел из щепетильного положения?

«Однако это всего лишь сказка», – сказал обессилевший дедушка. Внуки тогда сильно разгневались и прогнали дедушку, а Великую национальную державу попытались создать сами. «Как вам не

стыдно, негодные дети» – сказал им дедушка. И с тех пор никогда больше не рассказывал сказки.

А внуки?

Внуки, настырные, как все дети, всё пытаются, стараются, пробуют...»

Вот и вся притча. Я ее трижды прочитал и задумался. А написал ее сербский писатель Слободан Симич. Опубликовал ее журнал «Простор» (№ 11 за 2012 г.) в переводе Кайрата Бакбергенова.

Притча мне так понравилась, что я прочел и другие притчи сербского писателя из цикла «Притча без морали».

* * *

У карагандинки Дарии Джумагельдиновой вышла в 2012 году книжка под названием «Юмористические рассказы». Она талантливая женщина, мать, между прочим, пятерых детей, экономист по образованию, пишет занимательные детские книжки и короткие поучительные рассказы для взрослых, активно участвует в разных литературных конкурсах. Я давно обратил на нее внимание, а к последней ее веселой книжке написал предисловие.

Пишет Дария очень просто, доступно, доверительно и увлекательно. С подтекстом. С лукавинкой. Вот рассказец «Я хочу, чтобы меня любили». Привожу полностью, без комментариев и купюр.

«Почему в нашей стране казахстанцы не любят друг друга? Придешь в магазин в потрепанной шубке, а продавец в упор тебя не видит. На приеме врач предлагает дорогие лекарства, которые из гроба вытащат. Если будешь отказываться, он скажет: «Вы сами виноваты, что к вам болезни липнут. Ваш диагноз – бедность, он неизлечим». Дантист предложит выдрать оставшиеся зубы, почувствовав вашу неплатежеспособность. Парикмахер так волосы обкорнает, что знакомые спрашивают: «Не тифом ли ты заболела?»

На последние деньги обувь в магазине купишь. А там висит объявление: «Товар возврату и обмену не принадлежит». Домой принесешь, то подошва отвалится, то верх скукожится, и никто

ответственности не несет! Так и варишься в собственном соку, и пожаловаться некому, и заступиться за тебя некому.

Вот тут-то начнешь завидовать американцам. Америка любит своих граждан, если что, и войну объявить может, от любой ответственности оградит.

А я человек мирный, мне немного надо: чтобы продавец вежливо обслужил, врач на приеме не в кошелек смотрел, а лечил и парикмахер чучело из меня не делал. Везде чтобы висели объявления, где бы защищались мои права, а не спекулянта.

Если товар некачественный, то закон о защите моих прав пусть поможет вернуть мне мои деньги. Если государство защитит меня, мое достоинство, мою честь, то никто меня обижать не будет. А я американцам перестану завидовать!»

Что тут добавишь? В такой любви нуждаемся все мы. А рассказы Дарии хороши, не в бровь, а в глаз. Жаль, что тираж мизерный.

* * *

Я давно убедился: многие из тех, что взобрались высоко, думают так же, как и я, только не умеют или не смеют высказать то же.

* * *

Лев Гумилев: «Победы бывает так же гибельны, как и поражения».

Верно. Тому находим массу примеров в истории. Боюсь, что и наши доморощенные успехи и достижения сродни поражению. Только мы не хотим это признать. До поры, до времени.

* * *

Очень ёмко высказался о Казахстане Иосиф Брейдо.

– Богаче в этом мире есть страна едва ли:
Веками тащат, но еще не все украли.

Метко сказано и это:

– Достоинство сейчас не атрибут культуры,
Но самый главный признак денежной купюры.

* * *

Хоронят со всеми воинскими почестями полковника-пограничника, погибшего вместе с женой и еще 25-ью коллегами в авиакатастрофе под Шымкентом. На траурном митинге в Алматы выступает Сам Большой Нашандык этого ведомства, приехавший из столицы. Маловыразительно читает по бумажке. Бубнит жалкие, стертые, дряблые слова. Вслед за ним подходит к микрофону еще Некто из высоких чинов и тоже что-то долдонит по бумажке.

Постыдное, возмутительное зрелище!

Будто брежневские времена вернулись. Чиновничья душа, чиновничьи слова. Неужели не могли сказать несколько человеческих слов сочувствия и сострадания?

О, маубасы! Позорники!

* * *

Думал о себе и пришел к заключению, что крупных пакостей я в жизни не совершал. Не припомню. Говорю, как на духу. Мелкие глупости в разные периоды жизни наверняка случились. Вспоминаю – уши горят. Что-то ляпнул невпопад, некстати, кого-то невзначай обидел, может, поступал легковесно или занесло в запальчивости. Было... Но руководствовался я всегда своей совестью. Нравственно меня шлифовали родители, добрые немецкие порядки. Взрослея, контролировал себя сам. И держал себя в рамках, как бы тягостно порой не бывало.

И все же до чего-то не дошел. Ну, например, до всепрощения. Прощать всех своих обидчиков не могу. Могу промолчать, пройти мимо, не ввязываться в свару. Но заступиться за своих обидчиков – выше моих сил. Уверен, что моим обидчикам рано или поздно воздастся. И это, по моим убеждениям, человечески справедливо. Иначе говоря, до человеческой справедливости я нравственно дорос.

Но есть, сказывают, еще божественная правда. Мне она недоступна. Может быть, пока. Ведь по своему мировосприятию я атеист. Так воспитан. Так сложилось. По левой щеке меня ударяли. И люди, и судьба, и власть предержащие. Но это не значит, что я был готов представить для удара правую щеку. Это просто выше моего сознания. Непротивление злу насилием я могу понять умом, но не сердцем. А коли так, божественная правда, как бы я ни старался, не для меня. Возможно, поэтому мне никогда не стать совершенным человеком.

И еще уверяют меня, что божественная правда приводит к высшему Добру, а человеческая правда якобы клонится ко Злу. Моему разуму и разумению и это непонятно. Душа такую истину не приемлет.

Каюсь...

* * *

Настоящее его имя было Хан Дэ Ён. Так он фигурировал в писательских справочниках. Но мы, коллеги, все называли его Хан Дин. И он себя так называл. Его все любили. И казахи обращались к нему учтиво на свой лад – Ханеке. На редкость милый, симпатичный был человек. Улыбчивый, тихий, скромный, стеснительный, доброжелательный. В Союз писателей Казахстана мы пришли примерно в одно время. Я возглавлял Совет по немецкой литературе, он – по корейской. Печали и заботы наши были схожи. Я часто навещал его в рабочем кабинете, слушал его своеобразную, с неистребимым акцентом русскую речь, узнавал кое-какие детали из его драматической и трагической биографии, листал какие-то фолианты с корейскими иероглифами, пухлые словари, удивляясь тому, как он в них разбирался. Моему разумению это было недоступно.

Я с детства тянулся к эмигрантам и изгоям. Люди, лишенные воли и прав, встречались мне в военное и послевоенное время едва ли в каждом казахском ауле. Вплоть до конца 1956 года. И даже позже. А те, кто находились под надзором, не имели паспорта и

регулярно «отмечались» в милиции, были моими братьями. Я и испытывал к щуплому, немного загадочному, порывистому, с налетом неприкаянности корейцу Ханеке братские чувства. Он был старше меня всего на три года.

В начале 90-х годов мне позвонили и сообщили о кончине Хан Дина. Меня эта весть ошеломила. Я тотчас отправился в Корейский драмтеатр на панихиду. Ветхое здание театра находилось на ремонте, и гроб с телом Хан Дина выставили в убогом, затхлом боковом помещении. Народу собралось немного. Я постоял с незнакомыми людьми у гроба, плохо соображая, что милый Ханеке ушел навсегда. Тут подъехали Олжас Сулейменов (он, замечу, очень тепло относился к Хан Дину, который, кстати, Олжаса просто обожал) и Калдарбек Найманбаев, и я вместе с ними встал в почетный караул второй раз. Потом подошли к убитой горем русской женщине, приобняли ее и промямлили ненужные в таких случаях жалкие и пустые слова.

Хан Дин особенно тесно дружил с уйгурским писателем Хизметом Абдуллиным. Я их помню неразлучными в писательском десанте в Москве и Подмосковье по поводу добровольного присоединения Казахстана к России. Было такое торжественное, помпезное мероприятие. Помню, как в ненастный, сырой день мы, казахская делегация, месили вязкую грязь на Бородинском поле. И Хизмет, и Ханеке, поддерживая друг друга – один массивный, плотный, другой щуплый, поджарый – плелись в конце делегации и дружно ругали по-уйгурски, по-корейски, по-русски и Чингис-хана, и Мамая, и Наполеона, дескать, нашли тоже место для сражения... Охота им было подмосковную грязь месить. На обратном пути после посещения районного захудалого ресторанчика они в обнимку уселись на заднее сидение несуразно огромного автобуса и, похихикивая, говорили о женщинах. Да так увлеклись, с забавным русским акцентом, будто больше и не о чем было говорить в этот беспросветно дождливый день.

Светлый и по-юношески целомудренный был человек наш Ханеке!

В прошлом (2011) году ему было бы 80 лет. Его помнят и в Корее, и на Алтае, и в Москве, и в Казахстане. Вернуться на родину он не мог: учась в Москве, он попросил политическое убежище.

Я с теплотой вспомнил о нем, прочитав в «Просторе» (№ 12 за 2012 г.) проникновенные статью и стихи Любови Шашковой, эссе Геннадия Доронина и блистательный рассказ Лаврентия Сона.

А сам Хан Дин был плодотворным драматургом (19 оригинальных пьес), прозаиком (рассказы, повести) и переводчиком 14 пьес зарубежных драматургов.

Досадно, что все меньше остается людей, помнящих его.

Я – помню.

* * *

Среди русских писателей было немало пророков-провидцев: Гоголь, Лермонтов, Достоевский, Булгаков, Платонов, Солженицын. Называю тех, кто сразу же пришел на ум.

Кого же среди казахских писателей позволительно называть пророками-провидцами? Кого-то из жырау-сказителей... Абая... Кого еще? Негусто.

* * *

Не пишется. Значит, так надо. Нет душевной гармонии. В голове сумбур. Главное: не насиловать себя почем зря. Когда-то Нурпеисов внушал мне: «Бір күні қынсылап өзі шығады». Писателю нужно мужество всегда. Особенно в пору невезения. И мужество это – терпение. Нет терпения – гибель.

* * *

Татьяна Фроловская, поэт, переводчик, эссеист, знакома мне и как самый глубокий знаток объемного творчества выдающегося историка и философа Льва Николаевича Гумилева в Казахстане, а, скорее всего, во всем СНГ. Я же имею лишь поверхностное представление о его популярных трудах. В том отчасти виноват мой покойный коллега и друг Морис Давидович Симашко, которому

история Востока и у́же Средней Азии тоже не была чуждой. Так вот, Морис постоянно внушал мне, что к теориям Гумилева следует отнестись сдержанно, а то и критично, что какие-то его мысли недостаточно научны и потому неприемлемы, особенно те, что касаются древних хазар. К хазарам Симашко был неравнодушен и роль их в истории явно преувеличивал. Да и теория пассионарности во всех аспектах и фазах, по мнению Симашко, была определенно надуманна.

Так говорил Морис Симашко.

Спорить с Симашко по этой части я не мог. Он оглушал меня диковинными восточными именами и датами, походами, войнами, набегами разных султанов, ханов, беков, батыров, головорезов, предводителями разных кланов, улусов, политическими раскладками и этническими переплетениями. Да и сейчас не мог бы спорить из-за слабости аргументов.

А вот Татьяна Леонидовна, чувствую, могла бы поспорить с горячим и своенравным оппонентом в лице Мориса Давидовича.

Так мне показалось, когда я прочел сокращенную цитацию (извлечения) из произведений Льва Гумилева, составленную Фроловской и опубликованную в № 12 «Простора» за 2012 год.

Оригинальный жанр придумала Татьяна Фроловская. Отрывки из трудов Л.Н.Гумилева она расположила по дням високосного 2012 года (366 дней) и издала юбилейную книгу по годовому кругу, названную «Памятный календарь. Так говорил Гумилев».

Фрагменты эти я прочитал с огромным интересом и удовольствием. К каким-то мыслям Льва Гумилева привлеку внимание и читателей моего «Плетения чепухи».

...«Иди к нам, ты нам подходишь» – так отбирали викинги юношей для своих походов.

...Так же поступили и первые мусульмане, они требовали от всех признания веры ислама, но при этом в свои ряды старались зачислить людей, которые им подходили.... Арабы, как мы уже знаем, стали брать всех и за это заплатили очень дорого, потому что, как только в состав мусульман попали лицемерные мусульмане,

те, которым, в общем, было абсолютно безразлично, один бог или тысяча, а важны выгода, доходы и деньги, они и пришли к власти» (стр. 99 журнала).

От себя: не кажется ли вам, любезные читатели, что нам уж больно знакомы эти лицемерные мусульмане и по нынешним временам? Те же повадки и те же, в сущности, результаты...

«Спрашивается, почему богатая сильная страна становится жертвой нищего завоевателя? Очевидно, у захватчиков был какой-то дополнительный импульс. Теперь же мы его знаем – это пассионарность» (стр. 101).

«Совместная жизнь сплотила руссов и славян в единый этнос, хотя процесс взаимной ассимиляции был нелегким и занял более ста лет, весьма беспокойных, так как соседями славянороссов были хитрые хазары и хищные варяги» (стр. 102).

«Было только одно законодательство, в котором эта этика записана и уцелела, – это Яса Чингисхана. Она сохранилась, переведена с персидского языка на русский. Там примерно три четверти законов направлены на наказание людей, не оказавших помощи товарищу. Например, если монгол едет по степи и встречает того, кто хочет пить, и не даст ему напиться – смертная казнь; если он едет в строю и товарищ едущий впереди, уронил колчан со стрелами, ну, случайно оборвалось, и задний не поднял и не отдал – смертная казнь; в мягких случаях – ссылка в Сибирь (монголы тоже ссылали в Сибирь).

Эта этика существует и по сию пору в качестве реликтовых форм» (стр. 105).

«Избыток пассионарности также вреден, как и недостаток ее» (стр. 106).

«Постоянная война была менее губительна, чем утонченная роскошь» (стр. 110)

«Наша пассионарность оказалась выше немецкой» (стр. 114).

«(в стадии обскурации) Всякий рост становится явлением одиозным, трудолюбие подвергается осмеянию, интеллектуальные радости вызывают ярость. В искусстве идет снижение стиля, в науке оригинальные работы вытесняются компиляциями, в общественной жизни узаконивается коррупция, в армии солдаты держат в покорности офицеров и полководцев, угрожая им мятежами. Все продажно, никому нельзя верить, ни на кого нельзя положиться, и для того, чтобы властвовать, правитель должен применять тактику разбойничьего атамана: подозревать, выслеживать и убивать своих соратников.

Порядок, устанавливаемый в этой стадии, которую мы называем фазой обскурации – омрачения или затухания, нельзя считать демократическим» (стр. 125).

Прошу читателя немного сосредоточиться и прочесть этот фрагмент внимательно, раза два-три, вникнуть в его суть, в явные признаки упадка в обществе и спроецировать их на нашу отечественную современную реальность. И не придем ли мы к выводу, что и наша доморощенная пассионарность переживает фазу обскурации, то есть омрачения или затухания.

Так или все же не так? Дай бог!

Цитаты из многотомных исследований Гумилева, расположенные по дням года (удивительно эффектная конструкция!), завершают краткие биографические сведения ученого, которые также впечатляют читателя.

Горячо рекомендую.

* * *

...И все-таки тех, кто промышляет обработкой подстрочников с любого языка, лишь условно можно назвать переводчиками. Старательный труд их я могу уважать, почитать, даже восторгаться им, но считать это переводом ну, никак невозможно. Просто слишком это неточно. Переводчик все же тот, кто перелагает текст с языка на язык. Допускаю, он коряво тяп-ляп перелагает, даже неточно, поверхностно, не передает душу оригинала, не вникает в разные

нюансы, но он все же пе-ре-во-дит с одного языка на другой, переводит произведение с одного берега на другой. А тот, кто, с позволения сказать, переводит по подстрочнику, по заготовке, по основе, сотворенной кем-то, должен называться по-иному: обработчиком, правщиком, литературным редактором, стилистом, оформителем, толковником, украшателем, донором – кем угодно, но только не переводчиком. Он ведь языка не знает, иноязычную стихию не чувствует, ментальность народа ему чужда, история зачастую темный лес (ему что казах, что дагестанец, что шуршут – бәрібір), он глух и слеп, без поводыря-подстрочника, без надежного посоха и шагу не ступит, он лишь по наитию, на свой страх и риск перелагает, перекраивает чей-то текст на свой салтык. Чаще всего, если он порядочный литератор, он улучшает оригинал, доводит его до более высокой, качественной кондиции, но это еще не дает право называть себя переводчиком. Немало прекрасных, признанных русских писателей художественно оформляют казахские прозаические произведения: Ю.Казаков, Ан. Ким, Вл. Солоухин. Честь и хвала им! Я их работы не однажды оценивал высоко. И все же меня коробит, когда их представляют переводчиками. Ну, какие же они переводчики, если, не зная языка оригинала, они вышивают свои узоры по чужой канве? Ну, назови их тогда обработчиками или литературными правщиками. Ведь ничего обидного в том нет. А гонорар за такой труд можно законно отрегулировать, упорядочить по заслугам, определив статус и градацию.

В СССР была отличная переводческая школа. Были (наверняка и сейчас еще остались) великолепные мастера перевода с иностранных языков.

Мой кумир в этом искусстве – Соломон Апт. Его у нас при жизни так и не оценили по достоинству. Его умалчивали, порой не печатали, подвергали всяким испытаниям, не брали на работу, третировали, и он был вынужден работать в тиши, дома, отшельником. Работал упорно, настойчиво, терпеливо. И с каких языков непосредственно он переводил? С древнегреческого, латинского, немецкого, которыми владел блестяще. И русский язык знал

виртуозно, грациозно. Он переводил на русский язык Аристофана, Эсхила, Цицерона, с немецкого – Генриха и Томаса Маннов, Германа Гессе, Роберта Музиля. Представьте только: он перевел тетралогию Томаса Манна «Иосиф и его братья» (2000 страниц, ежедневно по три страницы в день в течении семи лет! Синтаксически и стилистически сложный текст!), философский роман Гессе «Игра в бисер», написал увлекательную литературоведческую книгу «Над страницами Томаса Манна», и еще переводил пьесы Бертольда Брехта, «Доктора Фауста» Т.Манна и др. Ныне (зимой 2013 г.) я перечитываю в его переводе переписку братьев Маннов и бесконечно восторгаюсь: как можно было вычурную вязь этих немецких титанов переложить, перекомпоновать на русский лад?! Сколько нужно было знать, как глубоко предстояло вникать в иноязычную стихию, сколько необходимо было труда и терпения, филологической культуры!

Соломон Апт – асс перевода, виртуоз, филолог высокой пробы. И абсолютно немыслимо было бы представить, чтобы он обрабатывал тексты на свой лад, пользуясь чьей-то основой. Ни совесть, ни честь, ни достоинство литератора это ему не позволяли бы.

Нет, нет, надо называть вещи своими именами: в русском языке для этого достаточно слов и выражений. Перевод по подстрочнику – вынужденная мера от бедности, от бишаринства, от отсутствия специалистов.

Таково мое принципиальное отношение к этому довольно запутанному вопросу.

* * *

Лев Толстой: «Говорят, не думай о смерти – и не будет смерти. Как раз наоборот. Не переставая думай о смерти – и будет жизнь, для которой нет смерти» (Из дневника 1909 г.).

* * *

Как назывался театр на Руси? Позорище! Вот-те раз! Театр – нечто возвышенное, вдохновенное, красивое, и вдруг позорище!

Неужели от слова «позорный» – постыдный, срамной, поносный? Скорее, от «зорить», «зреть», «зрелище» (Даль поясняет: более в значении неприятного, страшного или постыдного явления). У Даля же интересное слово **позирáтай** в смысле зритель, наблюдатель.

Русское слово поистине бездонно!

* * *

Вчера промелькнула мимо меня принцесса Оранская. Вот уж не думал. Эффектная дама, хотя и немного перезрелая. Она очень старается понравиться народу. А народ никак не оценит ни ее таланты, ни ее наряды. Да, насилу мил не будешь. Хоть пой, хоть пляши, хоть тресни.

* * *

Я все стараюсь предугадать основное направление казахской литературы в настоящее время. И мне никак не удается провидеть его. А, может, его, направления-то, и нету? На мой взгляд, за годы независимости (очень, кстати, условное понятие) казахская литература так и не обрела четкого очертания. В 70-80-ые годы прошлого века она была, как мне видится, направлено на ясные цели: на историческое самосознание, на большие национальные надежды, на свободолюбивые мотивы, на гражданские порывы, на поиски своего национального пути, на осуществление вековых чаяний. Это проглядывалось в исторических и остро социальных романах, в широкоохватных, многоплановых эпопеях, в поэмах-дастанах, осмыслявших прошлое и настоящее казахов, в желании пробудить сознание подавленных и угнетенных. Вспомним произведения Кекилбаева, Магауина, Жумадилова, Есенберлина, Нурпеисова, Ахтанова, Алимжанова, Дж. Мулдагалиева, К.Мурзалиева, О.Сулейменова, Досжанова и других. С достижением основной цели – независимости страны явно обозначился спад, некоторая растерянность, разброд, едва ли не застой. Оскудел исторический роман с опостылевшими ханами, беками, биями, батырами, мифи-

ческими ристалищами с джунгарами, надуманными коллизиями; поблек социальный роман, докатившись до «Ак Орды» Дукенбая и «Двадцатый век» Сабита, до убогих и пустозвонных од профессиональных аллилуйщиков-жарапазаншы. Затянулась эта темная (или серая?) полоса. Дошло до того, что госпремии давать некому и не за что. Наступила фаза обскурации (затухания, понижения) по терминологии Льва Гумилева.

На что следует (или можно) делать ставку в будущем? На осмысление и художественное отражение современного казахского бытия. То есть, в первую очередь на социальный-философский роман.

Генрих Манн на заре XX века писал: «В двадцатипятилетнем возрасте я сказал себе: необходимо писать социальные романы о современности. Немецкое общество не знает самого себя. Оно распадается на незнакомые друг другу слои, а правящий класс кажется скрытым в облаках».

Ну, не о нашем ли современном обществе это сказано?

Значит, что нужно современной казахской литературе? Социально-политический роман!

Вот на него пока что редко кто замахивается. Но, чудится мне, он вот-вот наберет силу. Общество наше достаточно сложное, и оно, как никогда, нуждается в остром и объективном социально-политическом анализе и философском осмыслении.

Ждем-с...

* * *

Перед новым 2013 годом многие журналисты из разных газет и телевизионных каналов просили меня рассказать, чем особенно запомнился мне прошедший год. Конечно, я сразу вспомнил и про ЭКСПО, и о бесчисленных астанинских показушных форумах, и о величественной программе 2050, и мало ли еще о чем, в том числе и о загадочном происшествии в «Арканкергене», и о трагических событиях в Жанаузене, и об авиакатастрофе под Шымкентом, но

об одних случаях мне не хотелось говорить (и так до одури все уши прожужжали), о других в канун Нового года интервьюеры не захотели слышать (все равно начальство не пропустит), и я главным образом сосредоточился на себе: на моем личном фронте, дескать, произошли такие-то плюсы и минусы. Тем прошедший год мне и запомнился. Ну, мои плюсы и минусы вряд ли кому были интересны.

А сказать надо было вот о чем. За 78 лет моей жизни никогда не было столько дурных и пугающих предсказаний и предположений, как в 2012-м году. Чем только не страшили: и таинственным календарем майи – концом света, и какими-то всесокрушающими цунами, и столкновением планет, и вселенским испепеляющим огнем, и жуткой тьмой, и арктической стынью, и черт знает еще чем. Некоторые всерьез готовились к глобальным катастрофам, запасались водой, едой, спичками, первой необходимостью. Мне звонили, советовали закупить побольше свеч, обрести теплую одежду, съездить срочно в Талгар, где можно по дешевке достать керогаз, примус и керосиновую лампу.

Смешно мне не было, но я и не дергался. Дело не в том, что я такой трезвый и умный. Просто, во-первых, я никогда не доверял особенно предсказателям (этим я обязан своему отцу, который убежденно не верил ни в Бога, ни в черта), во-вторых, я в таких случаях всегда вспоминаю мысль Гете, который выразился как-то в беседе с Эккерманом в том духе, что он спокоен за человечество, ибо за многие века оно накопило столько жизненной энергии и обрело такую инерцию стойкости, что ему уже ничего не грозит.

Ну, а для меня авторитетом являются не предсказатели, не гадальщики, не шарлатаны разные, а титан, гигант, глыба Иоганн Вольфганг Гёте.

* * *

Мы громогласно объявили, что стремимся войти в тридцатку передовых стран мира. Пока якобы стоим по основным показателям на 31-м месте. То есть, всего лишь в шаге от намеченной цели.

И в то же время газеты пишут, что Казахстан имеет долг перед 110 (!) странами, и долг этот тянет на 134, 9 миллиардов долларов. Апырай, и чего тогда трепаться-то?!

Помню, в бытности депутатом Верховного Совета Казахстана (1995 г. XIII-й созыв), я с группой коллег поделился своей озабоченностью по этому поводу. И Президент наш рассмеялся, удивившись нашей наивности и сказав, что весь мир живет в долгу и придет время, и все эти долги, мол, спишут. Прошло с тех пор 18 лет, долги растут, как снежный ком, мы вступили в эпоху «веселого воровства», и что-то не видно, чтобы кто-то списывал наши долги. И мне уже трудно разделить оптимизм лидера нации.

Может, я и в самом деле ничего не понимаю?

* * *

Лев Толстой записывает в своем дневнике от 1909 года: «Тяжело слышать хвалу». А у нас безудержная, безмерная, лобовая хвала стала государственной политикой и идеологией.

* * *

У Тимура Зульфикарова вычитал:
Душа иудея – это скрипка...
Душа американца – банджо...
Душа африканца – барабан...
Душа русского – балалайка...
Все верно. Но прямо-таки напрашивается:
Душа казаха – домбра...

* * *

И эта сентенция Зульфикарова мне по душе:
«Мудрость и Власть на земле – враги!..
И так будет до скончания времен, до скончания веков...
Мудрость протекает в монастырях, а власть – в кремлях...
Редко встречаются они... и на Кресте...»

* * *

Нобелевский лауреат 2012 года по литературе Мо Янь – загадка. Ничего его знаю, не читал. Только из ЛГ узнал, что он автор 11 романов, более 80 рассказов, 30 повестей, 5 сборников эссе, 2 пьесы, 9 киносценариев и переведен на десяток языков мира. И на русский язык переведен мало. Родился он в 1955 году. Наиболее популярен объемный (в 800 стр.!) роман под названием «Большая грудь, шикарный зад» (о китайской деревне). А в какой-то казахской газете прочитал, что он один из богатейших писателей.

* * *

Надрываются вороны: қар, қар, қарр. Вороны явно местные, ибо на государственном языке қар – снег.

А снег идет, идет. Мокрый, тяжелый. Не идет – валит. Жадно набрасывается всей тяжестью на покорно стелящиеся под ним ветви елей и тополей.

Я стою на балконе и любуюсь царством Берендея. Разгулом белой стихии. Все погрузилось в глухую немоту. Едва слышен лишь шелест снежных волн.

Третий месяц, занедужив, пребываю в четырех стенах. Ослаб. Одряхлел. Тоскую по весне, по надежной тверди. Может, восстановлюсь...

Соскучился по Чокану. Он совсем рядом, за поворотом, за углом нашей высотки, чуть выше по аллейке, напротив посрамленной Академии наук. В полном одиночестве. Снег – представляю – мохнатой шапкой покрыл его гордую голову, лег на плечи, на руки. И он застыл в глубокой задумчивости. Не слышит ни детского гомона, ни мудрых бесед поредевших в последние годы стариков, чертивших совсем недавно за кругом круг у его подножья. Почти четыре десятка лет я совершал здесь свои регулярные прогулки и проводил деловые встречи.

Он звал соплеменников к просвещению и свободе.

Дозвался ли?

Он вслушивался в неторопливые беседы стариков, сетующих на быстро текущее время, на обманчивый мир – жалған дүние.

И что услышал?

Мне всегда бывало приятно с ним беседовать. Я внимал ему, и он меня понимал. Нередко мы говорили с ним на одном языке.

Покойный литературовед Есенгельды, завсегдатай наших прогулок у Чокана, немало повидавший на своем веку, говорил нам, своим более молодым компаньонам: «Пройдет время – и вас останется трое, потом двое, а потом – один. Он!»

Похоже, к этому идет.

Уже почти четыре месяца я не посещаю Чокана Чингисовича Валиханова. И мне грустно. И я соскучился по нему как по родному человеку.

Может, и он обо мне вспоминает?

Снег, снег... Все вокруг белым-бело. И разлапистые ветви елей поникли под белой тяжестью.

И я взираю с балкона на дивный божий мир.

* * *

Ночью в окно мое долго и пристально вглядывался круторогий месяц. Видно, он пытался мне внушить нечто очень важное.

А я его не понял. И уснул, удрученный, встревоженный.

* * *

Ну, разве мне, пенсионеру, доступно то, что происходит в высших сферах доморощенной власти?

Нет, ничего понять не могу.

Вижу только, что славные азаматы явно озабочены и встревожены. Видно, что-то не ладится. Уж больно некоторые голову задрали, а иные, наоборот, их опустили. Разве от камеры скроешь? Иначе как объяснить столь разудалую чехарду? К чему эти внутренние перемещения по кругу – по второму, по третьему разу? Должно быть, у временщиковой политики обнаружились изъяны.

И народ чувствует: что-то не так. Людишки сбились с панталыку, и сама земля бунтует, как бы вздыбилась, и природа мстит.

Неужто тупик?! О, алла-ай!..

19.01.13

* * *

Так, сколько же процентов составляет у нас нынче инфляция?

Финансисты на самом верху толкуют:

– Шесть процентов!

Более-менее независимый доктор экономических наук на таблицах-диаграммах уверяет:

– Двадцать!

Жена вернулась с базара. Спрашиваю:

– Сколько процентов инфляции?

– Пятьдесят!

– Как определила?

– То, что недавно покупала за пять тысяч тенге, ныне потянуло за семь с лихвой.

Так, кто же прав?

* * *

«Иисус Христос жил во Времена Одного Иуды – и ушел к Богу... Нынче наступили Времена Двадцати Иуд...

Все предают...

Всё продают...

А мы живем...»

Не мои слова, а мудреца Тимура Зульфикарова.

Коротко и ёмко.

* * *

Пенсия моя – пятьдесят семь тысяч тенгушек (со всеми составляющими). Комуслуги за декабрь 2012 года потянули на сорок три тысячи. Еще семь тысяч мне нужно на лекарства. Сколько же остается на житье-бытье?

Заходит соседка. С президентскими добавками она получает в месяц 29 тысяч. Извещения на комуслуги ей принесли на 26 тысяч. Сколько отпущено на все остальное – на мыло, пасту, порошки, лекарства?

Вот задачка по арифметике для начальных классов. А наши министры морочат головы каким-то ЕНТ...

Контролер из «Теплосети» рассказывает:

– Каждый месяц, получая квитанции по коммунальным услугам, умирает от сердечного приступа человек пятнадцать. Это страшный шок.

Я слышал: многие забирают неподъемные платежи с собой на тот свет.

А власть с упоением говорит: ЭКСПО, ЭКСПО; форум, форум; той-той; шоу-шоу...

Доселе?!

Кого дурачим?!

* * *

Редакции меня уважают. Особенно казахские. И выписывают свои газеты, за что я, конечно, благодарен. К концу недели я их получаю охапками. Читаю и распределяю по квартирам. В 48-квартирной высотке, где я живу, выписывают газеты, кажется, только две семьи. Читают чуть больше.

Я понял: газет много и делятся они на три категории:

а) «Открой и закрой»;

б) «Полистай и сплюнь»;

в) «Читай и задумайся».

В одном интервью я как-то выразился в том духе, что хорошие газеты – это те, на которые не тратишь времени (например, «Казахстанская правда»).

А плохие газеты – это такие, которые читаешь от начала до конца и тратишь уйму времени.

Кто-то обиделся, а ведь зря.

Тетрадь двадцать вторая

Прадом

Эта напасть какая-то, наваждение. Химера. Некая непреходящая тоска. Она меня прямо-таки преследует. С годами всё явственней.

Я даже не знаю, как ее назвать. Недавно осенило: тоска по прадому. У каждого живущего на земле, наверное есть (или должен быть) прадом.

Звонит племянница из Ташкента и сообщает горькую весть: всё, решено, нет больше мочи, работы нет, перспективы никакой, жить становится невмоготу, продают за бесценок дом, усадьбу, бросают родительские могилы, могилы бельгеровского клана и уезжают, уезжают, уезжают, едва ли не бегством спасаясь, в Россию.

А дом, усадьбу на Байсунской, 59 в Ташкенте, многократно описанные мною, – это последнее пристанище, светлая обитель, душевная опора, для меня неугасимые очаг и память моих родителей.

И я бессилен что-либо предпринять и противостоять неминуемой катастрофе.

И горестные думы накатываются на мое израненное сердце.

Где мой прадом?

Где та святыня, неизбывная отрада, согревавшая мою душу на моем немалом пути, на ухабистой моей дороге?

Alles ist hin. Все пропало, сгинуло, рухнуло, исчезло, растворилось, истаяло во мраке забвения.

Да-а... род приходит, род уходит... Волна покрывает волну. И жизнь, вечно обновляясь, умирает, угасает в водовороте бытия.

Так, где же мои истоки? Где мой прадом?

Неведомо мне, как жили, в каких домах избивали свою жизнь мои далекие гессенские предки. Чую, не от хорошей жизни мой пращур Андреас Бельгер с женой Луизой и двумя детьми подался из германского княжества в дикие, запущенные края Поволжья по зову русской кайзерин Екатерины Великой. Чую, очень не сладко жилось его потомкам в суховейных, безжизненных степях необъятной Руссланд. Дико бедствовали на необжитом месте, уповая на немецкие прилежность, трудолюбие и терпение, незадачливые бельгеры в дорфах-селениях Кинд и Мангейм на Волге. Это я знаю, чувствую, ясно представляю, помню по генетической памяти.

И я живо вспоминаю просторный бабушкин дом и усадьбу в селе Мангейм Гнаденфлюрского кантона на Волге в канун войны с фашистской Германией. Помню и дом, и летнюю пристройку, и пустовавший хлев, и разные хозяйственные строеньица – курятник, овечий загон, крытый погреб, и подворье, и палисадник, и сеновал, и скрипучие ворота и калитку, и чахлый пустырь за почерневшим от времени элтернхаус.

Допускаю, что для моего отца, для моих дядьев и двоюродных братьев и сестер, погибших в большинстве в годы лихолетья в трудармии, на лесоповале, в шахтах, на стройках, в ссылке, бабушкин дом и был тем самым прадомом, который я изредка посещаю в своих тревожных снах. Помню, как тяжело умирала сухопарая, строгая, аскетичная бабушка Элизабет в возрасте 70 лет; помню

похороны в подворье, где собралась вся деревня; помню холмик в открытой степи, вокруг которого в сырой, стылый день стоял и я, шестилетний, с пригорюнившимися родителями.

А потом... уже через несколько месяцев все пошло прахом. И очутились мы в глухом, кизяком и овчиной пропахшем казахском ауле в Северном Казахстане. И там, уже после войны, когда высочайшим указом было объявлено, что советские немцы высланы навечно и путь на малую родину им заказан навсегда, отец построил – с благословения казахов – новый деревянный дом, прочный и основательный на загляденье.

Вот этот дом снится мне часто. Родители покинули его в 1971 году, перебравшись по обстоятельствам к трем дочерям в Ташкент.

Когда мне исполнилось 60 лет, я посетил родной аул, и земляки для меня освободили родительский дом, в котором я провел свой юбилей. О, это были счастливые мгновения моей жизни! Душа моя ликовала. Древние старики и старухи, помнившие меня пацаном, изумленно цокали языками: «Апырай, неужели и нашему Гере стукнуло шестьдесят лет!» И дом был рад нашей встрече. Все было знакомо, все памятно, вплоть до зарубок на косяке, который отец обозначал годовой рос своих чад.

Увидев свой дом и аульчан, записанных на кассету, отец мой не смог сдержать слезы умиления, радости и печали.

Ныне и этот дом разрушен до основания. Остались лишь разросшиеся деревья, некогда посаженные отцом.

Теперь настал черед тотальной разрухе и последнему родительскому дому в Ташкенте в Байсунском тупике. Это дом был светлой и счастливой обителью многолюдного клана Бельгеров со всеми его побочными ответвлениями. Здесь более тридцати лет жили, росли, радовались жизни, учились и работали, множились, собирались за сдвинутыми столами во дворе под виноградником и могучей орешиной не один десяток разноплеменного люда, объединенного волей, радушием и теплотой моих родителей – Карла Фридриховича и Анны Давыдовны.

Увы, счастье нигде долго не задерживается. Оно незаметно уходит, оставляя место печали и скорби, разрухе и тлену. Захирел наш счастливый семейный островок. Рано покинула белый свет самая младшая сестра Роза, потом ушла мама... Сестра Альма и кое-кто из племянников подались в вожделенную Германию, еще кое-какая родня предпочла Россию; ушел, так и не дожив до ста лет, как запрограммировал себя отец, все чаще вздыхая: «Ach, Kinder, Kinder!», вслед в горе и тоске вмиг угасла и сестра Эльма, меня одолели хвори, дочку – заботы и нелады в бестолковой Москве, дальняя родня растворилась в благополучном Deutschland, родительский дом и усадьбу охраняла-берегла по мере сил и возможности несколько лет племянница с семьей, теперь вот и она надломилась, решила испытать счастье в российской глубинке. Байсунский тупик в Ташкенте обернулся тупиком всех надежд и чаяний. Завершился некий таинственный круг бытия. Сказано: все было прахом, будет прахом. Зарос травой забвения родительский очаг, след отца-матери на земле.

«Дервиш, где дом твой?.. – вопрошает мой таджикский собрат Тимур. – Иль ты вечный цыган-кочевник?..

А разве не больно бездомному на земле?..

Дервиш улыбнулся:

– А где дом у ветра? У звезды? У облака?»

Красиво. Мудро. Но меня это не утешает. Память тоскует по прадому, затерявшемуся во Вселенной. Во сне я часто бываю в тех домах, где, видно, мается в одиночестве моя неприкаянная душа.

Разбрелись по белу свету потомки моих родителей, и большинство их, несчастных, ничего уже не помнит. Они, кажется, обременены лишь повседневными житейскими заботами. И то, о чем я здесь пишу, для них, скорее всего, – химера.

А я пишу эти ностальгические строки по обыкновению лежа на диване – надежном пристанище нынешней моей дряхлеющей плоти, а душа и память неприкаянно бродят где-то, как дервиш-скиталец, в поисках иллюзорного прадома. И дьявол-искуситель мерзко похохатывает надо мной: э, бишара-сорлыбаюшка, напрасно ищешь сгинувшее в тартары Времени.

* * *

Я заметил: большинство вождей всех времен и народов поразительно похожи друг на друга и кончают примерно одинаково. За триумфом следует трагедия.

* * *

Все предрекают гибель мира и все его спасают. Мой рецепт спасения: как можно скорее скрести иудея с китайцем. Фантастиш? Но другого выхода нет.

* * *

Честно: я устал от речей человеческих. Отравлен словами.

* * *

С возрастом я все внимательнее приглядываюсь к себе. Замечаю в себе некие перемены. Больше радуюсь своему физическому и душевному состоянию. Особенно дорожу рабочей формой. Ныне, просыпаясь, перебираю предстоящие дела, намечаю план на предстоящий день. По утрам тихо (чтобы не вспугнуть) восторгаюсь чувством жизни. Из-за хилого здоровья не хожу уже несколько лет на тусовки, на застолья, разные мероприятия, тем паче на благотворительные обеды, куда меня приглашают пенсионные фонды. В тягость мне праздные тары-бары, затяжной телефонный треп. После 8-ми вечера вообще к телефону не подхожу. Обозначил лимит: семь-девять звонков за день. Редко кого пускаю в дом, оговариваю время посещения – «от» и «до». Сократил интервью, избегаю ТВ. Стараюсь придерживаться закону сохранения энергии. Ведь мне хотелось бы издать еще 7-8 книг.

Заметил: слава людская почти не прельщает. Разные мнения обо мне мало интересуют. Зависти ни к кому никакой не питаю. Тщеславие близко к нулю. А вот читать, шкрябать пером по-прежнему люблю. Правда, медленней, размеренней. И, кажется, больше думаю.

Руководствуюсь старым немецким правилом: Ohne Hast, ohne Rast – без спешки, без промедления. Или абаевским советом: «Ақырын жүріп, анық бас» – «Иди медленно, ступай твердо».

* * *

Стихи захлестнули казахскую печать. Ничего против не имею. Казах – стихотворец. Душа его соткана из стихов. В рифмованных строках казах привык выражать себя. Плохо только то, что в подавляющем большинстве вся эта продукция к ПОЭЗИИ отношения не имеют. Но подписывают: акын, акын, акын. Страна чиновников и акынов.

Акын – это кто? Это лев! Арыстан! Мощный, грозный, внушительный. От его рыка степь дрожит.

А наши акыны тявкают, брешут, скулят, захлебываются, хозяину служат, хвостами виляют, чье-то добро истово охраняют. Какие же это львы?! Собаки шелудивые, трусливые, подворотные, на цепях сидящие, старую кость грызущие или по аулу бредущие, поджав хвост в репейниках.

Конечно, и собаки нужны. И волкодавы, и гончие, и болонки. Но они не львы, не акыны, которыми себя мнят и именуют.

Казахстану нужен трудовой человек, гражданин. Который дело знает и умеет. А у нас в упряжке акимы и акыны. Далеко ли ускачешь? До программы 2050 никак не добредешь...

* * *

Не выходит из головы: почему наша власть так обожает ложь? Чтобы утвердить себя? Чтобы пустить пыль в глаза? Чтобы околпачить темный люд?

Да! Но не только.

Главная причина – жажда мирской славы.

Большинство – так сложилось – чабанские дети. Бишара. Сорлыбаюшки. Выросшие в убогой шошале или в ветхой мазанке, на айране-шалапе, на лепешке-таба нане, на курте-иримшике. Ничего зазорного тут нет. На этом выросло не одно поколение. А приду-

мывают себе ханское, байское, батырское происхождение ради все той же иллюзорной мирской славы. Ну, и зачем она тебе?

Отсюда ложь. В семье, в быту, на троне. Соврал с три короба – и вроде бы уже чего-то достиг.

Ах, плебейская, пендешская натура!..

* * *

Степь неоглядная, беспредельная. От горизонта до горизонта во все четыре стороны простирается. Куда в ней спешить-торопиться? Чего суетиться? Шайтаново все это дело! Живи – не тужи под бескрайним небом Тэнгри. Оно тебя ни в чем не ограничивает. Ветер гуляет, куда и как ему вздумается. И никакой преграды. Солнце светит. Ковыль колышется. Полынь щекочет ноздри, ширит грудь. Наслаждайся жизнью. Спи. И ни о чем не думай. Всевышний тебя в беде не оставит. На все его воля. При случае упоминай его в своих благодарных мотивах.

Ай, рахат! Ай, тамаша! Ай, бергеніңе шүкір.

Тәуба, тәуба!..

Так сложилось мировосприятие намадов. И век цивилизации со своим надуманным пространством и временем все перевернул, убыстрил, загнал в какие-то рамки, набил коржун заботами и напастями.

И к чему они? Так ведь хорошо, сладко спится в бескрайней степи под вольным небом...

Ай, заман-ай? Заман-ай!..

* * *

Всем охота ныне рубить бабло из ничего, но никто не желает думать и извлекать уроки. И из-за этого рано или поздно придется нести тяжелую расплату.

* * *

Во всех грехах тихо обвиняют власть, но на деле предпочитают лизать ей пятки.

* * *

Обыватель рассуждает так: выдавливать из себя по капле раба? Извините, это не по мне. Пусть этим занимаются другие. А мне и так хорошо.

* * *

Встречаются деятели, громыхающие коллективными письмами. Но ими никто и зады не подтирает.

У нас пятколизы и жопеке считают себя истинными патриотами и националистами. А власть, понятно, таких обожает.

* * *

Смотрю по телевизору, как вновь назначенные высокие государственные чиновники перед лидером нации приносят торжественную присягу верности в служении Отечеству.

Акт знаменательный, волнительный.

В целесообразности такого акта я ничуть не сомневаюсь.

Однако память тут же подсказывает тех славных азаматов, которые в разные годы произносили публично перед всей страной и Президентом – подобные клятвы, а потом, ловко присвоив себе десяток-другой миллионов «зелененьких» слиняли за кордон или прямо из зала суда смиренно-мирно, в наручниках, отправлялись в каталажку.

Ау! Где они и где их клятвенные заверения перед народом и горячо любимым Елбасы?!

Народ лицезрел эти картины не раз и не два.

Пересчитать таких юркачей-голубчиков – пальцев двух рук и двух ног явно не хватает.

А они, эти рыцари удачи, жируют-благоденствуют в уютных, чистых странах-государствах и в ус не дуют.

И что?

Президент разводит руками и гневно-возмущенно вопрошает: «Куда из казны делись десять миллиардов?!»

Апырай, в самом деле, неужто ему невдомек, куда делись столько тонн валюты?! Да, чай, любой Мыркымбай точно скажет, куда и сколько.

Ну, ладно. Не о том сейчас веду речь. Перейдем к самой процедуре принесения присяги.

Стоят рядком новоиспеченные государственные мужи (все в дорогих костюмах, при галстуках, чин-чинарем, и я ни о ком из них худого слова не скажу, ибо детей с ними не крестил и каши не ел) и что-то бубнят – большинство читает по бумажке. Неужели не смогли выучить пару-другую фраз, тем более если они идут от чистого сердца? Слов не слышно, каков текст клятвы – можно только догадываться. Почему-то и Президент, абсолютно свободно и раскованно говорящий по-русски и по-казахски, об ответственности перед страной и обществом тоже читает по бумажке.

Что такое? В чем дело? Или так принято? Таков ритуал, порядок?

Не могу знать.

Мне бы хотелось услышать из уст высоко воспаривших чиновников конкретные, проникновенные, искренние, а не казенные слова. Ну, например, «Клянусь карабчить не более пяти миллионов». Или: «Торжественно обещаю лишний раз не лезть в государственный карман». Или: «Если стырю сто миллионов – отрубите мне руку». Или: «Чтоб мне провалиться в тартары вместе с женой, токалкой и детьми, если позарюсь на народные деньги!» Можно даже так: «Блядь буду, если возьму взятку!».

Что-то в этом роде. Вариантов для клятвы много. Важно, чтобы народ услышал. И видел по нескольку раз по «Хабару». Чтобы удивленный возглас: «Астафиралла!» прокатился по всей степи, по всем низовьям и верховьям Казахстана.

Тогда, пожалуй, был бы эффект. Тогда можно б было обойтись и без Корана, и без Конституции. Тогда, может, и Елбасы мог бы не разводить изумленно и обескуражено руками и спрашивать у своих безмолвствующих визиров: «Куда делись десять миллиардов??!!»

И мне пришли на память клятвы моих аульчан в далекие послевоенные годы.

Был у нас в ауле не в меру темпераментный и вспыльчивый учитель, который по праздникам нещадно колотил свою покорную келиншек почему-то у подножья гипсового, обшарпанного памятника вождю пролетарской революции. Однажды в приступе гнева учитель даже пытался свою несчастную жену зарезать, но не оказалось под рукой ножа.

Аульчанам этот беспредел надоел. Собрались в учительской коллеги, директор школы, завуч, старейшины аула, председатели аулсовета и колхоза и вызвали бузотера на ковер.

«Оллахи-беллахи, аллахом клянусь, больше такого не повторится», – сказал аульный Отелло.

«Не верим!» – отрезали аульчане.

«Если такое еще раз допущу, жалғыз баламның қанын ішейін... Выпью кровь единственного сына!»

Сказав это, он зарыдал. От такой страшной клятвы и аульчане прослезились.

И что?

Пальцем не тронул он больше своей Дездемоны. И народили они после того случая еще шестерых детей. И всех вывели в люди.

И еще был в ауле жуткий сквернослов, охальник и выпивоха. От его закрученного мата краснели и опускали глаза аульные буренки. Пьяный, он валялся, где попало, позорил всю округу.

Пришлось и его песочить в колхозной конторе.

«Все! Завязал!» – пролепетал растерянный алкаш.

«Клянись!»

«Ни капли больше в рот не возьму! А возьму – сам распорю свое поганое брюхо!»

Поверили. И страшную свою клятву он сдержал. А позже он даже возглавил в ауле антиалкогольную компанию.

Вот примерно такие клятвы должны произносить государственные мужи перед Президентом. И не по бумажке по слогам читать заготовленный текст, а говорить от сердца. Тогда, надеюсь, и тотальное воровство малость схлынет. Тогда, может, и коррупция пойдет на убыль. Тогда, может, и патологический, хронический

вор укоротит свои аппетиты. Тогда и Елбасы не приходится краснеть за своих верноподданных и поднимать с места лукавых визиров и задавать риторический вопрос: «Куда делись десять миллиардов?!»

Если и дальше так пойдет, то однажды мы услышим: «Эй, ағайындар! Куда делась страна?!»

Поверьте: в Урлыкстане без крутых мер не обойтись. Иных арланов и шакалов вместе со всем выводком надо будет не за кордон сплавлять, а отправить в те края, где на собаках ездят. Дабы умерили свою алчбу.

Такие мыслята роились в башке, когда я лицезрел присяжный спектакль по телеящику. Пошли звонки: «Видел?»

Видел. О том и пишу.

* * *

Недовольных тем, что происходит в обществе, с каждым днем все больше, однако себя лично никто виноватым не считает. Виноват во всем некий дядя.

* * *

Встречаются мне бишаринцы, которые одной ногой стоят в «Нур-Отане» (ну, что, мол, я могу поделать, не хотел быть помехой карьере своих детей), другой – нащупывает опору в оппозиции. При этом хотят, чтобы я им сочувствовал. Конечно, сочувствую. Действительно, стоять в раскорячку очень неудобно.

* * *

В одном из этюдов на полях профессор Сағымбай Козыбаев замечает: «Как ни крути, истина в одном – ни один соплеменник за последние полстолетия не стал вселенски знаковым» (НП от 25.01.13).

Задумался. Горькая констатация. Сам я в казахской ауре, конкретно, в литературе кручусь-верчусь чуть более полувека. Начал перебирать в памяти самые громкие имена – ученых, писателей,

художников, музыкантов, кинорежиссеров, артистов. Слава Создателю, достойных имен во всех сферах немало. Оглянешься с аульного холма – тысячи. Поднимешься на перевал близ Алатау – сотни. Будучи в Москве – наберешь десяток. Смотришь с высоты Эйфелевой башни – на ум приходит разве что один Мухтар Омарханович Ауэзов. И 50-70 лет назад на вершине казахского Духа стоял он, и поныне стоит один-одинешенек. Другой вселенски знаковой фигуры, пожалуй, не видно. Очень неохотно, но вынужден согласиться с профессором Сағымбаем.

Что делать? Будем уповать на будущее. Не думаю, что пассионарность казахов иссякла, что энергия Духа погасла. Нация понемногу, постепенно набирает мощную творческую силу, накапливает исподволь потенцию, которая приведет к взрыву духовной энергии. Вот тогда и появится вселенски знаковая личность. Я так думаю. Уже сейчас в неоглядной степи там-сям обозначаются холмы, жоны, крутояры, пики, так что – дай срок – вскинутся до небес и кручи и утесы, и горы-исполины.

* * *

Давний знакомец и ровесник, кандидат технических наук Аскар Ахметов упорно и настойчиво ищет казахскую национальную идею. К слову, ищет он не один. С тех пор, как Казахстан обрел независимость, идею эту ищут сотни и сотни. Предложений и идей высказывалось столько, что в конце концов окончательно запутались в теоретических выкладках и благонамеренных предположениях. Да и я по этой части нашкрябал немало всякой всячины – от статей до рецензий и отзывов. Одно время я искренне полагал, что объединяющей национальной идеей может и должен служить казахский язык. Вот та одна-единственная печка, от которой следует танцевать. Нет, ничего из этой идеи не вытанцовывалось, хотя и промелькнули десятки лет. Да, должен признаться. Крепко был убежден: только, только, только вольный и могучий, поколениями отшлифованный казахский государственный язык в состоянии объединить, сплотить самобытных и своенравных, как оторвавшийся от косяка неук-саяк, казахов.

Увы, ныне я больше склоняюсь к мысли, что не он, не язык, является консолидирующим национальным началом. Вот если бы все казахи заговорили бы на своем родном языке или – по крайней мере – очень захотели бы этого, тогда бы и стал он национальной идеей, тогда бы к этому языку и носителям его живо потянулись – по доброй воле или по необходимости, по острой нужде, по востребованию, поневоле и все остальные сограждане – русские, корейцы, немцы, шуршуты и прочие.

Что же я вижу воочию в течении десятилетий? А то, что эти самые «прочие» проявляют конкретную тягу и почтение к государственному языку, а сами казахи особенного усердия ну, никак не выказывают.

Сдвиги, прогресс, конечно, и в этом вопросе присутствуют, я это вижу и могу доказать, радуюсь этому, однако арба катится с натугой, со скрипом, ни шатко, ни валко (по-казахски «өгіз аян», по-немецки «soso-lala»), то и дело увязая в ухабах и житейских рытвинах. Ыкылас аз, намыс жоқтың қасы. Не уверен, что в дальнейшем будет какой-то крутой, качественный рывок или скачок. Подрастают на моих глазах новые казахи – в хорошем смысле, т.е. способные, талантливые, прагматичные, нацеленные на высокие идеи и порывы. Но в их стремлениях казахскому языку отводится отнюдь не первостепенная роль. Так мне мерещится. А это значит, что – увы! – не казахскому языку суждено стать национальной идеей. Мне это горько сознавать, больно признать. Я ведь более двадцати лет уповал исключительно на язык в качестве объединительной идеи.

Но это касается лишь моих личных ощущений. Был бы рад, если бы они оказались ошибочными.

Говорить далее, однако, я намерен о статье и суждениях выше упомянутого профессора Аскара Ахметова. Статья называется: «Национальная идея: из химеры в реалии» (см. «Ашық алаң» – Трибуна – №№ 8-9 за 2012 г.).

Автор серьезно озабочен проблемами народного единства. И это наша общая забота. Исходный тезис автора звучит так: «Казахстан со дня обретения независимости испытывает большие

трудности в своем развитии из-за отсутствия единства народа». Не спорю, но сказано очень жестко. Я бы предпочел сказать не «отсутствия», а «недостаточности». «Отсутствие» – все же слишком категорично и резко. Другое дело, что абаевский упрек «алты бақан ала ауыз» действительно имеет место быть, и в этом смысле казахи – самые верные ленинцы, ибо склонны исповедовать тезис вождя: «Прежде, чем объединиться, нужно размежеваться». Охотников размежеваться среди казахов всегда было предостаточно, о чем красноречиво свидетельствуют казахские исторические романы. И не зря лидер нации неизменно подчеркивает необходимость единства народа. Это краеугольный камень в политике Президента страны.

Соглашусь и с политическим диагнозом Аскара Ахметова: «Отсутствие единства подтверждается отсутствием должной связи между властей и народом».

Кто спорит? Это тезис сплошь и рядом декларируется в сотнях аналитических статей и исследований. Далее автор конкретизирует свое суждение: «...раздробленностью общества на социальные слои, группы и одиночек; провалившимися акциями по сбору золотых изделий у населения; по сбору средств для пострадавших от урагана жителей Иргиза; социально несправедливым распределением благ и т.д.».

И с этим поневоле соглашаешься. Что есть, то есть. Что было, то было.

Богата информацией и часть статьи А.Ахметова, где речь идет о разных национальных идеях в других странах (в Китае, Германии, Франции, Норвегии, ЮАР, Кубе, США, России на разных этапах истории). Затронуты в статье и некоторые казахские идеи, которые имели, однако, короткий век (почивший с миром «Асар»).

Так, что же предлагает кандидат технических наук, разуверившийся в гуманитарных вариантах в качестве национальной идеи? Вот его мудреная формула единения народа. «Z=КТ (V ± 0,19)». Что сие означает?

«Z – заработная плата, К – коэффициент трудового вклада индивида, Т – тарифная ставка (оклад), V – прирост (снижение) в %

ВВП за установленный период, 0,19 – коэффициент чувствительности роста (снижения) ВВП. Знаки + и – соответственно означают рост и снижение ВВП».

Читатель, вы что-нибудь поняли?

Я – нет.

Все же национальная идея должна быть понятной и доступной широчайшим массам, как лозунг, как призыв, как емкая и броская максима, а не как некая заумь, доступная горстке кандидатов технических наук. Не так ли?

А.Ахметов убежденно разъясняет свою точку зрения, и я, честно, с ним спорить не могу. Более того, охотно допускаю, что в его суждениях есть некое рациональное зерно. Он уповает на успешное достижение единой цели (ВВП), которое «приведет к спонтанному единению народа».

Ой, ли?!

Возможно, его замысловатая формула отражает какие-то экономические сферы нашего бытия, но сильно сомневаюсь, что она в состоянии служить действительной национальной идеей. Не случайно, полагаю, мнимая универсальность предлагаемой системы оплаты труда никак не заинтересовала знатных государственных мужей, к которым лично обратился наш автор.

Есть в этом что-то иллюзорное, ирреальное, виртуальное, умозрительное, сконструированное.

Эта идея, думаю, массами не овладеет. А коли так, ей не суждено стать казахстанской национальной идеей. Путь «из химеры в реалии», как выражаются шахматисты, некорректен.

Прочитал я статью Аскара Ахметова с интересом, что-то мотал на ус, но полностью разделить ее пафос – увы! – не в состоянии. Для этого моей компетенции явно недостаточно.

* * *

Тему необузданного воровства, как степной пал, охватившего страну сверху донизу в независимый ее период, я уже не однажды затрагивал. Я вполне серьезно предлагал Парламенту принять

закон «О воровстве». Однако, кое-кто посчитал, что я шучу, зубоскалю или занимаюсь черным юмором.

Какие шутки, какое зубоскальство, когда страна горит? Разве тут до черного юмора?

Может, моя форма подачи легковесна? Так ее общими усилиями можно отрихтовать.

Что воровство свирепствует – факт. Его и слепой видит, и глухой слышит, и немой ощущает. Дело зашло слишком далеко. Надо что-то срочно предпринять. Увещевания и разные полумеры уже не срабатывают. Этак заворуемся до рваных порток и пойдем всем народом тропой позора по миру.

Что я предлагал? Постатейно расписать, кто в каком чине и должности **сколько** имеет право легально, на законных основаниях воровать. Скажем, на что может рассчитывать министр, аким, вице, зам, советник, помощник, судья, прокурор, директор департамента, руководитель ведомства, мелкий, средний клерк и т.д. и т.п. и пр. от самых верхов до районных, поселковых, аульных низов. Чтобы все воровские ресурсы и возможности были строго регламентированы и ограничены минимальными и максимальными рамками. А вылез невзначай из-за рамок, нарушил закон – сразу получай по носу, по достоинству. В чужой огород не лезь. Не переходи через отведенную тебе границу. Иначе говоря, все определено по пунктам. И наказание (кара, зауал) должно распространяться не только на того или иного шельмеца, но и на его жену, детей, внуков, правнуков, дабы все знали, за что страдают. А то высокий чин ворует, оправдываясь тем, что он не о себе заботится, а о бедных, беспомощных детках («жаман балалардың камы»), которые завтра, дескать, без его барымты уж точно пропадут.

Можно еще придумать соответствующие регалии и награды, которые носить обязательно: вор первой, второй, третьей гильдии или жулик-хапун первой, второй, третьей категории, мастер или гроссмейстер большого хапка.

Разве не звучит? Вполне почетные и заслуженные звания.

Кто должен разработать этот Закон? Комиссия по борьбе с коррупцией. А Парламент обсудит его в деталях и после всенародного

обсуждения примет. Далее Президент подпишет Закон, и он вступит в реальную силу. Я же в этом акте проявляю лишь законотворческую инициативу на правах гражданина Республики Казахстан.

Идея эта забрезжила в моей башке еще в 1994-1995 годах, когда я был депутатом Верховного Совета РК XIII-го созыва. Да не успел ее развить да предложить, ибо нас объявили нелегитимными и разогнали с треском, что лично меня не особенно огорчило. Уже тогда было ясно, что мы выходим на кривую стежку-дорожку.

Ну, а с какой стати я теперь-то, столько лет спустя, взбулгачился?

Из-за неловкости, стыда за страну и за Елбасы, который перед всем честным народом обескуражено вопрошает: «Куда делись десять миллиардов?!»

Проходит день-другой и опять объявляют по ТВ и газетам, что братья Рыскалиевы карабчили 42,1 миллиарда (!) долларов из бюджета страны и шесть месяцев спустя, когда уже пыль улеглась и братья шикуют в лондонских ресторанах, их разыскивает полиция. Ну, не фарисейство ли? Сколько можно?! Тут коммунальные услуги по взбесившемуся тарифу платить невмоготу, а эти лихие государственные мужи запросто хапают по 42 миллиарда и шастают за кордон. Выдержит ли из года в год беднеющий Казахстан таких басмачей-барымтачей?

Вот потому-то и нужен «Закон о воровстве», о котором веду речь.

Возникает вопрос: а был ли в истории (в литературе) такой прецедент?

Отвечаю: был!

В пушкинское время жил некто Эраст Петрович Перцов – автор книжки «Искусство брать взятки». В ней он описывал виды мздоимства, способы вымогательства и вручения взяток. (См. В.Г.Дмитриев, По стране Литературии, «Московский рабочий», 1987, стр. 79). Книга эта состояла из пяти лекций. В первой лекции утверждалось, что «искусство брать взятки открывает нам прямой путь к счастью» (Ну, а нувориши Казахстана само собой рвутся к счастью). В следующей лекции давалось классификация взяток: натурой (подарки, сюрпризы, обеды, вещи) и деньгами, а также

попущениями и одолжениями. У нас этим, полагаю, никого не удивишь: все эти виды расцвели пышным цветом. Автор утверждал, что «благодарить» означает «дарить деньги». У нас все виды благодарности обретают в основном четкую таксу. Автор дает совет: «Возьмите от того, кто дает больше, а прочих с гневом и шумом проводите за дверь». Такая метода (как мне говорили) существует и у нас. Есть по этой части опытные мастера.

Словом, при составлении Закона «О воровстве» есть прямой резон руководствоваться этой книжкой забытого ныне Эраста Перцова (1804-1873).

Должен заметить, что, к примеру, 42,1 миллиарда долларов проглотил Бергей-Колтырауын, видит Бог, не один. О, нет! Многие тут приложили руки. Распиливали дружно. И если Бергей вдруг заговорит, то он наверняка такое порасскажет, что, скорее, его пожалеешь: ему-то в лучшем случае досталось, может, всего миллиардик или два. Остальную сумму, аки волки, разодрал не один десяток голубчиков. Такие нравы. Ничего не поделаешь. Хапать в одиночку ныне опасно и накладно. Значит, без ограничительного закона никак не обойтись.

И еще одна мысленка по поводу. Каждое неправедное дело кончается карой, расплатой. Таков божий закон. «Есть божий суд, наперсники разврата, есть грозный судия, он ждет!..» Кара, возмездие часто запаздывают, но грядут непременно. Казахи (знаю!) в иных случаях прибегали к испытанным проклятиям. Два-три почтенных, уважаемых аульных старца, обращаясь лицом к предзакатному солнцу, сложив ладони тыльной стороной к себе («теріс бата»), роняли страшные слова-проклятия: «Будь ты проклят отныне и во веки веков! Будь проклято все твое поганое потомство до седьмого колена! Чтоб на могилу твою мочились бешеные псы! Чтоб ты в адовом котле кипел сорок дней!»

Такое проклятие-қарғыс я слышал в годы войны в адрес ирода Китляра. Сработало! К такой крайней мере можно прибегнуть и к нашим ненасытным крокодилам.

Вот о чем я посчитал нужным сказать, доведенный тотальным воровством до черного отчаяния.

* * *

Читаю перед сном в «Жас Алаше» объемную статью писателя-публициста Талгата Айтбая. Он расписывает нынешнее плачевное положение Казахстана, приводит данные статистического комитета, сравнивает чтó было и кáк было еще сравнительно недавно, недоумевает, куда все исчезло, будто корова языком слизала, все потеряно-растеряно, все продано-размотано, жизнь в разы ухудшилась-поблекла, цены и коммунальные услуги дико взметнулись, криминал свирепствует, национальные ценности улетучились, народ обнищал, долги перед иностранными странами-государствами неуправляемы... от приводимых в статье цифр у читателя волосы дыбом.

Прочел статью Талгата и пригорюнился, хотя все эти факты давным-давно известны. Ай, худо, братцы, худо! Как же мы докатились до жизни такой?

И все это на фоне тотального хвастовства и даракианства.

Ой, обрыдло! Тяжело на сердце.

И тут жена сообщает: Президент объявил национальный траур в связи с авиакатастрофой под Алматы. Это уже второй национальный траур за короткое время. Горе, горе! Неужели Бог отвернулся от Казахстана?

Какой уж тут сон? И какие могут быть светлые мысли? Ни ЭКСПО-17, ни Программа 2050 не утешают.

А утром включаю ТВ: Елбасы проводит совещание с силовиками. Сплошь генералы и полковники. Мундиры и погоны. Ордена и медали. В глазах рябит. Мощные мужчины: сияющие, упитанные, довольные и важные. Генпрокурор докладывает Президенту о положении дел. Они вопиющие. Президент все же не теряет самообладания, он судя по всему в курсе всего, слушает, временами выражает свое возмущение. Народ и так хорошо знает о творимом беспределе в правозащитной сфере. И тем не менее слушать некоторые откровения генпрокурора тяжко.

Тут же показывают на весь экран одного генерал-майора. Колоритный экземпляр! Сытый. Гладкое, как начищенный ботинок, лицо, ухоженная бородка, усики. Густобровый, черноглазый. Его

бы в кино снимать в роли басмача. Оказалось, поймали голубчика с поличным на взятке. Всего (подумаешь!) двести тысяч долларов. Генеральская взятка. Надо полагать не первая, не единственная. Арестовали красавца. Провели в каталажку. Плотно закрыли за ним железную дверь.

И тут после всего увиденного и услышанного я должен писать, светлые идеи толкать, позитив сеять, народ утешить, положительные интервью давать, напропалую лицемерить.

Ну, скажите, каково мне? Что я должен чувствовать как гражданин Республики Казахстан?

Отовсюду звонят. «Ия, Гереке, хал-жағдай қалай?» «Шүкір, – говорю, – тәуба, тәуба!»

Шүкір-то шүкір, а на душе кошки скребут.

31.01.13

* * *

Аскар Сулейменов (нужно ли напомнить, кто он был?) рассказывая об изъянах общества 70-90-х годов прошлого века), имел обыкновение кривить свои диссидентские губы и приговаривать:

– Ой, джаман... Д-жа-маннн!..

Его уже более двадцати лет нет среди нас. Но я часто беседую с его аруахом на кухне, слушаю его витиеватые речи, перемешанные с сентенциями Ницше, Шопенгауэра, Чаадаева, Бердяева, Абая, Конфуция и прочих мудрецов, о том, что происходит ныне – коррупция, воровство, беспредел, тупизм, бездуховность, нравственная деградация, – слышу его безысходное резюме:

– Ой, джаман... Д-жа-маннн!..

С чисто аскаровской интонацией – с усмешкой и горечью.

Иногда я вижу его и во сне. Он, встряхивая густой, ухоженной шевелюрой, зачесывая кок, поглаживая седеющую арабскую бороду, изумленно-трагически вздыхает:

– Ой, джаман... Д-жа-маннн!..

Помню беседы за бутылкой кислого винца в Союзе писателей или у кого-нибудь на квартире. Аскар Сулейменов, Зейнолла Сериккалиев, Толеген Токбергенов. Ох, были интеллектуалы! Побе-

седовав час-другой, продемонстрировав с блеском свою эрудицию и красноречие, кто-то из них задумчиво изрекал:

– Е-е-е... қисыны кеткен дүниеге тап болдық қой...

Означало это примерно: «Э, настигли нас кривые времена! Все расползается по швам!»

Никого нет ныне из них в живых. Но если бы они собрались сегодня, наверняка пришли бы к такому же заключению:

– Ой, джаман... Д-жа-маннн!..

* * *

Мечты и реальность... Они не часто гармонируют. Протягивать ножки по одежке не всем и не всегда удается. Далеко не все желания осуществляются. Жизнь вносит свои суровые коррективы. Жизнь любит сокрушать мечты, посмеяться над мечтателями. Если сокровенные желания сбываются – это везение, удача, даже счастье.

Беру в пример себя. Во втором классе (а я, замечу, в первом классе не учился, а имея приличную домашнюю подготовку, пошел сразу во второй класс, и то потому, что третьего класса в том году в нашем ауле не было, а для четвертого слабо владел казахским)... итак, во второй класс, еще не твердо держа перьевую ручку, я в беседе аульной пацанвы на тему, кто кем станет, неожиданно для самого себя ляпнул: «Ал, мен жазушы боламын» (т.е. «А я буду писателем»). С какой стати? Кто меня за язык тянул? Откуда такая блажь? Кто вложил эти слова в детские уста? До сих пор поражаюсь. А ведь судьба, хоть и после немалых плутаний, вывела меня именно на эту стезю. И именно со второго класса и поныне я исправно веду дневники. Может, это и есть мой тренинг? Выходит, выбор был сознательный? Или всемогущий Абсолют вел меня на этом поводке? Тайна...

Но были еще мечты, которые меня всерьез пленили. Примерно в восьмом классе я вознамерился стать дипломатом. Мне почудилось это вполне возможным. Я читал речи Вышинского в ООН, крутил на патефоне пластика с выступлением Молотова, штудировал передовицы «Правды» и международные обзоры, раздобыл

какую-то книжку по античной риторике, работал над дикцией, подражая Демосфену. Я грезил этой мечтой вплоть до школьных выпускных экзаменов. Отрезвил меня один немец-землемер (или картограф?), квартировавший несколько месяцев у нас. «Дипломат? ИМО?! – язвительно переспросил он. – С такой биографией? Будучи ссыльным спецпереселенцем? Находясь под комендатурой?! Не смеши меня!! Радуйся, если примут тебя в двухгодичный областной учительский институт».

Это был удар! Я еле устоял на своих костылях. Действительно, это было ужасно наивно и нелепо.

Итак, дипломат из меня не получился.

Была еще одна мечта: стань крепким шахматистом. Я ведь был чемпионом школы. Видно, потому что во всей округе редко кто мог фигурами по доске двигать. А я по пионерской газете вызубрил основные шахматные правила и знал всех гроссмейстеров того времени: Левенфиша, Лилиенталя, Флора, Найдорфа, Ботвинника. (Среди казахов, кажется, тогда не было ни одного перворазрядника. А теперь? Сколько мастеров, сколько гроссмейстеров – диву даешься! А среди казашек и вовсе – о-го-го! Двенадцатилетние девчушки ходят в гроссмейстерах! Вот прогресс так прогресс!).

Я разбирал шахматные партии. Решал этюды и задачи. У меня были потрепанные учебники Ласкера и Рабиновича. Я овладел первоначальной шахматной грамотой. Я играл наравне с Николаусом Вагнером из Марьевки, а он был чемпионом района. Студентом участвовал в городских турнирах. В последний раз играл в 1959 году на первенстве Сарысуйского района и Джамбульской области. Тогда-то в «Доме колхозника» меня осенило: а) чтобы стать порядочным шахматистом, надо жертвовать всем остальным; б) мне шахматистом не стать, ибо не хватает воображения, раскованности, играю шаблонно.

Так я и остался рядовым любителем, второразрядником, безнадежно теряя свою квалификацию легковесной игрой с коллегами. В Союзе писателей Казахстана в шахматы прилично играл лишь Леонид Скалковский, Николай Кузьмин, Олжас Сулейменов и Такен Алимкулов. Остальные на уровне e2 – e4.

Ныне я шахматы после инсульта окончательно забросил.

Итак, и шахматистом я не стал.

Первокурсником решил готовить себя в тюркологи. Внушил мне эту мысль доктор филологии, тюрколог, профессор Сарсен Аманжолов. Это была манящая цель. Даже обозначились кое-какие реальные шаги. Не сложилось. В канун государственных экзаменов мой наставник-благодетель скончался от обширного инфаркта.

Итак, ученым-тюркологом я не стал, хотя и имею Золотую медаль за вклад в литературу и искусство тюркского мира.

Четыре армана – четыре мечты. Осуществилась одна. 25 процентов попадания. Тоже неплохо. Тәуба, тәуба! Тропой литератора бреду и поныне. Исписал горы бумаги, извел лужи чернил.

Кое-что все же воплотилось в реальность.

* * *

В национальном вопросе в России, СССР, Казахстане случилось немало кривизны. Мне, спецпереселенцу, приходилось сталкиваться с разными недоразумениями по этой части. Мудрая и здравая человеческая жизнь многое выправила. «Чудесный грузин» наломал, конечно, достаточно дров. И «Софья Власовна» (Советская власть), декларируя светлые постулаты, тоже не всегда вносила самые разумные коррективы.

Были изъяны. Были. Иногда они принимали уродливые формы. Даже при внешней безобидности. Гадкие и подлые легенды-инсинуации об евреях, российских немцах, чеченах, ингушах, поляках, кумыках, курдах, греках, крымских татарах, хемшидах и других долгие годы упорно внедрялись в сознание советского народа. Иные и поныне не вытравлены до конца. Политика и идеология далеко не всегда работали на единение людского рода. «Ненадежный элемент» откровенно преследовался на государственном уровне. Мое поколение это хорошо помнит.

Я родился в городе Энгельсе – столице бывшей автономной Республики немцев Поволжья. Отец служил в лётной школе РККА (Рабоче-крестьянской Красной Армии). Моими первыми друзьями

были русские, украинцы, татары, мордвины, евреи, немцы, чуваши. О национальности мы тогда и понятия не имели. Национальный вопрос возник для меня позже, когда на каждом шагу сталкивался с дискриминацией на этой почве. Не буду здесь расписывать известные социально-политические проблемы тех лет. Ограничусь четырьмя бытовыми случаями.

...Узнав, что судя по всему я свяжу брачные узы с сокурсницей-татаркой, моя младшая сестренка Роза не то, что расстроилась, а испугалась. Ей было 8 лет, и она накануне прочла «Кавказский пленник» Льва Толстого. Ей почудилось, что я Жилин и попал в плен к татарам, которые бросят меня в яму-зиндан. Татарами Толстой назвал кумыков, у которых обряды, нравы, обычаи весьма схожи с казахскими. Но у моей сестренки было превратное представление о татарах. Такой стереотип имел место. К тому же в ауле поговаривали: «Татар барда, катер бар» («Там, где татарин, есть опасность»).

...Очутившись в начале 70-х годов прошлого века в Москве, я оказался в группе казахстанской делегации, которую фотографировал расторопный и бесцеремонный фотокор «Правды». Я обрадовался: меня родители увидят в «Правде»! В те годы на страницах «Правды» не фигурировал ни один немец. Вот это признание! Вот это прорыв! Фотограф, однако, постепенно отодвинул меня на край, поставив в середку Жабайхана, Сырбая, Гафу, двух-трех казашек. И все же я был уверен, что попал-таки в кадр. Утром с нетерпением обрел в гостинице «Правду» и обомлел: меня на снимке не было вообще. Значит, рожей не вышел. По твердому убеждению пронырливого фотографа и его начальства какой-то Бельгер не мог представлять в «Правде» казахстанцев. С тех пор я в объектив не лезу, ибо, кроме себя, никого не представляю.

...В Капланбеке (близ Сары-Агача) в начале 50-х годов играли свадьбу. Пели, веселились, танцевали, балагурили казахи, узбеки, русские, корейцы, татары. Потеряв бдительность, расшалились и местные немцы: дружно запели «Schön ist die Jugend». Пели слаженно, самозабвенно. И вдруг из-за стола поднимается местный

пьянчужка, участник войны некий Коля-Николай, наливается кровью и ненавистью и громко объявляет: «Йех, дали бы мне сейчас автомат, я бы зараз скосил бы всех этих фрицев!»

Наступила обвальная тишина, потом немцы, униженные и посрамленные, тихо встали и разбрелись по домам. Ныне такое и представить невозможно.

...А уже в конце 80-х я с группой активистов-автономистов оббивал пороги Кремля, удостоился чести быть на приемах высоких чинов вплоть до Президента СССР в надежде восстановить немецкую автономию на Волге, распущенную в 1941, сталкивался там и с крымскими татарами, и с разнаряженными казаками и после долгого хождения по мукам-инстанциям понял, что толстокожие наши правители не в состоянии глубоко вникать в национальные проблемы. Чужая боль им непостижима. Кончилось все массовым исходом российских немцев из распавшейся страны.

С тех пор много воды утекло, много судеб отшумело. Горжусь тем, что в Казахстане, например, национальный вопрос вроде рационально решился. Не само собой, конечно. А благодаря щедродушию и толерантности казахского народа, властям, Президенту, Ассамблее народов страны, сложившейся десятилетиями доброй ауре. И это радует, утихомиривает, ублажает, успокаивает, вселяет надежду. Об этом мы перестали даже говорить, будто это вечные ценности, как солнце на небе, как вольный ветер в степи. Никто не сеет рознь и вражду, и даже мелкие пакостники в этих вопросах исчезли, как тараканы на чистой кухне, и в этом, несомненно, одно из крупных достижений нашего общества. Счастье, что я дожил до этого.

* * *

О разнице между доходами богатых и бедных существует показатель, который экономисты называют коэффициентом Джинни. Каков этот коэффициент у нас в Казахстане, упорно не говорят. Либо не знают, либо скрывают. Зная, что пропасть между богатыми и бедными у нас ширится и углубляется, полагаю, коэффициент этот прямо-таки катастрофический. Из печати мне известно, что в

стране обитает несколько весьма грамотных экономистов – докторов, профессоров, академиков, но почему-то они ограничиваются ролью прислуги существующего режима. Просто поразительно, что у них нет самостоятельной мысли. Они не хотят видеть и слышать то, что творится вокруг. А между тем их честное мнение были бы весьма важно. Ученый, может быть, и крупный, но как гражданин – рядовой жопеке.

* * *

Енте, е-ен-те... слышу уже несколько лет. Я знаю: это нечто фальшивое, для дебилов. Учащихся сознательно отлучают от систематического знания, и они жутко деградируют. А чиновники от образования рьяно ратуют за. Почему? А потому, что здесь вращаются колоссальные деньги, которыми дяденьки и тетеньки прибыльно манипулируют. Грабят детей и их родителей. Вот и весь фокус-покус!

Любовь к дальнему и ближнему

Случилось так, что я одновременно перечитывал Фридриха Ницше и Тимура Зульфикарова. И обнаружил между ними немало общего и созвучного.

Вопрос: а правомерна ли такая постановка?

Думаю, да.

Особенно в форме изложения, в лапидарности, в эмоциональной насыщенности, в философской концентрации познания бытия, в подтекстах, в стилистическом шарме, в музыкальности и поэтичности фразы, в колдовстве слога.

Да мало ли в чем? Почитайте – убедитесь. Попробуйте только вникнуть в суть. И никому из них механически подражать невозможно, как бы просто и соблазнительно это ни показалось. Они самобытны, абсолютно уникальны. Их и на другие языки переводить, скорее всего, немыслимо. Переводчики Ницше на русский язык вынуждены толковать, разжевывать иные многозначные по-

нятия и выражения. А я, читая русскоязычного Тимура, мысленно прикидываю, как бы передать его притчи, его вычурную, неподражаемую ориенталистскую интонацию по-немецки или по-казахски. Я испытываю магическую робость перед его стилем. На каждом слове попадаешь впросак или вообще в тупик.

Он афористичен и метафористичен.

«Молодость – быстротекущее время.

Старость – мимотекущее время.

Вечность – всетекущее время, но вечности нет без смерти».

Или:

«Муж в любви – зверь, а жена в любви – мать...

Муж в любви – водопад, а жена в любви – заводь...»

Он поэтичен в каждой фразе, у него тяга к возвышенному, сказовому слогу.

«О, сладкая, вожделенная, необъятно сладимая халва, бездна в ногах жен!

Как не стремиться туда мужу, если он вышел оттуда?..

Как не любить гнездо рождения своего?..

Как не лелеять кибитку, мазанку-люльку-зыбку детства сладчайшего, первоначального, птенцового своего?»

Он мудр, философичен.

«Мудрость и Власть на земле – враги!..

И так будет до скончания времен, до скончания веков...

Мудрость протекает в монастырях, а власть – в кремлях...

Редко встречаются они... и на Кресте...»

В поисках истины он категоричен и беспощаден. Хочешь – спорь, не можешь – соглашайся.

«Все дороги на Руси – к Голгофе тайные пути...

Даже когда русский человек ночью, в поле, идет за водкой – он бредет на Голгофу...» (Тимуру, пожалуй, корректно так говорить: у него матушка – русская, а батюшка – таджик)

Довольно, однако. Не могу же я цитировать всего Зульфикарова.

А за ним, за его спиной, ухмыляется в густые усы-щетки сумрачный дядюшка Фридрих, там, далеко, в глубине веков, ошарашивает отравленными скепсисом истинами-сентенциями.

Оба очень парадоксальны. С какими-то их утверждениями никак не хочется соглашаться. Ты ведь в плену собственных жизненных впечатлений. Но и их спорные суждения эпатируют, ошарашивают, волнуют, будят мысль, заставляют ворочать камни дум и задумываться. Ты покорно бредешь, как на поводу по их тропе вслед за Заратустрой, реформатором древнеиранской религии (VII век до н.э.), и бессмертным суфийским мудрецом-дервишем, за тысячелетие познавшим оба мира.

Вслушиваешься, вчитываешься, вчувствуешься в сентенции немецкого гения:

«Из всего написанного я люблю только то, что пишется собственной кровью. Пиши кровью: и ты узнаешь, что кровь есть дух».

«В горах кратчайший путь – с вершины на вершину: но для этого нужны длинные ноги. Притчи – те же вершины, а те, к кому обращены они, должны быть высокими и могучими»

«Враги ваши должны быть достойны ненависти, но не презрения. Вы должны гордиться вашими врагами: тогда успехи их будут и вашими».

«Да будет любовь ваша к жизни любовью к высшей надежде, а этой надеждой пусть станет высшее из убеждений ваших!»

«Государством зовется самое холодное из всех чудовищ. Холодно лжет оно; и вот какая ложь выползает из уст его: «я, государство, я – это народ»

«Если ты раб, то не можешь быть другом. Если тиран, – не можешь иметь друзей»

То, что я сказал выше о Тимуре, – о лапидарности, афористичности, метафоричности, поэтичности и философичности и пр. – в полной мере приложимо и к Ницше. Или – наоборот, что будет логичней и справедливей во времени и пространстве.

Синтаксис, правда, иной. Дыхание иное. Цветная гамма мировосприятия разная. Несколько монотонный, сдержанный, аскетический фон Запада и яркие, сочные, пестрые краски экзотического Востока. Но узоры, мысли, душевный настрой явно перекликаются. Словесные узоры в неизбывной тоске по истине бытия.

Фридрих Ницше:

«Разве призываю я вас любить ближнего? Скорее я посоветую бежать от ближних и любить дальних!»

«О, как много тех, для кого высота – примет вожделения! И тех, у кого вызывает она судороги честолюбия! Покажи, что ты не из этих сладострастников и честолюбцев!»

«Счастье мужчины зовется «Я хочу». Счастье женщин – «Он хочет».

«Многие умирают слишком поздно, а иные – слишком рано. Пока еще странным покажется учение: «Умри вовремя!»

Умри вовремя: так учит Заратустра»

Я – северный ветер для спелых плодов. Так, подобно плодам смоковницы, достаются вам поучения эти, друзья мои: пейте же сок их и вкушайте их сладкую мякоть! Осень вокруг, и чистое ясное небо, и к вечеру клонится день».

Ницше стоит в иной плоскости, он обитает в иных пределах, где-то там, далеко, недоступно, за горизонтом жизни-смерти. Тимур близок, почти рядом, современник, загадочный, манящий суфий, бытующий в веках, поэтически и философски воспринимающий божий мир.

Одинокий дервиш среди мудрецов.

Зачарованный их беседой, возвышенной духовной перекличкой я бреду по каменистой тропе, по которой шли некогда незабвенный Заратустра и Ходжи Насреддин.

На кого особенно сильно повлиял Фридрих Ницше? О, разве всех упомнишь? Философы-литературоведы называют Л.Шестова, Б.Шоу, Т.Манна, Г.Гессе, А.Камю, Ж.П.Сартра... Из казахов (я свидетель) еще студентом грезил Ницше эрудит Аскар Сулейменов. Он болел им долго, постоянно цитировал его, произносил на свой лад: «Нитче». На излете 50-х годов прошлого века припожаловал как-то из Москвы модный критик Лев Аннинский (тогда он обладал пышной шевелюрой) и страшно удивился, что его коллеги из глухой провинции – Аскар Сулейменов и Зейнолла Сериккалиев – досконально знают немецкого оригинала-мыслителя Фридриха Ницше.

И еще доподлинно знаю, что с «Так говорил Заратустра» не расставался казахстанский прозаик Иван Щеголихин.

Я пишу эти вольные строки на основании прилежного перечитывания, в основном, двух книг: «Так говорил Заратустра» Ницше и «Изумруды, рубины, алмазы мудрости в необъятном песке бытия» Тимура Зульфикарова.

О чем рассуждает Ницше? Вот названия некоторых главок-притчей: «О трех превращениях», «О кафедрах добродетели», «О мечтающих об ином мире», «О радостях и страстях», «О чтении и писании», «О войне и воинах», «О целомудрии», «О друге», «О любви к ближнему», «О ребенке и браке», «О свободной смерти» – таковы не все названия этюдов из первой части «Так говорил Затарустра». А всего частей в книге четыре. А философских миниатюр я насчитал 81.

А как называются главки этюдов и притчей у Зульфикарова? «Мудрость», «Власть», «Народы», «Русь», «Любовь», «Смерть», «Загробные странствия», «Бог», «Конец мира», «Тело», «Тайна смерти», «Вера», «Суфии», «Мириада человеков», «Ветер», «Дева рая»... всего 83 этюдов, притчей, афоризмов, стихотворений и песен.

Эти две книги я читал медленно, долгими зимними вечерами, задумываясь, пробуя слово на вкус, по одной притче, по одному абзацу, с любой страницы, наслаждаясь, восхищаясь. Я читал их попеременно, как бы участвуя в беседе, но не встревал в беседу мудрецов, только слушал, испытывая восторг. Один из них – человек Запада до мозга костей, другой – Востока, пронизанный восточным мироощущением и мировидением. Я вслушивался в их речь и вспомнил «Западно-Восточный диван» Гете. Случалось, в эту беседу мудрецов дерзко вклинивался Олжас, утверждая размашисто: «Нет Востока, и Запада нет – два сына есть у отца!»

Ах, какая услада души – слушать мудрецов разных эпох за одним столом в ночной тиши! Я подолгу не мог заснуть, вставал, ходил по кабинету, высовывался на балкон, смотрел на редкие звезды на стылом небе и на одинокую, отрешенную Луну.

Мысленно я продолжаю бродить по следам Затарустры и Ходжи Насреддина.

А сейчас я остановлюсь, обыгрываю в уме немецкую сентенцию: «Wenn's am besten schmeckt, soll man aufhören», т.е. когда вкуснее всего, следует остановиться.

И все же не удержусь, воспроизведу напоследок магические строки Тимура из его притчи «Стрекоза» (в названной выше книге она стоит последней):

«Всю жизнь я дружу со стрекозами... и они ищут меня, и льнут ко мне...

Трепет крыл их меня околдовывает, отуманивает, ублажает, успокаивает... Как стихи Хафиза иль Саади...

Но паук остался голодным, обделенным...

О Боже!.. жаль и его...

Господь! Творец!.. что творишь Ты?..

Где истина в мирозданье Твоем?..

Я – стрекоза Твоя...

Я – паук Твой...

Я – человек Твой...»

Чувствую: выразился коряво, топорно, нескладно, неладно. Хотел сказать тоньше, проникновенней. Но лучше сейчас не могу. Нет той магии и колдовства, присущие Ницше и Зульфикарову. Владеть бы стилистикой «Игры в бисер» Германа Гессе. Но воображение чахлое. А хотелось что-то сказать. О том, что легло на душу. Что взволновало, удивило, потрясло, поразило, взбудоражило, заставило почувствовать свои приземленность и ничтожество.

Что поделаешь? Есть недосягаемые высоты Духа, есть недоступные смертному вершины, где обитают-парят, изрекают высшие истины гении – Избранники Земли.

06.02.2013

* * *

Некая певица (Бағым) заявила в интервью, что она не жалует евреев и русских. Ну, и вокруг этого в печати делают шум.

Бог мой, ну и что из этого? Ее право. Право ее сознания. Ну, не жалует и не жалует. Кому от этого жарко или холодно? Зачем из-за такой дурости сразу в бутылку лезть.

Может, и певунью эту кто-то не жалует? Эка, невидаль! Таким заявлением она, может, прославиться хочет? По-казахски это называется, садиться голым задом на лед. Ну, и пусть, коли так ей удобно.

* * *

Наткнулся в «Известиях» (06.02.13) на статью философа Сергея Роганова «Коррупция духа как национальная идея». И меня осенило: может, эта самая коррупция и есть наша казахстанская идея? Надо подумать.

* * *

Академик Евгений Примаков, выступая недавно (2013) на Красной Пресне, привел такой факт: «По имеющимся подсчетам из России в последние годы уехало примерно 2 млн. представителей образованного среднего класса».

Подумалось: а как Казахстан? Или у нас таковых не имеется? Или у нас бегут из страны только вороватые чиновники?

* * *

Мы на всех парах мчимся в общество потребления.

В Казахстане искони преобладала бейшара, голытьба. У ней мало что было. Теперь с обретением независимости треть бишары в состоянии чем-то владеть. Вот эта часть публики и потребляет все подряд – дома, квартиры, машины, дачи, магазины, рестораны, гостиницы, бани.

Образованный (точнее, просвещенный) человек этим не особенно увлекается. Вещизм духу противопоказан. Отсюда вывод: нам не нужны образованные люди. Нам нужны образованцы-потребители. Чтобы постоянно покупали побольше. Чем меньше образования, тем активнее погоня за деньгами. На этом построена у нас государственная политика. И, кажется, государство в этом преуспевает. Усиленно и успешно взращивает дебилов.

* * *

Вы спрашиваете меня про Сабита Муканова? Имя его гремело по всей казахской степи еще в тридцатых годах прошлого века. Я же впервые услышал это имя, когда учился в третьем или четвертом классе аульной школы. Популярностью он пользовался бешеной. В аулах приишимья он был у всех на устах. По невежеству и наивности моим он казался мне тогда едва ли не единственным и главным писателем Казахстана. Это ныне о нем рассказывается всякое. Но надо признаться: личностью он был незаурядной, самобытной, уникальной, шумливой, амбициозной, задиристой. Я его знавал при жизни. Многократно слушал. Встречался. Даже общался изредка. Кумиром моим он никогда не был. Но вытравить его из сознания казахов невозможно и несправедливо. Правда, я не представляю нынешних казахов, читающих Сабита Муканова.

...А вообще-то я могу быть благодарен судьбе: я ведь видел и в разной степени знавал Ауэзова, Муканова, Мусрепова, Мустафина, Х.Есенжанова, А.Жубанова, М.Габдуллина, К.Сатпаева, Маргулана, Х.Жумалиева, А.Сарсенбаева, Т.Жарокова, А.Ахмедова, Б.Момышулы, А.Алимжанова, К.Мухамеджанова, Т.Ахтанова, К.Шангитбаева и многих других выдающихся казахов.

Добавьте сюда памятные имена русских, евреев, немцев, татар, уйгур... о, эти достойные аруахи сопровождают меня и поныне. Вот оно, мое счастье!

* * *

Литературоведение для меня не чуждый жанр, хотя литературоведом себя никак не считаю.

Литературоведение бывает разным. Есть литературоведы и критики, очень похожие на бухгалтеров и учетчиков. Все участвуют, все расписывают, все раскладывают по полочкам, все дотошно классифицируют, указывают источники, распределяют по жанрам, по темам и т.д. Они, несомненно, делают полезное дело, но меня лично они не особенно привлекают.

Мне больше по душе литературоведы лирико-эссеистского направления – Жирмунский, Шкловский, Тынянов, Андронников,

Чуковский, Вильмонт, Аверинцев, Ю.Архипов (германист и переводчик). Они меня завораживают, увлекают, волнуют. Из казахов более молодого поколения я бы назвал З.Кабдолова. З.Сериккалиева, А.Сейдимбекова, С.Каскабасова, К.Ергобека. Есть литературоведы, которые изо всех сил пишут заумно, туманно, витиевато, морочат читателя диковинными конструкциями, сомнительными дефинициями и терминами, грешат наукообразными словесами. Они хотят меня поразить своей глубиной, а я не поражаюсь, остаюсь равнодушным.

* * *

Правителям во все времена нужны прикладная литература. У нас, в Казахстане, поставщиков такой литературы становится все больше. Пегас превращается в рабочего одрамаштака.

* * *

Мой телефонный собеседник Ш.А. произнес загадочную фразу: «Голая правда – голая баба». Звучит эффектно, но не все ясно. Трактуй, как хочешь.

* * *

Журнал «Жалын» собирает подписи для коллективного письма по поводу перехода к латинице. Письмо подписать отказался, но выразил свое особое мнение: «Не торопись, как бы не торопился, все равно опоздаешь» – таков афоризм А.Нурпеисова, который я разделяю. Но со своей колокольни заявляю, что я лично в 2025 году непременно перейду на латиницу. Об этом я заявлял еще десять лет назад».

* * *

Я его слышу и вижу постоянно в течении четверти века. Одно время он меня сильно привлекал. Эрудированный, напористый, уверенный, знающий языки, иностранец, бегло, порой изящно изъясняющийся по-русски, свободно мыслящий.

Так я его в начале воспринимал.

Потом что-то меня насторожило. Говорит-глаголет на всю Россию, вольно и раскованно, пользуется всеми благами Отечества, а Россию явно не жалует, презирает, злопыхательствует, злорадствует по всякому поводу, предпочитает копаться в дерьме жизни, все-то разоблачает, иронизирует, ерничает, насмехается, изворачивается, глумится.

Некрасиво ей-ей! Непорядочно!

Пьет русскую воду, есть русский хлеб, гребет-зашибает русскую деньгу, а любит-обожает все американское, французское, немецкое, объявляет, что уедет непременно – дайте срок! – во Францию, а все русское ему, дескать, глубоко чуждо.

Эти выверты вызвали у меня возмущение и брезгливость.

Ну, как же так можно?! Это ведь неприкрытое лицемерие и фарисейство!

А его не только терпят, а всячески превозносят, возвышают, пиарят. Он постоянно мозолит глаза на экране, источает откровенный словесный гной, все российское хает, не в меру высокомерничает, вконец распоясался. Он академик по части телевидения, мэтр тележурналистики, член, а то и председатель всевозможных жюри, кумир либеральной шантрапы.

Такое возможно лишь в России. Лишь Россия позволяет себе садиться на шею разным отщепенцам.

И вот он уже откровенничает в интервью (Оно опубликовано в «Московском комсомольце», в «ЛГ» (№ 4, 2013):

«В России меня держит только работа. Я не русский человек, это не моя родина, я здесь не вырос, я не чувствую себя здесь полностью дома – и от этого очень страдаю. Я чувствую себя в России чужим».

Ал ендеше! И что тут скажешь? Что это – вражья вылазка, цинизм, безграничная наглость, безнравственность, пошлость?!

Можно не любить, не уважать государство. Но глумиться над страной, где сверхблагополучно обитаешь десятки лет, разве не кощунственно? При чем страна? При чем народ? Не любишь, страдаешь – катись на все четыре стороны. Зачем же сеять раздор,

раздрай, ненависть, внедрять в гражданское сознание смуту, испытывать терпение и доброту приютившей тебя страны?!

Гадко все это, омерзительно.

Я говорю о Владимире Владимировиче Познере, ненавистнике России и всего русского.

* * *

Республиканское статагентство сообщает, что в 2012 оду в Казахстан прибыло 3006 человек, а убыло из страны 7002. Ощутимое отрицательное сальдо! Эдак мой давний знакомец, демограф Макаш Татимов, ратующий за активное колыхание супружеского лоскутного одеяла, никогда не увеличит численность казахстанцев. Значит, нужно изыскать какие-то другие способы.

* * *

Лежу, прислушиваюсь к своему больному сердцу. Оно работает с натягом, с перебоями, тяжело ворочается. Рядом, у изголовья, телефон. Он тренькает беспрестанно. Спрашивают про амандык-саулык, просят ответить на какие-то вопросы, читают тексты моих интервью, приглашают на встречи, на поминки, на официальные церемонии, презентации, наводят разные справки, обговаривают издательские планы, делятся литературными новостями и политическими слухами-предположениями. То есть, я еще востребован.

А мне худо. После каждого звонка сердце частит. Правда, во время разговора, случается, отвлекаешься.

И вот мне представилась такая картина. Выносят меня, в деревянном, так сказать, бушлате. Понятно, уже ничего не соображаю. А ко мне лезут журналисты с микрофонами. Спрашивают: «Ну, так как, Гереке, быть с латиницей?», «Какое будущее у казахского языка в связи с глобализацией?», «Каково нынешнее положение казахской литературы?», «Кто из молодых писателей привлек ваше внимание?», «Как бы вы определили казахстанскую идею?», «Ваше мнение по поводу последнего послания Президента народу?», «Таможенный Союз, по-вашему, всерьез и надолго?», «Что для вас лично означает независимость Казахстана?»

Один даже спрашивает: «А вы не собираетесь перебраться в Германию?»

Мне хочется сказать: «Ой, айналайн, ты разве не видишь, что я направился туда, откуда нет возврата? Какая еще Германия?!»

Но у меня нет уже сил что-либо сказать. А на том свете, знаю, никого эти вопросы не интересуют. Да и моему мнению грош там цена.

Грустно. А сердце дергается-трепещет. Просит конкор.

* * *

Занес мне один успешный издатель роскошно изданный фолиант. Килограмма на три тянет. Вот это книжища! Крепкая, плотная, будто из полированного красивого дерева, обложка-панцырь. Хоть орехи на ней коли. Яркий цветной орнамент. Древнее кричащее название. Лощенная бумага. Крупный, четкий шрифт. Отретушированные портреты. И к каждому очерку подобрана семейная фотография. Дизайн – обалдеть. Заставки – глаза разбегаются. Диву даешься полиграфическому искусству. Это надо же было такое сокровище соорудить! Поневоле изойдешь восторгом: О! О! Оооо!.. Шик! Супер! Ғаламат! «Такую книгу я в жизни не видел!» – захлебываясь, сообщил знакомый поэт.

Ой, айтатыны жок! Керемет! Наверняка стóит такая книга тысяч пять-семь.

С трепетом, затаив дыхание, облизывая пересохшие губы, начинаю робко перебирать страницы. Ойбай-ау, что за люди? Большинство незнакомцы: бизнесмены, воротилы, деляги, чиновники. Очерки о выдающихся казахстанцах. Первая книга. Значит, выдающихся у нас – пруд пруди. Среди них каким-то образом затесался и я. Должен же быть один атасы баска. Воспроизведена домашняя фотография, где запечатлены в затрапезном виде мы с женой и совершенно незнакомая молодая казашка. Из очерка явствует, что у меня в Москве есть дочь. И редактор, видно, решил, что казашка на фото как раз она и есть. Очерк изобилует неточностями, опечатками, искаженными фактами, хотя и написан ловко и лестно.

Хм-м... И для чего и для кого этот типографский шик и лоск? Для чего эти оформительские излишества? Этот парадный мундир? Книгу и держать-то неудобно – руки оттянешь. И тексты шаблонные, серенькие, любилейные. И тональность – ох, ах, ух. И герои – так себе, никакая не элита. Содержание отдает дурновкусием. Чтобы потешить чье-то самолюбие, тщеславие.

Лежит это издание у меня в кабинете, притягивает взор, как дорогая, но никому не нужная вещица. И выбросить жалко. Гости мои берут ее в руки, цокают-прищелкивают языками, а полистав, вздыхают и кладут на место. Сколько внешне невзрачных книжек у меня утащили-уволокли, а на эту искусную шкатулку никто и не позарится. Такую махину за пазухой не унесешь. Издатель явно перестарался. Весь пар ушел на гудок.

* * *

Читаю-просматриваю кипу газет. Превалируют две темы: а) преемник Назарбаева и б) переход на латинский шрифт. Прямо-таки не терпится некоторым казахам: хочется скорее и того, и другого.

Ну, и что из того? Что изменится? А, может, хуже будет?

Но терпения нет: вынь да положи. И преемника назначай, и латиницу давай.

Я спокоен. Как хотят казахи – так и ладно. Лично я твердо решил: в 2025 году перехожу бесповоротно на латиницу. К тому времени наверняка прояснится и вопрос с преемником.

* * *

Философ Д.Кшибеков в книге «Смысл жизни» (А. 2012) приводит древнюю казахскую мудрость – «Адамның күні адаммен» («Жизнь человека связана с человеком») – и убедительно анализирует ее глубинный смысл и нравственную основу. Он тепло говорит о взаимосвязях, о взаимной поддержке, приводит конкретные жизненные примеры, подчеркивает: «Все духовно богатые люди по природе своей добры и гуманны».

Он, бесспорно, прав. На этих простых истинах зиждется жизнь. И в моей жизни добрых, сердобольных, светлых людей было большинство. Иначе я бы не выжил, не состоялся бы.

О таких людях я немало писал. Их сотни, тысячи. Всех никогда не упомню, не назову, не перечислю. Но благодарность к ним живет в моем сердце.

Нескольких хочу назвать здесь поименно.

Вот те, кто сыграл в моей жизни судьбоносную роль. Конечно, помимо родителей.

Анатолий Федорович Шалов – крупный партийный и советский работник, исключительно деятельная натура. Будучи вторым секретарем ЦК комсомола Казахстана, энергично поспособствовал на свой страх и риск моему – беспаспорточному спецпереселенцу, находящемуся под комендатурой – поступлению в вуз, несмотря на все препоны, ограничения и запреты.

Малик Габдуллин – Герой Советского Союза, директор КазПИ им. Абая, который сердечно благоволил ко мне в институтские и аспирантские годы, всегда – в самые ответственные моменты – приходил ко мне на помощь, заботился обо мне, как о младшем братишке, конкретно морально и человечески поддерживал меня.

Евгений Исаакович Ривлин – академик Белорусской Академии наук, профессор, экс-ссыльный, зав. кафедрой КазПИ им. Абая, мой научный руководитель в аспирантуре, заботливо ратовавший о моей научной карьере, которой я, однако, пожертвовал ради литературного творчества.

Абдижамил Каримович Нурпеисов – писатель, Лауреат множества государственных и общественных премий, который привел меня в журнал «Жулдыз», в Союз писателей Казахстана, внедрил меня в литературную среду, опекал меня в течении сорока лет, сделал для меня много-много хорошего, доброго, незабываемого. Досадно, конечно, что наша творческая и человеческая дружба оборвалась нелепо и несправедливо. Но все хорошее я помню и высоко ценю неизменно.

Вот на какое искреннее признание натолкнул меня философ Досмухамед Кшибеков, напомнив древнюю мудрость казахов «Адамның күні адаммен».

В одиночестве, сам по себе человек никогда ничего не добьется. Всегда должна быть надежная опора и крепкая рука. На этом стоит мир.

* * *

Конец холодного и убогого 1941 года. Уже несколько месяцев мы, депортированные, обитаем в захолустном казахском ауле северного Казахстана. Все непривычно, неуютно. Соседки-сестры – Кульшара и Кульбара – часто навещают мою маму, приносят молоко, масло, курт, иримчик, учат ее казахским словам. Мама незнакомые слова произносит искаженно, на немецкий лад: зут (сүт), нан, айран, хаймак, ет, май, рымшик, курд, су, аман, тшелек, бр (бір), экю (екі), торт (төрт)... Сестры смеются. У поволжских немцев есть такая особенность: вместо «т» произносят «д», вместо «ж» – «ш», перед гласными «с» превращается в «з». Таков неистребимый немецкий акцент. Гласные долгие, с растяжкой, «л» – мягкий.

Мама молодая, всего тридцать лет. Любит петь и подыгрывать себе на гитаре. Она выучила – по подсказке Кульшары и Кульбары – несколько строк казахской песни – «Хама-шай». Поет мама так:

– Пазында Хама-шай дын бр дальоки

Айэр лыб Хама-шай дан болдым кульке...

После чего следует задорный припев:

– Ахау хайли лайлэм, ляйли лайэм

Хама-шай кальдин кэин зауле дайем...

Я в недоумении. Ни одного слова понять не могу. По-моему, у казахов и слов-то таких нет.

Но мама поет увлеченно и уверена, что поет именно по-казахски.

Папа слов этих так и не выучил, хотя мелодию на скрипке воспроизводит в замедленном темпе марша.

На октябрьских праздниках мы – папа, мама, я – исполнили эту песню на школьной сцене. Мама даже подпевала. Папа отбивал такт ногой. Я аккомпанировал на балалайке. Для аульчан это было

внове. Они хлопали неистово. Говорили: «Ай, Анна, маладес! Поет по-казахски не хуже казахов!»

Лишь через год-другой я смекнул, что песня называется не «Хама-шай», а «Қамажай».

Потом разобрался и в словах, которые мама на слух безбожно искажала. Вот как на самом деле они звучали:

– Басында Қамажайдың бір тал үкі

Айырылып Қамажайдан болдым күлкі...

После чего следует задорный припев:

– Ахау, хайлиайым, лилилайым,

Қамажай, қалдың кейін, сәулетайым.

Маме, годы спустя, я объяснил и слова, и смысл, и произношение. Я ведь тогда уже учился в казахской школе и для мамы был авторитетом.

И мама перестала петь «Хама-шай».

С тех пор прошло о-хо-хо сколько лет. А я помню и мамин голос, и звук гитары, и мамино забавное произношение, в котором нельзя было понять ни одного слова.

Меня умиляют сам факт, людская доброта, непосредственность и тяга людей друг к другу.

Так было...

* * *

Закон не должен потворствовать знатным, отвес не должен подделываться под кривизну. Та, где действует закон, умный не может его обойти, храбрый не смеет ему противиться; наказания за проступки не минуют и сановников, награды за добрые дела не обходят и простолюдинов. Вот почему ничто не сравнится с законом, когда надо исправить проступки знати и покарать преступления простолюдинов, усмирить мятеж и осудить заблуждение, избавиться от излишеств и устранить нелепость, установить единые правила для всего народа. И ничего не сравнить с наказаниями, когда надо подхлестнуть чиновников и устрашить народ, искоренить разврат и леность, пресечь ложь и коварство. Когда наказания суровы – знать не смеет обижать простолюдинов, когда законы в почете – знать

уважают и не посягают на ее право, тогда и положение государя прочно и он располагает должной властью. Вот почему прежние государи почитали законы и передавали их один другому. Когда же государь отбрасывает законы и действует по собственному произволу – исчезают различия между верхами и низами.

Внимательно прочли эту сентенцию? Вникли в ее суть? Осмыслили мудрость?

Тогда поставьте кавычки в начале и в конце. Ибо это не мои слова, а цитата.

И кому принадлежат эти слова? Древнему китайскому мудрецу Хань Фэй-цзы. Когда он жил? В 288–233 гг. до новой эры! Прикинули, сколько прошло с тех пор лет?

Теперь проецируйте эту мысль на наш современный Казахстан. Получается один к одному – не так ли? Будто это цитата из послания народу нынешнего мудреца.

Вот и подумайте...

* * *

Что я вижу чаще и больше всего по телевизору? То, как тот или иной крупный сабаз-чиновник ловко захапал десяток-другой миллиончиков (больше-больше!) и ударился в бега или угодил в каталажку.

И происходит это изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год. Финпол разыскивает по всему миру не один десяток прытких пройдох и мошенников.

Ну и что? Одни воруют, другие ловят. Все при деле, все при исполнении. И те, и другие не образумятся, не устают. И главное – прекрасно знают, что кончится это плохо, что финал один, возмездия, кару-зауал не избежать, а взять себя в руки и умерить крокодиловый инстинкт не могут – хоть убей.

О том же самом читаю ежедневно и в газетах, слышу по радио. Вот феномен!

Поражает то, что люди эти – не халам-балам, умные, образованные, смышленые, опытные, предприимчивые. Не скажешь:

дураки. Хапают же беззастенчиво. Обрекают и себя, и близких, и родных, и потомков на позор, на стыд и презрение.

Ну, как все это объяснить?

И вспомнилась мне одна древняя китайская притча из «Книги мудрецов».

Как-то раз одному жителю Ци очень захотелось золота. Чуть свет оделся, надел шапку и отправился на рынок. Подошел к лавке, где торгуют золотом, схватил – и бежать. Рыночный стражник поймал его и спросил:

– Зачем схватил чужое золото, ведь кругом люди?

И человек тот ответил:

– Когда хватал, людей не видел, видел только золото!

Видно, и с нашими славными азаматами – рыцарями наживы и большого хапка происходит то же самое. Когда они хватают-стырят-карабчат, они ничего вокруг не замечают, не слышат, не чувствуют, а видят только золото. Шайтан-искуситель их ослепляет, лишает разума.

Вот она, гибель-то!

Другого объяснения не нахожу.

* * *

В бөспебайном царстве-государстве вырастают в изобилии бөспебаи – в смысле трепачи-хвастуны из неистребимого племени кыртов. От бөспебайев рождаются бөспебайчики. Бөспебайчики плодят мелких-мелких кыртов – зайчиков и мышат.

Такова формула нашего прогресса.

* * *

12-14 лет методически пишу цикл «Плетение чепухи». Похоже, внимание читателей он привлекает. Правда, некоторые недоумевают: «Қайдағы чепуха? Это разве чепуха? Совсем не чепуха!»

И название трудно передать по-казахски. Предлагаются такие варианты: «Анау-мынау», «Майда-шүйде», «Балдыр-шатпақ»,

«Кәкір-шүкір», «Көди-шүйде», «Балдыр-шалпақ», «Кәкір-шүкір», «Көди-сөди». Писатель Әдетов в «ҚӘ» (№ 7/13) предложил такое нестандартное название: «Көрбай-жербайлар». Оригинально!

Я еще свой выбор не сделал.

* * *

В чем смысл жизни? На этот кардинальный вопрос бытия отвечали посильно тысячи и тысячи мудрецов со времен Адама и Евы. Вопрос вроде простой, а ответов монблан.

Вообще-то целесообразно, чтобы каждый человек о том рано или поздно задумался.

Свой ответ на этот вопрос дал на склоне лет, как бы подытоживая свою богатую и содержательную жизнь, и маститый казахский философ Досмухамед Кшибеков в своей последней по времени (2012 г.) книге, которую он так просто, без затей и назвал «Смысл жизни».

Любопытно, какая по счету книга? Надо при случае спросить. Знаю: потрудился философ на славу.

Книга – напутственное слово молодому поколению казахстанцев и дань глубокого уважения и памяти ушедшим.

Так сказано в аннотации. И это полностью соответствует действительности.

Очень просто и доступно, без философских хитросплетений и заумных конструкций, автор поведал о себе и о своем крутом, извилистом времени.

А рассказывать ему есть что и о чем. На своем веку он пережил, перевидел, передумал, перечувствовал и осмыслил столько всяко-разного, что иной мой коллега-писака размахнулся бы на сагу-трилогию или тетралогию.

Философ оказался лапидарен и лаконичен. Словами не сорит. Тем и интересен и читабелен.

Я многое почерпнул из этой скромной, по тиражу весьма ограниченной книги: и бытийного, автобиографического, судьбоносного, мировоз-зренчески-философского и нравственно-гражданского.

Я не рецензию пишу, а короткий отзыв с единственной целью, чтобы книгу эту читали. Она того заслуживает.

Так в чем смысл жизни? Автор отвечает своим повествованием убедительно: «Создать семью, вырастить благовоспитанных детей, быть добросовестным человеком, любящим свою страну, иметь специальность по душе и работать, не покладая рук, пока природа позволяет это».

Жизнь автора соответствует этому кредо.

А вот последний аккорд:

«Мир богат и многогранен. Найти в нем свое место и быть полезным обществу – в этом смысле жизни и вся ее суть».

Согласен.

Этот тезис эффектно подтверждают и иллюстрируют и воспроизведенные в книге фотографии.

* * *

Большинство живущих на земле поневоле обитают в своем времени. А куда денешься: время, как и родителей, не выбираешь. Правда, некоторые рождаются с опозданием и живут как бы в прошлом. Есть и такие, которые вроде родились не в свое время, а раньше, преждевременно, словно выломились из своего времени, забежали каким-то образом вперед. Своеобразная аномалия.

Мне по душе люди, которые не совсем в ладу со своим временем, как бы в душевном конфликте с тем, что их окружает, не подлаживаются к тому, что составляет конкретную реальность. Сопротивляются. Ощетиниваются. Или даже конфликтуют. По-моему, во имя прогресса полного согласия, идеальной гармонии с порядками, аурой, дыханием своего Времени и не должно быть. Человека делает сопротивление тому порядку, которое навязывает ему свое Время. Мне нравится бетховенское кредо: «Правила запрещают, а я разрешаю».

Любому режиму власти нужны приспособленцы, а Времени – нет. Оно предпочитает встрешников. Время нуждается в иных собеседниках и мыслителях: о том как-то сказал мудрец, философ и

филолог Сергей Аверинцев, рассуждая о феномене русской культуры Алексее Федоровиче Лосеве.

Среди моих знакомых немало выдающихся писателей, поэтов, журналистов, философов, экономистов, историков, музыкантов, которых я знаю по тридцать-сорок лет. В молодости они были строптивы, самобытны, дерзки, колючи, чаще всего плыли против течения, ниспровергали сложившийся стереотип времени, отстаивали свое мнение, были склонны к вызовам, к эпатажу. Ярким представителем такого психо-физического направления был Аскар Сулейменов. Степной волк нашей юности. Таким он и остался в сознании его современников. Остальные «строптивцы» со временем поблекли, отошли от юношеского максимализма, стали покладистыми и степенными, приспособились к обстоятельствам, более того, принялись рьяно служить властям, конъюнктуре, становились филистерами, обывателями, прислугой, подхалимами и жопеке кланов-временщиков и нуворишей.

Смотреть на эту духовную трансформацию тошно, видеть эту деградацию больно.

Что поделаешь? Цыпленок тоже хочет жить. Голый расчет, житейский интерес вышел на первый план. И, естественно, они потеряли былой шарм и популярность. Остались одни звания, степени, регалии, ордена-медали, грамоты-дипломы, одна показуха, один пшик, мишура, химера, а человека нет. Симулякр. Время их подмяло, обкатали Сивку крутые горы. Они по-прежнему ходят в моих друзьях, но мне они уже неинтересны. Впрочем, как и я наверняка для них. Как в песне: «Ты махнула мне рукою, я махнул тебе ногой».

* * *

Разумеется, я никому не судья. Не адвокат и не прокурор. И мнение мое – особенно ныне – ничего не стоит. Но тем не менее иногда высказываюсь по тому или иному поводу.

С неизменной болью смотрю на нашу посрамленную Академию наук, гуляя возле памятника Чокану. Она была одним из неотъемлемых очагов нации, символом и атрибутом государства.

Преступно, что ее так бесцеремонно и безбожно в одночасье разрушили и похоронили сами академики.

А почему?

А потому, что в сущности они не были истинными учеными, а всего-навсего заурядными членами. И профукали свою альма-матер ни за понюшку табаку. Ради подачки-гранта.

Философ Д.Кшибеков напомнил мне Рене Декарта, который, оказывается, делил ученых на два сорта: первые – самоуверенные, не считающие ни с каким другим мнением, и вторые – те, что вообще не имеют собственного мнения и следуют за другими.

Так вот, чудится мне, у нас, в Казахстане, особенно за годы так называемой независимости, превалируют ученые второго сорта, те, которые в науке не имеют собственного мнения (у Майлина «емениесі жоқ»), а послушно, как ишачок или бычок на поводу, трусят за другими. Я знаю, с позволения сказать, ученых – специалистов по предлогу «в» в винительном падеже или по суффиксам «оньк» – «еньк», «ыңқыра-іңкіре» – барыңқыра, келіңкіре, тығынкыра, беріңкіре, сделавшие на этом ученую карьеру. (Хоть стой, хоть падай). Истинный ученый – все же личность, самостоятельная, дерзкая, рисковая, бесстрашная, убежденная в своей миссии. Таких всегда бывало мало. А вторых – послушных, мелких, завистливых, бесхребетных, заискивающих, вымаливающих у властей подачек – пруд пруди. Знал бы Рене Декарт, сколько к примеру, ныне дам перепевают, перелопачивают, перелицовывают старую ветошь ради всевозможных научных степеней!

В Казахстане этот тип ученых всплыл наверх, как мусор в проруби. Они-то и Академию похерили, и науку осрамили.

А восстановить однажды разрушенное редко удается. Это ведь не коровий загон отремонтировать. Даже саруару страны, будь он хоть семи пядей во лбу, это не под силу.

* * *

Энциклопедиста Алексея Федоровича Лосева я читал мало, но о нем все же кое-что знаю, имею общее представление. Вот перед кем чувствуешь себя неучем и ничтожеством.

Сколько он знал! И как был эрудирован, сведущ в науках! Он глубоко знал античную эстетику, философию, филологию, историю, искусствоведение, лингвистику. И это еще не все! Он профессионально постиг музыковедение, психологию, литературоведение, культурологию. Знал языки – французский, немецкий, английский. Переводил с греческого и латинского на русский язык. Читал лекции по многим предметам, вел семинары. Написал более 400 научных трудов. По его же признанию, 30 томов произведений каждый по 500-800 страниц! И среди них шеститомную «Историю античной эстетики», удостоенную Государственной премии 1996 года. Автор тридцати трех научных монографий. Прожил 95 лет, сохранив уникальный дар и интеллект.

Действительно, божья благодать беспредельна. Как вмещаются столько талантов и знаний в одном человеке, сотворенном, как все мы, из костей и мяса, – уму непостижимо! Разве мыслимо себя с ним сравнивать? Он учился в классической гимназии, откуда вынес «мертвые» и «живые» языки, посещал еженедельно (!) восемь раз (!) театр, учился игре на скрипке, настраивал себя с малых лет на систематический труд и самостоятельное мышление, учился в университете сразу на двух отделениях – по философии и филологии, не тратил времени впустую. Ну, а я, например, грешный? И вспоминать стыдно. Рос в глухомани в военное лихолетье. И книг-то, считай, никаких не было. Учился в аульной школе. Радио услышал впервые в восьмом классе. Оперу посетил впервые студентом первого курса... Э-е-е... какие языки, какие науки, какие опоры и стимулы?

И так росли все мои сверстники.

Откуда что бы взялось? И какой с нас спрос? Да еще и гены не те. Так и остались бишаринцами-сорлыбаюшками.

А Лосев – уникум, титан.

* * *

Считаю себя обязанным поделиться с читателями своими впечатлениями о книге «Звезды в небе» (Алматы, 2013). И по содержанию, и по форме, и по композиции она значительнее и весомее,

чем обычные, расплодившиеся ныне так называемые семейные («отбасылық») книги.

«Звезды в небе» богато проиллюстрированы фотографиями. Одна мне особенно запомнилась. Трое именитых братьев сидят рядком, плечом к плечу: двое родные, от одного отца и матери, – сыновья Кабаша Казыбаева – корифей казахской историографии, академик Национальной академии, доктор наук, профессор Манаш и доктор истории, маститый журналист, неутомимый культуртрегер, член четырех академий, автор многих книг и энциклопедических справочников профессор Сагимбай. А между ними, посередке, запечатлен их старший двоюродный брат (по-казахски «аға») – крупный партийный и советский работник, Герой Социалистического Труда, внушительный и солидный Оразалы Козыбаев. Ничего не скажешь: представители крепкого, колоритного клана, оставившего в сознании казахов благородный след. Академика Манаша Кабашевича я знавал долгие годы, близко общался с ним, бывал рядом на высоких сборах, писал о нем. С профессором Сагимбаем Кабашевичем тесно знаком тоже не один десяток лет, знаю его деяния и труды, тоже, случилось, печатно отозвался о нем. Ну, а именитого Ореке знавал заочно, понаслышке.

Главные фигуранты данной книги, однако, не братья, не разветвленная поросль талантливого, исполненного высоких гражданских порывов клана деда-ата Козыбая.

Речь в книге главным образом идет о простом непростом степняке, азамате-патриоте, Человеке-Гражданине, целеустремленной деятельной натуре – бывшем батраке и активном организаторе колхозного движения в Казахстане, бессменном председателе колхоза на Костанайщине Кабаше Козыбаеве. Вокруг его личности, его героического поступка в годы войны выстроена композиционно тщательно продуманная книга «Звезды в небе», составленная благодарным сыном его Сагимбаем. Честь и хвала ему за это! Это было его давним, заветным сыновним долгом, и он, годы спустя, исполнил-таки его с блеском.

Книга именно составлена. Автор скрупулезно, в течении многих лет собирал для нее разноликий материал: автобиографические

сведения, воспоминания о герое, документы – анкеты, справки, наградные листы, газетные вырезки, литературу о жизни и деятельности отца (в книге приведены 35 названий источников), поэма Г.Жумабаева о нем, фотографии, письма, коллективное обращение к воинам-казахстанцам, телеграммы, извещения, кассовые чеки, родословная-шежире, семейные свидетельства и предания, литературные очерки и портреты, беглые штрихи, характеризующие отца.

В этом, думаю, и заключаются пафос и ценность книги. Весь этот многообразный, разноплановый, многопластовый материал расположен в книге «по уму», продуманно распределен по разделам-частям: «Отец», «Во имя Победы», «Наследие и наследники», вступление и послесловие. Все это разнообразие подчинено одной основополагающей, сквозной идее – воссозданию портрета Отца – труженика, патриота, гражданина страны Казахии.

В чем суть высшего духовного взлета председателя степного колхоза Кабаша Козыбаева?

В том, что в суровые дни Великой Отечественной войны им было из личных сбережений собрано 190 тысяч рублей и подарено фронту звено именных боевых самолетов «Кабаш Козыбаев», за что он получил благодарственную телеграмму от самого Верховного главнокомандующего.

Таков был момент истины.

И о том надобно знать потомкам.

Профессор Сагимбай пишет: «Отец прожил жизнь более чем скромно. В юности батрачил. Солидного образования не получил. Самоучкой возглавил первые сельхозартели Казахстана. Не бил себя в грудь. Не рассказывал лишнего. О военных годах не говорил. И мы не спрашивали. А надо было. Умные задним числом теперь только это понимаешь».

Заслуга Сагимбая Кабашевича не только в том, что он собирал по крупицам весь этот материал, систематизировал его, но и в том, что почти каждый материал, написанный по-русски или по-казахски, он тщательно откомментировал по своему обыкновению лапидарно и точно, тем самым охарактеризовав его дополнительно.

Поучительный и познавательный заряд этой книги сомнения не вызывает. А документы и родословное шежире придают книге еще и научный и исследовательский шарм.

* * *

...В больницу я забрал с собой «Кабуснаме». Решил перечитать мудрые восточные советы. И сразу же наткнулся на главу «О распорядке науки врачевания». Сколько в этом сочинении XI века благоразумных назиданий на все случаи, в том числе и по врачеванию! Поразительно! Речь идет о формальных трех видах – энергия, действие, дух. О животных энергии и о природной. О следствии разных факторов, о причинах перехода из одного состояния в другое, о болезнях органов взаимоподобных и невзаимоподобных, о разных симптомах, которые поделены дотошно на виды, подвиды, о теоретической части науки врачевания и о практической – перечисляются диковинные названия медицинских трактатов – о гигиене, о законах лечения, о приметах добрых и дурных, о знаках болезни внутри тела, про науку о кризисе, о горячках со ссылками на Гиппократа, Галена и о многом-многом другом.

Читается эта медицинская глава в «Кабуснаме» как вдохновенная поэма. «Потом пощупай пульс больного. Если он бьется и подымается под пальцем, знай, что кровь в излишке. Если он бьется под пальцем звонко и быстро, знай, что преобладает жизнь. Если он бьется под пальцем тихо и тонко и слабо и редко – преобладает меланхолия, а если под пальцем бьется редко и сильно и медленно – преобладает влажность. Если он меняется, вынеси решение по тому, к чему он больше клонится».

Все предусмотрено в «Распорядке науки врачевания», и все дотошно описано.

«Если моча светлая и не прозрачная, он болен от печали, если светлая и прозрачная, болезнь его от скученности и сырости и плохого воздуха. Если она прозрачна, как вода, он болен от неприятности. Если она цвета апельсина... Если она как масло... Если она шафранного цвета... Если она отливает в желтизну или в зелень... Если она черная и в ней налет вроде крови... Если она желтая и

кажется такой, как сияющее солнце... Если она темно-зеленая...» И так далее. А потом следует вывод: «Когда ты посмотришь пульс и мочу, ищи вид болезни, ибо болезни бывают не одного вида».

Любопытно: пользуются ли в современных медицинских институтах этими премудростями? Или слепо доверяют нынешним лабораторным анализам? Я-то, признаться, не особенно им доверяю. Ибо хорошо знаю, что у меня в зависимости от многих причин в течении часа меняются и давление, и сахар, и пульс, и кровь, и желчь и состояние внутренних органов. И то снадобье, которое мне полезно в данный момент, через час-другой может обернуться ядом. Испытываю я доверие к тому доктору, который относится ко мне не как к унифицированному antropos'у, не как к лягушке или дереву в лесу, а определит во мне индивидуальность с какими-то отличиями, отклонениями, причудами и капризами.

Врачевание, полагаю, сродни искусству, а искусству стандарт противопоказан.

Пока я, раздумывая о человеческих хворостях и об искусстве врачевания, лежал под капельницей. За окном помрачнело, тяжелые предгрозовые тучи заколобродили по небу, проворчал далеко в горах апрельский гром, из коридора доносились суетливые шаги, телефонная трель, вольная казахская речь, скрип каталки, звяк и бряк из столовой. На тумбочке у изголовья остывал мой ужин. Я покосился на серый творожник, облитый с краешка жидкой сметаной, на кусочек костистой рыбы с гороховым пюре, на два ломтика черного хлеба и чашку блеклого чая. «Е-е... ладно обойдусь», – подумал я вяло, чувствуя, как димидроловая сонная одурь разливается по жилам...

* * *

Давний знакомый литератор из Берлина прислал мне книгу Иосеба Гришашвили: перевод на немецкий язык описания быта и нравов старого Тбилиси с дивными иллюстрациями грузинского немца Оскара Шмерлинга. Книга впервые издавалась в 1926 году, написана живо, озорно, лукаво, со стихотворными вкраплениями,

притчами, колоритными юмористическими сценками из кавказской жизни с ее уникальными типами и пестротой бытия. Немцы издали ее с любовью и тщанием. С комментариями. С обстоятельными предисловиями и послесловиями. И составитель этой книги – Леонард Кошут, и переводчица – Кристиане Лихтенфельд – мои симпатичные знакомые, с которыми встречаюсь, переписываюсь не один год. Название немецкой книги – строка из грузинской песни – «Niemals hat der Dichter eine schönere erblickt». Книгу оживляют, украшают тридцать три характерные, яркие, полные доброго лукавства картинки Оскара Шмерлинга – набор почтовых открыток 1910 года, изображающих веселые сценки и типы старой тифлисской жизни.

Мой сосед по палате, коренной тифлисец, театральный режиссер Саркис Бошаян, загоревшись глазами, впился в эти рисунки.

– О! У меня эти открытки есть. У-ди-ви-тэль-но! Вот это Тифлис! Все мне знакомо: и шашлычник, и брадобрей, и тифлисские тетки-сплетницы, и уличный торговец, и старики-политики, и персы-ковровщики, и танцы «Картули», «Кинтаури», и игроки в нарды, и буржуа из Сололаки, и грузинское застолье, и Шайтан-базар – все, все! Ах, какая прелесть! Какие краски! Буйная, бурная, пестрая жизнь Кавказа. Прекрасный город, прекрасные люди!. Вы не были в Тифлисе?

– В Армении был, в Грузии нет.

– О чудо! Нигде я не видел таких интересных людей, как в Тифлисе.

– Откуда это название?

– Это русское искаженное название. Из Тбилиси сделали Тифлис. И до 1936 года город так и назывался. А потом стал снова Тбилиси. Это означает «горячие источники». Знаете, сколько там источников?! И все целебные. Однажды в школе, где я учился, прямо в класс из-под пола забил фонтан. Вот переполоху было! Вы живете в Алма-Ате?

– Да. Более полувека.

– Вам Алма-Ата нравится?

– Нравится. А вам?

– Хороший город. Но раньше был лучше. А Тифлис все равно красивей.

Бошаян листает немецкое издание о старом Тбилиси, рассматривает знакомые иллюстрации, млеет, восхищается. Кто знает, какие картины далекого детства и юности вспыхивают в его разрушающейся памяти...

* * *

В газете «Айкын» (февраль 2013 г.) опубликована в двух номерах объемная статья «До Абая, после Абая...» Статья довольно острая. Встречаются свежие мысли. Например, Льва Толстого называют «великим», но в его «величии» автор статьи убедился лишь после того, когда узнал, что его почитал сам Абай. Не признавай его Абай, трудно было бы поверить в гениальность большого Арыстана.

Или: все поэты-писатели до Абая шли-брели по проторенной Гомером дороге. В начале своего пути и Абай пошел по этой тропе, однако, не долго, потом свернул на стезю сугубо национальную – «ухабистую и тернистую», устланную непосильными препятствиями и борьбой. Таким образом, Абай исполин, несомненно, выше Гомера».

Надо же, а я этого не знал.

Или: талантливых акынов, как Шаханов, у нас, оказывается, большинство, а таких умных, как Абай, слишком мало. Потому-то Шаханов стоит ниже Абая. К тому же он прямо заявил, что Абаю он, мол, предпочитает, то есть ставит выше, Махамбета, пассионария-бунтаря.

В отношении Абая и «наш» Дулат-ага Исабеков тоже заблуждается. Он, оказывается, не учитывает того, что Абай воспитывает казахов прежде всего в национальном духе.

И подобных откровений-утверждений в статье много. У нас, к примеру, пруд-пруди классных акынов особенно послеабаевского периода, но кто знает их стихотворения наизусть?! То-то же! Значит, никто из них Абаю и на дух не подходит.

Ладно. С меня, однако, и этого достаточно.

А недавно мне довелось прочитать, что группа казахских «зиялы» («образованцев» по терминологии Солженицына) обратились к Президенту страны с предложением официальным указом присудить Абаю звание Пророка-Пайгамбара.

Ну и ну! Что наш саруар назначает акимов областей, я слышал, но чтобы он же определял пророков – мне внове.

Верно заметили казахи: жүре берсең – көре бересің, көре берсең – көне бересің, что по смыслу означает: «Поживешь – не то еще увидишь, а увидишь – поневоле смиришься».

* * *

С Новым (2013) года на телеэкранах России и на страницах газет замелькал-замельтешил колоритный, маститый французский актер Жерар Депардье. Он покинул Париж, ринулся было в Бельгию, но принял российское гражданство, облюбовал для житья город Саранск, где намерен построить себе дом и открыть ресторан. Факт этот обыгрывается на все лады и выдается, как сенсация.

Я же – честно! – от всей этой возни не в восторге. Мне чудится все это всего-навсего пиаром.

Депардье – насколько мне позволительно судить – весьма броский актер. Скажут: великий, гениальный – спорить не стану. Но по каким причинам он покинул Францию, Париж? Что, его преследовали, устраивали гонения, перекрывали кислород, ставили палки в колеса, мешали ему сниматься где и как он хотел?

Ничуть не бывало!

Он любимчик, счастливчик, везунчик, все ему позволено, он кумир, баловень, барин. А сбежал он от большого налога. Он элементарно спасает свои миллионы.

Но откуда слава, популярность, деньги, недвижимость, людская любовь? Всему этому он всецело обязан французам, Франции, Парижу. Не с Луны же он в одночасье свалился. Именно Франция сделала его тем, кем он есть в настоящее время. И теперь все это побоку ради – извините! – житейского дерьма?!

Нет, неприятно мне это. Несимпатично. Не по-джентельменски.

Придет время – и он одумается, в его породистой голове не ветер ведь гуляет, поймет, что он не богатство свое спас, а себя потерял. Затоскует по Франции, по Парижу, по своим соотечественникам, по родной речи, по французской свободе и шарму. Дурно ему станет в Саранске, в своем ресторане. Он взвоет от тоски и согласится на любые налоги, на любые проценты ради того, чтобы закончить бренную жизнь там, где пуп его был резан.

Со своей колокольни считаю, что будет именно так. И нынешняя эйфория промелькнет быстро. Ибо изначальный импульс отдает банальным шкурничеством.

* * *

С 1976 года я живу в 12-этажном 48-квартирном доме на углу Кабанбая батыра и Чокана Валиханова. За два дня до приезда заляпанной, раздрызганной «мусорки» наш дворик выкатывает из закутка три контейнера со всякими житейскими отходами под самую крышку.

Тотчас, откуда ни возьмись, налетают по-разбойничьи наглые азиатские скворцы, потом вороны, голуби, суетливые воробьи, редкие, оглядчивые сороки. Находят какой-то прокорм, ловко разрывают пакеты, торопливо набивают зобы, деловито прохаживаются, топчутся вокруг. Большинство из городского, обжорливого пернатого племени потеряли стыд и терпение, лишь некоторые проявляют сдержанность и деликатность.

Разбойный их пир длится, однако, не долго.

Вскоре из-за угла, постукивая суковатым посохом, семенит к мусорным бакам зачуханный, обтерханный мужичонка, увешанный связкой пластмассовых бутылок и банок, с большой матерчатой сумкой в руке. Он деловито разгребает целофанновые мешки-мешочки, рассыпает все содержимое, встряхивает, отшвыривает в сторону, заскорузлыми пальцами что-то нащупывает, находит, перебирает, принюхивается и пихает в свою бездонную сумку. Рядом шмыгают жильцы, но он их в упор не замечает.

Что-то набрав, он удаляется на обход, видно, других баков в ближайшей округе. Вероятно, это его законный участок, приватизированная территория.

Только завернул мужичонка за угол, появляется со стороны Кунаева сравнительно молодой человек в шляпе, куртке, ладных джинсах. Легкой, быстрой походкой, будто спешит куда-то по важному делу, он на миг останавливается у баков, быстро приглядывается, приценивается, брезгливо запускает руку вглубь, что-то вытаскивает, долго осматривает и, чаще всего с досадой махнув рукой, так же, с наигранной независимостью удаляется прочь. Он редко что берет и делает вид, будто ведет целеустремленные поиски чего-то очень важного и до объедков еще никак не докатился.

Потом появляется рыхлая, явно после запоя, запущенная бабка неопределенных лет с разными пакетами. Видно, и она приписана к мусорным бакам нашего околотка. Но по определенному кем-то статусу идет третьим номером. Она копошится долго, основательно, перебирает главным образом ветошь, разворачивает ее, осматривает на свет, к чему-то примеривает, соображает, разглаживает ладошкой и, сложив, рассовывает по своим сумкам-пакетам. Работает она сосредоточенно, со знанием дела, пока, тяжело колыхаясь и пофыркивая, не заезжает задним ходом вся заляпанная, вонючая колымага.

Кое-кто из расхристанных бомжей то и дело показывается в течении дня. Видно, они из категории случайных бродяг. Я с балкона четвертого этажа наблюдаю за ними не первый год.

Вырос я в казахском ауле в давнее лихолетье. Бедствовали тогда почти все. Некоторые – дико. На грани. Но попрошаек и «помойщиков» в ауле не встречал. И слово «бомж» появилось значительно позже. В Алма-Ате обитаю с 1954 года. Тоже не всегда благоденствовали горожане. Но не видел бедолаг, кормившихся у мусорных баков. Эти несчастные, бездомные, потерянные, опущенные, напрочь лишенные всех житейских благ появились – дай Бог памяти! – в годы независимости. И в этом явлении заключен некий нонсенс, постыдный казус, какая-то трагическая бессмыслица, жуткое человеческое горе. «Бомжей» становится с каждым

годом все больше и больше. Всюду. Во всех городах. Какой процент составляют эти люди в малочисленном, бескрайнем Казахстане? Какая национальность среди них превалирует? Занимается ли ими кто-нибудь? Учитывается ли их социальный статус? Какая психофизическая причина кроется за их судьбами? Состоят ли эти несчастные в каких-либо божьих или человеческих списках?

Конечно, можно сделать вид, что их не замечаешь. Что они отбросы общества, изгои прогресса, люмпены. Что Казахстан устремился вперед семимильными шагами, за которыми эти бедолаги-бишара, эти сорлыбаюшки, потерявшие человеческий облик, никак не поспевают и безнадежно отстали от благополучного кочевья.

Многие, кажутся, так и поступают. Закрывают глаза, затыкают уши.

Но это вовсе не значит, что не существует горемык, что никто не промышляет у мусорных баков. А ведь и они созданы, как все, по образу и подобию.

Я не слышал, чтобы власти об этом явлении всерьез задумались.

* * *

В стране Оршутстан поэтов награждают специальным орденом Крысы. Он бывает двух видов: орден Крысы с хвостиком (для прихвостившихся) и орден Крысы без хвостика (для тех, кто еще не успел прихвоститься). Орденов наштамповали много, но все равно на всех поэтов не хватает. Поэтому они становятся в очередь на несколько лет.

* * *

Очень не просто подобрать к иным понятиям точное и ёмкое определение. Такое, какое срослось бы напрочь. Надолго. Или навсегда. «Прощай, немытая Россия!» Это надо же было такое придумать! Или «Взвихренная Русь» Алексея Ремизова. Это о России первых послереволюционных лет.

У Ремизова же: «Россия нищая, холодная, голодная горит огненным словом».

Какое же определение можно придумать нынешнему Казахстану? «Разворованный Казахстан»? Или из этого же ряда «коррупционный», «разграбленный», «растащенный», «распроданный», «посрамленный»?

Точного и емкого определения не нахожу. Понимаю: кому-то вообще такая постановка не по душе. Впрочем, мне тоже.

* * *

Принято Поэта сравнивать с бесстрашным, зорким орлом, со львом, с тигром, с барсом, с тулпаром, сункаром, восхищаясь его избранничеством, дерзостью, независимостью, своеволием, высокой миссией, мессианством, пророчеством, «безумством храбрых».

И это определенно правильный подход. Поэт не может быть мелким, трусливым, оглядчивым, приспособленцем, подхалимом, попрошайкой и т.д.

Вспоминается Бауыржан Момышулы, когда он самовольно поднимался на трибуну съезда писателей и устремлял свой огненный взор на рыхлого секретаря ЦК КП К Саттара Имашева, и тот вбирал голову, в жирные плечи, начинал ерзать, изображать улыбку, прятать глаза.

Вспоминается Джубан Мулдагалиев, когда он гневно обличал расправу властей над участниками событий 1986 года, и новоиспеченный секретарь ЦК КП Казахстана пришелец Колбин ловил Поэта во время перерыва в коридоре, чтобы пофарисейски с ним полобызаться.

Помню, как однажды вломился на партсобрание Союза писателей Казахстана своенравный Мукагали Макатаев и зычно рявкнул: «Встать!!», предложив помянуть кончину Александра Твардовского, и коммунисты послушно встали перед опечаленным и по-гражданski возмущенным Поэтом.

Смелостью, непримиримостью и дерзостью отличался и Олжас в ту пору, когда он еще писал стихи.

А ныне что? Ныне арыстаны, тигры, барсы, орлы заметно поблекли, выродились, пошли шарики-бобики, бақа-шаяны, құрт-

құмырска, разные козявки и жопеке, которые на коленях стоят перед власть предержащими с протянутой рукой, вымаливая орденки-медальки, сөлкебай-побрякушки, звания, премии, подачки-милостинки.

С чего началась эта зараза? И когда жопешкиада кончится? Думаешь: поэт-арыстан, а он полуслепой щенок, кормящийся с руки. Тьфу!..

И Президент нашей страны правильно делает, когда иных поэтов награждает «Барысом» третьей степени. Ведь такой, с позволения сказать, поэт выше третьей степени и не заслуживает. Это его красная цена. И он, бишара, и этим вполне польщен.

* * *

...Он очень известный человек. Ветеран Великой Отечественной войны, полковник в отставке, участник многих ключевых битв, в т.ч. Сталинградской, член Ассамблеи народа, патриот, гражданин, поэт, общественный деятель Леонид Юзефович Гирш.

Я горжусь своим давним знакомством с ним. Знаю его книги и деяния.

По телефону он сообщил мне, что к настоящему времени (2013 г.) остались в живых всего 32 человека, участвовавших в Сталинградской битве, награжденных медалью «За оборону Сталинграда». Все они зарегистрированы в Объединенном Совете ветеранов Сталинградской битвы. Самый молодой из них – сам Леонид Гирш (89 лет). Он же и возглавляет Совет.

«Сталинградская битва, – поведал он мне, – была самая трудная, страшная, кровавая и гибельная».

Об этом и сказано в книге, составленной им, – «Огненный Сталинград».

Емко и точно.

В книгу вошли воспоминания ветеранов, стихи о битве на Волге, фотографии, акварели, очерки, интервью. Все подобрано с умом, тактом.

Я прочел эту книгу с вниманием, с трепетом, с гордостью за своих соотечественников, отцов и дедов за их ратный подвиг, мужество и стойкость.

Гирш заслуживает признания и благодарности за сотворение столь важного и актуального документа, приурочив его к 70-летию Победы в Сталинградской битве.

Нынешнее поколение должно об этом помнить.

Мне шел восьмой год, когда в Сталинграде сломали хребет фашистской орды. Я обитал тогда в ауле на берегу Ишима. И до нашего захолустья докатилась победная весть.

Помню.

* * *

Одно время златоуст-обозреватель В.В.Познер (которого, кстати, я не жалую) заканчивал свои ехидно-саркастические передачи по телевидению неизменным рефреном – фразой домашней заготовки: «Такие нынче времена!»

Вообще-то верно: времена нынче пошли особые. Крутые.

Другая эпоха – другие люди – иные нравы.

Независимость и свобода превыше всего.

Каждый каждого норовит обмишулить. Все делают деньги – хоть из воздуха. Мошенничают кто на что горазд. Неукротимый зверь – коррупция – пронизал сверху донизу наше уродливое бытие.

Тотальное воровство, рывь и хап (А.Ремизов), наглость и нахальство, черный, грязный бизнес вышел всюду на первое место.

Низы говорят: «С них надо драть». Имеется в виду: с властей, с начальства, с высокопоставленных чиновников.

Верхи твердят: «Их надо душить». Имеется в виду: толпу, массу, быдло, бишара, электорат, нищебродов.

Лозунг дня: надо рвать, а то поздно будет.

Хватай – и убегай, уползай, спрячься – хоть в норку, хоть за кордон.

И не мелочись, карабчи по-крупному. Если уж упасть – так с верблюда.

И все друг друга посылают: первые вторых «в пи»; вторые первых «на ху».

И все уходят восвояси: один – в «в», поблизости; другие – «на», немного дальше.

И никакой обиды. А что? Страна свободная, независимая. Все имеют право.

А драть – мастера, о-го-го! В липку обдирают. И правительство и закон, и ЖКХ, и ТОО «тепловые сети», и разные вампиры-вампирчики, клопы-клещи во всех щелях-закутках.

Приведу пример (читатель добавит своих сколько угодно). Я, старый послушный пенсионер, изрядно потрепанный экспериментами разных общественных формаций, едва получив извещения за коммунальные услуги, тотчас тащусь в банк, в кассу, на почту. Или отправляю жену. Плачу́ все тютелька в тютельку. Сколько нарисуют, столько и плачу. Лишь бы скорее избавиться от податей-поборов. Пуще огня и болезней боюсь долгов. Плачу́ с явным запасом. А в извещениях пишут: «Долг за отопление... Долг за горячую воду... за радио (которое, кстати, сто лет не функционирует)... за уборку площадки, за ремонт лифта, за входную дверь, за домофон, за вывоз мусора, за недвижимость и землю, за чердак и подвал, за трубы-вентиля, за клапаны и водные пробки, за ... о, Аллах, все перечислять – газетной площади не хватит. И все по нарастающей, по нарастающей. Бывало, платил пятую часть пенсии, потом – четвертую, потом – третью, потом – половину, теперь – приближается к 90 процентам (10% милостиво оставляют на лекарство). И все дерут и дерут. Тарифы, дескать, приближаются к реальности. Попробовал было письменно что-то доказать. Куда там?! Докажи расплодившимся ТОО, что ты не верблюд. Получается, как в известной казахской притче, в которой насильник утешает свою малолетнюю жертву: «Не плачь! А то еще раз оттрахну!».

Апырай, как быть?! Послать кого-то ни «в», ни «на» я не приучен. И драть, во-первых, не с кого, а, во-вторых, не умею.

Утешаюсь: такое нынче время. Надо рвать. А то поздно будет.

Боюсь: не скоро эта бесовская круговерть, эта бесстыжая обдираловка кончится. По крайней мере на моем веку – уж точно.

* * *

Я так и не уразумел, какое у нас правительство: вре́менное (с ударением на первый слог) или временно́е (с ударением на последний слог). Вре́менное – в смысле «на время», «на недолгий период», по-казахски: «уақытша». Временно́е – в смысле «на данное конкретное время», по-казахски: «мерзімді».

Ощущение такое, что само наше правительство не совсем четко уяснило для себя, куда ставить ударение.

* * *

Возраст во все вносит серьезные коррективы. Я это почувствовал, приближаясь к 80-летнему рубежу.

Вспоминается в этой связи фраза, сказанная мне Габитом Мусреповым по телефону. Современники его помнят, каким он был важным, вальяжным, степенным, горделивым, знавшим цену и себе, и своим словам. О, это был щеголь, эстет, орел! А вот как звучала та запомнившаяся мне буквально горькая и смиренная фраза: «Е-е-е... бұл күнде мен кімге не дей аламын енді...» Примерно: «Э-е... кому что я могу сказать теперь?!»

Шел тогда Ғабе 81-й год. Эта покорная фраза и во мне звучит нынче все чаще...

* * *

Потрясла статья Қызғалдак Айтжановой в газете «Алаш айнасы» (27.02.13) – «ұлт сапасының төрт дұшпаны не? («Каковы четыре врага национальных ценностей?») Какие это враги, угрожающие национальным качествам? Автор перечисляет:

а) **алкоголизм**. По этому позорному явлению Казахстан занимает в мире 34-ое место, т.е. держит первое место в азиатских республиках. На каждого казахстанца приходится в год в среднем около 11 литров чистого спирта. По данным Международной организации здравоохранения 8 литров спирта на душу населения – национальная катастрофа.

Приводится в статье и другие цифры, от которых волосы дыбом.

б) **наркомания**. По официальным данным, в Казахстане зарегистрировано 54 тысячи наркоманов, которые ежегодно потребляют около 20 тонн наркотических веществ. Среди молодежи наркомания особенно прогрессирует.

в) **аборты**. Их в стране делается ежегодно около 300 тысяч. (В Голландии 10 тысяч). Прерывают беременность девочки 12-14 лет все больше и больше.

г) **проституция**. Только в Алматы зарегистрировано 10 тысяч проституток. Неучтенных – бог весть. И проституция растет и молодеет.

Все эти факты поражают и потрясают. И это ни для кого не секрет.

Я думаю: если бы подобные факты огласил бы Президент в своем ежегодном послании народу, задумались бы наши власть предержащие, сделали бы соответствующие выводы, приняли бы кое-какие конкретные меры? Или депутаты, не вникнув в суть, по инерции повскакали бы с мест и бурно захлопали бы в ладоши? И с такими данными мы строим грандиозные планы к 2050-му году? Не получается ли тут нестыковочка? Или будем по-прежнему скрывать свою хворь?

Не знаю, не знаю... Я лично за открытость во всем.

* * *

Ну и что? Ночью вдруг подумалось о казахских исторических романах. Боже, сколько их настряпано-накатано за три-четыре десятка лет! И сколько их я прочитал – пухлых однотомников, многоверстовых дилогий и трилогий! Да что там читал – о, ужас! – переводил-перетолмачил...

По части истории – немецкой, русской или казахской – я большой профан. Если что-нибудь и знаю, то весьма поверхностно, приблизительно. А прочитав добрый воз ляп-тяп сплетенных из легенд-преданий, мифов-шежире и фантазий с потолка опусов, я, кажется, окончательно сбился с панталыку. Сотни ханов, биев, беков, баев, батыров, правителей разных рангов так задурили мою

тугодумную немецкую башку, что я уже ровным счетом ничего не соображаю.

Смутно я уже давно догадался, что воды в этих сочинениях больше, чем в Аральском море в пору его могущества. Напихано в них всякой всячины по завязку – тут тебе и разные родовые и клановые интриги едва ли не с Адама и Евы, любовные коллизии со смачным степным сексом, и барымта, умыкание, погони и преследования, и побоища и ристалища, набеги и грабежи, тои и асы, айтысы акынов, красноречивые словесные баталии биев-мудрецов, нудные и длинные шежире до тридцать второго поколения, лихие плотские утехи – ойхой, дуние, весь традиционный набор номадского бытия. Воды, айрана-шалапа, кумыса-шубата много, а истории – пшик. С гулькин нос. Все умозрительно. Сплошной «Аттан! Аттан!» на всю степь.

А народ все читал и всю эту муть принимал за подлинную правду.

И вот сидим мы с моим давним другом, прекрасным писателем, признанным аранжировщиком легенд, златоустом-политиком. А. на кухне, и он мне пространно толкует о разных исторических благоглупостях, сознательных или несознательных несуразностях в скороспелых писаниях неутомимого романиста Е, который все, дескать, перемешал-перепутал – и хронику, и события, и роды-племена, и даты, и родственные отношения, и географические места, и характеры, и психологию. Говорит А. убежденно, красно, называет диковинные источники, факты, авторитеты, разбирается в истории, будто в своей ограде или в отчей мазанке, и я слушаю, слушаю, внимаю, мотаю на ус, не смея спорить из-за своей глухой некомпетентности.

Говорю: «Ну, так ты изложил бы все это на бумаге, вывел бы своего старшего коллегу на чистую воду, дабы читатели знали истинное положение дел».

Он потирает-скребет пятерней свою лобастую, шишковатую голову, отвечает: «Ойбай-ау! Мне же моей жизни не хватит, чтобы описать все исторические ляпы почтенного Е. Не лучше ли мне самому написать роман?!»

Пожалуй, верно. Беллетрист Е. пишет казахскую историю левой ногой: это я давно почувствовал.

Ныне покойный критик, умница З.С., несколько месяцев порывшись в архивах Ленинграда и Москвы, разразился по этому поводу обстоятельной статьей, не оставив камня на камне по очередному историческому опусу неугомонного романиста. Ох, и шума было – пыль столбом!

А романы не жалевшего ни себя, ни читателей беллетриста Е. в 60-90-ые годы прошлого века бурлили потоком, я едва успевал их читать в оригинале и переводах, а в моей одурманенной голове ровным счетом ничего не оставалось. Все превращалось в жидкую затируху-кожé, все улетучивалось-испарялось. Смешались кони, люди, даты, события. Вся казахская степь билась-сражалась с заклятыми джунгарами.

Ну, а потом на первый план и вовсе вышла политическая и идеологическая конъюнктура. По острым политическим соображениям надо было срочно находить останки ханов, биев, полководцев-батыров там, где и как диктовали сиюминутные интересы правящего клана, пышно и торжественно перезахоронить их, конечно, с участием славных азаматов, с подобающими случаю патриотическими речами, с пафосом, с музыкой, с чтением стихов, потом в сплошном порядке соорудить импозантные памятники-кесене, поднять пыль, проводить ас со всеми атрибутами, посеять ложь посреди белого дня во имя каких-то временных задач и расчетов-целей, вбить-вколотить в сознание толпы то, чего не было и просто не могло быть.

Ничего! Все сработает. Цель оправдывает средства. Надо было придумывать батыров – придумывали. Надо было воздвигать памятники в назидание потомкам – воздвигали. Надо было присваивать чьи-то кости, скажем, хану Аблаю – запросто присваивали. Надо было переселять знатных биев, ханов, полководцев ближе к нынешней столице – переселяли. Эка невидаль! Нужны авторитетные доказательства – пожалуйста! Мархабат! Ученые что угодно докажут. Писатели, как надо, напишут. Художники намалюют, киношники – снимут, актеры – сыграют, спонсоры – оплатят.

Вот такая история! Тауарих!

И вы хотите, чтобы я продолжал читать, смотреть, слушать эту дребедень?! Вам угодно мне на уши лапшу-кеспе вешать?

Извините! Сыт! По горло!

Так вам еще хочется, чтобы народ воспринял эту бодягу за правду?!

Куатит! Не ищите дураков!

Пусть этой мутью тешат себя власть предержащие, коли им это так по душе. И пусть продолжают стряпать галиматью те, кто за нее получает ордена-медали, премии-побрякушки.

Доколе врать?!

Мне лично казахские исторические романы осточертели, обрыдли до дурноты. Умозрительная стряпня в угоду идеологии и политики временщиков меня ныне не прельщает.

* * *

Казахов это ни с какого бока не затрагивает, а для тех, кто относится к племени так называемых российских немцев, дата весьма знаменательная: двести пятьдесят лет тому назад – а именно 22 июля 1763 года – были обнародованы законодательные акты – «указ об учреждении Канцелярии опекунства колонистов» и «Манифест о дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах».

Этим было положено начало крупных исторических новшеств в России.

Это было началом большой людской трагедии, которую российские (а позже советские) немцы перенесли-пережили с лихвой.

Кончилось все плачевно: ограничениями, унижениями, издевательствами, гонениями, извращениями, глумлениями, депортацией, трудармией, ссылками, целевым истреблением этноса.

О том написан монблан литературы.

Пепел Клааса стучит в наших сердцах.

Началась с массовых потоков в Россию, соблазненных посулами инородцев, а кончилось полным крахом и разочарованием,

массовым исходом из России. Замкнулся исторический круг. Захлопнулась ловушка. Получилось: «И голым в Африку пущу». Российские немцы на новой родине оказались пасынками и изгоями. Выжали, однако, из них все, что можно было выжать – и пот, и кровь, энергию и силу, порядочность и трудолюбие, преданность и послушание.

В числе первых переселенцев в поисках мира и счастья пожаловал в Руссланд с женой и двумя детьми мой сорокалетний предок в восьмом поколении Андреас Бельгер. От него пошли российские Бельгеры. Мало кто из его потомков уцелел. Один из них я, доживаю свой век уже не в России – в Казахстане, где в годы лихолетья обрел приют и опору.

Как я должен отмечать эту круглую дату?

Торжественно или скорбно?

Я слово в слово повторяю вопрос оплакивавшего свою измытаренную социальными катаклизмами родину русского писателя:

«За какой грех или за какую смертную вину?» («Взвихренная Русь»)

Нет ответа.

Уцелевшие, не уезжавшие на прародину потомки тех немцев просят правительство России помочь провести в 2014 году общенациональный съезд российских немцев, чтобы восстановить историческую справедливость – реабилитировать народ.

Мне это нужно?!

Зачем же Путину отдуваться за сталинские грехи и злодеяния?

Смешно!!

Реабилитировать меня должен был тот, кто огульно репрессировал. Не так ли?

Это надо было сделать еще в начале 50-х годов прошлого века, когда еще царствовал усатый вождь!

Тогда это было бы понятно.

И даже на исходе 80-х годов XX века еще теплилась надежда на реабилитацию. Я лично получил справку о реабилитации в 1994 году, когда был депутатом Верховного Совета Казахстана XIII-го созыва.

Обхохочешься!

Теперь, спустя семь десятков лет после депортации, после всех унижений, физического и морального истребления народа, в дождливую весеннюю ночь начхать я хотел на эту реабилитацию с балкона четвертого этажа! От скорби и возмущения я не нахожу подобающих слов ни по-русски, ни по-немецки. И потому говорю по-казахски: басыңа шайнап жақ! (По смыслу и по эмоциональной выразительности это примерно означает: «Свою мерзкую жвачку намажь на свою паршивую голову!») Меня репрессировали воровски и подло, а иллюзорная реабилитация – еще бóльшая подлость.

Подавись!

А великая прабабушка наша, русская Кайзерин Екатерина Вторая – верю! – хотела всем нам добра. Не получилось. Как всегда. Получилось только у Иосифа-Усача.

Круглая дата наводит на неоднозначные думы.

Всякое было. Не только дурь и горе.

Как у Алексея Ремизова в «Взвихренной Руси»:

Был голод, было и изобилие.

Были козни, была и милость.

Был застенок, был и подвиг: в жертву приносили себя ради счастья народного.

Было унижение, была и победа.

Это сказано о Руси. Святой и взвихренной.

А немцы российские были с русскими вместе 250 лет.

И больше. Ибо осколки и ныне еще вместе.

Значит, и они, мои соплеменники, изведали все лихо сполна.

Было, было...

Весенней дождливой ночью я стою на балконе и думаю свою горькую думу...

март 2013 г.

* * *

Из газет: ежегодно из НДП «Нуротан» исключают до 12 тысяч человек.

Что и говорить: факт отрадный. Это надо приветствовать. Но справедливее было, если бы из «Нуротана» исключали в год хотя бы по 50 тыс. человек. Тогда за десять лет можно бы было прилично очиститься. К этому, думаю, идет. Уж коли КПСС развалилась, то «Нуротану» сам бог велел.

* * *

Я ведь нередко пишу об опусах «наших» немцев, перебравшихся в фатерланд. Они «там» от безделья и тоски почти все пишут. А что? «Социалка» позволяет, а компьютером овладели все. Ну, и присылают свои изделия мне на «Gutbeachtung», убежденные, что мне в Казахстане только и осталось, что усердно читать их. Я и читаю. Случается, даже пишу, как мне кажется, объективно и оцениваю их труды по достоинству.

Правда иногда брюзжу-сетую по поводу их нежелания писать – тут я вынужден цитировать себя – «...об их непростом пути в идентификации и интеграции, во вхождении в новую жизнь, новую судьбу... В чем дело? Живут в благополучной, цивилизованной, свободной стране, а питают свое творчество воспоминаниями, реалиями, языковой стихией, давними проблемами бывшей родины, которая осталась за шестью перевалами, за семью холмами. Странно...»

Эту мысль я выражал в разных вариациях не однажды. Прочел это мое нарекание мой земляк по Волге и почти ровесник Курт Гейн, бывший алтайский механизатор, художник и журналист, пишущий дельные, сочные рассказы о нашем, советском, житье-бытье, задумался и поделился со мной своими соображениями.

Вот что он пишет:

«Да, дилемма. Мои попытки писать **про здесь и сейчас** всегда кончаются **про там и тогда**. Для ясности шлю тебе свои «попытки». Я их про себя «сарказмами» называю.

Тут-то – дай Бог каждому. Европа! Но мы-то тамошние. В нас эта Азия генетически угнездилась. Зудится. А тут ни баллон не взорвется, ни труба не разморозится, в подъезде никто не мочится и гвоздем на дубовой двери извлечь корень из теоремы Ферма

не пытается. Соседи тихие, вежливые. Гвозди в стенку после девяти вечера не забивает, стирку на балконах не сушат, газоны по воскресеньям не косят, семейные торжества без топота и свиста справляют.

А если «наши» сабантуйчик на втором этаже затевают, то они не бегут трехэтажно увещевать die Russen und Kasachen соблюдать **порядок**. Нет-нет! Тихо вызывают полицию, которая тех вежливо штрафует и вручает квиток с указанием, сколько и за что с них стребовано, и что может случиться при повторении подобного. Окосевших обязательно спросят, нет ли нужды в медицинской помощи, и с улыбкой пожелав компании веселого вечера тихо удаляются.

А наши: «У, буржуи! Стукачи! Нет, чтобы по-соседски прийти, сказать и выпить на брудершафт – сразу к мусорам. Соседи называются».

Про здесь и теперь будут писать те из наших, которые здесь учились и повзрослели...»

Прошу прощения за длинный, но весьма живой, колоритный отрывок из письма Курта Гейна, а ведь он прав, он точно нащупал болевой нерв. «Наши» и «там» могут писать только про то, что было некогда «здесь», у нас, в прошлом. О «тамошней» жизни могут и должны писать их дети и внуки, если они вообще когда-либо будут писать. А нынешние «наши» там, в Европе, скорее всего, чужаки, пришельцы, скифы и гунны, и их писания, понятно, «там» никому не нужны – ни тематика, ни язык, ни проблемы. Не нужны все это даже их детям и внукам. У них уже другие интересы и представления, другие заботы и стремления.

Так что, видимо, я не прав, требуя от своих соплеменников в Германии невозможного. Им ведь не с руки писать об интеграции и идентификации, хотя они и живут «там» десятки лет. Они обречены писать только о том, что видели и переживали в стране, которая исчезла, сгинула, рухнула и что мы, живущие здесь, и без них прекрасно знаем.

Вот трагедия человеческой судьбы и литературы, расколотой этой самой судьбой.

Мой соплеменник и бывший соотечественник попал тут в самую точку.

* * *

Считается, что Москва – довольно культурный город. Действительно, где еще столько очагов культуры, как в Первопрестольной? Однако, по официальным данным 40 процентов москвичей ни разу не бывали в театрах, а 60 процентов в музеях. Театры и музеи, оказывается, посещают главным образом приезжие.

Думаю, что нечто похожее происходит и в Алматы и Астане. Даже среди моих знакомых таковых множество.

* * *

Женщины часто сетую на мужчин. Дескать, они все трусы. Но какие же они трусы, если без боязни – средь бела дня – запросто берут миллионные взятки?! Это же настоящее геройство, бесстрашие. Они не боятся ни тюрьмы, ни лишения карьеры, ни позора. Хватают, не оглядываясь. По-казахски это называется жүрек жұтқан батыр. Более того, в печати просочились сведения, что наши коррупционеры по алчности превосходят российских в два раза. Иначе говоря, казахстанские взяточники в два раза смелее российских. Ал, керек болса! Казахстанки должны петь «аллилую!» безумству храбрых.

* * *

С 1976 года мы с легендарным народным артистом, обладателем всевозможных званий, премий и регалий Юрием Борисовичем Померанцевым обитаем в одном двенадцатиэтажном доме. Между нами пролегает лишь один этаж. В 2013 году Ю.Б. исполнилось 90 лет. Он мобилен, деятелен; регулярно, с большим успехом выступает на сцене «Лермонтовки». Его искренне любят, почитают, им гордятся. Он давно превратился в алматинскую достопримечательность.

Разумеется, мы нередко встречаемся, обмениваемся новостями, беседуем о том, о сем – о литературе, культуре, театре, политике,

текущей жизни. Собеседник он живой, любопытный, темпераментный. Суждения его неожиданны, нестандартны.

Впервые я его увидел на сцене в 1958 или 59-м году в роли шута в «Короле Лире» С того времени и запомнил его колоритную фигуру.

Все наши беседы – даже на самые печальные, горестные темы – неизменно заканчиваются одной и той же репликой Юрия Борисовича:

– А-а... – и короткий взмах рукой, – работать надо!

Эта реплика звучит в его устах как заклинание, как лозунг, как панацея от всех неурядиц и бед, как программа к действию.

Я эту реплику взял на вооружение.

Приходит ко мне, скажем, кардиолог. Щупает, прослушивает, кардиограмму листает, хмурится.

Утешать нечем.

Заходит эндокринолог: пәлен да түген, анау-мынау, жаман-плохо.

Терапевт озабочен: во мне угнездились сплошные «иты».

Уролог: ойбой, айналаин, швах, швах...

Я их всех выслушиваю, убеждаюсь, что у меня недостаточность сердечная, почечная, сексуальная и умственная. И говорю себе, сделав резкий жест рукой.

– Э, мейлі!.. Работать надо!

Хватаюсь за ручку и начинаю шкрябать. Пока перо бежит по бумаге – я здоров, никаких болячек не чувствую.

И теперь охотно передаю всем универсальный совет Юрия Борисовича:

– А-а... Работать надо!

* * *

Раньше брали, что́ плохо лежит. Нынче это не срабатывает. Надо брать «урывками» и «с наскока». Таков высший пилотаж.

Иногда я думаю, почему наши хваты не карабчат солнце и луну. Просто те слишком высоки, а у коррупционеров загребущие руки не доходят.

* * *

Знакомый писатель, бывший волжанин, потом сибиряк, теперь уже лет двадцать живущий в Германии, уверяет, что российских немцев ныне в Дойчланд более двух миллионов. Вероятно, он эту цифру не с потолка взял. Демографический прирост в Германии обеспечивают главным образом российские немцы. По официальной статистике из России за 1992-2012 годы переехало в Германию 702211 человек, из Казахстана – 927424.

В основном, кто хотел – уехал. Теперь происходит спад переселенцев. Печать наша охотно пишет о возвращающихся назад. Увы, таких мизер. Они погоды не делают.

* * *

Мой коллега Дулат Исабеков где-то в шутку сказал, что у казахов осталось только два дела: писать и петь. В смысле: все повально писатели и певцы. Шутка шуткой, а доля правды в ней велика. Открываешь газеты-журналы – сплошь писатели и акыны. Выйдешь за угол дома – волокут свои книги. Читай и оцени! Включаешь телевизор – все поют: и соло, и дуэтом, и трио, и квартетом. Диву даешься! Не знаешь, радоваться или огорчаться. А сколько философов, экономистов, юристов, докторов, профессоров, академиков! Ойдойт! Ни у какого народа нет столько! Явный перебор. Перекос! Попробуй тут строить гармоничное государство...

* * *

Совсем задурили мою немецкую башку историки, литераторы и разные доморощенные всезнайки, заполонившие газеты и журналы Потрясателем Вселенной.

Одни долго и нудно доказывают, что Чингисхан – монгол.

Другие еще более долго и нудно внушают мне, что Чингисхан – казах из рода Жалаир. Казахи почему-то на этом помешаны. Третьи уверяют, что он – китаец. И только!

Четвертые ухмыляются: да он же японец!

Пятые намекают, что он был рыжебородый, синеглазый славянин. Шестые убеждены, что он был родом из тюркских племен и говорил-то на тюркском наречии.

Седьмые – ойбой, свихнуться можно,

А о том, где он захоронен, версий и того больше.

И все знатоки. Аргументов пруд-пруди.

Интересно, сколько я прочел за свою немалую жизнь толстых и тонких книг о Чингисхане – от Яна до Магауина? Три десятка наверняка будет. А сколько газетно-журнальных статей прочитал? Пожалуй, за сотню потянет.

И совсем запутался. В голове туман, мрак.

Одно только совершенно очевидно, что немцем он не был. И то слава Богу. Уже немного легче.

* * *

Дискуссии порой вспыхивают на ровном месте. И страсти можно гасить только шуткой. Даже глупой.

Не помню точно, когда только происходил этот случай (для этого надо порыться в моих дневниках), но было это еще в бытности ЦК КП Казахстана. Заведующие Отделами культуры и пропаганды – Камал Смаилов и Альберт Устинов – пригласили как-то в ЦК группу деятелей культуры для разборки одной статьи в какой-то газете. Автор той статьи (кажется, некто Кибиров, но я могу за давностью лет ошибиться) утверждал, что уйгуры являются автохтонами Семиречья, а потому Алматы можно считать столицей уйгур. Казахи, разумеется, возмутились. Начался сыр-бор. В дискуссии участвовали десяток уйгур (помню, среди них находился и композитор Куддус Кужамьяров, историки, филологи, культурологи) и два десятка казахов (запомнился особенно темпераментный, неистовый Сакен Жунусов).

Из инородцев присутствовали Морис Симашко, Иван Щеголихин, Хан Дин, и я.

Обе стороны выкладывали свои аргументы. Вначале степенно, потом запальчиво.

Со стороны все казалось нелепым, несуразным. Но страсти разгорались не на шутку.

– Автохтоны Семиречья – казахи, – утверждали казахи.

– Культура уйгур более древняя. Автохтоны – уйгуры, – настаивали уйгуры.

– Алматы – столица казахов, – заявляли первые.

– Как бы не так! – горячились вторые. – Алматы – столица уйгур!

Казалось, спору этому конца краю не будет. Айтыс выходил за всякие рамки. Вижу: Камал и Альберт в растерянности. Им Кунаев велел положить опасному разговору конец. Но разве крикунов угомонишь?

Я попросил слово.

– Почтенные! – сказал я вполне серьезно. – Еще в XII–XIII веках, когда здесь не было ни казахов, ни уйгур, по Семиречью шастали немецкие путешественники. Именно они впервые описали его ландшафт и население. Предполагаю, что немцы и были автохтонами Семиречья. Если не немцы. То выходцы из западных стран.

Обе стороны вспыхнули боялычом на костре.

– Эй! Мынау не дейді: Что он мелет?!

– Здесь немецкого духа и в помине не было!

– Отдельные бродяги не в счет.

– Здесь казахи кочевали.

– Казахи кочевали, а уйгуры оседло жили.

– Эй! – кипятился Сакен Жунусов. – Ты нам зубы не заговаривай! Ишь, умник нашелся! Скажи прямо. Алматы – столица казахов или уйгур?!

Сакен яростно на меня насел, что и меня понесло.

– Алматы – столица немцев!

– Вот трепло!

– Откуда он взялся? Зачем его сюда пригласили?

– Что он понимает?!

– Тогда, по-твоему, где столица казахов?

– Талгар! – закусил я удила.

Все на миг онемели. Камал и Альберт разинули рты. Видно, соображали, куда я клоню.

Симашко хохотнул. Щеголихин крякнул.

Потом все разразились хохотом. Смеялись долго и дружно. О дискуссии, казалось, забыли.

– Если будем продолжать, то Симашко докажет, что Алматы – столица евреев.

– А что? Подал голос Морис Давидович. – Замминистра культуры Исаак Иванович Попов говорил мне, что в 1937 году в его классе был только один казах, а евреев было семь, остальные русские, украинцы, дунгане и двое китайцев.

– Астафиралла! Ну, вот, вот! Теперь еще Хан Дин заявит, что с 1937 года Алматы является столицей корейцев.

Хан-Дин привычно хихикнул.

– А что Щеголихин скажет?

– Скажу, – степенно молвил Иван Павлович, – что вся эта дискуссия – бред сивой кобылы.

Наступила тишина.

– Ну, что ж... Поговорили и ладно, – подытожил Устинов.

– Вопрос ясен, – поддакнул Смаилов.

И все дружно-мирно бросились к выходу.

Пар вышел.

– Молодец! – шепнул мне у входа Камал. – Тауып кеттің. Сразу потушил пожар.

Такой вот эпизод.

* * *

Несколько лет назад Казахстанский ПЕН-клуб удостоил нашего давнего друга из Берлина Леонарда Кошута своей премией за пропаганду казахстанской литературы в Германии. Это был восьмой приезд Лео в Алматы (В скобках замечу, что будучи зав. отделом советской литературы в ГДР-овском издательстве «Фольк унд Вельт» он объездил почти все республики СССР). Лео пребывал в приподнятом настроении, был окружен заботой и вниманием

многочисленных литераторов. Он снискал доброе имя как поэт, переводчик, эссеист, критик, издатель, редактор. А главное – дивный человек.

И в день Победы 9-го мая я повел его в парк 28-ми героев-панфиловцев к Вечному огню.

Праздник святой. В парке многолюдно. Цветов море. Всюду звучат песни военных лет. В палатках угощают солдатской кашей. Там-сям встречаются в парадном ветераны, увешанные ратными наградами. Молодая поросль подносит им букеты и ленточки. Праздничная круговерть. Шумно. Торжественно. Буйно. Душа нараспашку.

Вижу: Лео взволнован, тотчас заразился общим ликованием, беспрестанно щелкает аппаратом. В Германии ему такое видеть не приходилось.

К тумбе памяти павших в боях за Киев он пробился особенно настойчиво. В Киеве он воевал. Под Киевом в детстве жил. Мама его украинка, отец – австриец. Гримаса судьбы: воевать выпало в гитлеровском стане. А таланты пригодились в ГДР, о которой он поныне вспоминает с почтением и любовью.

Лео – бравый мужчина, высокий, стройный, подтянутый, добрый и приветливый, моложавый. Я моложе его на 11 лет, но неказист, невзрачен, болезнен, хром. Опираюсь на трость, а грудь моя украшена орденом «Парасат» (очень горжусь, что я этот орден первым получил в Казахстане). Понятно, что молодежь принимает меня за ветерана. Девчушки и ребятишки вручают мне букетики и поздравляют с Победой.

Лео долго любуется Вечным огнем, храмом. Скуластенький, опрятный, милый казашонок, издали улыбаясь, тянет мне букет.

– Вручи моему спутнику, – говорю ему по-казахски.

И он преподносит букет Лео. Он оторопел, оробел, растерялся на миг, потом торжественно прижал букет к груди.

Мы молча продвигаемся сквозь толпу к трамвайной остановке.

В трамвае с нас билетов не требуют. Опять поздравляют, уступают нам место. Ветерану войны, берлинцу Лео Кошуту, и ветерану тыла, аульному немцу родом с Поволжья.

Все мы братья. И сердца наши бьются в унисон...

Я записываю тот эпизод и вспоминаю, что ныне, в 2013 году, моему старшему другу исполняется 90 лет. Долгие лета, Лео!..

* * *

Время от времени уже многие годы он звонит мне, как всегда напористо, стремительно, будто с наскоку.

– Оу, ағасы, мал-жан аман ба? Хал-жағдайыңыз дұрыс па? Ауру-сырқаудан аулақсыз ба? О, шүкір, тәуба! Құдай қуат берсін!

– Ассалаугалейкум, қажеке! – откликаюсь, стараясь его направить в умеренное русло.

Но он верен себе. Говорит коротко, отрывисто, бурно, как на митинге. О нем говорят неоднозначно. Потому что он сам неоднозначный человек. Некоторых раздражает даже его оригинальный прикид. Даже увесистый посох паломника – аса таяқ. Я же отношусь к нему уважительно, ибо намерения его благородные и цели высокие. Он темпераментно служит Аллаху. Он убежденный борец с коррупцией, с насилием, неправдой. Он ярый радетель казахского Духа. Он прекрасно разбирается в текущей политике, хотя делает вид, что держится от нее подальше. В своих пристрастиях он неуемен, бескомпромиссен. Мысли и настроения свои выражает открыто, броско, плакатно, бесшабашно, буйно. Он обладает своеобразной харизмой. Потому что он честен и искренен. Им руководит вера в Истину и Справедливость, в подлинное и нравственное.

Не все его понимают и воспринимают.

Я, думаю, понимаю.

И верю в его гражданскую и духовную миссию при всей его экстравагантности.

Так я воспринимаю его воинственный, грозный клич: «Аттан! Аттан!»

Таков он уникальный, ни на кого не похожий. Амантай қажы.

* * *

Знакомая дама из Актобе – Жаманкулова Разия Сагинтаева (мне она представилась при встрече просто Розой) – прислала мне

составленные и изданные ей два тома афоризмов и изречений. Все это огромное разнообразие она распределила по темам: человек, труд, мудрость, знание, язык и слово, дружба и вражда, достоинство, любовь и ревность, брак и семья, любовники, родственники, пороки, богатство и бедность, истина, правда, гнев, искусство и еще очень-очень многое.

Большой труд. Полезный труд. Мысль рождает мысль. Книги эти можно читать-листать с любой страницы. Сколько угодно мудрости, глупости, откровений и банальностей, плоских трюизмов, остроты и серых ремарок.

Читаю. Перечитываю. Осмысливаю. Вникаю. И прихожу к выводу: обо всем все сказано. Давным-давно. Исчерпывающе. И не надо ничего выдумывать. Конечно, что-то, возможно, можно выразить ярче, лапидарней, острее, свежей. Но это трудно.

Так, может, вообще ничего уже не писать и не выдумывать, коли за тысячелетия все сказано и посильно оформлено?

А то пишешь, пишешь, шкрябаешь, думаешь, что сказал что-то свое, а о том, оказывается, уже сказано то ли в Египте до новой эры, то ли еще в древней Греции.

Меняются только ситуации, конъюнктура, а суть человеческая все та же.

Вот эту очевидную истину и доказала актюбинская Роза-Разия своим двухтомником. Значит, потрудилась она на славу. А литературы она перелопатила – уму непостижимо.

* * *

Ночью подумалось: а вообще-то в основном я уже приехал. И спешить мне уже в сущности некуда.

На этой ноте я и заканчиваю двадцать вторую тетрадь своих «Плетений».

Может, пора остановиться?..

22.03.13

СОДЕРЖАНИЕ

Тетрадь восемадцатая 5

Тетрадь девятнадцатая 53

Тетрадь двадцатая 115

Тетрадь двадцать первая 187

Тетрадь двадцать вторая 271

Герольд Бельгер

Плетеные чехлы

ТОМ
2

Выражаем благодарность
Тульбасову Серику Карабековичу

Координатор проекта
Канат Торебай

Тех. редактор
Саят Акылов

Корректор
Жазира Нургожина

ISBN 978-601-06-4567-7

9 786010 645677

ИП «Спанова А.Б.»

Подписано в печать 18.09.2017 г.
Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 22,0. Тираж 5000 экз.
Заказ № 2892.

Отпечатано с файлов заказчика
в ТОО «Полиграфкомбинат»
Республики Казахстан,
050002, г. Алматы, ул. Макатаева, 41.